

Торстейн Веблен

Теория праздного класса

«Теория праздного класса»: Прогресс; Москва; 1984

Аннотация

Автор — крупный американский экономист и социолог является представителем критического, буржуазно-реформистского направления в американской политической экономике. Взгляды Веблена противоречивы и сочетают критику многих сторон капиталистического способа производства с мелкобуржуазным прожектерством и утопизмом. В рамках капитализма Веблен противопоставлял две группы: бизнесменов, занятых в основном спекулятивными операциями, и технических специалистов, без которых невозможно функционирование «индустриальной системы». Первую группу Веблен рассматривал как реакционную и вредную для общества и считал необходимым отстранить ее от материального производства. Веблен предлагал передать руководство хозяйством и всем обществом производственно-технической интеллигенции. Автор выступал с резкой критикой капитализма, финансовой олигархии, праздного класса. В русском переводе публикуется впервые.

Рассчитана на научных работников, преподавателей общественных наук, специалистов в области буржуазных экономических теорий.

Торстейн Веблен и его книга «Теория праздного класса» (Вступительная статья)

Автор книги «Теория праздного класса» Торстейн Веблен, крупный американский экономист и социолог, является основоположником одного из главных направлений современной буржуазной политической экономики — институционализма. Это направление

возникло на рубеже XIX и XX вв. в ведущей капиталистической стране, США, в период вступления американского капитализма в стадию империализма. Довольно большое распространение институционализм получил уже в 20-е годы нашего столетия. Представителями раннего институционализма, помимо его создателя Т. Веблена, были американские экономисты У. Митчелл, Дж. Коммонс, А. Берли, Э. Богарт, У. Гамильтон, Г. Минз, Р. Тагвелл.

В эволюции американского институционализма с точки зрения его значимости в буржуазной экономической науке можно наметить такую периодизацию: в 20—30-е годы наблюдалось широкое распространение институционализма; в 40—50-е — уменьшение его влияния (хотя и в эти годы такие представители этого учения, как А. Берли, Г. Минз, Дж. М. Кларк, А. Лоув, К. Эйрес, опубликовали ряд работ, развивая собственные концепции); начиная с середины 60-х годов и по настоящее время отмечается усиление влияния институционализма и увеличение интереса к нему.

Представители современного институционализма, или неоинституционализма, — это известные американские буржуазные ученые Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, У. Росту, О. Тоффлер, Р. Хейлбройер, шведский экономист Г. Мюрдаль, французский экономист Ф. Перру и многие другие. С 1965 г. в США функционирует специальная ассоциация институционалистов, имеющая собственный печатный орган. В буржуазной литературе 70-х годов появились крупные исследования об институционализме. Достаточно назвать, например, монографии видного американского экономиста А. Гручи «Неоинституционализм и его вклад в современную экономическую мысль», известного английского исследователя Д. Секлера «Торстейн Веблен и институционалисты»¹, наглядно свидетельствующие о масштабах влияния данного направления буржуазной экономической науки. В 1978 г. в Нью-Йорке состоялся симпозиум американских экономистов и социологов, специально посвященный перспективам развития институциональной экономической теории.

Термин «институционализм» связан с двумя понятиями: «институция» — установление, обычай, порядок, принятый в обществе, и «институт» — закрепление обычаев и порядков в виде закона или учреждения. Разделение этих понятий достаточно условно, так как в концепциях институционалистов они имеют чрезвычайно широкое и размытое содержание. Теоретик институционализма У. Гамильтон дает следующее определение: «Институты — это словесный символ для лучшего обозначения группы общественных обычаев. Они означают преобладающий и постоянный образ мысли, который стал привычным для группы или превратился для народа в обычай... Институты устанавливают границы и формы человеческой деятельности. Мир обычаев и привычек, к которому мы приспособляем нашу жизнь, представляет собой сплетение и неразрывную ткань институтов»².

Практически идеологи институционализма относили к институтам как категории политической и правовой надстройки общества, так и экономические явления — государство, семью, нравы, предпринимательство, частную собственность, систему денежного обращения, кредит и многое другое. По существу, концепция «института» выступает как вспомогательный инструмент. Введение этого термина лишь отразило характерное для идеологов данного направления стремление изучить неэкономические явления. Впоследствии термин «институт» утратил свою ключевую роль, в известной мере сохранив свое значение в качестве указания на этимологическую основу названия направления в целом.

Скрывающаяся за терминологией институционалистов концептуальная

---

¹ A.G. Gruchy. Contemporary Economic Thought. The Contribution of Neo-institutional Economics. Clifton, 1972; D. Seckler. Thorstein Veblen and the Institutionalists. London, 1975.

² W. Hamilton. Institution. Encyclopaedia of the Social Sciences. New York, 1932, v. VIII, p. 84.

неопределенность связана с аморфностью теоретических предпосылок идеологов институционализма. Это создает некоторые трудности при анализе и не позволяет установить жесткие границы институционализма как течения. Он никогда не был однородным направлением, представители которого были бы объединены достаточно узким кругом идей. Напротив, его теоретики выступали с широким диапазоном гипотез, оценок, мнений по вопросам не только экономическим, но и правовым, философским, историческим, социологическим, психологическим и пр. Тайной в истории экономической мысли называется институционализм Д. Секлера, подчеркивая, что именно стремление раскрыть «секрет направления», найти «тайну институционализма» и движет им в его исследовании³. Кажущаяся таинственность институционализма — это, на наш взгляд, лишь отражение эклектичности данного направления, вобравшего в себя сложный набор концепций.

Институционалисты осуществили необоснованное расширение предмета политической экономии за счет привлечения многих дисциплин; они пытались придать экономической науке междисциплинарный характер. Своеобразие институционализма состоит также и в том, что одновременно было разработано несколько направлений вульгаризации буржуазной политэкономии.

Появление институционализма отразило противоречивые тенденции, существовавшие в буржуазной политэкономии. Институционализм при его чрезвычайной сложности явился двойственным направлением: институционалисты предъявили серьезные требования к экономической науке и не сумели их реализовать, стремились найти выход из кризиса буржуазной политэкономии и одновременно углубляли этот кризис.

Вместе с тем возникновение институционализма — важная веха в истории развития буржуазной политической экономии. Практическая направленность институционализма, характерное для институционалистов стремление к реалистическому описанию социально-экономических процессов были восприняты в дальнейшем многими буржуазными экономистами. В советской «Экономической энциклопедии» ранний институционализм расценивается как один из «ближайших и важнейших предшественников кейнсианства»⁴.

В буржуазной литературе Т. Веблену отводится видная роль в развитии американской буржуазной политэкономии. Особенно высоко расценивается роль Т. Веблена в создании ее институционального направления. Действительно, в его работах были впервые сформулированы важнейшие положения институционализма. Именно идеи Т. Веблена в значительной степени определили и дальнейшую эволюцию этого направления. Анализ его работ, необходим для выявления идейных корней современного институционализма и для всесторонней критики этого течения буржуазной политэкономии.

Главный идеолог американского институционализма Торстейн Веблен — автор ряда фундаментальных экономических и социологических трудов. Наибольший интерес представляют следующие его работы: «Теория праздного класса. Институциональная экономика», «Теория делового предпринимательства», «Инстинкт мастерства и уровень развития технологии производства», «Крупные предприниматели и простой человек», «Инженеры и система ценностей», «Абсентеистская собственность и предпринимательство в новое время. Американский вариант»⁵. В два сборника, «В мире происходящих перемен» и «Место науки в современной цивилизации и другие очерки» (издан посмертно), вошли

---

³ D. Seckler. Thorstein Veblen and the Institutionalists. London, 1975.

⁴ Политическая экономия. Экономическая энциклопедия, т. 2. М., 1975, с. 28.

⁵ T. Veblen. The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions. New York, 1934. С этого издания сделан предлагаемый читателю перевод. Первое издание было осуществлено в феврале 1899 г. The Theory of Business Enterprise. New York, 1904; The Instinct of Workmanship and the State of the Industrial Arts. New York, 1914; The Vested Interests and the Common Man. New York, 1919; The Engineers and the Price System. New York, 1912; The Absentee Ownership and Business Enterprise in Recent Times. The Case of America. 1923.

основные статьи Веблена, написанные в разные годы его творчества⁶. У. Митчелл, ученик и последователь Т. Веблена, подготовил в последние годы жизни учителя подборку извлечений из его книг и статей⁷.

Основные работы Веблена неоднократно переиздавались в США. Его биография наиболее подробно излагается в книге Дж. Дорфмана «Торстейн Веблен и его Америка»⁸. Отметим, что до настоящего времени ни одна из работ Т. Веблена еще не была переведена на русский язык.

Родители Веблена, Томас Веблен и его жена Кэри, эмигрировали из Норвегии в США в конце 40-х годов прошлого столетия. Некоторое время Томас Веблен был фабричным рабочим, потом — плотником, а накопив определенную сумму денег, купил ферму и обосновался в норвежском поселении Като. На этой ферме 30 июля 1857 г. и родился шестой ребенок в семье Торстейн Бунде Веблен.

Образ жизни семьи Вебленов полностью подчинялся традициям норвежских земледельцев: бревенчатый дом с примыкающей пристройкой для скота, домашнее изготовление основных продуктов питания (кофе и сахар — недоступная роскошь!), простая одежда, тоже сделанная дома.

В 1865 г., когда Торстейну было восемь лет, семья переехала в местечко Уиллинг, где отец Веблена первым в округе купил для своей фермы молотилку, посадил фруктовый сад, занялся пчеловодством.

В 1874 г., в возрасте семнадцати лет, Торстейн поступает в Карлтонский колледж в Нортфилде. Колледж был религиозного направления, воспитывал миссионеров. Чтобы не платить за содержание детей, отец Торстейна купил маленький участок, примыкавший к территории колледжа, построил на нем домик, куда регулярно доставлялась провизия с фермы. Такое обособление, домотканая одежда и отсутствие городских манер в поведении вызвали презрительное отношение к детям Вебленов со стороны одноклассников. В колледже Т. Веблен провел шесть лет. Преподаватели его не любили за высокомерие и замкнутость. Исключение составлял профессор политэкономии Джон Кларк, который уделял своему ученику большое внимание и рекомендовал ему заниматься научными исследованиями. Из рефератов Веблена, написанных в период обучения в колледже, следует отметить два: экономический прогноз «Цена на пшеницу в пятилетней перспективе» и трактат по философии Дж. Милля. В колледже начался роман с его будущей женой Эллен Рольф, племянницей президента колледжа. У Торстейна и Эллен было безусловное духовное родство, общность интеллектуальных интересов.

Веблен закончил колледж на год раньше срока, сдав экзамены экстерном. В 1880 г. после окончания колледжа Т. Веблен получил место учителя в штате Мэдисон, но через год учебное заведение закрылось, он оказался без работы и поселился на ферме у отца. Спустя год он поступает вместе со своим старшим братом Эндрю в Университет Гопкинса, где изучает философию и политическую экономию. Вскоре после поступления в университет им была написана работа «Теория обложения земельными налогами у Дж. Ст. Милля». В Университете Гопкинса Веблен проучился лишь неполный семестр, так как не получил ожидаемую стипендию. Его отец берет для него заем в банке, и он поступает в Йельский университет. Существование Веблена в этот период самое скромное, на одежду нет денег, долги...

В течение двух с половиной лет пребывания Веблена в Йельском университете он

---

⁶ T. Veblen. *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays*. New York, 1919; *Essays in Our Changing Order*. New York, 1934.

⁷ *What Veblen Taught: Selected Writings of Thorstein Veblen*. Ed. by W. Mitchell. New York, 1936.

⁸ J. Dorfman. *Thorstein Veblen and His America*. New York, 1934.

занимается учением об эволюции, участвует в диспутах вокруг этого учения и пишет диссертацию «Этические основания доктрины воздаяния». Диссертация базировалась на работах Спенсера и Канта. В 1884 г. был объявлен конкурс на лучшую работу по «истории и теории распределения национального бюджета среди американских штатов». Остро нуждающийся в деньгах Веблен пишет такую работу и получает премию. В том же, 1884 г. Веблен получает за свою диссертацию ученую степень доктора философии и начинает поиски работы. Хотя у него имелись серьезная поддержка (письменные рекомендации проф. Кларка и проф. Йельского университета Портера), степень доктора философии, а также статьи в философских журналах, работы он не нашел. Преподаватели философии набирались из числа богословов. Для норвежца, и притом подозреваемого в приверженности теории эволюции, нигде не нашлось места. Веблен был вынужден опять вернуться на ферму к отцу. Там он подрабатывал литературным поденщиком в газетах и журналах, писал, по его словам, «опытные статьи», которые нигде не публиковались, занимался даже изобретательством в области сельскохозяйственной техники.

В 1888 г. состоялась свадьба Веблена с Эллен Рольф. После свадьбы они поселились на ферме отца Эллен, где Веблен занимался теорией единого налогообложения и сделал перевод исландской саги, которой он заинтересовался в связи с описанием позднесредневековых и раннехристианских обычаев среди германских народностей. Вообще он занимался в этот период жизни германской филологией, классическими языками и историей, увлекался ботаникой.

После очередных неудачных попыток получить место Веблен, уже в возрасте тридцати трех лет, был принят в Корнельский университет «для работы по соисканию ученой степени». Отделением экономики университета ведал Дж. Л. Лафлин, последователь Дж. Ст. Милля. Напечатанная в ежеквартальном экономическом журнале статья «Некоторые оставляемые без внимания вопросы теории социализма» обеспечила Веблену научную стипендию в размере 400 долл.

Осенью 1891 г. Лафлин был назначен заведующим кафедрой экономики в открывшемся Чикагском университете и устроил там Веблена с весьма скромным окладом 520 долл в год. Чикагский университет, в официальном названии которого значилось «основан Джоном Д. Рокфеллером», сразу стал заведением ультраконсервативным. В университете царил атмосфера «диктаторства президента» (ректора). Все реакционные и консервативные черты системы высшего образования, обрисованные Вебленом в «Теории праздного класса» и позже, в 1918 г., в работе «Высшее образование в Америке», были широко представлены в Чикагском университете.

В годы пребывания в Чикаго Веблен печатается в «Джорнэл оф политикл экономи», одном из тринадцати периодических изданий, открывшихся при университете. Веблен не входил в профессорско-преподавательский штат университета, а числился сотрудником для чтения лекций по экономике, на должности, которая была третьей от конца в тринадцатиступенчатом табеле о рангах в Чикагском университете. Вскоре на его плечи была переложена вся работа по редактированию «Джорнэл оф политикл экономи». Одновременно он переводит с немецкого для серии «Экономические исследования» работы по финансовой науке. Блестящее знание Вебленом немецкого языка вызывало удивление однокурсников еще в годы его учебы в Йельском университете.

В 1895 г., когда Веблену минуло уже 39 лет, его финансовые дела немного поправляются. Он начинает работать над книгой «Теория праздного класса». Веблен пишет своему другу мисс Харди в ноябре 1895 г., что первой книгой в списке запланированных работ стоит «Теория праздного класса» и он начинает «понемногу за нее браться»: «Отвожу для нее час-другой в день, приходится несколько пренебрегать для этого занятиями... По мере продвижения или, вернее, при попытке продвинуться все больше оказываюсь окруженным неслыханными экономическими доктринами, мною выдумываемыми, имеющими более или менее отдаленное отношение к главной теме; поэтому написав, что составит в отредактированном виде страниц, наверное, 50 или 60, я еще не дошел до

рассмотрения доктрины демонстративного расточительства, которая, конечно же, должна составить, по существу, ядро этой работы».

Чикагская действительность того времени, картина резкого контраста трущоб и дворцов, давала обильную пищу для работы над этой книгой. Летом 1896 г. Веблен побывал в Европе, где также собирал материал для готовящейся книги. В течение двух последующих лет он углубленно изучает Маркса, Дарвина, Спенсера; помимо статей в редактируемом журнале, печатается также в «Куотерли джорнэл оф экономи» и в социологическом журнале. Но главное внимание он уделяет «Теории праздного класса», неоднократно переписывая целые главы. Книга выходит в свет в феврале 1899 г.

К десятилетию Чикагского университета Веблен и Лафлин в юбилейной публикации изложили свои теории современного кредита и его роли в предпринимательстве. Центральный тезис работы Веблена состоял в следующем: «Кредит нужен только современному конкурирующему бизнесу, но никак не современному производству». Эта работа почти без изменений вошла впоследствии в книгу Веблена «Теория делового предпринимательства», которая вышла летом 1904 г. Как раз в это время Веблен среди прочих курсов читал в Чикагском университете курс по организации делового предпринимательства. Он публикует статью «Первые опыты в организации трестов», где утверждает, что корпорации в пиратстве и торговле рабами являются предшественниками современных трестов.

Книгой «Теория делового предпринимательства» как бы заканчивается цикл развития вопросов, изложенных в ряде его статей и в книге «Теория праздного класса»: истоки частной собственности, противоречие между производством и бизнесом, паразитическое потребление праздных классов, преимущества машинной техники. Однако «Теория делового предпринимательства» не вызвала такого интереса, как его первая книга, «Теория праздного класса». Некоторые отзывы были резко отрицательными. Так, обозреватель журнала «Нейшн» писал, что «Теория делового предпринимательства» приложима «лишь к некоторым, пользующимся печальной славой аспектам современной финансовой деятельности; она несостоятельна в ее предположении, что эти аспекты характерны для современного предпринимательства... Веблен не видит нормальных, здоровых сторон производства».

Вместе с тем популярность Веблена росла. Его биограф Дорфман пишет, что известность автора двух крупных книг, «Теории праздного класса» и «Теории делового предпринимательства», распространялась на гораздо более широкие круги, чем «элита экономистов и социологов», Студенты, которым он читал лекции, шептались в коридоре: «Вон идет доктор Веблен, который знает двадцать шесть языков».

В этот период Веблен ведет не только большую научную, но и педагогическую работу. По словам Дорфмана, Веблены жили просто, на 400–600 долл. в год. Лишь в 1903 г. заработок Веблена поднялся до тысячи долларов в год. Лекции занимали четыре дня в неделю. Жил Веблен рядом с университетом, вставал в девять утра, в десять начинались лекции, а после обеда его можно было видеть в факультетской библиотеке. Писать он начинал не раньше восьми вечера, а заканчивал часа в два ночи. В его комнате всего только и было что стол с лампой, несколько простых стульев да коробки вдоль стен, заменявшие книжные полки. По свидетельству студентов, читаемые Вебленом курсы носили всеобъемлющий характер, охватывали очень широкий круг проблем из самых различных областей. Самый известный курс его лекций — «Экономические факторы в цивилизации».

С августа 1906 г. Веблен назначается адъюнкт-профессором в Стэнфордском университете. За период с 1906 по 1910 г. он пишет ряд статей преимущественно по экономическим вопросам. В их числе «Социалистическая экономика Карла Маркса и его последователей», «Место науки в современной цивилизации»), «Экономика профессора Кларка», «Эволюция научной точки зрения», «О природе капитала» и др. В Стэнфордском университете Веблен не пользуется популярностью у студентов, на его лекции ходят единицы, поэтому повышение до «полного» профессора для него нереально. Живет он в

небольшом доме за городом, из окон видны горы и океан; катается верхом; занимается сельским хозяйством. Он дружит с семьей рабочих, дом которых — штаб-квартира радикалов и социалистов. К этому же периоду относится и увлечение марксизмом, которое длилось довольно долго, хотя марксистом Веблен так и не стал. В 1907 г. свою вступительную лекцию по курсу «Экономические факторы в цивилизации» Веблен полностью посвятил «Коммунистическому манифесту» К. Маркса и Ф. Энгельса и материалистическому истолкованию истории К. Марксом. Именно в это время ясно выкристаллизовывается его идея дихотомии, противопоставления производства и предпринимательства, «индустрии и бизнеса» — одна из главных идей Веблена.

В декабре 1909 г., четвертого года его работы в Стэнфордском университете, Веблен подает заявление об уходе. Преподавательская деятельность, бывшая для Веблена основным источником существования, на деле не слишком его привлекала, в частности, в силу того, что была сопряжена с административной работой, которой Веблен всячески стремился избежать. У Веблена появилась идея организации большой археологической экспедиции, которая дала бы новый фактический материал для его теоретических изысканий. О предполагаемой экспедиции он пишет докладную записку в Вашингтон с приложением сметы в 16–20 тыс. долл. Археологи заинтересовались его идеей, но в Вашингтоне необходимых денежных средств не нашлось, и экспедиция сорвалась.

В течение следующих семи лет, с конца 1910 по 1917 г., Веблен читает лекции в Университете штата Миссури (г. Колумбия). «Школа коммерции», как называлось отделение университета, готовила бизнесменов, преподавателей экономики и государственных служащих. Веблен читал четыре курса: «Финансы корпораций», «Тресты и их комбинации», «Экономические факторы» и «История экономики». Веблен был против экзаменов, игнорировал их и выставлял всем студентам «удовлетворительно». По воспоминаниям его слушателей, он обладал прекрасной памятью на факты, никогда не пользовался никакими записями — даже когда оглашал рекомендуемую литературу, диапазон которой был необъятно широк и включал экономику, географию, антропологию, этнографию, философию, биологию. Он цитировал наизусть латинские строфы, ошеломлял студентов неожиданными фактами. Когда кто-то из студентов спросил Веблена, является ли приведенный факт научным, он, просясь, с расстановкой произнес: «Я ничего не знаю о фактах другого рода».

В 1910 г. Веблен начал работать над книгой «Инстинкт мастерства и уровень развития технологии производства», которая вышла в свет в 1914 г. Этой книгой завершился цикл, начатый в 1898 г. статьей «Инстинкт мастерства и изнурительность труда». Развитие тезисов этой статьи в фундаментальное исследование началось в 1900 г., когда Веблен совершил поездку по рудникам Рокфеллера и писал потом в одном из писем о своем намерении написать книгу «Инстинкт мастерства». В том же, 1914 г. Веблен женился на Анне Брэдли, матери двух дочерей (развод с первой его женой произошел в конце 1911 г.). Двум приемным дочерям Веблен и посвятил книгу «Инстинкт мастерства», которой он сам придавал большое значение.

Летом 1914 г., перед самым началом первой мировой войны, Веблен едет в Норвегию, после чего продолжает работу над уже начатой новой книгой, «Империалистическая Германия и промышленный переворот». Ряд положений готовившейся книги он излагал студентам в начале очередного курса «Экономические факторы», и студенты говорили, что «пахнет новой книгой». Писал он ее необычайно быстро, в 1915 г. книга была опубликована. Сразу же после нее Веблен начинает работу над следующей. Это был особенно продуктивный период творчества для Веблена. Он последовательно завершал одну за другой разработки тем, поднятых в «Теории праздного класса». Объединяет все эти темы одна мысль: господство частного капитала пагубно для экономики и — в неизменной связи с современным производством — для всех сфер общественной жизни.

Книга «Высшее образование в Америке» имела в рукописи такой подзаголовок: «Исследование полного бесправия». После обсуждения рукописи при участии президента

Университета штата Миссури Веблен пришел к выводу, что ввиду нелицеприятного упоминания сильных мира сего, правящих американскими университетами, книгу можно печатать только после смерти ее автора. Однако книга все же вышла при жизни Веблена, в 1918 г., — в слегка смягченной редакции, с добавлением нового материала и подзаголовком, который гласил: «Меморандум о том, как бизнесмены управляют университетами».

Весьма актуальную тему поднимает Веблен в следующей книге, «Исследование характера мира и условий его поддержания». Он был так заинтересован в ее издании, что уплатил издателям 700 долл., чтобы книга смогла увидеть свет. В предисловии он говорит об Иммануиле Канте, написавшем в свое время работу «О значении мира». Поиски прочного мира сегодня, пишет Веблен, являются не менее первостепенным и подлинным долгом человека, чем они были во времена Канта. Центральный тезис книги — «либо бизнес должен исчезнуть — и тогда воцарится мир, либо бизнес будет сохранен ценой войн и обеспечения права частной собственности силой оружия». Книга вышла весной 1917 г.

Заслуживает упоминания эпизод, который приводит сосед Веблена Шепард. После вступления США в войну собирались средства в пользу «Ассоциации молодых христиан». Веблен отказался сделать пожертвование и заявил, что «Ассоциация» — «буржуазное, капиталистическое агентство, выступающее в защиту существующего порядка».

В октябре 1917 г. Веблен ездил в Вашингтон и в надежде, что он может быть полезен при разработке мероприятий, направленных на установление мира, добился встречи с военным министром правительства Вильсона, а также с Верховным судьей США. Однако он встретил холодный прием. Хотя визит в Вашингтон и разочаровал Веблена, он продолжал работать над проблемами мира. Веблен вынашивал идею создания международной организации и предлагал назвать ее «Лигой мирных народов». В правительственную комиссию Хауса, деятельность которой была связана с вопросами заключения мира, Веблен направил меморандум «Предложения, касающиеся рабочей программы исследования условий перспективного мира». Характерно, что в меморандуме Веблен подчеркивал необходимость выбора: либо благоприятствовать обогащению монополий, что будет угрожать установлению длительного мира, либо поддерживать мир ценой ущемления appetitов монополистического капитала страны.

Вторая крупная международная проблема, которая занимала Веблена в связи с идеей создания «Лиги мирных народов», — это проблема ограждения отсталых стран, и прежде всего колоний, от хищнической эксплуатации со стороны монополий. Веблен пишет второй меморандум — «Очерк политики контроля над экономическим проникновением в отсталые страны и иностранными инвестициями». В этом меморандуме Веблен предлагает организовать контроль над вывозом капитала. В ранее предложенную им лигу должны были войти развитые капиталистические страны, «отвечающие демократическим требованиям», и прежде всего Франция, Великобритания, США. Важной функцией лиги, по мысли Веблена, было сохранение ресурсов отсталых стран, предотвращение их расточительства. Для этого он предлагал, чтобы доступ частных предпринимателей и капиталистических монополий к национальным ресурсам колоний и других отсталых стран осуществлялся только на условиях аренды и на короткие сроки. Веблен считал, что в лигу не должны приниматься страны, «приверженные архаической системе-мошенничества в торговле». На такие страны лига должна была влиять посредством экономических мер: повышения налогообложения на экспорт или даже эмбарго на внешнюю торговлю.

Важной вехой в биографии Веблена явился 1918 г. когда он подготовил и сделал перед Национальным институтом общественных наук доклад «Об общих принципах политики реконструкции». Смысл реконструкции, по мысли Веблена, заключался в том, чтобы превратить Америку в страну благополучия для простых людей. Он считал, что происходящие в России события (Октябрьская революция) подтверждают необходимость преодолеть растущее несоответствие между правами частного капитала и условиями жизни простых людей. Здесь же он говорит, что по мере роста мощи промышленности надобность в «капитане индустрии» в лице капиталиста отпадает и его нужно отстранить от господства.

В начале 1918 г. Веблен, не получив пост ведущего экономиста в комиссии Хауса, берет отпуск в Университете Миссури для работы в Продовольственном управлении в Нью-Йорке, где он проводит около пяти месяцев. Его функции ограничивались преимущественно статистической обработкой полученных материалов, и он все больше убеждался, что для реализации его грандиозных планов по реконструкции экономики страны работа в Продовольственном управлении ничего не даст.

Незадолго до своего ухода из управления Веблен ездил в командировку по стране. Она была вызвана жалобами фермеров на недостаток средств и рабочей силы — многие молодые мужчины были на фронте. В командировке Веблен тяжело заболел, прервал поездку и вскоре, оставив государственную службу в Продовольственном управлении, вернулся в университет. Он печатает серию статей о положении дел на американских фермах и приходит к следующему выводу: «...причиной, почему война не кончена с победой для демократии, является то, что американский народ не решается потревожить частный капитал и сделать неограниченным использование всех ресурсов, включая рабочую силу».

Осенью 1918 года Веблен принимает предложение редактировать журнал «Дайэл» в Нью-Йорке. На один год, с октября 1918-го по октябрь 1919-го, «Дайэл» с его редакционной рубрикой «О программе реконструкции» становится трибуной Вебленовых идей. Первые из этих статей уже в 1919 г. вышли в форме книги «Крупные предприниматели и уровень развития технологии производства» — название, которое в новой редакции (1920) звучало как «Крупные предприниматели и простой человек». Субсидии журналу скоро прекратились, и «Дайэл» переквалифицировался в более рентабельный литературный журнал...

В октябре 1919 г. открылась «Новая школа социальных исследований», дававшая Веблену в начале ее существования самые многообещающие возможности для работы. Как декларировалось в проспекте школы, ее целью было «стремление к непредвзятому пониманию существующего порядка, а также тех обстоятельств, которые приводят к необходимости его пересмотра». Уровень преподавания был рассчитан на аспирантов, хотя никакой степени или диплома для поступления не требовалось. Штат преподавателей возглавляла «большая четверка»: Чарлз Бирд, Джеймс Робинсон, Весли Митчелл и Торстейн Веблен.

Веблен читал в школе свой знаменитый курс «Экономические факторы в цивилизации», а для избранных десяти человек — «Специальные исследования по экономическим факторам в цивилизации». Школа помещалась в простом красивом здании в саду в Чесли. Веблен жил в доме рядом со школой вместе с тремя другими преподавателями. По их свидетельству, они заботились о нем как о «капитале нации».

Коллега Веблена по работе в школе, Гарольд Ласки, писал, что до уровня бесед Веблен подпустил его только на вторую неделю знакомства, и беседы эти были интересны: «Он говорил тоном оракула, полушутя, высказывая суждения необыкновенные и саркастические о людях и о вещах. Я помню, в частности, его восхищение К. Марксом»⁹.

С начала преподавания в школе Веблен усиленно работает над проектом создания «совета технических специалистов». Совместно с двумя другими преподавателями школы, Леоном Ардзруни и Гвидо Марксом, Веблен готовит своеобразный курс по специальным функциям инженеров. Это был период его большого увлечения проблемой роли технократии в будущем общественном устройстве.

Через год после начала работы в школе Веблен почувствовал себя больным, утомленным лекциями. Студенты в начале учебного года заполняли его аудиторию до отказа, но их ряды значительно поредели к концу. Чтобы оправдать высокую заработную плату, нужно было поддерживать аудиторию в 70 человек, что было трудно, учитывая тихий голос Веблена. В это тяжелое для него время умирает его вторая жена.

Летом 1920 г. Веблен отдыхает в Калифорнии, после чего напряженно работает над

---

⁹ J. Dorfman. Op. cit., p. 450–451.

книгой «Абсентеистская собственность и деловое предпринимательство в недавнее время. Американский вариант». Как и предшествующие его книги, она включала ряд статей, предварительно опубликованных в журналах. В этих статьях усиливается критика финансистов и банкиров, их, по признанию Веблена, паразитической деятельности. Он считает, что кредит является «одним из обветшалых институтов, который путем преобразования должен выйти из употребления... Наверно, и банкир отживет свой век».

В 1921 г. в свет вышла книга «Инженеры и система ценностей», включившая в себя статьи, напечатанные ранее в журнале «Дайэл». Это — вторая по значимости книга после «Теории праздного класса». В ней Веблен формулирует одну из своих центральных идей — идею грядущего господства в обществе технических специалистов, свой прогноз о будущем капиталистического общества. Доказывая необходимость устранения от управления производством представителей финансового капитала, он находит естественным заменить их техническими специалистами. Ради прибыли «капитаны финансов» умышленно дезорганизуют производственный процесс, что приводит к увеличению безработицы, к отсталости производства и его неправильной организации. Игнорирование финансовыми магнатами насущных потребностей производства и преследование личных интересов фактически способствует созданию хаоса. Веблен считает, что вопросы производственной политики разумно оставить на усмотрение тех, — «которыми не управляет коммерческая предвзятость»¹⁰. Веблен считает, что необходимо создать компактную организацию, задачей которой являлось бы устранение производственного хаоса, расточительства, отсталости, которые несет бизнес. Автор рецензии на его книгу Макс Истманн писал в «Линберейтор»: «Будь Веблен инженером-консультантом его сатанинского величества, он бы и тогда не смог с более трезвой и мастерской точностью указать на больные места современной социальной и экономической системы»¹¹.

Однако тот же Макс Истманн, всегда восхищавшийся Вебленом, справедливо отмечает, что предлагаемый Вебленом «совет технических специалистов» можно считать абстракцией, интересной в качестве умственного упражнения, но не разрешающей проблемы «определения и организации движущей силы, достаточной для изменения самого хода истории».

В июне 1922 г. Веблен публикует в журнале «Фримен» свою самую резкую статью в отношении существующего строя. В ней он говорит, что после первой мировой войны и победы революции в России беспрецедентный размах приобрела борьба американского капитализма с прогрессивными силами внутри страны и за ее пределами. Веблен подводит читателя к выводу о том, что капитализм отныне обречен на манию преследования, вечный страх за свое существование. Вся страна напоминает психиатрическую клинику, говорит автор, и это — надолго.

В том же, 1922 г. в школе произошли резкие перемены. Источники финансирования иссякли, и школа лишилась материальной поддержки. Трое профессоров из «большой четверки» ушли в другие университеты. Веблен, чувствуя себя крайне уставшим, оставался на прежнем месте. Он мечтал о серьезном научном обосновании роли инженеров в обществе; по его подсчетам, нужно было примерно 40 тыс. долл. для проведения необходимой исследовательской работы. Но денег у него не было, а те, кто смог бы его финансировать, отнюдь не были заинтересованы в такого рода работе.

В 1923 г. выходит в свет его последняя книга, «Абсентеистская собственность и деловое предпринимательство в новое время». В очередной раз Веблен читает свой курс «Экономические факторы в цивилизации» весной 1923 г., и на этом заканчивается его преподавательская деятельность. Последней прижизненной публикацией была статья

---

¹⁰ T. Veblen. Absentee Ownership and Business Enterprise in Recent Times, p. 196.

¹¹ J. Dorfman. Op. cit., p. 460.

«Экономическая наука в обозримом будущем» (1925). Физические силы Веблена иссякали, и новых работ он уже не писал. Однако он сохранил пристальный интерес к событиям в мире и особенно напряженно следил за ходом Всеобщей британской забастовки 1927 г. Веблен ожидал, что эта забастовка приведет к необратимым изменениям, и был крайне разочарован ее крахом. По его словам, он потерял веру в «возможность установления нового строя мирным путем».

В субботу 3 августа 1929 г. Веблена не стало. Как пишет Дж. Дорфман, за полгода до смерти Веблен сказал своей соседке миссис Р. Фишер: «Естественно, все время будет развиваться что-то новое, но пока я не вижу лучшего курса, чем тот, что предлагается коммунистами»¹².

В найденных после смерти Веблена бумагах было высказано пожелание: «...чтобы в случае моей смерти мое тело было сожжено как можно более дешевым и целесообразным способом без обрядов и церемоний какого бы то ни было рода; чтобы мой прах был брошен в море или в какую-нибудь достаточно большую реку, впадающую в море...»¹³ Прах Веблена был развеян над Тихим океаном.

* * *

Предлагаемая читателю книга Торстейна Веблена «Теория праздного класса», как уже было сказано, является его первой монографией. Автор был тогда еще неизвестным преподавателем Чикагского университета. Подготовлялась и вышла книга в конце XIX столетия, когда, по словам В. И. Ленина, Америка становилась «...одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты, с другой»¹⁴.

Вступление США в период империализма ознаменовалось образованием мощной финансовой олигархии, для которой было характерно чудовищное по своим масштабам расточительство денежных средств на неслыханную роскошь. На ранней стадии развития капитализма, когда размеры производства были сравнительно небольшими и норма прибавочной стоимости была относительно невелика, капиталисты-предприниматели в США, как и в европейских странах, для осуществления накопления капитала ограничивали размеры своего потребления. Характерно, что вплоть до последней трети прошлого века среди американских предпринимателей получило распространение квакерство — религиозное течение, главным требованием которого были бережливость, скромный жизненный уклад, воздержание. В период же монополистического капитализма в условиях концентрации производства, огромных размеров капиталов, находящихся в распоряжении финансовой олигархии, присвоения монопольно высокой прибыли и широкого развития кредита создалась полная возможность для крупной буржуазии обеспечить высокую норму производственного накопления и при расточительном потреблении. Расточительство становится общепринятым для представителей финансовой олигархии и как важное средство доказательства платежеспособности данного капиталиста, как условие получения большого кредита. На фоне этих явлений и была написана книга о демонстративном расточительстве господствующих классов. Картину фантастического расточительства усугублял паразитизм крупной буржуазии. Она все больше утрачивала функцию непосредственного управления производством. Рос слой рантье, капитал-собственность отделялся от капитала-функции.

---

¹² J. Dorfman. Op. cit., p. 500.

¹³ T. Veblen. Essays in Our Changing Order. Ed. by Leon Ardzrooni. New York, 1934, p. V.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 49.

Именно расточительство и паразитизм праздных классов — главный идейный стержень книги Веблена, ее основа и лейтмотив.

Актуальность тематики, резкое осуждение праздных классов вызвали большой интерес к книге Веблена. Прогрессивная научная общественность США встретила книгу восторженно. Но оценки «Теории праздного класса» носили резко противоположный характер в разных идеологических лагерях. Так, член Социалистической партии США Роберт Ривес писал, что «Теория праздного класса» — это серьезный вклад в развитие общественной мысли. «В этой знаменующей эпоху книге Веблен, революционный иконоборец, разносит все условности буржуазного общества... Социалист не может не выражать удовольствия, не ликовать, понимая, что эта бомба изготовлена служащим Рокфеллера в Чикагском университете»¹⁵. Профессор экономики Пристонского университета Уинтроп Даниэлз писал в журнале «Атлэнтик мансли» в рецензии на книгу «Теория праздного класса»: «Веблен обладает сверхъестественной способностью проникновения в сущность патологических сторон буржуазного общества и предпринимательства, безжалостно ступая по язвам, которые вскрывает скальпель его критики». Прогрессивный профессор-социолог Л. Уорд назвал «Теорию праздного класса» одной из самых блистательных книг, изданных в стране. Одновременно появились и резко отрицательные рецензии. Так, журнал «Нейшн» в своем обзоре писал, что «Теория праздного класса» — это пародия на экономику, несправедливая клевета на нравственные принципы предпринимательства.

«Теория праздного класса» принесла Веблену шумную популярность. По словам Дорфмана, в течение всего нескольких месяцев после выхода книги статьи Веблена оказались везде, в журналах «Нейшн», «Даниэл», «Нью рипаблик», газеты сообщали о каждом слове, слетавшем с его губ. «Его читали все, кто претендовал на право называться интеллектуалом. Вебленизм сиял во всем блеске»¹⁶. В первое десятилетие после опубликования «Теория праздного класса» переиздавалась четыре раза. Известный американский экономист Стюарт Чейз, автор книги «Трагедия расточительства», писал, что «Теория праздного класса» вошла в классику социально-экономической литературы и, вероятно, останется самой популярной из книг Веблена.

«Теория праздного класса» включает 14 глав. Основные положения книги изложены в первых восьми главах, а в остальных шести они раскрываются на примерах экономики, религии, образа жизни, нравственных ценностей, системы высшего образования, спорта. Часть глав посвящена истории возникновения праздных классов, усилению их господства, генезису их демонстративного расточительного потребления. В этом нашел свое выражение характерный для Веблена конкретно-исторический подход к анализу социальных и экономических явлений. Но по существу, даже эти главы, как и вся книга, обращены к современной Веблену эпохе — началу империализма, когда, по определению В. И. Ленина, капитализм становится паразитическим, загнивающим, умирающим.

Требование исторического подхода в экономической науке явилось одним из важнейших положений Веблена (он возвращался к этой идее почти в каждой своей работе). Веблен писал, что экономическая наука должна быть «...исследованием живой истории материальной цивилизации». По его мнению, необходимо было осуществить изучение различных экономических и общественных институтов в их развитии, от момента их возникновения и до современности. Представляется бесспорным, что Веблен в определенной мере сумел реализовать исторический подход в своих работах. Он много занимался историей человеческого общества, анализировал возникновение частной собственности, классов, государства, стремился обнаружить в прошлом истоки тех противоречий, которые, по его

---

¹⁵ Цит. по: J. Dorfman. Op. cit., p. 328.

¹⁶ J. Dorfman. Op. cit., p. 423.

мнению, демонстрировал современный ему капитализм. Хорошо известно, что классики марксизма-ленинизма считали принцип историзма неотъемлемым свойством экономической науки. Еще в своей рецензии на книгу А. Богданова В. И. Ленин всячески подчеркивал основные достоинства исторического изложения¹⁷. Последовательное проведение идеи развития, изменения явилось сильной стороной теории Веблена.

Одновременно концепция развития Веблена имела серьезные недостатки. Он указывал, что в процессе развития возникают противоречия между институтами и внешней средой. По его словам: «Институты — это результат процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени». По мысли Веблена, несоответствие между уже сложившимися институтами и изменившимися условиями, внешней средой и делает необходимым изменение существующих институтов, смену устаревших институтов новыми. При этом пресловутое изменение институтов происходит якобы в соответствии с законом естественного отбора. Веблен писал: «Жизнь человека в обществе точно так же, как жизнь других видов, — это борьба за существование, а следовательно, это процесс отбора и приспособления. Эволюция общественного устройства явилась процессом естественного отбора социальных институтов. Продолжающееся развитие институтов человеческого общества и природы человека, как и достигнутый в этом плане прогресс, можно в общих чертах свести к естественному отбору наиболее приспособленного образа мысли и процессу вынужденного приспособления индивидов к окружению, постепенно изменяющемуся с развитием общества и социальных институтов, в условиях которых протекает человеческая жизнь». Таким образом, в трактовке Веблена общественно-экономическое развитие («эволюция социального устройства») предстает как реализация процесса «естественного отбора» разнообразных институтов.

С одной стороны, отдельные положения Веблена в какой-то мере соответствуют реальной действительности. Так, Веблен правильно указывал на существование противоречия между старым и новым в общественном развитии, признавал временный характер различных институтов. Но с другой — рассмотренное Вебленом противоречие (между институтами и внешней средой, старым и новым) чересчур общее, поэтому схема развития предстает достаточно туманной... Обе стороны отмеченного Вебленом противоречия определены нечетко и слабо связаны с процессом общественного производства. Как известно, истинным движущим противоречием общественно-экономического развития является противоречие между производительными силами и производственными отношениями; развитие этого внутреннего противоречия и лежит в основе истории человеческого общества.

В определенной степени в своем анализе механизма развития Веблен абсолютизирует закон естественного отбора, открытый Ч. Дарвиным применительно к биологическим видам. Он допускает произвольное (в форме далеко не очевидных аналогий) перенесение этого закона в область социально-экономических явлений. Такое непосредственное перенесение является ошибочным: «эволюция социальной структуры» — это социальный процесс, закономерности которого не могут быть сведены к биологическим закономерностям. По словам В. И. Ленина, «...перенесение биологических понятий вообще в область общественных наук есть *фраза*»¹⁸.

Вместе с тем следует отметить, что для Веблена отождествление биологических и общественных закономерностей ни в коем случае не явилось средством апологии капитализма. Как известно, закон естественного отбора широко применялся в разнообразных вариантах социального дарвинизма. Представители этого течения использовали тезис о

---

¹⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4. с. 36.

¹⁸ В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 349.

необходимости борьбы за существование для обоснования нищеты, классового неравенства, капиталистической конкурентной борьбы и т. д. как явлений вечных и внеисторических. Социальный дарвинизм явился откровенно апологетическим направлением, которое оправдывало существующее положение вещей. Между тем Веблен выступил с осуждением современного ему строя, с критикой многих буржуазных институтов.

Анализируя процесс возникновения праздного класса, Веблен выделял две стадии в истории человеческого общества: миролюбивую стадию и хищническую. Для первой характерны малые первобытные группы людей, обыкновенно они миролюбивы и ведут преимущественно оседлый образ жизни, они бедны, индивидуальная собственность не является в них преобладающей чертой системы экономических отношений. По мнению Веблена, на этой стадии агрессия отсутствует и люди заняты какой-то формой мирной производственной деятельности: «На ранней стадии социального развития, когда общество обыкновенно еще ведет мирный и, возможно, оседлый образ жизни, а система индивидуальной собственности еще не развита, наиболее полное проявление способностей отдельного человека может происходить главным образом в занятиях, направленных на поддержание жизни группы». Веблен считает, что соперничество между людьми, которому он придает решающее значение в возникновении частной собственности и праздного класса, на этой стадии развито относительно слабо и не выходит из сферы миролюбивых занятий: «Какую бы форму ни принимало экономическое соперничество между членами такой группы, оно будет касаться главным образом полезности членов общности в трудовой деятельности. В то же время побуждение к соперничеству не велико, а сфера его проявления ограничена».

С распространением массовой охоты и войн, по мнению Веблена, происходит переход от миролюбивой стадии к стадии хищничества. Это перестраивает всю систему существующих побуждений к действию, моральных ценностей и приоритетов. Прежде всего, «сама возможность соперничества значительно увеличивается. Действия мужчин все более приобретают характер доблестной деятельности, а вызывающее зависть сравнение одного охотника или воина с другим становится все более простым и привычным». Полученная добыча и трофеи начинают восприниматься как доказательство превосходящей силы их обладателя. На смену «миролюбивым» формам самовыражения приходит борьба; результаты успешной борьбы начинают высоко ценить в обществе. К таким результатам относятся «полезные предметы или люди, полученные захватом или грабежом». Наступает эра, когда агрессия становится почетной; она превращается в «общепринятую форму боевых действий», а добыча служит доказательством успешной агрессии. Все, что связано с захватом, одобряется обществом, в то время как «получение материальных предметов способами, отличными от захвата, начинает считаться недостойным высокого звания человека». Отсюда и возникает «вызывающее зависть различие между доблестной деятельностью и приобретением посредством захвата, с одной стороны, и производственной занятостью — с другой. Труд приобретает характер нудного занятия в силу пренебрежительного отношения к нему». Так в трактовке Веблена происходит отделение «доблестной» деятельности от деятельности производственной. Это отделение он изобразит в дальнейшем как определяющее для эволюции общественной структуры.

Веблен признает, что деление на стадии «хищническую» и «миролюбивую» в значительной степени условно уже потому, что сражения, видимо, существовали на всех этапах развития общества. Но он связывает наступление стадии хищничества с тем моментом, когда «воинствующее расположение духа становится привычным», когда «хищнический духовный настрой становится для членов группы общепринятым духовным настроением», который приходит на смену миролюбию. «Существенное различие между миролюбивой и хищнической фазами развития культуры является, следовательно... различием в сознании». Так резюмирует Веблен свой анализ и приходит к важнейшему для него выводу — о существовании в истории человечества двух резко отличных стадий, приведших к формированию двух противоположных типов обычаев, привычек, образов

жизни.

В «Теории праздного класса» и других работах Веблен развивает свою историко-экономическую концепцию. Он выделял в истории ряд периодов: «ранней и поздней дикости», «воинственного» и «полумирного» варварства и, наконец, «цивилизацию». В основных чертах такое дробление истории общества — различие дикости, варварства и цивилизации — совпадает с периодизацией, предложенной в работе Л. Моргана «Древнее общество»¹⁹. Как известно, эту периодизацию обобщил Ф. Энгельс, который писал о ней: «Пока же мы можем обобщить морганов-скую периодизацию таким образом: дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственно созданные человеком продукты служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности. Цивилизация — период овладения дальнейшей обработкой продуктов природы, период промышленности в собственном смысле этого слова и искусства»²⁰.

Веблен показывает, что «варварство» — противоположность «ранней дикости» — основывалось на эксплуатации и враждебном разделении между военной и жреческой кастами, которые поглощали созданный прибавочный продукт, и низшими слоями населения, создающими его. В период варварства, по мнению Веблена, и зарождаются те «социальные привычки», которые легли в основу «стяжательского» типа экономического поведения, характерного для представителей праздного класса. Этот тип Веблен противопоставляет «производительному» типу, характерному для низших классов, в основе которого лежат «социальные привычки, типичные для периода ранней дикости». Важно отметить, что сходными «социальными привычками» Веблен наделяет в период капитализма представителей праздного класса, с одной стороны, и представителей инженерно-технической интеллигенции — с другой.

Таким образом, Веблен рисует два противоположных типа общественного устройства и соответственно два исторически противоположных типа экономического поведения. Отчетливо видно, что в историко-экономической концепции Веблена гипертрофируется роль психологических факторов. Развитие общества, социально-экономические изменения предстают в трактовке Веблена в конечном счете как результат конфликта «типов социальных привычек». Для Веблена центральными являются конфликты между противоположными побуждениями и привычками; противоречия в системе производственных отношений — действительный источник развития общества — он не рассматривает. В этом паглядно проявился зачастую характерный для Веблена идеализм. Элементы общественной психологии («способ мышления») оказывали, по Веблену, решающее и непосредственное влияние на развитие общества. Идея определяющей роли обычаев, привычек проходит через всю «Теорию праздного класса», выступая основой историко-экономической концепции Веблена. В свою очередь эта историко-экономическая концепция важна для понимания и оценки той критики, которой Веблен подверг современное ему капиталистическое общество. Его критика буржуазных экономических институтов тесно связана с концепцией противоположных типов экономической деятельности и обычаев мышления — «мирного типа» и «хищнического типа». Противоположность этих типов Веблен прослеживает до современного ему капитализма.

По времени возникновения праздного класса Веблен относит к периоду перехода к хищническому укладу: «Свидетельства, предоставляемые обычаями и чертами культуры общностей, находящихся на низкой ступени развития, указывают, что институт праздного класса появляется постепенно во время перехода от первобытного Дикарства к варварству,

---

¹⁹ L. Morgan. Ancient Society. Cambridge, 1864.

²⁰ К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 21, с. 33.

или, точнее, во время перехода от миролюбивого к последовательно воинственному укладу жизни». Самый институт праздных классов, по Веблену, есть результат «разграничения» видов деятельности: «Институт праздного класса развивается из возникшего ранее разграничения видов деятельности, согласно которому одни виды почетны, а другие — нет». Именно из этого различия и возникает расслоение общества на «праздный» и «работающий» классы.

Веблен далее выделяет те условия, которые, по его мнению, необходимы для образования праздного класса: «Условиями, очевидно необходимыми для его появления, являются: (1) у общности должен быть хищнический уклад жизни (война или охота на крупную дичь или и то и другое), т. е. мужчины, составляющие в этих случаях зарождающийся праздный класс, должны усвоить привычку причинять ущерб силой и хитростью; (2) средства для поддержания жизни должны доставаться на достаточно легких условиях, с тем чтобы можно было освободить значительную часть общества от постоянного участия в труде по заведенному распорядку». Под вторым условием, выдвинутым Вебленом, следует, видимо, понимать возможность создания прибавочного продукта как экономической базы деления общества на классы.

Появление праздного класса Веблен связывает с возникновением частной собственности: «В процессе эволюции культуры возникновение праздного класса совпадает с зарождением собственности. Это непременно так, ибо эти два института являются результатом действия одних и тех же экономических сил». Он рассматривает различные стадии в становлении института частной собственности: «начальную стадию собственности», связанную с «приобретением путем захвата и обращения в свою пользу», и следующую ступень — «организацию производства, зарождающуюся на основе частной собственности», когда «трофеи хищнических набегов как общепринятый показатель успеха и превосходства в силе... все более заменяются накапливаемой собственностью» (с. 77).

Проблеме частной собственности Веблен уделяет в «Теории праздного класса», как и в ряде других своих работ, большое внимание. Он справедливо связывал с возникновением частной собственности деление общества на праздные и работающие слои, неизбежный антагонизм между ними. Но его концепция возникновения частной собственности, как и вся его историко-экономическая концепция, носит идеалистический характер.

Экономические институты представляются Веблену воплощением определенных привычек поведения, обычаев. Он постоянно стремился изучать экономическое явление как конкретный обычай, который, установившись некогда, обладает затем инерцией и авторитетом. Поведение людей, его побудительные мотивы, закрепляясь в виде институтов, определяют в дальнейшем экономические отношения и все социально-экономическое развитие общества. Эта позиция Веблена проявилась и в анализе возникновения важнейшего экономического института — частной собственности. «Где бы ни обнаруживался институт частной собственности, пусть даже в слаборазвитой форме, там процесс экономического развития носил характер борьбы за обладание имуществом». Что же лежит в основе этой борьбы, стремления к накоплению разных благ? Веблен связывает возникновение частной собственности со склонностью к соперничеству, к конкуренции, присущей человеку. «Мотив, лежащий в основе собственности, — соперничество; этот же мотив соперничества, на базе которого возникает институт собственности, остается действенным в дальнейшем развитии этого института и в эволюции всех тех черт социальной структуры, к которым собственность имеет отношение».

В концепции Веблена собственность первоначально возникла как трофей, результат набега на другое племя или род. Собственность была знаком победы над врагом, отличала обладателя трофея от его менее удачливого соседа. С развитием культуры собственность приобретает в основном не военными, а мирными методами. Но она по-прежнему служит доказательством успеха, высокого положения в обществе. По словам Веблена, собственность оказывается «наиболее легко различимым доказательством успеха и традиционной основой уважения».

Поскольку богатство становится почетным, приносит почет владельцу имущества, постольку приобретение дополнительного имущества, увеличение собственности становится необходимым для получения одобрения со стороны общества и прочного положения в нем. В трактовке Веблена на определенном этапе развития общества достижение некоего «престижного денежного уровня», т. е. некоторого условного стандарта богатства, является таким же необходимым, как доблесть, как подвиг прежде. Превышение данного денежного уровня оказывается особенно почетным, и наоборот, те члены общества, которые не обладают необходимой собственностью, получают отрицательную оценку своих собратьев и страдают от этого. Веблен указывает, что «денежный уровень жизни» не остается неизменным: с развитием общества он возрастает.

В процессе оценки собственности различных ее обладателей, как и в других ситуациях, люди, по мнению Веблена, прибегают к «завистническому сравнению». Если это «завистническое сравнение» неблагоприятно для индивида, то личность будет испытывать хроническую неудовлетворенность и постоянно стремиться к достижению престижного «денежного уровня жизни», принятого в данном обществе или в данном слое. В случае же достижения этого уровня неудовлетворенность сменяется стремлением превзойти его и тем самым превзойти остальных. Таким образом, «завистническое сравнение» служит источником стремления к практически неограниченному увеличению собственности.

Веблен полагает, что желание увеличить богатство, превзойти остальных едва ли может быть насыщено в каждом конкретном случае. Это обстоятельство, по мнению Веблена, доказывает ошибочность утверждения, что основной целью накопления является потребление. Он предпринимает попытку критики данного утверждения, распространенного в буржуазной литературе. «Если бы, как иногда полагают, стимулом к накоплению была нужда в средствах существования или в материальных благах, тогда совокупные экономические потребности общества понятным образом могли быть удовлетворены при каком-то уровне развития производственной эффективности, но, поскольку борьба по сути является погоней за престижностью на основании завистнического сопоставления, никакое приближение к определенному уровню потребления невозможно».

Веблен считает, что денежный уровень жизни также обусловлен привычкой к денежному соперничеству и что «среди мотивов, которыми руководствуются люди при накоплении богатства, первенство и по размаху, и по силе остается за этим мотивом денежного соперничества». Одну из глав книги автор так и называет — «Денежное соперничество».

Присущее Веблену стремление к психологизации в трактовке экономических явлений при анализе возникновения и развития частной собственности сказывается особенно отчетливо. Во главу угла он ставит соперничество как якобы коренное свойство человеческой природы и игнорирует вопрос, почему появление частной собственности было неизбежно экономически. Следовательно, Веблен ограничивает рассмотрение причин возникновения частной собственности в основном психологическими мотивами. Он прямо говорит, что частная собственность «основывается на завистническом сопоставлении». Для него переход от общинной к частной собственности не был обусловлен объективной необходимостью смены устаревших производственных отношений, ставших тормозом развития производительных сил, новыми производственными отношениями, способствующими их росту. Между тем стремление завоевать положение в обществе, перегнать других за счет накопления различных благ, бесспорно, существовало, но оно явилось не причиной, а следствием появления новой формы собственности, способствующей развитию производительных сил.

Ф. Энгельс в своем анализе распада родового строя также отмечает те мотивы и побуждения, которые сопровождали возникновение и развитие частной собственности: «Самые низменные побуждения — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния — являются восприимчивыми для нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства —

воровство, насилие, коварство, измена — подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят к его гибели»²¹. Но Ф. Энгельс указывал, что эти мотивы и интересы были обусловлены объективной необходимостью замены устаревшей формы собственности (общинной) и объективной возможностью появления частной собственности в результате разделения труда и роста его производительности, что позволило обществу создавать прибавочный продукт.

Веблен прослеживает, как с развитием общества обладатели собственности оказываются привилегированной группой, которая становится во главе общественной иерархии. Он констатирует, что представители этой группы не участвуют в полезном труде, в создании материальных ценностей; они получают продукцию общественного производства лишь как собственники средств производства, благодаря «факту собственности». Поэтому Веблен и называет данную общественную группу выразительным термином «праздный класс».

Помимо праздности, Веблен отмечает еще одну важную особенность, характерную для представителей господствующего класса: чрезмерные, не обусловленные человеческими потребностями размеры потребления. Такое потребление было возможно потому, что представители праздного класса благодаря собственности присваивали себе большую часть созданного обществом продукта. Веблен указывает, что потребление праздного класса вступает в противоречие с интересами общества в целом; для характеристики такого потребления он вводит термин «расточительное потребление».

Веблен подробно анализирует и подвергает критике идеологию и психологию представителей праздного класса. Он считает, что, поскольку владение собственностью, праздность и расточительное потребление стали атрибутами именно господствующего класса и только его, (другие члены общества вынуждены были работать и ограничивать свое потребление), постольку они заняли главное место в системе ценностей «праздного класса», сделались почетными. Владение большей собственностью означало более высокий престиж, более высокое положение в обществе, поэтому представители класса собственников стремились демонстрировать свое богатство; праздный образ жизни и «демонстративное потребление», по мнению Веблена, есть важнейшие свойства «праздного класса».

Веблен анализирует историю развития праздности; он показывает, как постепенно вырабатываются правила, «навыки праздности»: «Благовоспитанное поведение и высокородный образ жизни — это следование нормам демонстративной праздности и демонстративного потребления». Он утверждает, что стремление к праздности порождает и кодекс приличий, и правила поведения. По мнению Веблена, весь образ жизни высших слоев подчинен постоянной демонстрации праздности, причем эта демонстрация становится даже обременительной. «В условиях подчинения требованию демонстративного потребления атрибуты человеческой жизни — такие, как жилище, обстановка, экзотические безделушки, гардероб, питание, — стали столь сложными и обременительными, что потребители не могут должным образом справиться с ними без посторонней помощи».

Веблен дает меткую характеристику системе ценностей буржуазного общества: «Основа, на которой в конечном счете покоится хорошая репутация... денежная сила. И средствами демонстрации денежной силы, а тем самым и средствами приобретения или сохранения доброго имени являются праздность и демонстративное материальное потребление». Он утверждает, что расходы на демонстративное потребление становятся более важными, чем расходы на необходимое. Веблен постоянно подчеркивает свою отрицательную оценку демонстративной праздности и демонстративного потребления как расточения материальных благ и сил людей. Он полагает, что демонстративное потребление поглощает растущую эффективность производства, ликвидирует ее результаты.

На протяжении всей книги Веблен неоднократно возвращается к одной из главных

---

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 99.

идей «Теории праздного класса»: возникновение и укрепление института собственности, растущая власть денег привели к образованию «денежной цивилизации», развитие человеческого общества пошло по ложному пути. Несостоятельность «денежной цивилизации» двояка. Во-первых, она заключается в бесполезности для общества класса собственников денежного богатства, не участвующих в создании материальных ценностей. Во-вторых, она проявляется в бесполезном расточении материальных благ во имя не действительных, а ложных потребностей, обусловленных ложным пониманием престижа, в результате чего это потребление приняло характер демонстративного потребления, направленного на демонстрацию богатства людей, их «денежной силы».

В гл. IV, «Демонстративное потребление», и в последующих главах «Теории праздного класса» автор изобличает все ложные каноны жизни, которые зародились с появлением праздного класса, умножились и упрочились в процессе его эволюции и получили свое полное выражение при жизни современного Веблену поколения — при империализме. Веблен прослеживает историю возникновения власти вещей над людьми, отмечает ее усиление по мере развития буржуазной цивилизации. Его ирония высвечивает порожденные властью денег ложное понимание престижа в обществе, потребление напоказ, жизнь напоказ. Он подчеркивает, что в отличие от сословного общества, где принадлежность к высшим кругам является наследственной, в буржуазном обществе власть денег размывает границу между разными слоями общества, не исключает перехода из одного слоя в другой, так как различие уже только имущественное. В силу этого в буржуазном обществе «благопристойное потребление» становится общим требованием для всех его членов. «В современном цивилизованном обществе пограничная линия между его слоями становится размытой и подвижной, и в любом обществе, где имеет место такая картина, норма почтенности, устанавливаемая высшими классами, распространяет свое влияние сверху вниз на всю структуру общества, до самых низких слоев. В результате в качестве своего идеала благопристойности представители каждого слоя принимают образ жизни, вошедший в моду в следующем соседнем, вышестоящем слое, и устремляют свои усилия на то, чтобы не отстать от этого идеала».

Веблен выступает с явным осуждением расточительства в потреблении; он — за рациональное потребление, которое удовлетворяло бы действительные потребности людей, а не потребности мнимые, искусственные, придуманные для демонстрации расточения и безделья. На примере одежды Веблен показывает, что по мере роста богатства и власти денег резко ускоряется стремление к смене стилей в одежде; одежда выступает как элемент демонстративного расточительства. Одно из его ярких порождений — явление моды, постоянной сменяемости стилей — тяжким бременем ложится на общественное производство, требуя его приспособления к этой непрерывной гонке. По мере роста богатства одежда быстрее «морально устареваает» и должна заменяться другой, более престижной, что приводит к расточению созданных материальных благ. Анализируя психологический механизм моды, Веблен приходит к выводу о нелепости существующей ситуации; его откровенная критика обращена непосредственно к современному ему капитализму: «...чем дальше стоит общество, особенно богатые классы общества, по росту богатства и подвижности, а также по диапазону социальных контактов, тем более властно будет утверждаться закон демонстративного расточения в вопросах одежды, тем сильнее будет тенденция канона денежной благопристойности подчинять себе чувство красоты или завладевать им, тем скорее будут смещаться и изменяться моды, и тем нелепее и нестерпимее будут меняющиеся стили, входящие в моду один вслед за другим». Веблен как бы отстраненно и с удивлением смотрит на чуждую ему систему буржуазных канонов, которая была создана праздными классами и получила свое полное выражение в эпоху империализма. И прежде всего это относится к идеологии потребительства, мещанства. Преклонение перед вещами, стремление выделиться из толпы за счет демонстрации вещей, погоня за нелепыми причудами моды предстают в освещении Веблена как атавизм, мишура, которая только мешает человеку, поскольку уничтожает лучшие его задатки.

Как известно, для капитализма характерен товарный и денежный фетишизм. По существу, Веблен дает иллюстрацию того, как в сознании людей возникает и формируется фетишизм вещей, который впоследствии принимает форму товарного фетишизма — явления, открытого и научно обоснованного К. Марксом.

Вместе с тем, как и при исследовании Вебленом проблемы собственности, его анализ власти вещей и денег в буржуазном обществе характеризуется психологизацией экономических явлений и хотя и точным, впечатляющим, но поверхностным их описанием. Веблен не сумел выявить корней многих изучаемых им процессов в капиталистическом обществе, а в ряде случаев свел их лишь к проявлению присущих человеку инстинктов. Такой инстинкт, как «предрасположенность людей к соперничеству», кладется им в основу демонстративного расточительства; более того, на склонности к соперничеству фактически оказываются выстроены все институты «денежной цивилизации».

Объявляя открытым им «закон демонстративного расточительства» «фундаментальным», «великим» законом денежной цивилизации, Веблен гипертрофирует роль потребления. Не производство, а потребление выступает у него решающим фактором развития общества. Напомним, что у В. И. Ленина сформулированный им закон возвышения потребностей органически связан с развитием производства и обусловлен им. Оно порождает, во-первых, рост потребностей в средствах производства, и, во-вторых, в результате развития производства на основе технического прогресса создаются многочисленные новые виды продукции, которых ранее не было, и возникает потребность в них. Эту органическую связь производства и потребления при определяющей роли производства Веблен игнорирует.

Гипертрофия роли «демонстративного расточительства» сказывается и при анализе Вебленом ряда экономических явлений и категорий. Так, методы конкурентной борьбы между состоятельными людьми он сводит прежде всего к «демонстративному потреблению», оставляя в стороне борьбу буржуазии в процессе производства и присвоения прибавочной стоимости.

Со всей очевидностью проявляется свойственное Веблену игнорирование производственных отношений, преувеличение роли потребления и психологических факторов при рассмотрении товара и его свойств. В концепции Веблена потребительная стоимость товара характеризуется двумя видами «утилитарности»: во-первых, «функциональной утилитарностью», т. е. удовлетворением необходимых потребностей (в пище, одежде, жилище и проч.), и, во-вторых, способностью приносить покупателю товара соответствующий почет, признание — «дополнительная утилитарность». Однако этой дополнительной утилитарности Веблен придает решающее значение. Он *пишет* о критериях оценки полезности товаров: «Привычка искать в товарах признаки избыточной дороговизны и требовать, чтобы во всех товарах была видна какая-то дополнительная, выгодная для завистнического сравнения утилитарность, приводит к изменению в критериях, по которым выводится общая оценка полезности товаров. В оценке товаров потребителем то, что доставляет почет, и то, что является грубо функциональным, не существует отдельно друг от друга, оба эти компонента составляют неразрывную в своей совокупности полезность товаров». По Веблену, целевое назначение производства товаров одинаково при всех способах производства и связано лишь с потенциальной ценностью товара для потребителя, с его потребительной стоимостью. Здесь он игнорирует второе свойство товара — стоимость, которая в капиталистическом обществе приобретает доминирующее значение, поскольку целью производства товаров становится получение прибавочной стоимости, присваиваемой капиталистами в результате реализации товара как стоимости.

С позиции универсального «закона демонстративного расточительства» Веблен рассматривает товары, созданные в результате процесса машинного производства или ручного труда. Все симпатии Веблена на стороне машинного производства. Он утверждает, что товары, созданные машиной, содержат меньше дефектов и вообще лучше могут удовлетворять рациональные потребности покупателей. Но в силу действия «закона

демонстративного расточительства» потребители зачастую выбирают именно продукты ручного труда. «Ручной труд — более расточительный способ производства; следовательно, получаемые этим способом товары надежнее служат цели приобретения денежной репутации; следовательно, следы ручного труда оказываются престижными, и товары, в которых такие следы налицо, становятся сортом выше, чем соответственный продукт машинного производства». Отсюда вытекает зачастую неприятие для праздного класса товаров, созданных машиной, — в силу их «заурядности», доступности в денежном отношении для многих людей. Потребление такого товара «не доставляет почта, так как оно не служит цели благоприятного завистнического сравнения себя с другими потребителями».

На многих страницах своей книги Веблен образно рисует губительные последствия праздности и паразитизма собственников денежного богатства для развития производства и культуры, для этических норм поведения людей в условиях «денежной цивилизации». Веблен вводит в свою книгу своеобразный термин «подставная праздность» (*vicarious leisure*), которым характеризует функциональное назначение многочисленного слоя людей, обслуживающих праздный класс. Развитие выполняемых ими функций — это развитие функции прислуги, первоначально домашней прислуги. Они так или иначе, прямо или опосредованно — через религию, филантропическую деятельность, систему образования, спорт и др. — обслуживают собственников денежного богатства.

Веблен справедливо подчеркивает, что представление о ложной престижности праздности, ее демонстрация даже там, где нет достаточных средств для действительно праздного образа жизни, сохраняет свою силу и для семей со средним достатком, в которых глава семьи работает, но стремится обеспечить праздную жизнь жене, с тем чтобы она занималась оформлением жилища, его эстетикой, собою — все ради поддержания благопристойности семейства, «денежной репутации»: «...подставные праздность и потребление, воспроизводимые женой, а также вспомогательное представление праздности посредством слуг остаются в моде как условность, пренебречь которой не позволят требования репутации». При этом Веблен отмечает, что представители «подставного праздного класса», женщины в частности, начинают испытывать отвращение к статусу своей бесполезности для общества и протестовать, требуя включения их в общественно полезную деятельность и производственный процесс.

По мнению Веблена, идеология культа праздности, которую сеют господствующие классы, нужна им для оправдания собственной праздности. Яркий пример тому, как «подставная праздность» не служит на благо самого человека, а превращается в работу по восстановлению лица имущего, — сфера религии. «Соблюдение обрядов благочестия» — таким термином обозначает Веблен эту сферу. «...Священнослужители, приближенные божеству, не должны участвовать в производительном труде... никакое занятие, которое приносит ощутимую пользу людям, не должно выполняться в присутствии божества... в праздники, отводимые для восславления божества или для причастия, никакая работа, полезная обществу, не должна выполняться никем». Боги — идеальный праздный класс. Однако образ жизни этого «сверхъестественного праздного класса» — точная копия образа жизни сильных мира сего. Соблюдение обрядов благочестия ведет, по словам Веблена, к расхождению эгоистических интересов праздного класса с интересами жизнедеятельности всего человеческого общества.

Пагубное влияние праздного класса распространяется на спорт. В буржуазном обществе «футбол имеет такое же отношение к подлинной физической культуре, как бой быков к сельскому хозяйству». Специальную главу, названную «Вера в удачу», Веблен отводит такому неотъемлемому атрибуту праздности, как азартные игры. Но и здесь предпочтение отдается автором «Теории праздного класса» психологическим факторам. Он рассматривает пристрастие к азартным играм как проявление «веры в удачу», свойственной людям на всех ступенях эволюции общества.

Наконец, «демонстративную праздность» Веблен анализирует на примере современного ему высшего образования в буржуазном обществе. Этой важной теме автор

посвящает пространную заключительную главу книги — «Высшее образование как выражение денежной культуры». Высшее образование — это тоже одна из обширных сфер деятельности, подчиненная законам праздного образа жизни. Большим почетом в системе буржуазного высшего образования пользуется, например, классическая филология, древние языки. Классическое образование — залог и свидетельство освобожденности от производства, так как, чтобы его получить, нужно потратить недоступное неимущим людям количество времени и расточительных, а потому и почетных усилий. Веблен с горечью пишет, что люди, которые старались расширить горизонты человеческого знания, в современных буржуазных университетах «находили отнюдь не сердечный прием, их нехотя терпели».

Важный прогрессивный тезис Веблена состоит в том, что по отношению к материальному производству праздный класс оказывается не только лишним, но и вредным: «Отношение праздного... класса к экономическому процессу является денежным отношением — отношением стяжательства, а не производства, эксплуатации, а не полезности». Резкая критика бесполезных обществу функций праздного класса — одна из любимых тем Веблена; она присутствует не только в «Теории праздного класса», но и во всех его работах (в «Теории делового предпринимательства», «Абсентеистской собственности» и др.). В освещении Веблена, паразитический образ жизни господствующего класса всегда тяжким бременем ложится на общественное производство и тормозит его развитие. Это наиболее отчетливо обнаруживается в период империализма, о чем свидетельствует отделение собственников от производства и контроля за ним, непомерное развитие различных бесполезных финансовых институтов, факты замораживания производства в корыстных целях, намеренного торможения технического прогресса. Веблен говорит, что крупной финансовой буржуазии особенно характерны потребительские навыки, идущие вразрез с интересами материального производства, — расточительное потребление, служащее целям соперничества и престижа, по вредящее производству.

С большой силой убеждения Веблен показывает, что праздный класс, и особенно современная буржуазия, не только паразитический, но и консервативный класс, который выступает против перемен в производстве и в общественной жизни. Привилегированное положение праздного класса определяет его консервативность, которая превратилась в показатель престижа. Но Веблен здесь использует свою ошибочную концепцию инстинктов и утверждает, что сопротивление переменам в системе развития общества является «инстинктивным». Отсюда он делает весьма неожиданный вывод, что низшие классы столь же консервативны, как и высшие: «Люди нищенски бедные и те, чьи силы поглощает повседневная борьба за пропитание, консервативны потому, что не могут позволить себе позаботиться о послезавтрашнем дне». Веблен пренебрегает тем обстоятельством, что именно нищенская бедность людей и создает ту ситуацию, при которой, по словам К. Маркса, людям уже «нечего терять, кроме своих цепей», и они идут на активное сопротивление с целью перестройки ставшей невыносимой жизни. Практика, этот лучший критерий истины, показала, что все социальные революции — революции рабов, крестьянские войны, буржуазные революции и пролетарские революции — совершаются тогда, когда жизнь угнетенных масс становится невыносимо тяжелой, и совершаются именно теми людьми, которые находятся внизу, ближе к «нижнему пределу» социальной шкалы. Эти люди, как показывает исторический опыт, идут на все, вплоть до гибели, чтобы совершить революцию. Несостоятельный тезис Веблена о консерватизме «низших слоев» важен для его прогноза о будущем, поскольку, именно основываясь на идее о «консервативности низов», он пытается найти другие общественные группы, которые будто бы призваны стать «революционными носителями нового». В «Теории праздного класса» прогноз о будущем человеческого общества еще не прозвучал, но Веблен уже подводит читателя к нему. Уже в этой книге звучат ноты явного одобрения машинного производства и тех, кто, по его мнению, в наибольшей мере обладает прогрессивным человеческим инстинктом — «инстинктом мастерства». Именно в «Теории праздного класса» заложена основа

технократической концепции, подхваченной многими институционалистами и развитой Дж. Гэлбрейтом, Р. Хейлбронером и другими представителями неoinституционализма.

Язык Веблена — это язык исследователя, а не беллетриста. У него тяжелая манера письма, к ней нужно привыкнуть. Но тот, кто привыкнет, будет безусловно вознагражден, так как почувствует глубокую иронию, которой пронизана вся книга. Веблен применяет сильнейшее оружие, данное писателю, — смех. По существу, он жестоко высмеял и идеологию, и образ жизни господствующих классов. Читателя может озадачить широта проблем, затронутых автором в книге. Но такова специфика работ институционалистов, декларирующих междисциплинарный подход и стремящихся к слишком широкому охвату изображаемых явлений. К сожалению, при этом рассматриваются многие второстепенные аспекты, специфика собственно экономического анализа в значительной мере теряется. Многие моменты в анализе «праздного класса» следует расценить как достоинства теории Веблена. Он ярко описал паразитизм «праздного класса», глубоко изучил идеологию этой общественной группы. Подчеркивая консерватизм и паразитизм господствующих классов в период империализма, Веблен выступил как прогрессивный ученый своего времени. Критический подход Веблена, его широкий кругозор, знание истории человеческого общества и обеспечили его книге «Теория праздного класса» заслуженное признание.

Серьезное достоинство книги Веблена состоит в том, что она содержит явное и недвусмысленное осуждение мира капитала, крупного бизнеса. Веблен произносит знаменательные слова: «Обычаи мира бизнеса сложились под направляющим и избирательным действием законов хищничества или паразитизма». По его мнению, постепенно «участие самого денежного класса становится излишним». Характеризуя капиталистические экономические институты, Веблен прямо утверждает, что «современной экономической ситуации эти финансовые институты никак не соответствуют, ибо они сложились в экономических условиях прошлого...».

Но что же придет на смену существующим институтам? Позиция Веблена по этому вопросу раскрывается в более поздних его работах, и прежде всего в «Теории делового предпринимательства» и книге «Инженеры и система ценностей».

В работах Веблена уделено особое внимание «современной ему экономической организации», или «новой индустриальной системе». Ее характерные черты — «машинный процесс и инвестиции ради прибыли»²². Термины «индустрия» и «индустриальная система» Веблен употреблял практически как синонимы, подразумевая под ними материальное производство, основанное на машинной технике, которой он придавал огромное значение. Веблен правильно отмечал такие последствия внедрения машин в процесс производства, как расширение масштабов производства, углубление общественного разделения труда и др.

Материальной формой современной цивилизации, но Веблену, является индустриальная система, а направляющей силой, которая оживляет эту систему, выступает предпринимательство. Веблен отмечает особенности капиталистического обобществления производства, которое создает необходимость высокой организации труда, и указывает, что капиталисты не обеспечивают такую высокую организацию, усматривая причину этого в том, что интересы бизнеса не совпадают с интересами развития производства. Он констатирует, что непосредственной целью и стимулом деятельности предпринимателя является получение прибыли, а не развитие производства: «Мотив бизнеса — денежная выгода. Его метод — купля-продажа. Цель — накопление богатства»²³.

Поскольку целью предпринимателей, в руках которых находится производство, является исключительно прибыль, постольку возникает противоречие — по терминологии Веблена, «дихотомия» — между интересами развития производства и интересами

---

²² T. Veblen. *The Theory of Business Enterprise*, p. 39.

²³ T. Veblen. *Op. cit.*, p. 40.

капиталистов. Веблен показывает, что во многих случаях бизнесмен не заинтересован в расширении и улучшении производства, которым руководит. Разнообразные производственные вопросы рассматриваются бизнесменами только в плане возможности прибыльной реализации на рынке произведенной продукции. Между тем такая возможность может быть достигнута не только путем совершенствования производственного процесса и повышения производительности труда, но и в результате ограничения выпуска товаров и соответственного установления выгодной цены на них. «Капитаны бизнеса», управляющие производством с помощью денежных сделок, не учитывают, какой эффект могут вызвать эти сделки, как это отразится на других предприятиях: «...бизнесмену безразлично, как его операции воздействуют на производство»²⁴. Веблен приходит к выводу об отделении интересов тех людей, которые управляют, от интересов общества.

Для Веблена характерно противопоставление «индустрии» и «бизнеса», материального производства как такового и системы производства товаров для извлечения прибыли. Подчинение «материальных интересов общества целям извлечения прибыли» Веблен считал важной чертой капитализма. Изучение «дихотомии» сопровождалось у Веблена критикой мотивов и методов капиталистического хозяйствования, обусловленных «бесстыдной жадной наживы правящих классов». Он показал на конкретных примерах, что система капиталистического предпринимательства тормозит развитие общественного производства. Но анализ Вебленом «дихотомии» оказался поверхностным; он предложил психологическую трактовку отмеченного им противоречия. Именно «психологию бизнеса», т. е. непосредственные мотивы и цели капиталистов, их «правила поведения», Веблен считал определяющей в системе капиталистического предпринимательства. Он не дал правильного анализа обнаруженного им противоречия. Отождествляя свою трактовку «дихотомии» с сущностью капитализма, он игнорировал систему эксплуатации труда капиталом на базе капиталистической собственности на средства производства. У него полностью выпадает факт присвоения капиталистами неоплаченного труда рабочих в форме прибавочной стоимости как основное и определяющее содержание капиталистического способа производства. Отношение между антагонистическими классами — буржуазией и пролетариатом — Веблен не исследует, подменяя его рассмотрением «психологии бизнеса». Между тем «психология бизнеса» — элемент вторичный, производный; она возникла и сформировалась на базе капиталистических отношений собственности. Именно капиталистическая собственность на средства производства, возможность присваивать результаты чужого труда являются основой жадности к прибыли как главного мотива деятельности капиталистов. Стремление к извлечению прибыли, которое Веблен считает источником всех пороков капитализма, есть лишь отражение объективно обусловленной цели капиталистического производства — получения и присвоения капиталистами прибавочной стоимости.

По мнению Веблена, с развитием капитализма «дихотомия» производства и бизнеса обостряется. Сфера рыночных отношений, разнообразные спекулятивные операции становятся более выгодными для капиталиста, чем непосредственно предпринимательская деятельность. В результате многие капиталисты отвлекаются от организации производственного процесса и начинают вкладывать часть своих капиталов в различные спекулятивные сделки: «Вместо прежнего капитализма, когда капиталист регулировал некий производственный процесс, пришло оживление перераспределения капитальных вложений в более прибыльные сделки»²⁵. Веблен отмечает ряд черт монополистического капитализма: образование и рост корпораций, громадные масштабы корпоративной собственности, ликвидацию свободной конкуренции и др. Но главным Веблен считает не концентрацию

---

²⁴ Ibid., p. 41.

²⁵ T. Veblen. The Theory of Business Enterprise, p. 24–25.

производства, на базе которой вырастают монополии, а широкое использование кредита и образование «абсентеистской собственности». Термин «абсентеистская» («отсутствующая», «неосязаемая») собственность Веблен применял для обозначения отделения собственности от управления и руководства промышленным производством. Эта собственность представлена капиталистом, который не участвует в управлении своим предприятием, а следовательно, в создании готового продукта, занят разнообразными спекулятивными операциями, не связанными с производством. По мере широкого распространения корпораций противоречие между индустрией и бизнесом еще более обостряется. Это проявляется прежде всего в том, что финансовая олигархия зачастую получает большую долю своих доходов путем купли-продажи на рынке «титулов собственности», а не за счет роста производства и повышения его эффективности; «корпорация — это всегда предприятие бизнеса; она является средством делать деньги, а не производить товары»²⁶.

Веблен отмечает факты персональной унии крупной финансовой буржуазии с государственным аппаратом. По его определению, буржуазное государство превратилось в «департамент бизнеса», а крупная буржуазия получает политическое господство, что дает ей доступ к национальным богатствам страны. Погоня за прибылью, осуществляемая корпорациями, приводит к хищническому использованию, к расточению природных богатств, что имеет крайне отрицательные последствия для производства, общественных интересов.

Веблен неоднократно возвращался к вопросу об «отделении собственности от контроля над нею», наиболее наглядно проявившемся в широком распространении системы участия («холдинг-системы»). Он анализирует, как именно крупные финансовые компании, выступая собственниками контрольного пакета акций, подчиняют своему влиянию многие предприятия и более слабые корпорации. Интересы этих «незримых» владельцев предприятий особенно далеки от интересов общества: «материальное производство находится под контролем людей, интерес которых концентрируется на возрастании ценности нематериальных активов»²⁷.

Таким образом, Веблен занимает позицию осуждения крупного капитала, его господства в экономике и политике. Но пороком анализа Веблена является гипертрофия роли сферы обращения в капиталистической экономике. Источник противоречий он пытается найти в пределах указанной сферы и концентрирует свое внимание на денежных и кредитных отношениях.

Период монополистического капитализма Веблен рассматривал как кульминацию противоречия между «бизнесом» и «индустрией». Прогноз Веблена о будущем капиталистического общества в значительной степени основан на концепции «дихотомии». Он постоянно подчеркивал, что развитие «индустрии» подводит к необходимости преобразований. По существу, Веблен дал подробное описание того, что производственные отношения капитализма тормозят развитие производительных сил, но не сумел вскрыть сущности капитализма, игнорировал капиталистическую эксплуатацию и в результате предложил ошибочный сценарий дальнейшего развития общества. По этому сценарию в будущем установится власть технической интеллигенции — «технократия». Технократическая концепция Веблена — важнейшая часть его теории.

По мнению Веблена, взаимодействие технических, экономических, биологических, психологических и других элементов имеет место всегда, но по мере развития капитализма техника оказывается главным фактором социально-экономического развития. После изобретения и внедрения различных машин крупное машинное производство становится центральным звеном экономической структуры общества, оно навязывает его участникам

---

²⁶ T. Veblen. The Absentee Ownership..., p. 85.

²⁷ T. Veblen. The Theory of Business Enterprise, p. 176.

особый способ мышления. Веблен считал, что работники крупного машинного производства оказываются автоматически заинтересованы в его лучшем функционировании, технической эффективности, что вынуждает их стремиться к ее повышению, и это превращается для них в принцип поведения. Отсюда Веблен делает неправильный вывод, что интересы работников крупного машинного производства совпадают с общественными интересами, лучшее функционирование промышленности приводит к увеличению производства товаров, материальному благосостоянию общества.

Наиболее прогрессивной общественной группой Веблен считал инженерно-техническую интеллигенцию. Он противопоставлял инженеров бизнесменам: по мере развития капитализма «производительные функции» переходят к инженерам, а капиталисты занимаются лишь финансовой деятельностью и не выполняют полезной работы. Одной из причин, вызвавших такой переход, явилось усложнение производственных процессов, технический прогресс: «развитие технологии требовало возросшего объема специальных знаний». Научно-технические знания, которыми обладают инженеры, не только отделяют их от бизнесменов, но и порождают противоречия между ними: «Капитаны финансов, занятые делами бизнеса, далеко ушли от реального производства, они все менее доверяли техническим специалистам, которых не понимали, но без которых не могли обойтись»²⁸. Главным источником противоречий между инженерами и бизнесменами Веблен считал несоответствие целей и методов, применяемых теми и другими в своей деятельности. Основной целью инженеров является наилучшая работа промышленности, а не прибыль, как для бизнесмена, который становится лишним звеном экономической организации. «Для производства товаров и услуг, необходимых обществу, инженеры не нуждаются во вмешательстве бизнесменов...» Несовместимость принципов и методов финансовой олигархии с интересами развития производства означает, по мнению Веблена, неизбежность создания новой формы экономической организации общества; «на пути производства товаров и услуг стоит бизнес»²⁹. Веблен постулирует необходимость поставить материальное производство под полный контроль специалистов-инженеров; он предполагает, что инженерно-техническая интеллигенция в состоянии совершить преобразование общества и стать во главе его. Таков прогноз Веблена о будущем капитализма в США.

Веблен противопоставляет инженерно-техническую интеллигенцию рабочему классу. Хотя пролетариат также занят в промышленном производстве, тем не менее единственным носителем прогресса Веблен ошибочно считал именно «специалистов-экспертов», инженерно-техническую интеллигенцию. Интересы различных слоев пролетариата якобы противоречивы, и это препятствует объединению рабочих на основе общей программы: «Различия интересов сделали все устремления рабочих по существу тщетными...» Напротив, в трактовке Веблена инженерно-техническая интеллигенция обнаруживает значительную степень солидарности; она готова к созданию самостоятельной организации на основе общности интересов. «Инженеры готовы сделать следующий шаг»³⁰, — подытоживает Веблен.

Как известно, внутри рабочего класса действительно существуют различные отряды и группы. Развитие техники сопровождается усложнением состава рабочего класса в квалификационном отношении, что выражается в значительных различиях в оплате труда рабочих, а следовательно, и в дифференциации их экономических интересов. Но это не означает принципиальной невозможности объединения пролетариата, ибо главным является

---

²⁸ What Veblen Taught..., p. 427.

²⁹ Ibid., p. 430, 434.

³⁰ Ibid., p. 440, 442.

не то, что разделяет рабочих, а то, что их объединяет, — эксплуатация всех отрядов рабочего класса буржуазией. Веблен же игнорировал самый факт угнетения пролетариата, его эксплуатации буржуазией и соответственно общих интересов и задач всего рабочего класса.

Утверждение Веблена о том, что рабочие якобы не представляют самостоятельной общественной силы и могут лишь поддерживать научно-техническую интеллигенцию, вытекает из его ложной трактовки основного противоречия капитализма. У Веблена главная сфера функционирования противоречия капитализма — область рыночных отношений и управления производством, а не отношения эксплуатации в процессе производства.

В работах Веблена отсутствует социально-экономический подход к буржуазной технической интеллигенции. Верхушка технической интеллигенции по своему социальному положению и экономическим интересам тесно связана с буржуазией, получает крупные доходы, и именно эти конкретные экономические интересы, а не абстрактное «общественное благо» являются основным стимулом ее производственной деятельности. Принципиальная ошибка Веблена — утверждение о существовании единых для всей научно-технической интеллигенции интересов. В этом обнаружилось характерное для Веблена нежелание анализировать явления с социально-классовых позиций. Инженерно-техническая интеллигенция при капитализме чрезвычайно разнородна по своему социально-классовому составу, что опровергает тезис об «общности интересов» интеллигенции.

В сценарии будущего у Веблена предполагается забастовка инженеров, которая должна завершиться установлением «нового порядка». Передача власти инженерно-технической интеллигенции представляется Веблену легко достижимой: вся индустриальная система настолько зависит от деятельности своих лидеров, что «забастовка инженеров» принесет «паралич старого порядка» и заставит предпринимателей отказаться от своих руководящих позиций в производстве, от власти. Веблен настолько переоценивает значение инженерно-технической интеллигенции, что утверждает, будто достаточно объединения лишь 1 % всех инженеров и техников, чтобы «общая революция технических специалистов в промышленности завершилась успехом». Хозяйственную жизнь страны Веблен предлагает подчинить специально созданному «совету технических специалистов». Он рисует утопическую картину общества, которым будет руководить технократия: производство, освобожденное от власти бизнеса, функционирует для удовлетворения потребностей всех членов общества; «совет технических специалистов» осуществляет эффективное использование природных ресурсов, увеличение объема производства. Будут ликвидированы недостатки, вызванные «финансовым саботажем абсентеистских собственников»³¹.

Прогноз Веблена о том, что в случае гипотетического переворота вся техническая интеллигенция поддержит его, носит явно утопический характер. Руководящий технический персонал капиталистических предприятий заинтересован в сохранении господства буржуазии, в то время как рядовые инженеры и техники подвергаются эксплуатации со стороны капиталиста. Выдвигая тезис о возможности «революции технологических специалистов» и о необходимости поставить производство под полный контроль этих специалистов, Веблен упускает то важнейшее обстоятельство, что интеллигенция не является самостоятельным классом. Буржуазная интеллигенция не выступает носителем какого-либо способа производства и поэтому не может ни осуществить коренное преобразование, ни стать во главе нового общества.

Совершенно очевидна наивность представлений Веблена о методах реорганизации общества. Гипотеза о том, что буржуазия добровольно уступит свои привилегии и откажется от власти практически без борьбы, не выдерживает никакой критики. Технократический сценарий Веблена следует расценить как социальную утопию. Вероятно, сознавая в какой-то мере противоречивость и утопизм своей программы, Веблен не называл сроки ее претворения в жизнь и переносил ее осуществление в неопределенное будущее.

---

³¹ Ibid., p. 441, 442.

Независимо от намерений самого Веблена предложенная им программа объективно выступает не только как критика, но и как форма защиты капитализма. Изменения методов управления производством недостаточно для коренного преобразования капиталистического общества. Игнорируя вопрос об эксплуатации наемного труда в условиях капитализма, Веблен не предложил искоренить ее источник — капиталистическую собственность на средства производства во всех ее формах. В этом и нашла свое проявление буржуазно-либеральная сущность теории Веблена. Своеобразие предложенного им варианта защиты капитализма состоит в том, что он применил технологический подход для затушевывания важнейших антагонизмов капиталистического способа производства, для отрицания исторической миссии пролетариата.

Теоретической основой технократического сценария Веблена явился технологический детерминизм: развитие техники представлялось определяющим, детерминирующим все социально-экономическое развитие. В трактовке Веблена техника, ее прогресс непосредственно влияют на надстройку, в частности на общественную психологию. Он полагал, что простая причастность человека к технике, его занятость в машинном производстве автоматически определяют его психологию, заинтересованность в лучшем функционировании индустриальной системы. Это представление Веблена — вполне в духе примитивного техницизма — является глубоко ошибочным. Марксистская теория доказала, что техника влияет на социальную и духовную стороны общественной жизни не прямо, а опосредованно, через экономический базис: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»³². В силу двойственности позиции Веблена его социальное лицо не может быть определено однозначно. С одной стороны, очевидна анtimoнополистическая направленность его теории: он выступил с мелкобуржуазной критикой финансовой олигархии. С другой стороны, технологический подход, игнорирование капиталистической эксплуатации, отрицание ведущей роли рабочего класса в преобразовании общества означают затушевывание антагонистических противоречий капитализма, и в этом плане Веблен объективно предстает выразителем классовых интересов всей буржуазии. Дальнейшая эволюция технологического подхода в буржуазной политэкономии подтверждает это положение. По существу, Веблен предложил своеобразную апологетику, которая в наше время широко используется многими буржуазными экономистами.

* * *

«Теория праздного класса» остается самой известной работой Веблена. Почему она представляет интерес для читателя?

Эта книга содержит огромный заряд социального критицизма по отношению к капиталистическому обществу. Термины взрывной силы «демонстративное потребление» и «демонстративное расточение» не оставляют никаких сомнений в позиции Веблена — последовательного ниспровергателя ценностей буржуазной цивилизации. Скальпелем социальной сатиры он вскрывает ее основу — и приглашает читателя в свидетели. «Праздничный класс» в освещении Веблена — это паразитический нарост на общественном организме, который тормозит его развитие. Демонстрация праздности — паразитизма, становится основным занятием целого класса, который превращает праздность в профессию. И каноны «достойной» демонстрации праздного образа жизни пронизывают всю идеологию буржуазного общества, все ее разнообразные сферы — право, религию, семью, систему высшего образования.

Но буржуазия опасна не только своей обременительной для общества праздностью, предостерегает Веблен. Она создает ложную систему ценностей, подчиняет весь строй жизни

---

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 7.

молоху демонстративного расточения. Именно в демонстративном потреблении, жизни напоказ Веблен видит стержень созданной буржуазией «денежной цивилизации». В рамках этой цивилизации люди не стремятся жить полнее, разумнее, добрее, ярче, нет, они лишь стремятся доказать всем остальным, что у них имеется излишек денег и вещей! — стремятся продемонстрировать этот излишек наиболее наглядным способом. И под флагом всепоглощающего стремления к деньгам и, по существу, совсем не нужным вещам проходит человеческая жизнь, низведенная цивилизацией доллара до уровня бесконечной и бессмысленной погони за денежным фетишем. В этом плане книга Веблена архисовременна: она бьет непосредственно по современной буржуазной культуре, по идеологии общества потребления.

Веблен подчеркивает, и это очень важно, что свои каноны образа жизни буржуазия пытается навязывать всему обществу, всем его слоям. Орудия идеологического воздействия — средства рекламы, массовой информации — принадлежат буржуазии, и буржуазная система ценностей обладает высокой проникающей способностью. Представители средних и низших слоев втягиваются в изнурительную гонку за «престижным» уровнем потребления: самый ритм капитализма в принудительной форме навязывает «маленькому человеку» свой стереотип существования — «денежный стереотип». Этот стереотип полностью подчинен принципу демонстративного потребления, он определяет буржуазные каноны, в соответствии с которыми вехи на жизненном пути — это всего лишь вехи в потреблении все новых и новых товаров. Такой стереотип существования предстает в освещении Веблена как убогий и бессмысленный. «Теория праздного класса» содержит не только объективное осуждение современной Веблену «цивилизации бизнеса» и созданной этой цивилизацией шкалы ценностей, ориентирующей людей лишь на потребление, но и представление об истинной сущности человека, от природы одаренного «инстинктом мастерства» и неодолимой тягой к иным ценностям — знанию и труду. В этом бесспорное достоинство книги Веблена.

Есть еще один аспект, который превращает издание этой книги в дело и важное, и своевременное. Вышедшая за год до начала нашего века и неоднократно переиздававшаяся книга Веблена звучит вполне современно сейчас, через восемьдесят с лишним лет после первого издания. Ненужное и губительное для человечества производство военно-промышленным комплексом средств уничтожения людей ради бизнеса финансовой олигархии достигло астрономических масштабов. Буржуазия хищнически расточает материальные ресурсы Земли, отвлекает их от прямого назначения — удовлетворения насущных и рациональных потребностей людей. Во имя монопольно высокой прибыли крупной буржуазии индустрия нашей маленькой планеты производит мириады вещей, которые представителям вида *homo sapiens* не только никоим образом не нужны, но опасны и губительны для жизни человечества. В то же время людям на Земле остро не хватает хлеба, медикаментов, книг. Миллионы людей умирают каждый год от голода, погибают от болезней, так и не узнав, что такое медицинская помощь. Даже по данным буржуазной статистики, около одного миллиарда людей в капиталистических странах страдают от хронического недоедания, а свыше 700 млн. человек за всю жизнь так ни разу не смогли побывать на приеме у врача. На этом фоне особенно резко выделяются паразитизм и расточительное потребление крупной буржуазии.

Излюбленной мыслью Веблена была мысль о тупике, в который приводит человечество «денежная цивилизация». Веблен не нашел выхода из этого тупика — на базе своих методологических предпосылок он и не мог указать такого выхода. Но он первым среди буржуазных экономистов выступил с беспощадной критикой финансовой олигархии, ее паразитической сущности и идеологии, и актуальность этой критики не теряется перед лицом современности.

«Праздный» — ключевое слово в названии книги. Реалистическая картина всего комплекса фантастических ненужностей, которые влечет за собой праздность, подводит к пониманию главного: перспектива у человека одна — в развитии «инстинкта мастерства», в

его естественной реализации в процессе свободного творческого труда. Надо надеяться, что именно это в первую очередь оценит советский читатель.

Кандидат экономических наук

С. Г. СОРОКИНА

Предисловие

Цель данного исследования — выяснить место и значение праздного класса как экономического фактора в жизни современного общества. Однако практически оказалось невозможным сузить рассмотрение этого вопроса, строго придерживаясь таким образом намеченных границ: какое-то внимание по необходимости уделяется происхождению и истории развития института праздного класса, а также тем характерным чертам общественной жизни, которые обычно не причисляются к чертам экономическим.

Некоторые моменты изложения развиваются на основе тех данных экономической теории или обобщенных фактов этнологии, которые могут оказаться в какой-то степени незнакомыми читателю. Вводная глава в общих чертах раскрывает природу этих теоретических предпосылок — достаточно, как мы надеемся, для того, чтобы избежать неясности изложения. Принятая нами теоретическая позиция в более явном виде излагается в ряде статей, опубликованных в четвертом томе «Америкэн джорнэл оф социолоджи» под рубриками «Инстинкт мастерства и изнурительность труда», «Истоки собственности» и «Статус женщин в эпоху варварства» (*American Journal of Sociology*, «The Instinct of Workmanship and the Irksomeness of Labour», «The Beginnings of Ownership», and «The Barbarian Status of Women»). Однако содержание книги не основывается лишь на этих — отчасти непривычных — выводах таким образом, чтобы она совсем утратила свою возможную ценность как часть экономической теории в том случае, если бы эти непривычные выводы оказались в представлении читателя недостаточно обоснованными или недостаточно авторитетными.

Отчасти из соображений удобства, отчасти в силу того, что не столь велика возможность неправильного понимания тех явлений, которые знакомы всем людям, для иллюстрации или для подкрепления теоретических выводов взяты непосредственно наблюдаемые или общеизвестные факты преимущественно из повседневной жизни, а не из малоизвестных и более далеких источников. Надо надеяться, что ни у кого из читателей не возникнет ощущения неуместности с литературной или научной точки зрения такого обращения к обыденным фактам или того вольного, как может казаться временами, оперирования примитивными явлениями или явлениями, которые в силу их сокровенного места в жизни людей нередко оказывались недоступными для рассмотрения с экономической точки зрения.

Теоретические предпосылки и подкрепленные фактами свидетельства, приводимые из более далеких источников, как и любые теоретические положения или выводы, заимствованные из этнологии, также относятся к наиболее известным и доступным, и достаточно начитанные люди должны легко определять соответствующие источники. В книге поэтому не соблюден обычай ссылаться на документы и авторитетные издания. Таким же образом немногочисленные цитаты обычно узнаются достаточно легко без указания источника цитирования и приводятся большей частью для иллюстрации.

Глава I. Вводная

Институт праздного класса получает свое наивысшее развитие на более поздней стадии существования варварской культуры, например, в феодальной Европе или феодальной Японии. В таких обществах различия между классами соблюдаются очень строго и характерной чертой классовых особенностей, имеющей поразительное экономическое значение, является различие между видами деятельности, подобающими отдельным классам.

Верхние слои общества, по обычаю, освобождаются от занятий в производстве или остаются от них в стороне, за ними закрепляются известные занятия, которые считаются «почетными». Главным среди почетных занятий является военное дело, а второе место после него обычно занимает священнослужение. Если общество на ступени варварства не отличается воинственностью, функция священнослужителя может выдвигаться на первое место, отодвигая на второй план «ратную функцию». С незначительными исключениями соблюдается правило: верхние слои общества, будь то воины или священнослужители, не заняты производственной деятельностью, и эта незанятость есть экономическое выражение их высокого положения. Индия браминов представляет собой яркий пример общества, где эти два класса не заняты в производстве. В обществах, относящихся к стадии позднего варварства, наблюдается значительное расслоение на подгруппы той социальной группы, которую можно обобщенно назвать «праздным классом»; между этими подгруппами существует также дифференциация по видам деятельности. Праздный класс в целом включает в себя представителей знати и священнослужителей вместе с многочисленным их окружением. Соответственно разнообразны и занятия среди этого класса, но они имеют общую экономическую черту — непроизводительный характер деятельности. Эти непроизводительные виды деятельности высшего класса можно грубо разделить на следующие сферы: управление, военное дело, религия, спорт и развлечения.

На относительно ранних, однако не начальных стадиях варварства праздный класс находится в менее дифференцированном состоянии. Ни классовые различия, ни различия между сферами деятельности праздного класса еще не являются столь дробными и запутанными. На примере жителей островов Полинезии, в общем, хорошо прослеживается этот этап развития, за тем исключением, что из-за отсутствия на островах крупной дичи охота обычно не занимает в их жизненном укладе почетного места. Яркий пример дает также жизнь общества в Исландии, запечатленная в сагах. В таком обществе существуют строгие различия между классами и занятиями, присущими каждому классу. Ручной труд, производство и все, что непосредственно связано с ежедневным трудом по добыванию средств к существованию, — всем этим занимаются исключительно низшие слои. Эти последние включают в себя рабов и других зависимых людей, к которым относятся обычно и все женщины. Если аристократия делится на несколько ступеней, то женщины высшего ранга обычно освобождаются от производственной деятельности или по меньшей мере от наиболее грубых видов ручных работ. Мужчины высших слоев общества не только освобождаются, но, по предписывающему обычаю, не допускаются ни к какому участию в производстве. Сфера их занятий строго ограничена. Как уже отмечалось, на более высокой стадии развития общества это — правительственная, военная, религиозная служба, спорт и развлечения. Эти четыре направления определяют образ жизни высших слоев, а для высочайшего ранга — вождей и королей — они являются единственными видами деятельности, которые допускаются обычаем или здравым смыслом членов общества. В самом деле, там, где эта система хорошо развита, даже спорт и развлечения не считаются безусловно оправданными занятиями для членов самого высшего слоя общества. Для более низких слоев праздного класса возможны некоторые другие виды деятельности, но это те ее виды, которые являются вспомогательными для одного или другого из типичных занятий праздного класса. Таковыми являются, например, изготовление оружия, военного снаряжения, военных каное и уход за ними, содержание и дрессировка собак, лошадей, ястребов, подготовка утвари для богослужения. Низшие слои не допускаются к этим второстепенным видам почетной деятельности, за исключением тех из них, которые носят явно производственный характер и лишь отдаленно связаны с типичными занятиями праздного класса.

Если мы сделаем шаг назад и перейдем на более раннюю ступень эволюции варварской культуры, мы уже не найдем вполне оформившегося праздного класса. Но эта низшая ступень варварства демонстрирует те обычаи, причины и обстоятельства, из которых возник праздный класс, и в общих чертах показывает ранние этапы его становления. На примере

кочующих охотничьих племен в различных частях света можно проследить эти менее сложные фазы дифференциации общества. В качестве примера подходит любое племя охотников Северной Америки. Едва ли можно утверждать, что у этих племен праздный класс имеет установившиеся границы. Существует разделение функций, и на основе этого разделения — различие между классами, однако освобождение от труда класса, стоящего выше других, не зашло так далеко, чтобы к нему было вполне применимо название «праздный класс». У племен, которые можно отнести к этому уровню развития, экономическая специализация доведена до такой степени, когда начинают заметно различаться занятия мужчин и женщин и это различие носит характер противопоставленности. Почти во всех этих племенах за женщинами, по предписывающему обычаю, закрепляются те виды деятельности, из которых на следующем этапе развиваются формы собственно производственных занятий. Мужчины освобождаются от этой грубой деятельности и оставляют за собой войну, охоту, развлечения и соблюдение обрядов благочестия. В этих занятиях различия видны очень хорошо.

Такое разделение труда соответствует различиям между работающим и праздным классами, как оказывается, и на более высших ступенях развития варварства. По мере специализации производства и размежевания по видам деятельности возникает соответствующая разграничительная линия, отделяющая производственную деятельность от непроизводственной. Занятия мужчин, какими они являются на ранних стадиях варварства, не становятся первоосновой, из которой впоследствии развивается какая-либо ощутимая часть производственной деятельности. В дальнейшем эти занятия остаются в сферах, которые не причисляются к производственной деятельности, — война и политика, спортивные состязания, образование, богослужение. Единственными заслуживающими внимания исключениями являются отчасти рыбный промысел, а также определенная деятельность, которую нельзя безоговорочно отнести к производственной, такая, как изготовление оружия, игрушек и предметов для занятий охотой и спортом. Практически весь ряд производственных видов деятельности развивается на основе того, что в обществе, находящемся на стадии варварства, попадает в разряд женской работы.

На низших этапах эволюции общества в эпоху варварства работа мужчин не менее необходима для жизни группы, чем работа, выполняемая женщинами. Возможно даже, работа мужчин вносит такой же большой вклад в добычу пищи и других необходимых для группы предметов потребления. В самом деле, «производственный» характер работы мужчин так очевиден, что в традиционных трудах по экономике охота считается типичным образцом первобытной производственной деятельности. Но не так обстоит дело в представлении самого охотника первобытного общества. В его собственных глазах он не работник, и в этом отношении его нельзя ставить в один ряд с женщинами и его труд нельзя приравнивать к нудной работе, выполняемой женщинами, как работу или производственную деятельность в том смысле, что непозволительно путать его усилия с усилиями последних. В эпоху варварства в любом обществе присутствует глубокое понимание неравенства между работой мужчин и работой женщин. И хотя работа мужчины может способствовать поддержанию жизни группы, но она воспринимается как деятельность, связанная с обладанием определенным мастерством и силой, которые нельзя, не умаляя их достоинств, даже сравнивать с унылым усердием женщин.

При следующем шаге вниз по лестнице эволюции, на стадии диких групп, разделение труда становится еще менее сложным, а вызывающие зависть различия между классами и видами деятельности — менее последовательными и жесткими. Трудно найти явные примеры первобытной культуры, в настоящее время. Мало в каких группах или общностях, которые причисляют к «диким», обнаруживаются признаки отхода от более высоких ступеней развития. Однако существуют племена, которые с некоторой степенью точности воспроизводят — в ряде случаев явно не в результате регресса — черты первобытного дикарства. Их культура отличается от варварских сообществ отсутствием праздных классов, а также — в значительной степени — и того предубеждения или духовной позиции, на

которой покоится институт праздного класса. Эти общности первобытных дикарей, где нет никакой экономической иерархии слоев, составляют лишь малую, незаметную часть человеческой расы. Лучший из-имеющихся примеров этого этапа эволюции — племена *of the Andamans* или *the Todas of Nilgiri Hills*. Для уклада жизни этих племен во времена их ранних контактов с европейцами было, по-видимому, характерно почти полное отсутствие праздного класса. В качестве дальнейших примеров можно привести племена айну, и с меньшей степенью уверенности некоторые племена бушменов и эскимосов. В тот же класс, но уже без особой уверенности, следует включить некоторые поселения индейцев. Многие, если не все, из названных общностей вполне могут оказаться случаями вырождения более развитого варварства, а не носителями такой культуры, которая никогда не поднималась выше своего настоящего уровня. Если это так, то на это нужно делать скидку, помня о целях нашего исследования, но тем не менее эти народности могут служить свидетельством в пользу того же вывода, как если бы они действительно представляли собой «первобытное» население.

Эти общности, где нет сложившегося института праздного класса, похожи друг на друга рядом общих черт их социального устройства и образа жизни. Это — малые-группы с простым (архаичным) устройством; обыкновенно они миролюбивы и оседлы; они бедны; их индивидуальная собственность не является преобладающей чертой в системе экономических отношений. В то же время отсюда не следует ни то, что это самые малые из существующих общностей, ни то, что их социальная структура-во всех отношениях менее дифференцирована; не обязательно в этот класс включаются все находящиеся на первобытном уровне общности, у которых нет сложившейся системы индивидуальной собственности. Но нужно заметить, что этот класс включает наиболее миролюбивые — возможно, миролюбие является их характерной чертой — первобытные группы людей. В самом деле, из черт, общих для членов таких общностей, наибольшего внимания заслуживает некая дружелюбная беспомощность при столкновении с силой или обманом.

Свидетельства, предоставляемые обычаями и чертами культуры общностей, находящихся на низкой ступени развития, указывают, что институт праздного класса появляется постепенно во время перехода от первобытного дикарства к варварству, или, точнее, во время перехода от миролюбивого к последовательно воинственному укладу жизни. Условиями, очевидно необходимыми для его появления, являются: 1) у общности должен быть хищнический уклад жизни (война или охота на крупную дичь или и то и другое), т. е. мужчины, составляющие в этих случаях зарождающийся праздный класс, должны усвоить привычку причинять ущерб силой и хитростью; 2) средства для поддержания жизни должны доставаться на достаточно легких условиях с тем, чтобы можно было освободить значительную часть общества от постоянного участия в труде по заведенному распорядку. Институт праздного класса развивается из возникшего ранее разграничения видов деятельности, согласно которому одни виды почетны, а другие — нет. При этом древнем разграничении почетными видами занятий являются те, которые можно отнести к разряду доблестной деятельности, непочетными — те необходимые повседневные занятия, которые никакого ощутимого элемента доблестной деятельности не содержат.

Это разграничение не имеет большого значения в современном промышленном обществе и вследствие этого лишь слегка затрагивается на страницах трудов по экономике. С точки зрения современного здравого смысла, направлявшего развитие экономической мысли, это разграничение кажется формальным и несущественным. Но даже в наши дни оно продолжает упорно сохраняться в виде банального предрассудка, о чем свидетельствует, например, наше привычное отвращение к лакейским видам занятий. Это — разграничение личного порядка, разграничение превосходства и подчинения. На ранних ступенях развития цивилизации, когда личная сила одного человека имела более непосредственное и очевидное значение, элемент доблести высоко ценился в укладе повседневной жизни. Это обстоятельство в большей степени, чем что-либо другое, являлось средоточием жизненного интереса. В результате любое различие, развивающееся на этой почве, казалось важнее и

значительнее, чем оно кажется сегодня. Как факт в ходе эволюции общества это различие, следовательно, является существенным и покоится на достаточно веских и убедительных основаниях.

Основание для привычного различения каких-либо «фактов» меняется вместе с изменением привычной точки зрения на эти факты. Характерными и существенными являются те черты рассматриваемых фактов, которые приобретают значимость в свете преобладающих потребностей времени. Для всякого, кто привык смотреть на данные факты с иной точки зрения, любое конкретное основание для различения этих фактов будет казаться несущественным. Привычка различать и классифицировать цели и направления деятельности везде и во всем преобладает над необходимостью, ибо без этого не обходится выработка рабочей теории общественной жизни, как и самой системы жизни общества. Отдельная точка зрения или отдельный характерный признак, который выбирается для классификации фактов в качестве отличительного признака, зависит от интересов, из которых исходит человек в поисках различия между фактами. Следовательно, с развитием культуры постепенно меняются основания и критерии классификации фактов, ибо изменяется аспект обобщения и понимания фактов и в результате также меняется точка зрения. Так что те признаки деятельности или черты социального слоя, которые воспринимаются как характерные и решающие на одной ступени развития культуры, не сохраняют того же относительного значения на любом последующем этапе.

Но изменение норм и смещение точек зрения происходит постепенно, редко приводя к ниспровержению или полному отрицанию однажды принятой позиции. По привычке все еще проводится различие между производственными и непроизводственными занятиями, и это сегодняшнее различие является преобразованной формой различия периода варварства между доблестным трудом и нудной работой. Такие виды деятельности, как военное дело, политика, богослужение и спортивные состязания воспринимаются обществом как занятия, по своей сути отличные от труда, который связан с производством материальных средств существования. Точная разграничительная линия проходит не там, где она проходила в укладе раннего-варварства, но общее различие не вышло из употребления.

Сегодня это подразумеваемое различие, диктуемое здравым смыслом, в сущности означает, что любые усилия следует считать производственными лишь до той поры, пока их конечной целью является пользование вещами, а не людьми. Принудительное использование человеком человека не воспринимается как производственная функция, но всякие усилия, направленные на улучшение человеческой жизни посредством извлечения выгоды из вещного окружения человека, попадают в разряд производственной деятельности. Те экономисты, которые лучше других сохранили и развили классическую традицию, считают критерием производственной деятельности «власть человека над природой». Эта власть производства над природой понимается как власть человека над жизнью животных и над всеми стихийными силами. Таким образом, проводится граница между человеком и неразумным миром.

В иные времена и среди людей, полных предрассудков, эта граница пролегла не совсем там, где мы проводим ее сегодня. В укладах жизни первобытного или варварского общества она проводится в другом месте и другим образом. Во всех обществах во времена варварской культуры живет недремлющее чувство контраста между двумя обширными группами явлений, в одну из которых варвар включает самого себя, а во вторую — свой провиант. Между экономическими и неэкономическими явлениями ощущается противоположность, но понимается она не так, как сегодня: противопоставляются не человек и неразумный мир, а одушевленное и инертное.

Может быть, в наши дни излишняя предосторожность разъяснить, что понятие варварской культуры, которое мы намереваемся передать словом «одушевленный», не идентично тому, которое можно передать словом «живой». Слово «одушевленный» не охватывает все живое, но в то же самое время включает в себя весьма много других предметов. Такие удивительные явления природы, как грозы, болезни, водопады, считались

«одушевленными», тем не менее плоды и травы, а также не очень заметные животные и насекомые, например мухи, личинки, мыши, овцы, обыкновенно не воспринимались как «одушевленные», кроме тех случаев, когда они понимаются собирательно.

Под этим термином в том смысле, в каком он здесь употребляется, не обязательно подразумевается наделение душой или духом. Это понятие включало в себя такие вещи, которые в анимистическом понимании дикаря или варвара грозны по причине действительного или приписываемого им свойства первыми начинать враждебные действия. Эту категорию составляет большое число разнообразных естественных предметов и явлений. Такое разграничение инертного и активного все еще присутствует в образе мышления ограниченных людей и находит глубокое отражение в распространенных представлениях о человеческой жизни и природных процессах, но оно не распространяется на нашу жизнь до той степени и с теми далеко идущими практическими последствиями, которые обнаруживаются на ранних ступенях развития культуры и истории верований.

Уму варвара обработка и использование того, что может дать инертная природа, представляется деятельностью, совершенно другого рода, нежели при столкновении с «одушевленными» вещами и силами. Граница может быть размытой и подвижной, но это общее различие является достаточно реальным и веским, чтобы оказывать влияние на уклад жизни общества в эпоху варварства. Классу вещей, понимаемых как одушевленные, воображение варвара приписывает развертывание каких-либо целенаправленных действий. Именно эта телеологически понимаемая активность и делает любой предмет или явление «одушевленным». Всякий раз, когда неразумный дикарь или варвар встречается с действиями, которые являются для него серьезным препятствием, он истолковывает их с точки зрения единственно доступных ему представлений о его собственных поступках. Активность, таким образом, связывается с человеческими действиями, и активные предметы в той же мере уподобляются человеку как агенту действия. Явления такого характера, особенно те, которые «ведут себя» весьма угрожающе или сбивают с толку, приходится встречать иначе, с умением, отличным от того, что требуется в обращении с инертными вещами. Успешные попытки совладать с такими явлениями, скорее, героическое деяние, чем труд. Здесь утверждается доблесть, а не усердие.

В силу этого наивного разграничения инертного и одушевленного, действия членов первобытной группы распадается на два вида, которые, пользуясь современным языком, можно назвать доблестной деятельностью и производственной деятельностью, или трудом. Труд — это усилия, расходуемые на создание новой вещи, с новым назначением, которое, придавая форму пассивному, «грубому материалу», дает ей изготовитель; в то время как доблестная деятельность до той поры, пока ее исход полезен агенту, есть обращение на свои собственные цели сил, ранее направлявшихся на какую-либо другую цель другим агентом. Мы все еще употребляем выражение «грубый материал», в котором есть что-то от того древнего значения, которое варвар вкладывал в слово «грубый».

Различие между подвигом и низкой работой совпадает с различием между полами. Два пола различаются не только телосложением и мускульной силой, но и, возможно даже более решительным образом, темпераментом, а это, должно быть, рано стало поводом к соответствующему разделению труда. Общий круг деятельности, где можно совершить подвиг, приходится на мужской пол, представители которого крепче, крупнее телосложением, способнее к внезапному и сильному напряжению, более склонны к самоутверждению, активному соперничеству и агрессии. Различия в весе, характере физиологии и темпераменте среди членов первобытной группы могут быть слабыми; они действительно оказываются сравнительно слабыми и незначительными в некоторых наиболее архаичных из существующих сегодня и знакомых нам общностей — например, в племенах Андаманских островов. Но коль скоро различие функций начинается в направлениях, задаваемых различием в сложении тела и духа, исходные различия между полами будут усугубляться. Совокупный процесс отбора и адаптации к новому распределению занятий происходит быстрее, если место обитания либо фауна, с которыми

группа людей находится в постоянном взаимодействии, таковы, что требуют значительной выносливости. Привычная погоня за крупной дичью требует больше мужских качеств, массивного телосложения, ловкости и жестокости, и поэтому она может углубить разделение функций между полами. А как только группа людей вступает во враждебное взаимодействие с другими группами, расхождение в функциях будет принимать зрелую форму различия между доблестной деятельностью и трудом.

В такой хищнической группе охотников сражение и охота становятся функцией здоровых мужчин. Вся какая ни есть другая работа выполняется женщинами, при этом другие члены общности, которые не пригодны для мужской работы, попадают в один разряд с женщинами. Однако и охота и сражения, в которых участвуют мужчины, — занятия одного свойства. По своему характеру и те и другие являются хищническими; и воин и охотник собирают урожай там, где не сеяли. Проявление ими своей силы и сообразительности явно отличается от той усердной и лишенной событий работы, которую выполняют женщины, занимаясь обработкой материалов; занятия мужчин надо считать не производительным трудом, а, скорее, приобретением материальных ценностей путем захвата. При такой деятельности мужчины-варвара, которая в ее развитом виде в корне расходится с женской работой, всякие усилия, не связанные с утверждением доблести, становятся недостойными мужчины. Когда такая традиция обретает устойчивость, общий здравый смысл возводит ее в канон поведения, поэтому для уважающего себя мужчины на этой стадии развития культуры никакое занятие и никакое приобретение невозможно нравственно, если оно не зиждется на доблести — силе или обмане. Когда в социальной группе в результате долгого усвоения привычки устанавливается хищнический образ жизни, общепризнанной экономической функцией здорового мужчины становится убийство, уничтожение в борьбе за существование тех соперников, которые пытаются противостоять ему или скрыться, преодоление и обращение в свое подчинение упорно заявляющих о себе враждебных сил внешней среды. Это представление о различии между доблестной деятельностью и унылой работой укореняется так сильно и оказывается таким взыскательным, что во многих охотничьих племенах мужчина не может сам приносить убитую им дичь, а должен посылать жену, чтобы та выполнила эту более низкую функцию.

Как уже указывалось, различие между доблестной деятельностью и тяжелой, нудной работой есть вызывающее зависть различие между видами занятий. Те виды занятий, которые следует относить к разряду доблестной деятельности, — достойные, благородные занятия, другие виды занятий, не содержащие элемента доблести, и особенно те из них, которые предполагают услужение либо подчинение, — недостойные, неблагородные. Понятие о достоинстве, достойности или чести в применении к человеку или его поступкам является понятием первостепенной важности в развитии классовых различий, и поэтому необходимо кое-что сказать о его происхождении и значении. Его психологическую основу можно показать в общих чертах следующим образом.

Будучи объектом неизбежного отбора, человек является агентом деятельности. Он в его собственном понимании есть центр разворачивающейся под действием побуждений деятельности — «телеологической» деятельности. Он — агент, стремящийся во всяком действии к достижению какой-либо конкретной, объективной безличной цели. В силу того, что он является таким агентом, он наделен склонностью к работе, приносящей результаты, и испытывает неприязнь к напрасным усилиям. Он отдает себе отчет в достоинствах, которыми обладают такие качества, как полезность или результативность, и не видит достоинств в бесполезности, пустой трате сил или неспособности (к труду). Эту склонность или предрасположение к эффективным действиям можно назвать «инстинктом мастерства». Там, где традиции общественной жизни или обстоятельства приводят к привычному сравнению одного человека с другим по эффективности их действий, там в сопоставлении себя с соперником, в сравнении, вызывающем зависть, вырабатывается инстинкт мастерства. До какой степени это происходит, в известной мере зависит от характера населения. В той общности, где становится обычным такое основанное на зависти сравнение,

демонстративное преуспевание как основа уважения становится целью, преследуемой ради нее самой. Проявляя свои способности в действии, человек обретает уважение и избегает порицания. В результате инстинкт мастерства выливается в соперничество и демонстрацию перед другими своей силы.

На ранней стадии социального развития, когда общество обыкновенно еще ведет мирный и, возможно, оседлый образ жизни, а система индивидуальной собственности еще не развита, наиболее полное проявление способностей отдельного человека может происходить главным образом в занятиях, направленных на поддержание жизни группы. Какую бы форму ни принимало экономическое соперничество между членами такой группы, оно будет касаться главным образом полезности членов общности в трудовой деятельности. В то же время побуждение к соперничеству не велико, а сфера его проявления ограничена.

Когда общество переходит от стадии миролюбивого дикарства к хищнической фазе, условия соперничества изменяются. Побудительные мотивы становятся более вескими и настоятельными, и сама возможность соперничества значительно увеличивается. Действия мужчин все более приобретают характер доблестной деятельности, а вызывающее зависть сравнение одного охотника или воина с другим становится все более простым и привычным. Трофеи — осязаемое доказательство доблести — занимают определенное место в образе мыслей людей как неотъемлемый атрибут существования. Захваченная добыча, трофеи охоты или налета начинают цениться как свидетельства выдающейся силы. Агрессия становится общепринятой формой боевых действий, добыча служит в качестве *prima facie* свидетельства успешной агрессии. Как принято, на этой ступени развития культуры борьба становится общепризнанной, достойной формой самовыражения, а полезные предметы или услуги, получаемые захватом или грабежом, служат в качестве традиционного свидетельства успешной борьбы. Таким образом, в силу противопоставления получение материальных предметов способами, отличными от захвата, начинает считаться недостойным высокого звания человека. Та же одиозность и по той же причине распространяется на выполнение производственной работы или занятость в личном услужении. Таким образом возникает вызывающее зависть различие между доблестной деятельностью и приобретением посредством захвата, с одной стороны, и производственной занятостью — с другой. Труд приобретает характер нудного занятия в силу пренебрежительного к нему отношения.

До тех пор пока простое содержание понятия «почетный» в сознании первобытного варвара не разветвляется и не скрывается за ростом вторичных однородных понятий, оно не означает, видимо, ничего другого, кроме утверждения превосходящей силы. «Почетный» — значит «грозный»; «достойный» — значит «сильный». Вызывающий почтение поступок при подробном анализе практически не отличается от признанного успешного акта агрессии; а там, где агрессия означает столкновение с людьми или животными, особенно почетными, и прежде всего почетными, оказываются те действия, в которых побеждает сила и хватка.

Наивная архаичная привычка истолковывать все проявления силы с точки зрения отдельной личности или «силы воли» значительно укрепляет традицию возвеличивания сильного. Эпитеты почтения, модные среди варварских племен так же, как и среди народов с более развитой культурой, обычно несут на себе печать этого неосложненного понимания чести. Эпитеты и титулы используемые при обращении к вождям и при умиротворении царей и богов, очень часто наделяют того, кого нужно умиловить, неотразимой разрушительной силой и склонностью к властному насилию. До некоторой степени это справедливо и в отношении более цивилизованных обществ в настоящее время. Проявляющееся в геральдических изображениях пристрастие к более кровавым животным и охотящимся хищным птицам подкрепляет ту же точку зрения.

При том, как здравый смысл варвара расценивает достоинство и почет, лишать жизни — убивать грозных соперников, будь то люди или неразумные твари, считается в высшей степени почетным. И эта высокая миссия кровопролития как выражение силы умерщвляющего придает блеск достоинности всякому акту и всем орудиям и аксессуарам кровопролития. Оружие — это почет, его применение для лишения жизни даже самых

мелких земных созданий становится почетным делом. В то же время занятие в производстве становится соответственно ненавистным, а обращение с орудиями и принадлежностями труда оказывается ниже достоинства здоровых мужчин. Труд становится нудным.

Мы полагаем, что в ходе эволюции культуры первобытные группы людей перешли от начальной миролюбивой стадии к последующей стадии, в которой характерным и открыто признаваемым занятием группы становится сражение. Однако это не означает, что произошел внезапный переход от нерушимого мира и доброжелательности к более поздней, или высшей, фазе общественной жизни, в которой впервые встречается факт боевых действий. Не означает это и того, что при переходе к хищнической фазе в обществе прекращается всякая мирная производственная деятельность. Можно с уверенностью сказать, что с какими-то фактами сражений мы встречаемся на любой ранней стадии развития общества. Достаточно часто факты сражений должны были бы иметь место вследствие соперничества внутри пола. Убедительными доводами в пользу такого вывода являются как обычаи знакомых нам первобытных групп, так и поведение человекообразных обезьян, а рассмотрение общеизвестных побуждений, свойственных природе человека, убеждает в правильности такого взгляда.

Можно, следовательно, возразить, что могло и не быть такой начальной, как здесь предполагается, стадии мирной жизни. Не существует такого момента в эволюции, раньше которого сражения не встречались бы. Но суть рассматриваемого вопроса не в том, что касается частоты случаев боевых действий, редких или нерегулярных или же достаточно частых и обычных; вопрос в том, имеет ли место ставшее привычным воинствующее расположение духа, т. е. преобладающая привычка судить о фактах и событиях с точки зрения схватки. Хищническая фаза развития культуры достигается лишь тогда, когда хищнический настрой становится для членов группы общепринятым духовным настроением, когда сражение становится доминантовой нотой в общепринятом представлении о жизни общества, когда здоровой оценкой людей и вещей становится оценка в расчете на борьбу.

Существенное различие между миролюбивой и хищнической фазами развития культуры является, следовательно, не механистическим различием, а различием в сознании. Изменение духовного настроения есть результат изменения материальных сторон жизни группы, и наступает оно постепенно, по мере возобладания материальных обстоятельств, благоприятствующих хищнической позиции. Развитие такой культуры ограничено снизу производством. Хищничество не может стать источником средств какой-либо группы или какого-либо класса до тех пор, пока способ производства не достигнет такой степени эффективности, чтобы сверх поддержания жизни тех, кто занят добыванием средств к существованию, оставлять запас, стоящий того, чтобы его отвоевывать. Переход от мира к хищничеству зависит поэтому от роста специальных знаний и использования инструментов. Подобным образом становление хищнической культуры остается невозможным до более позднего времени, когда оружие достигает такого совершенства, что превращает человека в грозное животное. Раннее совершенствование оружия и орудий труда — это, безусловно, один и тот же процесс, рассматриваемый с двух разных точек зрения.

Жизнь той или иной группы будет характеризоваться как миролюбивая до тех пор, пока обычай обращаться к сражению не выдвигает борьбу на первый план в повседневном сознании людей, пока она не становится главенствующим признаком общественной жизни человека. Группа, очевидно, может усваивать хищническую позицию в большей или меньшей степени, поэтому образ жизни и каноны поведения в группе могут в большей или меньшей мере быть подвержены духу хищничества. Таким образом, понимается, что данная фаза культуры наступает постепенно, через совокупное развитие хищнических склонностей, привычек и традиций; подобное развитие происходит вследствие таких изменений в условиях коллективной жизни, которые позволяют сохранять и развивать те свойства человеческой природы, которые приводят к хищничеству, а не к миролюбивому образу жизни.

Свидетельства в пользу гипотезы существования такой миролюбивой стадии

первобытной культуры выводятся по большей части не из этнологии, а из психологии, и здесь мы не можем останавливаться на них подробно. Мы отчасти вернемся к ним в одной из следующих глав при рассмотрении вопроса о сохранении архаичных черт человеческой природы в условиях современной культуры.

Глава II. Денежное соперничество

В процессе эволюции культуры возникновение праздного класса совпадает с зарождением собственности. Это непременно так, ибо эти два института являются результатом действия одних и тех же экономических сил. На этапе зарождения это всего лишь разные аспекты одних и тех же общих фактов о строении общества.

В свете стоящих перед нами целей собственность и праздность представляют интерес именно как элементы социальной структуры, как традиционное явление. Привычное пренебрежение работой не достаточно для выделения праздного класса; одно только механистическое рассмотрение факта наличия в обществе пользования в потребления также не позволяет выделить институт собственности. В настоящем исследовании, таким образом, не рассматривается зарождение праздности, а также начало присвоения полезных предметов в целях индивидуального потребления. Интересующими нас моментами являются происхождение и природа традиционного праздного класса, с одной стороны, и истоки индивидуальной собственности как освященного традицией права или справедливого притязания — с другой.

Ранней дифференциацией, из которой возникло расслоение общества на праздный и работающий классы, является поддерживающееся на низших ступенях варварства различие между мужской и женской работой. Таким же образом самой ранней формой собственности является собственность на женщин со стороны здоровых мужчин общины. Этот факт можно выразить в более общих словах и ближе к пониманию жизни самими варварами, сказав, что это — собственность на женщину со стороны мужчины.

До того как возник обычай присвоения женщин, несомненно, имело место присвоение каких-то полезных предметов. Такая точка зрения оправдывается практикой существующих архаичных общин, в которых нет собственности на женщин. Во всяком обществе его члены того и другого пола привычным образом присваивают в личное пользование целый ряд полезных вещей, но эти полезные вещи не мыслятся как собственность человека, который их присваивает и потребляет. Закрепленное привычкой присвоение и потребление определенного незначительного движимого имущества происходит без возникновения вопроса о собственности, т. е. вопроса, установленного традицией справедливого притязания на посторонние по отношению к индивиду предметы.

Женщины попадают в собственность на низших ступенях варварской культуры, по-видимому, начиная с захвата пленниц. Первоначальной причиной захвата и присвоения женщин была, вероятно, их полезность в качестве трофеев. Практика захвата у врага женщин в качестве трофея привела к возникновению собственности в форме брака, приведшему к семье с мужчиной во главе. Вслед за этим рабство распространяется на других пленников и людей, попадающих в подчинение, кроме женщин, а собственность в форме брака распространяется не только на тех, что захвачены у врага, а и на других женщин. Продуктом соперничества в условиях хищничества таким образом явились, с одной стороны, возникновение формы брака, опирающегося на принуждение, и, с другой — обычай владения собственностью. Эти два института неразличимы в начальной стадии своего развития, они оба возникают из стремления преуспевающих мужчин представить в доказательство проявленной доблести что-то надежное. Они оба также находятся в подчинении у той склонности к мастерству, которая пронизывает все хищнические общества. Понятие собственности распространяется от женщин как объектов собственности на продукты их труда; таким образом, возникает собственность как на людей, так и на вещи.

Таким путем устанавливается стройная имущественная система. И хотя на поздних

ступенях развития общества полезность предметов в потреблении стала наименее явным параметром их ценности, богатство все же ни в коей мере не утратило своего сугубо практического значения как престижное свидетельство силы владельца.

Где бы ни обнаруживался институт частной собственности, пусть даже в слаборазвитой форме, там процесс экономического развития носил характер борьбы за обладание имуществом. В экономической теории, особенно среди тех экономистов, которые привержены современным доктринам классического толка, вошло в обычай понимать эту борьбу за богатство как, по сути дела, борьбу за существование. Несомненно, она носит по большей части именно такой характер на ранних, менее производительных этапах трудовой деятельности. Таковым является ее характер и там, где «скупость природы» так велика, что предоставляет обществу лишь скудное пропитание в обмен на энергичные и непрестанные усилия, направляемые на добывание средств к существованию. Однако во всех развивающихся обществах в настоящее время сделан шаг вперед от той ранней ступени развития технологии. Эффективность производства доведена в настоящее время до такого уровня, когда производство предоставляет занятым, в трудовом процессе нечто существенно большее, чем едва-достаточные средства к существованию. В экономической теории стало обычным говорить о продолжающейся на новой производственной основе борьбе за благосостояние как о соревновании за увеличение жизненных благ — прежде всего материальных, — предоставляемых системой материального потребления.

Целью приобретения и накопления принято считать потребление накопленных материальных благ — будь то потребление непосредственно самим владельцем или его семьей, которая при таком теоретическом подходе отождествляется с ним. По крайней мере считается, что экономическая теория вправе принимать в расчет одну только эту цель приобретения. Можно, конечно, подразумевать, что такое потребление служит материальным нуждам потребителя — его материальному благу или же его так называемым высшим запросам, духовным, эстетическим, интеллектуальным и всяким прочим, причем последние обслуживаются материальным потреблением косвенно, что должно быть некоторым образом знакомо всем интересующимся экономикой.

Однако только в том случае, когда термин «материальное потребление» взят в далеком от своего наивного смысла значении, можно сказать, что материальное потребление дает силу стимулу, от которого неизменным образом происходит накопление. Мотив, лежащий в основе собственности, — соперничество; этот же мотив соперничества, на базе которого возникает институт собственности, остается действенным в дальнейшем развитии этого института и в эволюции всех тех черт социальной структуры, к которым собственность имеет отношение. Обладание богатством наделяет человека почетом, почет выделяет людей и делает их объектом зависти. Нельзя сказать ничего столь же веского ни о потреблении материальных благ, ни о каком-либо другом стимуле к приобретению, и в частности ни о каком стимуле к накоплению.

Не следует, конечно, упускать из виду тот факт, что в обществе, где почти все материальные ценности являются частной собственностью, необходимость зарабатывать средства к жизни есть мощный вездесущий стимул для более бедных членов общества. Потребность в поддержании существования и в увеличении материальных благ может в течение какого-то времени быть преобладающим мотивом приобретения для тех классов, которые, по обычаю, заняты ручным трудом, чьи средства к существованию не имеют надежного основания и которые владеют малым и обыкновенно немного накапливают; однако в ходе рассмотрения выяснится, что даже у этих бедных классов преобладание стимула потребления материальных благ не является таким неоспоримым, как иногда предполагают. С другой стороны, для членов и слоев общества, которые главным образом заняты накоплением богатства, стимул поддержания жизни и потребления материальных благ значительной роли не играет. Причины зарождения и становления института собственности не связаны с тем минимумом средств, который нужен для поддержания жизни. Главный стимул исходил сначала из различий и зависти, связанных с уровнем благосостояния, и

никакой другой стимул, кроме как временно и в силу исключения, на более поздней ступени развития не захватывал главенствующего положения.

Имущественная собственность появилась, когда добыча, захваченная в ходе успешных набегов, стала выступать в качестве трофеев. До той поры, пока группа не отошла далеко от первобытнообщинной организации и находилась в тесном соприкосновении с другими, враждебными группами, полезность людей и вещей, попадавших в собственность, заключалась главным образом в том, что обладание ими давало основание для проведения завистнического сопоставления между их владельцем и врагом, у которого они были отобраны. Обычай дифференциации интересов индивида и интересов тех, кто принадлежит к его же группе, появился, по-видимому, позже. Завистническое выявление соотношения между обладателем престижной добычи и его менее удачливыми соплеменниками, вероятно, рано стало выступать в качестве полезного компонента, хотя вначале оно и не составляло главного элемента ценности в предметах собственности. Мужская доблесть еще была прежде всего групповой доблестью, и обладатель добычи еще чувствовал себя главным образом хранителем чести своей группы. С такой оценкой доблестной деятельности с общинной точки зрения мы встречаемся также и на более поздних ступенях развития общества, особенно в военных почестях.

Однако как только обычай индивидуальной собственности обретает постоянство, начинает меняться и точка зрения в завистническом сопоставлении, на котором покоится частная собственность. На самом деле одно изменение является лишь отражением другого. Начальная стадия развития института собственности, стадия приобретения путем откровенного захвата и обращения в свою пользу, переходит в следующую стадию — стадию организации производства, зарождающегося на основе частной собственности (на рабов); племя развивается в более или менее экономически самостоятельную производственную общность; теперь приобретения начинают цениться не столько как свидетельства успешного исхода набега, а, скорее, как свидетельства превосходства обладателя этих материальных ценностей в силе над другими индивидами в пределах общности. Завистническое сопоставление теперь становится прежде всего сравнением владельца собственности с другими членами группы. Собственность еще сохраняет природу трофея, но с развитием культуры счет трофеев, свидетельствующих об успехах, все более становится счетом успехов в азартной погоне за собственностью, ведущейся между членами группы по квазимиролюбивым правилам кочевой жизни.

По мере того как хищническая деятельность вытесняется производственной деятельностью в повседневной жизни общины, а также в образе мышления людей, трофеи хищнических набегов как общепринятый показатель успеха и превосходства в силе постепенно, но все более заменяются накапливаемой собственностью. С ростом налаженного производства обладание богатством приобретает все большее относительное значение и набирает силу в качестве привычной основы уважения и почета. Не то чтобы другие, более непосредственные свидетельства доблести перестают вызывать уважение или что успешный акт хищнической агрессии или военный подвиг перестают вызывать одобрение и восхищение толпы или возбуждать зависть менее удачливых соперников; но возможность отличиться посредством такой прямой демонстрации своей превосходящей силы становится все меньшей и предоставляется все реже. В то же время возможностей для агрессии в сфере производства и накопления собственности квазимирными способами в кочевом скотоводстве становится больше, и они предоставляются чаще. Еще: более уместным будет сказать, что собственность является теперь самым ярким доказательством успеха, достойного почитания, отличаясь от героического или выдающегося достижения. Она становится, таким образом, общепринятой основой уважения. Для того чтобы занять сколько-нибудь почетное положение в обществе, обладание некоторой собственностью просто необходимо. Чтобы сохранить свое доброе имя, каждый человек теперь обязательно должен накапливать и приобретать собственность. Став, таким образом, общепринятым признаком способностей, накопленные материальные ценности вскоре приобретают характер независимой и

определенной основы уважения. Обладание материальными ценностями, добытыми своими собственными агрессивными усилиями или же пассивным образом, путем унаследования от других, является общепринятой основой почета. Обладание богатством, которое сначала ценилось просто как свидетельство проявленных способностей, само по себе становится в представлении людей похвальным делом. Само богатство по сути своей теперь почетно, ибо оно наделяет почетом своего обладателя. При дальнейшем совершенствовании института собственности богатство, приобретенное пассивно, путем унаследования от родственных предков или других предшественников, вскоре становится даже более почетным, чем состояние, приобретенное собственными усилиями владельца, однако это различие относится к более поздней ступени эволюции денежной культуры, и о нем будет идти речь в соответствующем месте изложения.

Хотя основой банальной почитаемости и безупречного положения в обществе становится обладание богатством, подвиги и доблесть могут все еще оставаться основанием для снискания самого высокого уважения людей. Хищнический инстинкт, а вслед за ним и одобрение хищнических способностей глубоко укоренились в образе мышления тех народов, которые прошли школу длительной хищнической культуры. Самыми высокими почестями, которые только можно заслужить у народа, все еще остаются почести, добытые проявлением чрезвычайных хищнических склонностей на войне или квазихищнических способностей в государственном управлении; но просто для приобретения приличного положения в обществе эти средства к достижению славы заменились приобретением и накоплением материальных ценностей. С тем чтобы пристойно выглядеть в глазах общества, необходимо подходить под некий несколько неопределенный, принятый в обществе уровень благосостояния, точно так же как на ранней хищнической стадии варвару необходимо было подходить под принятый у племени уровень физической выносливости, ловкости и владения оружием. Некоторый уровень, в одном случае — наличие богатства, а в другом — доблести, есть необходимое условие почитания, а всякое превышение этого уровня достойно похвалы.

Те члены общества, которые не дотягивают до этой несколько неопределенной степени доблести или нормы собственности, теряют уважение своих собратьев, а вскоре теряют и свое собственное уважение, так как его обычной основой является почтение, оказываемое соседями. Только индивиды с характером, отклоняющимся от нормы, способны в конечном счете сохранить уважение к себе, несмотря на неуважение со стороны своих товарищей. Встречаются и видимые исключения из общего правила, особенно среди людей с сильными религиозными убеждениями. Однако эти случаи вряд ли представляют собой настоящие исключения, так как такие люди прибегают, по обыкновению, к мнимому одобрению со стороны некоего сверхъестественного свидетеля их деяний.

Как только обладание собственностью становится основой для уважения людей, оно тем самым становится также необходимым для той удовлетворенности собой, которую мы называем самоуважением. Во всяком обществе, где имеется обособление материальных ценностей, индивиду ради его собственного душевного покоя нужно владеть такой же долей материальных ценностей, как и другие, те, в один класс с которыми он, по обыкновению, себя помещает; и крайнее удовольствие — обладать несколько большим, чем другие. Но коль скоро человек делает новые приобретения и достигаемый им в результате этого новый уровень благосостояния становится для него привычным, этот новый уровень тотчас перестает доставлять сколь-нибудь большее удовлетворение, чем доставлял прежний. Во всяком случае, наблюдается общая тенденция к превращению существующего денежного уровня в отправной момент для нового увеличения богатства, а это в свою очередь выдвигает новый уровень достатка и новую расстановку сил между благосостоянием своих соседей и своим собственным. В том, что касается данного вопроса, цель, преследуемая накоплением, состоит в том, чтобы возвыситься над другими, приобрести большую денежную силу по сравнению с остальными членами общества. Пока для нормального, среднего индивида результат такого сравнения оказывается явно неблагоприятным, он будет жить в постоянной неудовлетворенности своим настоящим уделом; когда же он достигнет

уровня, который можно назвать престижной денежной нормой данного общества или данного слоя общества, его постоянная неудовлетворенность уступит место беспокойному, напряженному стремлению вырваться вперед и все более увеличивать разрыв между своим денежным состоянием и той средней престижной нормой. Индивид никогда не будет настолько удовлетворен результатом своего завистнического сопоставления, чтобы в борьбе за денежную престижность не иметь охоты поставить себя еще выше по отношению к своим соперникам.

Жажду богатства в силу ее природы почти невозможно утолить в каждом отдельном случае, а об удовлетворении общего стремления к богатству большинства, очевидно, не может быть и речи. Как бы всеохватывающе, поровну или «справедливо» ни распределялся общий прирост общественного благосостояния, он нисколько не приблизит насыщение той потребности, почвой для которой является стремление каждого превзойти всякого другого в накоплении материальных ценностей. Если бы, как иногда полагают, стимулом к накоплению была нужда в средствах существования или в материальных благах, тогда совокупные экономические потребности общества понятным образом могли быть удовлетворены при каком-то уровне развития производственной эффективности, но, поскольку борьба по сути является погоней за престижностью на основании завистнического сопоставления, никакое приближение к определенному уровню потребления невозможно.

Только что сказанное нельзя понимать так, что нет никаких других стимулов приобретения и накопления, кроме этого желания превзойти других в денежном положении и таким образом добиться уважения и зависти своего собрата. Стремление к большему комфорту и обеспеченности выглядит как повод к накоплению на каждой стадии этого процесса в современном промышленном обществе, хотя престижный уровень достатка в этом отношении в свою очередь находится в очень большой зависимости от привычки к денежному соперничеству. Этим соперничеством в значительной мере обусловлено формирование способов потребления и выбор предметов потребления для личных благ и приличных средств к жизни.

Помимо этого, мотивом к накоплению является власть, даруемая богатством. Склонность к целенаправленной деятельности и отвращение, испытываемое при всякой бесплодности своих усилий, присущи человеку в силу его свойства выступать в качестве агента действия и не покидают его даже тогда, когда он поднимается над уровнем наивной общинной культуры, где доминирующей нотой является не подвергаемое анализу и безраздельное единение индивида и группы, с которой связана его жизнь. Когда перед ним открывается хищнический путь, где своекорыстие в узком смысле слова становится преобладающим, эта склонность еще остается при нем как всепроникающая черта, формирующая образ его жизни. Скрытым экономическим мотивом остается склонность к достижению успеха и нерасположение к тщетности усилий. Изменяются лишь форма выражения этой склонности и непосредственные объекты, на которые она направляет деятельность человека. При системе индивидуальной собственности наиболее доступными для достижения цели являются те средства, которые предоставляет приобретение и накопление материальных ценностей, и, когда складывающийся на базе уважения к себе антитезис «я — он» становится более осознанным, склонность к достижениям — инстинкт мастерства — все более стремится принять форму напряженных стараний превзойти других в денежном успехе. Денежный успех, поверяемый завистническим сопоставлением себя с другими людьми, становится общепринятой целью всякого действия. Сопоставление себя с другими людьми приобретает благоприятный для человека исход в результате стремления к одной цели — денежному успеху, — являющейся в текущий момент общепринятой и законной, и, следовательно, нерасположение к тщетным действиям в значительной степени срачивается со стимулом соперничества. Оно направлено на усиление борьбы за денежную престижность путем наложения резкого неодобрения на всякий промах и всякое свидетельство промаха в деле денежного преуспеяния. Целенаправленными начинают считаться главным образом те усилия, которые ведут к более достоверному проявлению

накопленного богатства. Среди мотивов, которыми руководствуются люди при накоплении богатства, первенство и по размаху, и по силе остается за этим мотивом денежного соперничества.

Возможно, излишне говорить, что при использовании термина «завистнический» у нас нет никакого намерения отнести к какому-либо из явлений, для характеристики которых употребляется это слово, с пренебрежением или превознести его, счесть его достойным похвалы или предосудительным. Термин используется в специальном значении, описывая сопоставление людей друг с другом в целях оценки и расположения их по рангу достоинств и значимости — в каком-то эстетическом или моральном смысле, — таким образом закрепляя за ними соответствующие степени самодовольства, которое от них можно ожидать или на которое они вправе рассчитывать сами. Завистническое соперничество есть процесс оценки людей в отношении их достоинства.

Глава III. Демонстративная праздность

Непосредственный результат такой борьбы, как та, которая только что была описана в общих чертах, если бы в ее процесс не вмешивались другие экономические силы или другие особенности соперничества, заключался бы в том, чтобы делать людей трудолюбивыми и бережливыми. И такой результат наблюдается в той мере и постольку, поскольку он касается низших слоев, для которых производительный труд является обычным средством к приобретению материальных ценностей. Это справедливо главным образом в отношении трудящихся слоев оседлой общности людей, находящейся на аграрной ступени общественного производства, в которой существует значительное дробление собственности и где законами и обычаями этим слоям обеспечивается более или менее определенная доля продукта общественного производства. Этим низшим слоям в любом случае не избежать труда, и трудовая повинность поэтому не является для них особо унижительной, по крайней мере в пределах своего слоя. Они, поскольку труд является тем образом жизни, который ими осознан и с которым они примирились, скорее, испытывают некоторую соревновательную гордость оттого, что их работа носит производительный характер. Причем это нередко единственная доступная им область соперничества. Среди тех, для кого приобретение и соперничество возможны только в сфере производительности и бережливости, борьба за денежную престижность в известной мере выливается в повышенное усердие и крайнюю осмотрительность в расходах. Однако в процессе соперничества выдвигаются определенные вторичные факторы, о которых еще будет идти речь, видоизменяющие весьма существенным образом соперничество и удерживающие его в рамках этих направлений как среди слоев, лежащих ниже в денежном отношении, так и среди денежного класса.

Совсем иначе, однако, обстоит дело с занимающим высшее положение денежным классом, который представляет для нас здесь непосредственный интерес. Этот класс также не лишен стимула к усердию и экономии, однако вторичные факторы денежного соперничества столь сильно определяют его действие, что практически подавляется всякая тенденция в этих направлениях и стимул к усердию не получает практически никакого выражения. Самым сильным из вторичных факторов соперничества, как и самым широким по масштабам воздействия, является требование воздержания от производственной деятельности. Это особенно справедливо в отношении варварской стадии развития культуры. В привычном мышлении людей в условиях хищнической культуры труд начинает ассоциироваться со слабостью и подчинением хозяину. Труд, следовательно, является показателем более низкого положения и становится недостойным высокого звания человека. Благодаря этой традиции труд воспринимается как унижающий достоинство, и традиция эта отнюдь не умерла. Наоборот, с развитием социальной дифференциации она приобретает силу аксиомы благодаря старинному, неписаному и не вызывающему сомнения закону.

Для того чтобы заслужить и сохранить уважение людей, недостаточно лишь обладать богатством и властью. Богатство или власть нужно сделать очевидными, ибо уважение

оказывается только по представлении доказательств. И свидетельство богатства не только служит тому, чтобы внушать другим представление о своей важности и поддерживать вживе и в бдении ощущение своей значимости в других людях, — оно едва ли не так же полезно в создании и оберегании своего самодовольства. На всех ступенях развития культуры, кроме низших, человек обычного склада ума находит утешение в чувстве уважения к самому себе и поддерживает его «приличным окружением» и устранением от «низких обязанностей». Вынужденный отход от привычного ему уровня приличий, будь то в личном имуществе или в виде и размере его повседневной деятельности, воспринимается — даже помимо осознания того, имеет ли он одобрение или неодобрение со стороны товарищей, — как ущемление его человеческого достоинства.

Архаичное представление о различии низкого и почетного в образе жизни человека и сегодня остается весьма и весьма сильным. Настолько сильным, что мало кто из «класса лучших» не обладает инстинктивным отвращением к черной работе. Мы живо воображаем себе нечистоту, которую стало ритуалом приписывать в особой степени тем занятиям, что по привычке мысленно связываются у вас с домашней прислугой. Как представляется всякой личности изысканного вкуса, определенные обязанности, которые, по обыкновению, возложены на слуг, неразрывно связаны с осквернением души. Плебейское окружение, захудалые, т. е. недорогие, жилища и грубые занятия в общем производстве подвергаются безоговорочному презрению и избегаются. Эти вещи несовместимы с жизнью на удовлетворительном духовном уровне — с «высокими мыслями». Известная степень праздности и освобождения от непосредственного контакта с такими производственными процессами, которые отвечают первоочередным повседневным целям человеческой жизни, со времен древнегреческих философов и до настоящего времени неизменно воспринимаются теми, кто над этим задумывается, как предпосылка к достойной, или красивой, или даже безупречной жизни. Сама по себе праздная жизнь (и все с ней связанное) облагораживает человека и является прекрасной в глазах всех цивилизованных людей.

Это личное, субъективное значение праздности и других свидетельств богатства несомненно является большей частью производным и второстепенным. Оно отчасти отражение того факта, что праздность утилитарна как средство заслужить у других почет, а отчасти — результат подмены одного понятия другим. Выполнение работы стало свидетельством уступающей силы, поэтому сам труд путем мысленного опущения промежуточных понятий стал рассматриваться как низкий по самой сути.

В течение собственно хищнической стадии и особенно следующих за ней ранних стадий квазимиролобивого развития производства праздная жизнь являлась самым наглядным и убедительным доказательством денежной силы, а следовательно, и превосходства в силе вообще. Причем всегда при условии, что праздный господин может продемонстрировать свой покой и блаженство. На этой стадии богатство состоит главным образом из рабов, а выгоды, происходящие из обладания таким богатством и властью, имеют форму в основном личного услужения и его непосредственных плодов. Демонстративное воздержание от труда становится, таким образом, традиционным признаком превосходства в денежных успехах и общепризнанным показателем степени заслуженного почета. И наоборот, так как прилежание в производительном труде есть признак бедности и подчинения, оно становится несовместимым с престижным положением в обществе. Таким образом, привычки прилежания и бережливости не получают постоянной поддержки со стороны денежного соперничества, широко распространенного в обществе. Наоборот, этот вид соперничества вовсе не содействует участию в производительном труде. Труд неизбежно стал бы позорным, будучи свидетельством бедности, если бы даже он не стал считаться неблагопристойным занятием уже при той древней традиции, что была унаследована от более ранней культурной стадии. Старинный обычай хищнической культуры заключается в том, что производительных усилий следует остерегаться как недостойных для здоровых телом людей, и этот обычай укрепляется, а отнюдь не отбрасывается при переходе от хищнического к квазимиролобивому образу жизни.

Если бы институт праздного класса не возник сразу же с появлением частной собственности, уже в силу беславия, приписываемого занятости в производительном труде, он появился бы в любом случае в качестве одного из первых последствий обладания собственностью. И нужно заметить, что, хотя праздный класс существовал в принципе со времен зарождения хищнической культуры, с переходом от хищнической к следующей за ней денежной стадии культуры институт праздного класса наполняется новым смыслом. Именно с этого времени и впредь он и является «праздным классом» как на деле, так и в теории. К этому моменту институт праздного класса восходит в своем законченном виде.

В течение собственно хищнической стадии различие между праздным классом и трудящимися слоями является до некоторой степени лишь формальным. Здоровые мужчины ревностно чуждаются всего, что в их представлении является рабской повинностью, однако на самом деле их деятельность ощутимым образом способствует поддержанию жизни группы. Последующая стадия квазимирного производства обычно характеризуется установившейся системой рабского труда, стадами скота, слоем подневольных табунщиков и пастухов; производство продвинуто настолько, что общество уже больше не зависит от средств к существованию, добываемых охотой или каким-либо другим видом деятельности, которую можно безусловно отнести к разряду доблестной. С этого момента и далее отличительной чертой в жизни праздного класса является демонстративное освобождение от всяких полезных занятий.

Обычные, характерные занятия праздного класса в этой зрелой фазе его исторического развития являются почти такими же по форме, как и в его раннюю пору. Этими занятиями являются управление, войны, спорт и развлечения и отправление обрядов благочестия. Лица, чрезмерно вдающиеся в тонкости теоретических рассуждений, могут настаивать на том, что эти занятия все же являются, косвенным и несущественным образом, «производительными». Однако следует заметить, и это имеет решающее значение для рассматриваемого вопроса, что основным мотивом участия праздного класса в этих занятиях, несомненно, не является увеличение состояния посредством производительных усилий. На этой, как и на любой другой, стадии развития общества правление и войны, по крайней мере отчасти, осуществляются для денежной прибыли тех, кто в них участвует, но это — прибыль, получаемая почетным способом: захватом и обращением в свою пользу. Эти занятия носят характер хищнического, а не производительного промысла. Нечто подобное можно сказать и об охоте, но с одним отличием. Когда общество выходит из собственно охотнической стадии, в охоте начинают выделяться два различных занятия. С одной стороны, это занятие, осуществляемое главным образом ради прибыли, и элемент доблести в нем практически отсутствует либо, во всяком случае, не присутствует в достаточной степени, чтобы на это занятие не падала тень прибыльного промысла. С другой стороны, охота — это также развлечение, попросту проявление хищнического побуждения. В качестве такового она не представляет собой никакого ощутимого денежного стимула, однако содержит более или менее явный элемент доблести. Именно это последнее обстоятельство избавляет охоту от неблагоприятности, которой обладают ремесла, поэтому она достойна поощрения и весьма хорошо вписывается в образ жизни развитого праздного класса.

Воздержание от труда теперь является не только почетным или похвальным делом, но становится тем, что необходимо для благопристойности. Собственность как основа почтенности является самым простым и настоятельным требованием на протяжении ранних стадий накопления состояния. Воздержание от труда традиционно свидетельствует о состоятельности и, следовательно, является общепризнанным показателем положения в обществе; и это неотступное требование того, чтобы богатство вознаграждалось, ведет к еще более сильному настоянию на праздности. *Nota notae est nota rei ipsius.* Согласно установленным законам человеческого бытия, праздность, являясь общепризнанным свидетельством обладания богатством, закрепляется в образе мыслей людей как нечто, что само по себе обладает значительными достоинствами и существенно облагораживает, тогда как производительный труд в то же самое время и по той же причине в двойном смысле

становится недостойным. В довершение всего труд не только позорен в глазах общества, но и морально невозможен для благородных, рожденных свободными людьми и несовместим с достойной жизнью.

Этот запрет на труд имеет значение для дальнейшей производственной дифференциации классов. Когда растет плотность населения и хищническая группа превращается в оседлую общность, законные власти и обычаи, регулирующие систему собственности, получают больший простор и согласованность в своих действиях. Вскоре затем практически становится невозможным накапливать богатство простым захватом и, что логично и последовательно, одинаково невозможным приобретать богатство путем производственной деятельности людям неимущим, но гордым. Им открыта другая возможность — жизнь в нужде или нищете. Везде, где срабатывает критерий демонстративной праздности, появляется второстепенный и в некотором смысле незаконнорожденный праздный слой — крайне бедный и кое-как перебивающийся в нужде и неудобстве, но морально не способный снизойти до прибыльных занятий. Опустившийся господин или дама, выдавшая лучшие времена, — явление весьма частое и в наши дни. Это распространяющееся повсюду чувство унижения собственного достоинства при самой незначительной физической работе знакомо не только всем цивилизованным народам, но и народам менее развитого уровня денежной культуры. У лиц с повышенной чувствительностью, которым в течение долгого времени прививаются аристократические манеры, чувство постыдности физического труда может стать столь сильным, что в критической ситуации и при необходимости выбора голос инстинкта самосохранения будет оставаться без внимания. Так, например, рассказывают о некоторых полинезийских вождях, которые под давлением хороших манер предпочитали голодать, но не подносить пищу ко рту собственными руками. Правда, по крайней мере отчасти, такое поведение могло произойти из-за чрезмерной святости или табу, связываемых с личностью вождя. Это табу сообщалось через прикосновение пальцев и делало все, чего касался вождь, негодным в качестве пищи человеку. Однако табу само является производным понятием от представления о недостойности труда или несовместимости труда с принципами морали; так что истолкованное в этом смысле поведение полинезийских вождей вернее следует канону почтенной праздности, чем может показаться вначале. Лучшим примером, или по крайней мере более очевидным, является случай с одним из королей Франции, который простился с жизнью из-за чрезмерной моральной стойкости при соблюдении правил хорошего тона. В отсутствие должностного лица, в обязанности которого входило передвижение кресла господина, король безропотно сидел перед камином, позволяя своей королевской персоне поджариться настолько, что его уже нельзя было спасти. Однако, поступая таким образом, он спасал свое Наихристианское высочество от осквернения низкими усилиями.

Главное, верь — нечестиво душу предпочесть стыду,

И из-за жизни погубить основы бытия.

Уже отмечалось, что слово «праздный», в том смысле, в каком оно здесь употребляется, не означает лень или неподвижность. Оно означает непроизводительное потребление времени. Время потребляется непроизводительно, во-первых, вследствие представления о недостойности производительной работы и, во-вторых, как свидетельство возможности в денежном отношении позволить себе жизнь в безделье. Однако праздный господин не проводит всю свою жизнь на глазах у зрителей, которых нужно впечатлять сим зрелищем почтенного досуга, по идеальному замыслу эту жизнь и составляющего. На некоторое время его жизнь по необходимости удаляется от взоров, и об этом личном времени, которое проводится не на публике, праздный господин должен ради своего доброго имени уметь дать убедительный отчет. Ему следует найти какое-нибудь средство для очевидного доказательства досуга, проводимого не на виду у зрителей. Это можно сделать только косвенно, посредством осязаемых, неэффемерных результатов досуга, проведенного таким образом, — аналогично уже знакомой демонстрации осязаемых плодов труда, выполняемого для праздного господина работающими у него ремесленниками и слугами.

Непременным свидетельством производительного труда выступает его материальный продукт — обычно какой-нибудь предмет потребления. Доблестная деятельность также призвана обеспечить какой-либо осязаемый результат, который может служить для демонстрации в виде трофея или добычи. На более поздней стадии развития общества входит в обычай придумывать себе какие-нибудь отличительные знаки и регалии почета, которые-будут служить традиционно признанными доказательствами доблести и в то же самое время указывать на качество или степень доблести, символом которой они выступают. По мере того как возрастает плотность населения и человеческие отношения становятся сложнее и многообразнее, все элементы жизни подвергаются пересмотру и-отбору; в этом процессе использование трофеев развивается в систему рангов, титулов, степеней и знаков отличия, типичными примерами которых являются геральдические изображения, медали и почетные украшения.

С экономической точки зрения праздность, рассматриваемая как вид занятости, находится в тесном родстве с доблестной деятельностью; а достижения, свойственные праздной жизни и хранимые в качестве ее внешних критериев, имеют много общего с трофеями такой деятельности. Однако праздность в более узком смысле в отличие от доблестной деятельности, а также от всякого мнимо-производительного употребления сил на что-нибудь по существу бесполезное никакого материального результата обычно не оставляет. Поэтому критерии былых свершений при праздной жизни обычно принимают форму «нематериальных» ценностей. Такими нематериальными свидетельствами былой праздности являются квазинаучная или квазихудожественная образованность, а также осведомленность о процессах и событиях, не имеющих непосредственного отношения к продвижению вперед человеческого общества. Так, к примеру, в наше время имеются знания о мертвых языках и оккультных науках, правописаний, синтаксисе и просодии, о различного рода семейном музицировании и самодеятельном искусстве, о том, как следует сегодня одеваться, обставлять жилье и какой иметь выезд, об играх и развлечениях, а также о любимых питомцах, таких, как собаки и скаковые лошади. Во всех этих отраслях знаний изначальным мотивом, из которого и происходило вначале приобретение знаний и благодаря которому они когда-то вошли в моду, могло быть что-то совершенно отличное от желания показать, что время было проведено не в производственной занятости; однако, если бы эта образованность не оправдывалась в качестве прочного свидетельства непроизводительных затрат времени, она не смогла бы существовать, сохраняя за собой положение традиционной образованности праздного класса.

В известном смысле можно эту образованность отнести к учености. Помимо и кроме нее есть еще ряд общественных явлений, которые постепенно переходят из области учености в область физического навыка и ремесла. Такое промежуточное положение занимает то, что известно как воспитанность и умение держать себя, вежливое обхождение, этикет, а также вообще соблюдение приличий и церемоний. Явления такого рода более навязчиво и непосредственно предстают общему вниманию и потому утверждаются все шире и настоятельнее в качестве необходимого свидетельства почтенной степени праздности. Необходимо отметить, что все это соблюдение церемоний, которое попадает под общую рубрику хороших манер, занимает более важное место в оценке людей на той стадии культуры, когда в качестве признака почтенности наибольшую популярность приобретает демонстративная праздность, чем на более поздних стадиях общественного развития. Варвар кватимирной стадии производства заметно более благовоспитанный человек в том, что касается соблюдения декорума, чем любой из людей, кроме разве что самых изысканных в другой, более поздний век. Действительно, общеизвестно или по крайней мере так принято теперь считать, что хорошие манеры портятся по мере того, как общество отходит от патриархальной стадии. Немало господ старой выучки вынуждены были высказывать свои сожаления по поводу невоспитанных манер и недостаточной обходительности, наблюдающихся даже среди высших слоев в современных промышленных обществах; а распад церемониального кодекса — или что иначе называется вульгаризация жизни — среди

собственно промышленных слоев предстает взору всех тонко чувствующих лиц как одна из главных аномалий цивилизации поздних времен. Распад, который этот кодекс претерпевает у какого-нибудь деятельного народа, свидетельствует — никаких осуждений! — в пользу того факта, что декорум является продуктом жизни праздного класса и ее показателем, в полной мере расцветающим лишь в условиях системы, построенной на положении в обществе.

Источник или, лучше сказать, происхождение хороших манер следует, конечно, искать в чем-то другом, нежели в сознательных усилиях со стороны благовоспитанных людей показать, что на приобретение этих манер было потрачено много времени. Конечная цель введения и разработки этих отправления, когда они были новы, заключалась в их более высокой эффективности в смысле красоты и выразительности. Своим появлением и развитием церемониальный кодекс большей частью обязан желанию человека снискать к себе доверие или продемонстрировать проявление доброй воли. Как полагают социологи и антропологи, в поведении благовоспитанных лиц на любой более поздней стадии развития общества этот начальный мотив за редким исключением присутствует почти всегда. Хорошие манеры, говорят нам, — это отчасти развитие языка жестов, а отчасти символические и традиционные пережитки, представляющие собой бывшие проявления господства, личного услужения или личного контакта. В значительной мере они являются выражением отношений статуса — языком жестов, символически выражающим господство, с одной стороны, и подчиненность — с другой. Везде, где в настоящее время образ жизни, пользующийся поддержкой общества, наделен признаками хищнического склада ума, а вследствие этого — положения господства и подчиненности, там следование всяким щепетильным особенностям в поведении имеет крайне важное значение, а упорство, с которым традиционно блюнутся ранги и титулы, вплотную приближается к идеалу, установленному варварами квазимирлолюбивой культуры кочевников. Хорошие примеры сохранения такого духовного настроения можно найти в некоторых из стран континентальной Европы. Что же касается уважения к хорошим манерам, то и в этом явлении, обладающем самостоятельной ценностью, европейские страны приближаются к архаичному идеалу.

Внешние приличия, будучи символами, составляя язык жестов, были сначала полезны исключительно для замещения символизируемых фактов и качеств, однако вскоре они претерпели превращение, и теперь сущность человеческого общения в результате происшедшего превращения остается обычно без внимания. Вскоре хорошие манеры стали, по общему представлению, иметь реальную значимость сами по себе. Они приобрели сакраментальный характер, в значительной мере не зависящий от тех сущностей, которые первоначально за ними угадывались. К отклонениям от кодекса внешних приличий все стали относиться с характерной неприязнью, а хорошее воспитание является в повседневном представлении не просто случайным признаком превосходства, а неотъемлемым свойством благопристойной души человеческой. Мало что вызывает у нас такое инстинктивное отвращение, как нарушение внешних приличий; и мы так далеко ушли в деле приписывания традиционному соблюдению этикетавнутренней значимости, что мало кто из нас способен отделить нарушение этикета от чувства существенного недостатка достоинства у нарушающего. Можно примириться с изменой вере, но с нарушением этикета — нельзя. «Манеры делают человека».

Тем не менее, хотя хорошие манеры в представлении их носителя, равно как и в представлении зрителя, обладают такой внутренней значимостью, исходным основанием той популярности, которой пользуются хорошие манеры и воспитанность, является лишь ощущение присущей декору правильности. Скрытые экономические основания хороших манер следует искать в почетном характере того праздного или непроизводительного потребления времени и сил, без которого не обходится их приобретение. Знание хороших манер и навык приходят в результате продолжительной практики. Утонченный вкус, изысканные манеры и образ жизни являются пригодными доказательствами благородного происхождения, потому что хорошее воспитание требует времени, сил и расходов и, следовательно, выходит за пределы возможностей тех, чьи силы и время поглощаются

работой. Знание правил приличия является *prima facie* свидетельством того, что та часть жизни благовоспитанного человека, которая не проходит на глазах у зрителя, проведена достойным образом, в приобретении совершенств, которые не приносят никакой прибыли. В конечном счете значение хороших манер заключается в том факте, что владение ими — своего рода расписка в праздном образе жизни» Следовательно, обратно, поскольку праздность есть традиционное средство обретения денежной репутации, тона всякого, кто домогается малой толики благопристойности своего денежного состояния, ложится долг приобретения некоторой опытности в соблюдении внешних приличий.

Та часть достопочтенной праздной жизни, которая проводится не на глазах у зрителей, лишь в той мере может служить поддержанию репутации, в какой она приводит к осязаемым, наглядным результатам, которые можно сравнить и соизмерить с результатами такого же рода, предъявляемыми соперничающими соискателями почета. Подобные явления в области праздного поведения, умение себя держать и прочее логически вытекают просто из постоянного воздержания от труда, даже когда субъект не задумывается о сути дела, усердно проникаясь духом праздной власти и состоятельности. Особенно верным представляется тот факт, что праздная жизнь, продолжающаяся таким образом в течение нескольких поколений, будет оказывать постоянное, прослеживаемое действие на личность конкретного индивида, а еще более — на его привычное поведение, манеру себя держать. Однако можно придать еще больше совершенства всей той опытности в соблюдении декорума, что приходит в результате пассивного усвоения привычки, а также всему тому, что указывает на накопленный поколениями опыт праздной жизни. Для этого нужно заботливо и усердно приобретать признаки достопочтенной праздности, а затем энергично и систематически демонстрировать эти побочные признаки освобожденности от работы. Попросту говоря, это тот момент, в котором достижению благопристойной опытности в приличиях праздного класса могут существенно содействовать прилежные усилия и денежные расходы. И наоборот, чем больше степень опытности и чем очевиднее высокая степень усвоения привычки следовать тому, что не служит никакой прибыльной или какой другой полезной цели, тем значительнее потребление времени и денег, подразумеваемое как необходимое для приобретения нужных навыков, и тем значительнее создающееся в результате доброе имя. В условиях соперничества за совершенное овладение хорошими манерами развитие необходимых навыков отнимает немало усилий; отдельные элементы благопристойности развиваются во всеохватывающий порядок, подчинение которому требуется от всех, кто хочет считаться безупречным в смысле репутации. И следовательно, с другой стороны, та демонстративная праздность, которая способствует развитию хороших манер, превращается постепенно в старательные упражнения по умению держать себя, в воспитание вкуса, т. е. в умение разбираться в том, какие предметы потребления отвечают приличию и. каковы отвечающие приличию способы их потребления.

В этой связи стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в преднамеренном производстве культурного класса использовалась возможность выработки в человеке, в его поведении патологических и других индивидуальных особенностей путем тонкого имитирования и систематической тренировки, что часто сопровождалось очень благоприятным результатом. Таким образом, в процессе развития того, что попросту называется снобизмом, в значительном ряде случаев в семьях и родословных достигается «синкопированное» благородное воспитание, ускоренная эволюция знатного происхождения. Это «синкопированное» благородное происхождение приводит к тому, что среди факторов, определяющих положение праздного класса в обществе, знатное происхождение никоим образом не уступает другим факторам, которые, быть может, соответствуют и более долгой, но не столь энергичной подготовке в соблюдении денежных приличий.

Наблюдается, далее, соизмеримая степень соответствия признаваемому в данное время обществом кодексу щепетильных особенностей в отношении приличествующих способов и средств потребления. В этом отношении можно сопоставить различия между двумя людьми

в степени соответствия идеалу, можно также с некоторой степенью точности сортировать людей, ранжируя их по шкале хороших манер и воспитанности. В этом отношении оказание почтения производится обычно слепо, на основании соответствия принятым канонам вкуса и без сознательного учета денежного положения или степени праздности, в которой живет какой-либо данный кандидат в почтенные люди; однако каноны благовоспитанности, согласно которым производится такая оценка, находятся в постоянном подчинении закону демонстративной праздности, на самом-деле претерпевая постоянные изменения и подвергаясь пересмотру для приведения в тесное согласие с его требованиями. Так что, хотя непосредственное основание для различий и может быть иным, все-таки общим принципом благовоспитанности и ее испытанной пробой является требование существенного и очевидного расхода времени. В пределах этого принципа может наблюдаться значительный диапазон отклонений, однако это — видоизменения формы выражения, а не содержания.

Разумеется, учтивость в повседневном общении в немалой степени является непосредственным выражением внимательного и доброжелательного расположения, и этот элемент поведения большей частью не требует отыскания каких-либо скрытых оснований почтения, объясняющих как его наличие, так и одобрительное к нему отношение. Однако нельзя сказать то же самое о кодексе приличий. Последние являются выражением общественного положения. Всякому небезразличному человеку, разумеется, достаточно ясно, что наше поведение по отношению к прислуге и другим занимающим в денежном отношении более низкое и зависимое положение — это поведение члена общества, занимающего по состоянию более высокое положение, хотя нередко проявление статуса сильно видоизменяется, смягчаясь по сравнению с первоначальным выражением неприкрытого господства. Подобным образом ваше поведение по отношению к тем, кто стоит выше, а в значительной мере и к тем, кто занимает равное положение, выражает более или менее традиционное отношение подчиненности. Покажите такого благородного господина или госпожу, чье властное поведение, свидетельствуя о господстве и независимости их экономического положения, вызвало бы у нас в то же время столь же убедительное ощущение доброты и справедливости. Именно среди представителей того праздного слоя, который занимает самое высокое положение и с кем мало кто может сравниться, следование приличиям находит свое самое полное и зрелое выражение. Именно этот наивысший слой придает правилам приличия ту окончательную формулировку, в которой они служат законом поведения для более низших слоев. И здесь также кодекс поведения самым очевидным образом связан с достойным положением в обществе, демонстрируя со всей ясностью, что это положение несовместимо со всякой грубой производительной работой. Божественная самоуверенность и властное самодовольство, подобные тем, которыми обладает человек, привыкший требовать подчинения, не тревожась о дне грядущем, даются от рождения и являются мерилем оценки благородного господина, достойного своего высокого положения; а по общему представлению, даже более того, такая манера поведения принимается как качество, присущее превосходящему достоинству, перед которым низко-рожденный простолюдин счастлив склониться и уступить.

Как отмечалось ранее, есть основания полагать, что институт собственности зародился с возникновением собственности на людей, главным образом — женщин. Побуждениями к приобретению такой собственности, очевидно, были: 1) склонность к господству и принуждению; 2) возможность использования этих людей в качестве доказательства доблести их владельца; 3) полезность их услужения.

Личное услужение занимает особое место в экономическом развитии общества. На протяжении квазимиролюбивой производственной стадии, и особенно во время раннего развития производства в рамках этой стадии, полезность услужения людей представляется обыкновенно господствующим стимулом к приобретению людей в собственность. Прислуга ценится за ее службу. Однако этот мотив становится господствующим не за счет снижения собственной значимости двух других факторов полезности прислуги. Увеличение полезности последнего из названных назначений слуг, скорее, связано с изменением условий

общественной жизни. Рабы, в частности женщины, высоко ценятся в качестве свидетельства состояния и в качестве средства накопления богатства. Наряду со скотом, если это пастушеское племя, они представляют собой обычную форму вложения средств для извлечения выгоды. Женщины-рабы могут настолько определять характер экономической жизни общества в условиях квазимиролюбивой культуры, что у некоторых народов, стоящих на этой стадии развития, женщина становится единицей стоимости — как, например, во времена Гомера. Там, где дело обстоит так, можно не сомневаться, что основой системы производства будет подневольное рабство и что рабами обычно будут женщины. Общественным отношением, до основания понижывающим такую систему, является отношение хозяина и слуги. Общепринятым свидетельством состояния выступает владение большим числом женщин, а вскоре также и другими рабами, занятыми обслуживанием особы своего господина и производством для него материальных ценностей.

Вскоре начинается разделение труда, при котором личное услужение и обслуживание хозяина становится обязанностью особой части слуг, в то время как те из них, которые целиком используются в собственно производственных занятиях, все более теряют всякую непосредственную связь с особой своего владельца. В то же время те слуги, чья обязанность заключается в личном услужении, включая выполнение обязанностей по хозяйству, постепенно оказываются в стороне от производительных работ, выполняемых с целью получения прибыли.

Этот процесс постепенного отстранения от обычного вида производственных занятий, как правило, начинается с освобождения жены или главной из жен. После того как общество перешло к оседлому образу жизни, захват жен у вражеских племен как обычный источник обеспечения себя рабами становится практически невозможен. Там, где достигнут такой прогресс культуры, главная жена обыкновенно имеет благородное происхождение и этот факт будет ускорять ее освобождение от простой, низкой работы. Здесь невозможно рассмотреть то, каким образом зарождается понятие благородной крови, а также какое место это понятие занимает в развитии института брака. В целях нашего изложения достаточно будет сказать, что благородная кровь — это кровь, облагороженная длительным соприкосновением с накопленным богатством либо высокими привилегиями. В браке пользуется предпочтением женщина с такими предками — и благодаря получающемуся в результате союзу с ее родственниками, обладающими властью либо состоянием, и потому что, как представляется, высокое достоинство, которое было связано с немалыми ценностями и большой властью, черен кровь передается потомкам. Женщина будет невольницей своего мужа, как до приобретения мужем была невольницей отца, однако в то же время в ней течет благородная отцовская кровь; отсюда и возникает некоторая моральная несообразность в том, что женщина выполняет унижительную работу таких же, как она, служанок. При всем том подчинении, в котором женщина может находиться у своего господина, при всем ее более низком положении по отношению к мужским представителям того слоя общества, который ей определен рождением, свою роль сыграет принцип, заключающийся в том, что благородство передается по наследству, и этот принцип возвысит ее над простым рабом; а как только этот принцип приобретет силу закона, он будет действовать, наделяя ее в некоторой мере той прерогативой праздности, которая является главным признаком благородства. При содействии этого принципа наследуемости благородства жены все больше освобождаются от труда, если это позволяет состояние их обладателей, до тех пор, пока освобождение не охватывает как занятия ремеслом, так и унижительное прислуживание. По мере того как продолжается развитие производства и собственность оказывается сосредоточенной в руках сравнительно малого числа людей, степень состоятельности среди высших слоев повышается. Та же тенденция к освобождению от ремесла, а с течением времени — от низких занятий в хозяйстве будет проявлять себя в отношении прочих жен, если такие имеются, а также в отношении всех непосредственно обслуживающих особу своего господина. Это освобождение происходит тем позднее, чем отдаленнее связь, в которой находится слуга по отношению к особе своего хозяина.

Развитию особого разряда личных слуг, когда это позволяет денежное положение хозяина, способствует также тот факт, что личному услужению начинает придаваться весьма серьезное значение. Особа господина, будучи воплощением достоинства и чести, имеет наиважнейшее значение. И для его почтенного положения в обществе, и для его самоуважения делом одного момента должно быть появление по его зову слуг с различной специализацией, обслуживание которыми его персоны не отвлекается от этой главной их обязанности никакими побочными занятиями. Эта специализированная прислуга полезна больше для показа, чем для действительного несения службы. Поскольку же она содержится не просто демонстрации ради, она доставляет удовлетворение своему хозяину главным образом тем, что дает простор для проявления его склонности к господству. Правда, содержание постоянно увеличивающегося аппарата домашней прислуги может потребовать добавочного труда, но, так как прислуга обычно увеличивается с тем, чтобы служить в качестве средства создания доброго имени, а не удобства, такое ограничение не будет очень веским. Во всех этих аспектах наибольшей полезности прислуги служит увеличение ее численности и более высокая специализация. Происходит, следовательно, постоянное приумножение и разделение положений и обязанностей домашней и личной прислуги наряду с сопутствующим этому постепенным отстранением слуг от производительного труда. Благодаря тому, что такая прислуга является свидетельством платежеспособности, наблюдается постоянная тенденция включать в обязанности прислуги все меньшее число функций, так что эти обязанности в результате превращаются в чистую условность. Особенно это справедливо в отношении тех слуг, которые заняты самым явным и непосредственным обслуживанием хозяина, так что их полезность заключается теперь большей частью в их демонстративном отстранении от производительного труда, а также в том, что это отстранение представляет собой доказательство господской власти и богатства.

После того, как достаточное распространение получает практика использования особого корпуса слуг, чтобы таким образом являть публике свою демонстративную праздность, в тех службах, где слуги должны выставляться напоказ, предпочтение начинает отдаваться мужчинам. Мужчины, особенно здоровые, красивые лицом парни, каким подобает быть слугам у дверей и прочим лакеям, явно более впечатляющи, да и обходятся дороже, чем женщины. Они лучше подходят для такой работы, так как выказывают большее расточение времени и сил. Следовательно, в экономическом укладе праздного класса работающая жена-хозяйка времен раннего патриархата со своей свитой усердных служанок вскоре уступает место неработающей госпоже и лакею.

Во всех сферах и областях общественной жизни, на любой ступени экономического развития праздность в жизни госпожи и лакея от полноправной праздности благородного господина отличается тем, что за ней закрепляется характер занятия довольно нелегкого. В большой мере оно принимает форму старательных забот по обслуживанию господина, либо забот о содержании и улучшении обстановки в доме; поэтому праздностью оно является лишь в том смысле, что представители этого слоя не выполняют или выполняют незначительную производительную работу, а не в том, что они избегают всего, что выглядит как труд. Зачастую обязанности, выполняемые госпожой или домашней прислугой, изрядно трудны и по своему назначению нередко считаются крайне необходимыми для блага всего дома. Поскольку эти службы дают материальный эффект и способствуют благу господина и прочих живущих в доме, их следует считать производительной работой. Лишь занятия, которые не входят в вышеперечисленные, следует отнести к проявлениям праздности.

Однако во многом эти службы, относимые в сегодняшней повседневной жизни к заботам о доме, а также многие из «удобств», требующиеся культурному человеку для благополучного существования, носят характер церемоний.

Следовательно, их нужно должным образом отнести к проявлению праздности в том смысле, в каком здесь употребляется этот термин. Хотя эти службы могут быть главным образом или всецело церемониальными по своему характеру, тем не менее иногда они являются действительно необходимыми условиями личного блага. Однако, даже если они

лишаются таких свойств, они все же остаются настоятельно необходимыми, так как потребность в них воспитывалась в нас под традиционным страхом нечистоты или неблагопристойности. При их отсутствии мы испытываем чувство неудобства, но не потому, что это прямо приводит к физическому неудобству; чувство вкуса, не привыкшего различать, что считается дурным и что считается хорошим, не будет оскорблено и при их отсутствии. В той мере, в какой сказанное справедливо, труд, затрачиваемый на выполнение таких служб, следует относить к праздности, и, если только они выполняются не экономически независимым главой хозяйства, их следует относить к подставной праздности.

Подобная праздность хозяек дома и лакеев, называясь заботами о доме, может зачастую превращаться в утомительную тяготу — особенно в окружении достойных соперников, когда борьба за почтенность дома принимает напряженную форму. Так нередко бывает в современной жизни. В этих случаях службу, включающую выполнение обязанностей домашней прислугой, можно было бы справедливым образом назвать расточительными усилиями, а не подставной праздностью. Однако последний термин имеет то преимущество, что указывает на происхождение и развитие функций прислуги, а также дает точное указание на реальную экономическую основу их полезности, ибо эти занятия полезны главным образом как способ придания денежной почтенности хозяину дома или членам его семьи на том основании, что в поддержку этой почтенности демонстративным образом расточается определенное количество времени и сил.

Таким образом, возникает побочный, или производный, праздный слой. Его функция — представлять праздность подставным образом, ради почета первичного, законнорожденного праздного класса. Этот подставной праздный слой отличается от собственно праздного класса по характерному признаку — свойственному ему образу жизни. Праздность слоя господ — это проявление предрасположения, по крайней мере, показного, избегать труд, эта праздность, как полагают сами господа, приумножает их благополучие и заполняет жизнь; а праздность слоя слуг, освобожденных от производительного труда, является в некотором роде вынужденной и обычно не направлена или направлена не в первую очередь на их собственное благо. Праздность слуги — это не его собственная праздность. Покуда он является в полном смысле слугой, не будучи в то же самое время представителем низшего слоя собственно праздного класса, его праздность протекает обычно под видом специализированной службы, отвечающей тому, чтобы способствовать проявлению жизни своего господина во всей ее полноте. Свидетельство такого отношения подчиненности очевидным образом присутствует в поведении и образе жизни слуги. Подобное часто справедливо и в отношении жены хозяина дома на протяжении продолжительной экономической стадии, в пределах которой жена все еще является прежде всего служанкой, т. е. пока остается в силе семья с мужчиной во главе. С тем чтобы отвечать требованиям образа жизни праздного класса, слуга не только должен выказывать подчиненность своего положения, но и демонстрировать специальную выучку и навык подчинения. Жена или слуга должны не только выполнять определенные функции, но и выказывать подчиненное положение; столь же настоятельным требованием является то, что они должны обнаруживать приобретенные навыки в тактике подчинения — сообразно с усвоенными канонами демонстративной праздности. Даже сегодня именно эта способность, это приобретенное искусство внешних проявлений подчиненного положения составляет главный элемент полезности наших высоко оплачиваемых слуг, равно как и одно из главных украшений благовоспитанной хозяйки дома.

Хороший слуга должен знать свое место — это первое необходимое качество, и его наличие должно быть заметно. Не достаточно, чтобы он умел выполнять те или иные нужные физические операции, он обязан, помимо всего прочего, уметь выполнять их по должной форме. Можно было бы сказать, что домашнее услужение является не физической, а духовной функцией. Постепенно вырастает разработанная система приличий, специфическим образом регулирующая способ должного представления подставной праздности слуг. Всякий отход от этих формальных канонов должен вызывать резкое

осуждение не только потому, что он выказывает недостаток в физической результативности или же потому, что говорит об отсутствии рабского расположения, темперамента, но и потому, что при ближайшем рассмотрении свидетельствует об отсутствии специальной подготовки. Специальная подготовка в личном услужении стоит сил и времени, и там, где она явно присутствует в достаточно высокой степени, она доказывает, что слуга, ее имеющий, не занят производительным трудом и никогда не был к нему привычен. Специальная подготовка — *prima facie* свидетельство подставной праздности, распространяющееся не только на настоящий момент, но имеющее обратную силу. Так что услужение со специальной подготовкой имеет ту полезность, что не только удовлетворяет инстинктивную расположенность господина к доброму, искусному мастерству, его склонность к демонстративному господству над теми, чьи жизни подчинены его собственной, но и ту, что оно делает очевидным гораздо большее потребление человеческого труда, чем демонстрировалось бы просто текущей праздностью в исполнении слуги, не получившего специальной подготовки. Слуга, разливающий вино за столом благородного господина, или лакей, открывающий дверцу его экипажа, будет наносить серьезный урон, если он исполняет свои обязанности так неуклюже, что наводит на мысль о том, что, быть может, он больше привык пахать землю или пасти овец. Такая неуклюжая работа будет означать, что господин не в состоянии обеспечить себя слугами, прошедшими специальную выучку; другими словами, это будет предполагать его неспособность платить за потребление времени, сил и наставлений, требующихся для того, чтобы подготовить слугу для специальной службы в условиях жесткого кодекса внешних приличий. Если в исполнении слугой своих функций обнаруживается недостаток средств со стороны его господина, это исполнение не достигает фактически самого основного своего назначения, ибо главная польза от прислуги — это то, что она представляет собой доказательство платежеспособности хозяина.

Может сложиться такое представление, что под только что сказанным имелось в виду, будто ущерб от неподготовленного слуги заключается в прямом намеке на его недорогую стоимость или бесполезность. Это, конечно, не так. Существующая связь гораздо более опосредованна. Здесь происходит то, что вообще часто имеет место. Все, что поначалу представляется нам оправданным на той или иной основе, вскоре становится для нас привлекательным как что-то само по себе благодатное, уже покоящееся в нашем образе мыслей в качестве чего-то действительно правильного. Но для того, чтобы какая-либо особенность в правилах поведения сохраняла свое особое положение, она должна опираться на привычку или предрасположенность, устанавливающую нормы ее развития. Потребность в подставной праздности или демонстративном потреблении подчиненного труда является господствующим побуждением к содержанию прислуги. Пока это остается верным, без лишнего обсуждения можно прийти к соглашению, что всякий отход от общепринятой практики, когда обнаруживается, что обучение прислуги происходило в сжатые сроки, вскоре оказывается безболезненным. Требование дорогостоящей подставной праздности действует косвенно, выборочно, направляя формирование нашего вкуса — нашего представления о том, что правильно и что нет в делах такого рода. Таким образом, искореняются, не получая одобрения, несообразующиеся с этим требованием начинания. Когда уровень состояния, признаваемый общественным мнением престижным, становится выше, усложняется система владения прислугой и ее использования. Приобретение в собственность и содержание рабов, занятых в материальном производстве, свидетельствует о богатстве и доблести, а содержание ничего не производящих слуг — о еще большем размере состояния и более высоком положении. На основании этого принципа возникает сословие прислуги — чем многочисленнее, тем лучше, — у которой одна обязанность — тупо прислуживать особе своего владельца и таким образом служить очевидным доказательством его способности, не производя, использовать значительное количество подчиненного труда. Затем происходит разделение труда среди прислуги и тех, кто находится в зависимости и чья жизнь проходит в поддержании почета праздного

господина. При этом, тогда как одни занимаются за него материальным производством, другие, обычно во главе с женой или главной женой, потребляют за него, демонстрируют праздность, представляя тем самым очевидное доказательство, что их хозяин способен нести большие денежные убытки, которые не вредят его незаурядной состоятельности.

Этот очерк, дающий в несколько идеализированном и схематичном виде картину развития домашнего услужения и указывающий на его природу, оказывается в наиболее близком сходстве с той культурной стадией, которая была названа здесь квазимиролюбивой стадией производства. Именно на этой стадии личное услужение впервые поднимается до положения экономического института и занимает значительное место в образе жизни общества. В ходе развития культуры квазимиролюбивая стадия идет за собственно хищнической стадией — это две последовательные фазы варварства. Характерная черта квазимиролюбивой стадии — официальное соблюдение мира и порядка, при всем том, что на этой стадии в жизни общества существует слишком много элементов принуждения и классового антагонизма, чтобы называть ее миролюбивой в полном смысле этого слова. Для многих целей с любой другой точки зрения, отличной от экономической, можно было бы с тем же успехом назвать ее стадией статуса. Этим термином вполне подытоживается способ установления различий между людьми, а также духовное состояние людей на этом культурном уровне. Но в качестве описательного термина как для указания на тенденцию развития производства, так и для характеристики преобладающих в этот момент экономического развития способов производства термин «квазимиролюбивый» кажется предпочтительным. В том, что касается обществ западноевропейской культуры, эта фаза экономического развития, вероятно, ушла в прошлое, за исключением малочисленной, хотя весьма бросающейся в глаза части членов общества, в ком привычки мышления, свойственные варварской культуре, претерпели лишь относительно слабое разложение.

Личное услужение все еще является элементом большой экономической важности, особенно в том, что касается распределения и потребления благ, но даже и здесь его относительное значение ранее было несомненно меньше. Наивысшее развитие подставной праздности приходится на прошлое, а не на настоящее, а его наилучшее выражение в настоящее время следует искать в образе жизни высших слоев праздного класса. Современная культура многим обязана этому классу: сохранением традиций, обычаев и образа мышления, бытовавших на уровне более архаичной культуры, где они получили самое широкое распространение и наиболее результативное развитие.

В современном промышленном обществе так высоко развиты механические приспособления, используемые в повседневной жизни для создания благ и удобств, что личная прислуга или, вернее, любого рода домашняя прислуга нанимается кем-либо практически лишь в силу канона почтенности, перенесенного традицией из прежнего общественного уклада. Единственным исключением будет прислуга, нанимаемая для ухода за лицами нездоровыми и слабоумными. Однако такую прислугу надо относить не к категории домашних слуг, а к категории квалифицированных сиделок, являющихся, следовательно, видимым, а не действительным исключением из правила.

Непосредственным мотивом того, чтобы содержать домашнюю прислугу, к примеру, в умеренно обеспеченном семействе в наши дни, выступает (внешне) тот факт, что члены семейства не способны, не испытывая при этом неудобства, охватить всю работу, необходимую такому современному институту, как дом. А причинами того, что они не в состоянии сделать это, являются, во-первых, то, что у них чересчур много «общественных обязанностей», и, во-вторых, то, что работа, которую нужно сделать, слишком трудна и ее слишком много. Эти две причины можно переформулировать следующим образом. (1) В условиях подчинения кодексу благопристойности силы и время членов такого семейства должны представительным образом тратиться в актах демонстративной праздности, вроде визитов, катаний, клубов, кружков кройки и шитья, спортивных развлечений, участия в благотворительных организациях, а также в других подобных социальных функциях. Те лица, чье время и энергия заняты в таких делах, признаются, что все эти церемонии, как и

внимание, которое, между прочим, уделяется одежде и другим видам демонстративного потребления, очень утомительны, но совершенно неизбежны. (2) В условиях подчинения требованию демонстративного потребления атрибуты человеческой жизни — такие, как жилище, обстановка, экзотические безделушки, гардероб, питание, — стали столь сложными и обременительными, что потребители не могут должным образом справиться с ними без посторонней помощи. Личный контакт с нанятыми людьми, которые призваны на помощь для выполнения заведенного благопристойного порядка, обыкновенно вызывает неудовольствие домашних, но их присутствие терпят, за него платят, с тем чтобы передавать им долю обременительного потребления материальных благ. Присутствие в доме прислуги, а в особой мере — категории личной прислуги является уступкой в физическом удобстве ради удовлетворения моральной потребности в денежной благопристойности.

Проявления подставной праздности в современных условиях складываются большей частью из того, что называется домашними обязанностями. Эти обязанности теперь быстро становятся работой, выполняемой не столько во благо лично главы семьи, сколько для поддержания престижа семейства, взятого как совокупная единица — группа людей, членом которой на официально равных условиях является хозяйка. Как только семейство, для которого выполняются обязанности по хозяйству, отходит от своей архаичной основы, каковой является собственность в форме брака, безусловно, появляется тенденция к выходу этих обязанностей из категории подставной праздности в исконном смысле этого слова, за исключением тех случаев, когда они выполняются наемной прислужкой. Другими словами, так как подставная праздность возможна лишь на основе статуса или наемной службы, исчезновение из человеческих взаимоотношений статуса в любой момент развития влечет за собой исчезновение подставной праздности при достигнутом на сей день уровне общественной жизни. Однако в уточнение сделанного замечания следует добавить, что, пока институт домашнего хозяйства состоятелен, пусть возглавляемый не единолично, категория непроизводительного труда, выполняемого ради почтенности семейства, должна все-таки относиться к разряду подставной праздности, хотя в незначительно измененном смысле. Теперь эта праздность представляется за квазиединоличное семейство в целом, а не только за главу семейства, являвшегося, как было прежде, единоличным владельцем собственности.

Глава IV. Демонстративное потребление

Там, где уже говорилось о развитии подставного праздного класса и его отделении от общей массы трудящихся слоев, было упомянуто о дальнейшем разделении труда — разделении между разными категориями слуг. Часть слуг, главным образом те лица, чьим занятием является подставная праздность, теперь берут на себя ряд новых, побочных обязанностей — возникает демонстративное потребление. Это потребление можно наблюдать в его наиболее явном виде в ношении ливрейных нарядов или в создании просторных помещений для прислуги. Другой формой подставного потребления, едва ли менее бросающейся в глаза или дающей меньший эффект, но гораздо шире распространенной, является потребление пищи, одежды, жилья и обстановки госпожой и остальными членами семьи.

Более или менее стройная система специализации потребления, свидетельствующего о наличии денежной силы, начала вырабатываться в какой-то момент экономического развития, намного предшествовавший периоду выдвижения госпожи. Зарождение дифференцированного потребления вообще датируется более ранним временем, чем появление чего-либо, что можно было бы безусловно называть денежной силой. Такое потребление восходит к начальной фазе хищнической культуры и даже существует предположение, что зарождение дифференциации в этом отношении лежит за истоками хищничества. Такое самое грубое разделение в потреблении благ похоже на более позднее разделение, с которым мы все так близко знакомы, — похоже тем, что оно в значительной мере носит формальный характер, однако в отличие от последнего, оно не покоится на

различиях в накопленном состоянии. Использование потребления для доказательства обладания богатством следует отнести к производным явлениям как происходящее в процессе отбора приспособление к новой цели ранее существовавшего и занявшего прочное место в образе мыслей людей различия.

На ранних фазах хищнической культуры единственной экономической дифференциацией является широкое различие между здоровыми мужчинами, занимающими более высокое и почетное положение, с одной стороны, и низшим слоем женщин-тружениц — с другой. Согласно действовавшей в то время идеальной жизненной схеме, потреблять то, что производят женщины, и есть функция мужчин. Та доля потребления, которая приходится на женщин, лишь случайна по отношению к их труду; это не потребление, направленное на их собственное благо и полноту жизни, а средство, позволяющее продолжать работу. Непроизводительное потребление материальных ценностей почетно, во-первых, как знак доблести и необходимое условие сохранения человеческого достоинства, во-вторых, оно само по себе становится реально почетным, особенно потребление того, что лучше. Потребление отборных продуктов питания, а зачастую редких предметов украшения становится запретным для женщин и детей; если же среди мужчин выделяется низший слой (рабов), то запрет распространяется и на них. По мере дальнейшего развития культуры этот запрет может превратиться в простой обычай более или менее строгого свойства; но каково бы ни было основание различия, которого придерживается теория, будь это жестокий запрет или скорее дань традиции, черты общепринятого образа потребления не так легко меняются. Когда достигнута квазимиролюбивая стадия производства с институтом подневольного рабства в основании, общим, весьма строго применяемым правилом становится то, что низший, трудолюбивый класс должен потреблять лишь самое необходимое для поддержания жизни. Жизненные удобства и роскошь по природе вещей принадлежат праздному классу. При таком запрете употребление определенных видов провизии, а точнее, напитков строгим образом сохраняется за высшим классом.

Неукоснительно соблюдаемые различия в рационах питания лучше всего видны в употреблении алкогольных напитков и наркотиков. Если эти предметы дороги, их потребление воспринимается как благопристойное и почетное. Следовательно, неблагородные слои, прежде всего женщины, вынуждены воздерживаться от потребления этих «стимуляторов», за исключением тех стран, где они доступны по очень низкой цене. С самых древних времен и на протяжении всего патриархального периода приготавливать и подносить к столу эти предметы удовольствия было обязанностью женщин, а потреблять — прерогативой мужчин благородного происхождения и воспитания. Пьянство и другие патологические последствия свободного употребления алкогольных напитков и наркотиков, следовательно, могут стать почетными, будучи второстепенными признаками превосходящего статуса тех, кто в состоянии позволить себе такое удовольствие. Отклонения от нормы, вызванные подобными злоупотреблениями, широко почитаются среди некоторых народов за неотъемлемо мужские качества. Нередко названия определенных болезненных состояний человека, возникающих на такой почве, входили в разговорную речь в качестве синонимов слов «знатный» или «благородный». Симптомы дорогостоящих пороков являются общепринятыми признаками более высокого положения в обществе только на относительной ранней ступени развития культуры, имея тем самым тенденцию к тому, чтобы превратиться в достоинства и вызывать почтительное отношение общества; почтенность, закрепляющаяся за определенными дорогостоящими пороками, в течение долгого времени настолько сохраняет свою силу, что заметно ослабляет осуждение, с которым общество смотрит на мужчин состоятельного или знатного слоя, позволяющих себе неумеренную приверженность удовольствиям. Распространению неодобрения такого рода удовольствий, когда их позволяют себе малолетние, женщины или подчиненные, придает силы все то же завистное различие. Там, где в установлении условностей сохраняется сильное влияние примера, подаваемого праздным классом, можно наблюдать, как женщины все еще живут в том же традиционном воздержании от потребления

«стимуляторов».

Такой характер воздержания от употребления алкогольных напитков и наркотиков, которому следуют женщины из почтенных слоев, может показаться чрезмерной логической изошренностью в ущерб здравому смыслу. Однако факты, имеющиеся у каждого, кому интересно в них разобраться, постоянно говорят о том, что женщины проявляют большую умеренность благодаря принятой в обществе условности. Эта условность, вообще говоря, проявляется сильнее всего там, где патриархальная традиция — традиция считать женщину рабыней — по-прежнему удерживается и особенно сильна. В том понимании, которое сильно видоизменилось по масштабам и строгости приложения, но которое ни в коем случае не утратило до сих пор своего значения, эта традиция гласит, что женщина, будучи рабой, должна потреблять только то, что необходимо ей для поддержания жизни — за исключением разве тех случаев, когда ее потребление идет во благо ее господину или приумножает его добрую славу. Потребление предметов роскоши и удовольствий — это в истинном смысле потребление, направленное на благо самого потребителя, и, следовательно, является признаком того, что он и есть господин. Подобное потребление другими может иметь место только на основании проявленной господином терпимости. Соответственно мы можем найти пережитки запрета на предметы роскоши и удовольствия, сохранившиеся по меньшей мере в форме общепринятого неодобрения по отношению к их потреблению несвободным или зависимым сословием в обществах, где образ мышления в народе с самого основания формировался патриархальным укладом. Это особенно справедливо в отношении тех определенных предметов роскоши и удовольствий, потребление которых зависимым сословием ощутимым образом умаляло бы благо или удовольствие господ, а также тех предметов, потребление которых считается неправомерным по другим основаниям. В представлении многочисленного консервативного среднего класса стран Запада употребление различных «стимуляторов» заслуживает неодобрения по меньшей мере по одной, если не по обоим указанным причинам; является слишком значительным, чтобы остаться незамеченным, тот факт, что именно среди этих слоев в странах германской культуры, сохраняющих сильное чувство патриархальных приличий, женщины должны в значительной степени подчиняться запрету на алкогольные напитки и наркотики. С многочисленными оговорками — их становилось больше по мере того, как постепенно ослаблялись старые патриархальные обычаи, — общим правилом, которое представляется справедливым и обязательным, является то, что женщины должны участвовать в потреблении только ради блага их господ. Конечно, можно возразить, что расходы на женское платье и убранство дома — очевидное исключение из этого правила, однако впоследствии окажется, что это исключение в гораздо большей степени видимое, нежели действительное.

На ранних стадиях экономического развития потребление товаров, особенно высокосортных (идеально — все потребление сверх прожиточного минимума), принадлежит обыкновенно праздному классу. Это ограничение, вероятно, исчезает, по крайней мере формально, после того, как общество достигает в своем развитии более поздней, миролюбивой стадии с частной собственностью на материальные ценности и системой производства, основанной на наемном труде либо на мелком домашнем промысле. Однако на ранней квазимилолюбивой стадии, когда формировалось и обретало постоянство так много традиций, посредством которых институт праздного класса оказывал действие на дальнейшее развитие экономической жизни общества, это правило имело силу общественного закона. Оно служило в качестве нормы, с которой стремилось соотноситься потребление, и всякий заметный отход от нее следует рассматривать как отклонение, которое, конечно же, будет исключено в ходе дальнейшего развития. Квазимилолюбивый праздный господин, далее, не только вкушает хлеб насущный сверх необходимого минимума для поддержания жизни и здоровья — его потребление приобретает особую специфику в отношении качества потребляемых товаров. Он вволю потребляет самое лучшее из еды, напитков, наркотиков, жилья, услуг, украшений, платья,

оружия и личного снаряжения, увеселений, амулетов, а также божеств и идолов. В имеющем место процессе постоянного улучшения предметов его потребления мотивирующим принципом и близлежащей целью всякого нововведения, несомненно, является повышение личного удобства и благополучия благодаря улучшению и совершенствованию производимых продуктов. Однако это не остается единственной целью потребления. Каноны почтенности спешат воспользоваться такими нововведениями, которые, согласно критериям, достойны сохранения. Так как потребление товаров более высокого качества есть свидетельство богатства, оно становится почетным, и наоборот, несостоятельность в потреблении товаров должного качества и в необходимом количестве является признаком низкого положения.

Растущая разборчивость до мелочей в качестве еды, питья и т. д. вскоре затрагивает не только образ жизни, но также воспитание и духовное развитие праздного господина. Это уже не просто удачливый воинствующий самец, сильный мужчина, обладающий находчивостью, выдержкой и отвагой. Чтобы избежать посмешища, он должен воспитывать свой вкус, ибо теперь на него ложится обязанность уметь как следует отличать в потребляемых товарах «знатное происхождение» от «низкого». Он становится знатоком в яствах, заслуживающих различной степени похвал, напитках и безделушках, в приличествующем облачении и архитектуре, в оружии, играх, танцах и наркотиках. Такое упражнение эстетических способностей требует времени и сил, и требования, накладываемые в этой области на благородного господина, ведут к превращению его праздной жизни в более или менее усердное занятие в деле освоения секретов того, как приличествующим образом вести праздную жизнь. Существует требование, тесно связанное с необходимым условием свободного потребления тех, а не иных товаров, — благородный господин должен уметь потреблять их подобающим образом. Он учится вести свою праздную жизнь по должной форме. Отсюда и возникают хорошие манеры, подобно тому как указывалось в одной из предыдущих глав. Благовоспитанное поведение и высокородный образ жизни — это следование нормам демонстративной праздности и демонстративного потребления.

Для господина, живущего в праздности, демонстративное потребление материальных ценностей есть средство достижения уважения. По мере того как богатство сосредоточивается в его руках, его собственные усилия не обеспечат ему без посторонней помощи доказательств своего могущества. Следовательно, он приводит на подмогу друзей и соперников, прибегая к ценным подаркам и устраивая дорогие пиры и увеселения. Подарки и пиры, вероятно, имели другое происхождение, нежели наивное хвастовство, но удобную возможность использования их именно с этой целью они приобрели очень рано, сохраняя за собой указанное свойство до настоящего времени. Роскошные увеселения, такие, как потлач³³ или бал, особенно хорошо служат своему назначению. Соперник, которого хозяин угощает и развлекает, желая установить сравнение, таким способом обращается в средство, помогающее достижению цели. Он осуществляет за хозяина подставное потребление и в то же самое время является свидетелем потребления тех излишков благ, которыми хозяин не в состоянии распорядиться без посторонней помощи, кроме этого, он превращается в свидетеля той легкости, с которой хозяин владеет правилами этикета.

В устройстве дорогих увеселений, конечно, присутствуют и другие мотивы, более добрые. Обычай праздничных сборищ, вероятно, берет свое начало в религиозных мотивах и пиршествах; эти мотивы присутствуют и при более позднем развитии общества, однако они перестают быть единственными. Новейшие празднества и увеселения праздного класса, возможно, продолжают в какой-то незначительной степени служить религиозной потребности, а в большей степени — потребностям в развлечении и веселом общении, однако завистнической цели они служат тоже, и служат ей ничуть не менее эффективно, несмотря на благовидную основу, заключающуюся в этих охотно признаваемых мотивах.

---

³³ Потлач — индейский праздник, на котором раздаются подарки. — *Прим. перев.*

По мере накопления состояния происходит дальнейшее развитие структуры и функций праздного класса, и внутри класса начинается расслоение. Возникает более или менее сложная система ступеней и рангов. Это расслоение усугубляется в результате наследования состояния и, как следствие, знатности. Одновременно идет наследование обязательной праздности; и знатность достаточно высокая, чтобы повлечь за собой праздную жизнь, может быть получена по наследству без приданого, необходимого для поддержания уважающей себя праздности. Благородная кровь может передаваться без приложения к ней состояния, достаточного для того, чтобы дать возможность потреблять вволю и на славу. Таким образом возникает слой безденежных праздных господ, о котором уже между прочим говорилось. Эти праздные господа «смешанных кровей» образуют иерархически подразделенную систему. Те, кто в уровне богатства или происхождения либо в том и другом занимают более близкое положение по отношению к высоким и высшим слоям богатого праздного класса, рангом превосходят тех, чье происхождение ниже, и тех, кто слабее в денежном отношении. Эти праздные господа более низких рангов, особенно безденежные или почти безденежные, через систему зависимости или принесением клятвы в верности попадают под покровительство сильных господ; этим они обретают недостающий почет или получают от своего покровителя средства для ведения праздной жизни. Они становятся его придворными льстецами, вассалами или слугами. Получая у своего покровителя пищу и поддержку, они являются рекламой его высокого положения и подставными потребителями его обильного состояния. В то же время многие из праздных господ, находящиеся под покровительством, — люди сами по себе малоимущие, поэтому некоторых из них вообще вряд ли можно поместить в категорию подставных потребителей, других — лишь частично. Тем не менее ту их часть, которая составляет круг прихлебателей и вассалов, полностью можно отнести к классу подставных потребителей. В свою очередь многие из них, а также многие из прочих слоев аристократии опять же создают вокруг своей персоны более или менее обширные группы подставных потребителей в лице своих жен и детей, слуг, вассалов и так далее.

Вся эта подразделенная система подставной праздности и подставного потребления подчинена следующему правилу: обязанности подставной праздности и подставного потребления должны выполняться таким образом, при таком условии или под такой вывеской, которые бы ясно указывали на хозяина, которому принадлежит эта праздность или потребление и чьему имени, следовательно, прибавляется заслуженная добрая слава. Потребление или праздность, осуществляемые этими лицами за своего господина или покровителя, представляют собой капиталовложение с его стороны с видом на увеличение своей доброй славы. Что касается празднеств и раздаваемых щедрот, то, вполне очевидно, и облечение почетом хозяина дома или покровителя происходит немедленно и на общеизвестных основаниях. Там, где праздность и потребление осуществляются подставным образом через приспешников и вассалов, проистекающая от этого слава достается в результате покровителю, для чего им отводится место подле его персоны — пусть тем самым всем людям будет ясно, из какого источника они черпают. По мере того как круг людей, чье уважение обеспечивается подобным образом, разрастается, требуются более наглядные средства, чтобы указывать, на кого падает честь заслуг за представляемую праздность; с этой целью входят в моду форменная одежда, значки и ливреи. Ношение такой одежды предполагает значительную степень зависимости и, можно даже сказать, является признаком рабства, действительного или показного. Носящих форменную одежду или ливреи грубо можно разделить на два класса — свободных и холопов, или знатных и незнатных. Выполняемые ими виды услуг подобным образом подразделяются на благородные и низкие. Разумеется, это различие не соблюдается строго и последовательно на практике, выполнение не столь униженных из неблагородных обязанностей, как и менее почетных из благородных функций, совмещается нередко в одном и том же лице. Однако общее различие на этот счет нельзя не заметить. Некоторую путаницу может внести тот факт, что на это фундаментальное различие между «благородным и низким, основывающееся на различном

характере официально выполняемой работы, накладывается вторичное различие, делящее службу на унижительную и почетную в зависимости от положения лица, для кого она выполняется, или лица, которое жалуется ливрею. Поэтому те должности, которые по праву являются надлежащими занятиями праздного класса, благородны; таковы управление, участие в сражениях, охота, уход за оружием и личным снаряжением и тому подобное — короче говоря, все обязанности, которые можно отнести к категории показательных хищнических занятий. С другой стороны, низкими являются те занятия, которые должным образом попадают в разряд производственных, — это ремесло или другой производительный труд, работа лакеев и пр. Однако низкая работа, выполняемая для лица, занимающего очень высокое положение, может стать весьма почетной обязанностью, таковы, например, должность фрейлины или придворной дамы при королеве, королевского конюха или королевского «хозяина гончих». Названия двух последних должностей говорят о некоем общем принципе³⁴. Всякий раз, когда, как в подобных случаях, рассматриваемая лакейская служба имеет прямое отношение к исконно праздным занятиям, сражению или охоте, в ней с легкостью находит свое отражение почетный характер этих занятий. Таким образом, немалая почетность начинает приписываться занятиям, которые по своей природе относятся к деятельности низкого рода.

В более позднем развитии миролюбивой стадии производства обычай найма отряда праздных солдат, одетых в одинаковую форму, постепенно уходит в прошлое. Подставная часть потребления, осуществляемая через вассалов, носящих знаки отличия своего господина, сужается до потребления, осуществляемого отрядом ливрейных лакеев. Поэтому ливрея в высшей степени становится символом рабства или, скорее, холопства. В какой-то мере почетный характер всегда придавался ливрее вооруженного вассала, однако, постепенно этот почетный характер исчезает и ливрея становится исключительно эмблемой лакейства, поэтому она противна почти всякому, от кого требуется ее носить. Мы еще так недалеко ушли от состояния действительного рабства, что очень остро воспринимаем все бросающее на нас тень холопства. Эта неприязнь дает знать о себе даже в том случае, когда ношение казенной одежды или униформы предписывается некоторыми промышленными корпорациями в качестве отличительной одежды для своих служащих. В нашей стране отвращение к лакейству доходит даже до недоверия, пусть выражающегося в мягкой и неопределенной форме, к тем государственным службам, военным и гражданским, которые требуют ношения казенной одежды или формы.

С исчезновением рабства число подставных потребителей при каждом отдельном господине стремится в целом к сокращению. То же, разумеется, справедливо, и, возможно, даже в большей степени, в отношении числа подчиненных, разыгрывающих за господина демонстративную праздность. Вообще говоря, эти две группы совпадают, хотя и не во всем. Жена или главная жена, являясь первой из попавших на должность подставного потребителя, и, как и следовало ожидать, в более позднем развитии института праздного класса, когда постепенно сужается круг лиц, посредством которых, по обычаю, выполняется долг праздности, жена остается последней. На более высоких ступенях развития общества требуется выполнение обоюродного рода служб, подставной праздности и подставного потребления, в большем объеме, и здесь жене все еще, конечно, помогает более или менее многочисленный корпус слуг. Однако, двигаясь вниз, мы доходим до такого деления на социальной шкале, когда долг подставной праздности и подставного потребления всецело ложится на жену. В странах западноевропейской культуры это место на социальной шкале приходится в настоящее время на низшие слои среднего класса.

И вот здесь происходит любопытное обратное явление. Доступным общему наблюдению является тот факт, что со стороны главы семейства в этих нижних слоях

---

³⁴ Названия двух последних, как и всех приводимых здесь придворных должностей, пишутся с заглавных букв, что вместе с такими словами, как «Хозяин», «Хранитель», создает эффект высокого статуса. — *Прим. перев.*

среднего класса не выдвигается претензии на праздность. Под давлением обстоятельств праздность вышла из употребления. Однако жена в семьях среднего класса продолжает исполнять долг подставной праздности ради доброго имени господина и его семьи. При движении вниз по социальной шкале в любом современном промышленном обществе в относительно высокой ее точке отмечается исчезновение явления первостепенной важности — явления демонстративной праздности хозяина дома. Экономические обстоятельства принудили главу семейства среднего класса взяться зарабатывать на жизнь посредством занятий, которые зачастую носят характер производственных в широком понимании, как в случае обыкновенного современного бизнесмена. Однако явление производного порядка — подставные праздность и потребление, воспроизводимые женой, а также вспомогательное представление праздности посредством слуг — остается в моде как условность, пренебречь которой не позволят требования репутации. Не нужно никаких особых поисков, чтобы увидеть, как мужчина с величайшим усердием предается работе с тем, чтобы его жена могла в должном виде представлять за него ту меру праздности, которой требует общепринятый здравый смысл.

В таких случаях праздность в исполнении жены является, разумеется, не просто проявлением лени или безделья. Она почти неизменно скрывается под видом какой-нибудь работы, обязанностей по дому или под видом устройства социальных благ, что, как оказывается, мало отвечает каким-либо иным целям или же за этим вовсе не скрывается никаких целей, помимо демонстрации того, что она, жена, не занимается чем-либо прибыльным или приносящим реальную пользу. Как уже было замечено в разделе, посвященном хорошим манерам, такой характер носит большая часть обычного круга домашних забот, которым домашняя хозяйка средних классов отдает свое время и силы. Не то что внимание, которое она уделяет домашним делам, носящим показной и светский характер, не приносит приятного ощущения людям, воспитанным в духе приличий среднего класса; но вкус, к которому обращены эти усилия по украшению дома и поддержанию его опрятности, — это вкус, сформированный под выборочным руководством канона почтенности, требующего именно таких доказательств затраченных усилий. Результаты данных усилий приятны нам главным образом потому, что нас учили находить их приятными. К таким домашним обязанностям относятся немалые заботы о должном сочетании формы и цвета, а также те, которые следует отнести к категории эстетических в собственном смысле слова; нельзя отрицать, что иногда достигаются эффекты, обладающие некоторой реальной эстетической ценностью. Многие из сказанного сводится к тому, что в отношении таких жизненных благ усилиями домашней хозяйки руководят традиции, оформившиеся под действием закона демонстративно расточительного расхода времени и вещей. Если при этом достигается эффект красоты или удобства — а если достигается, так это более или менее удачное стечение обстоятельств, — он должен получаться способами и средствами, которые поверяются действием важного экономического закона расточительного расхода сил. Наиболее почетная, «представительная» доля атрибутов домашнего хозяйства среднего слоя представляет собой, с одной стороны, предметы демонстративного потребления и, с другой — образует аппарат подставной праздности, исполняемой хозяйкой дома.

Для людей, чьи доходы находятся в более низких точках денежной шкалы, требование подставного потребления со стороны жены хозяина дома имеет большую силу, чем требование подставной праздности. На уровне, ниже которого не наблюдается почти никаких претензий на расточительные затраты сил, идущих, скажем, на поддержание традиционной чистоты в доме и т. п., и где несомненно не предпринимается никаких попыток показной праздности, соображения благопристойности требуют от жены какого-то демонстративного материального потребления ради поддержания почтенности дома и его главы. Таким образом, в качестве современного результата развития архаичного института происходит превращение жены — бывшей сначала как фактически, так и теоретически рабой мужчины, выполнявшей тяжелую работу и производившей товары для его потребления, — в

традиционного потребителя материальных ценностей, производимых мужчиной. Однако теоретически она, совершенно бесспорно, еще остается его рабыней, ибо исполняемый обычным образом долг подставной праздности и подставного потребления есть постоянный признак подневольного слуги.

Подставное потребление в семьях средних и низших слоев не может считаться прямым выражением праздного образа жизни, так как семьи со средним и низким достатком в праздный класс не попадают. Здесь скорее праздный образ жизни находит свое опосредованное выражение. В вопросе почтенности праздный класс занимает главенствующее положение в социальной структуре, а его образ жизни и нормы достоинства представляют собой нормы почтенности для всего общества. Соблюдение этих норм, до некоторой степени приблизительное, становится долгом всех, кто стоит на более низких ступенях социальной лестницы. В современном цивилизованном обществе пограничная линия между его слоями становится размытой и подвижной, и в любом обществе, где имеет место такая картина, норма почтенности, устанавливаемая высшими классами, распространяет свое влияние сверху вниз на всю структуру общества до самых низких слоев. В результате в качестве своего идеала благопристойности представители каждого слоя общества принимают образ жизни, вошедший в моду в следующем соседнем, вышестоящем слое, и устремляют свои усилия на то, чтобы не отстать от этого идеала. Боясь в случае неудачи поплатиться своим добрым именем, а также потерять уважение к себе, они вынуждены подчиняться общепринятому закону благопристойности, по крайней мере внешне.

Основа, на которой в конечном счете покоится хорошая репутация в любом высокоорганизованном обществе, — денежная сила. И средствами демонстрации денежной силы, а тем самым и средствами приобретения или сохранения доброго имени являются праздность и демонстративное материальное потребление. Собственно, оба эти способа, пока остается возможным их применение по мере движения вниз по ступеням социальной лестницы, остаются в моде; и в тех более низких слоях, где эти два способа применяются, и та и другая обязанность в значительной мере передается в семье жене и детям. На более низкой ступени, где для жены становится неосуществимой какая бы то ни была степень праздности, даже показной, все-таки сохраняется демонстративное материальное потребление, осуществляемое женой и детьми. Глава семейства также может что-то делать в этом направлении и обычно на самом деле делает, однако при погружении на еще более низкие уровни, где бедность граничит с жизнью в трущобах, мужчина, а вскоре и дети практически перестают потреблять материальные ценности ради видимости и женщина остается практически единственной, кто демонстрирует денежную благопристойность семьи. Любое демонстративное потребление, ставшее обычаем, не остается без внимания ни в каких слоях общества, даже самых обнищавших. От последних предметов этой статьи потребления отказываются разве что под давлением жесточайшей нужды. Люди будут выносить крайнюю нищету и неудобства, прежде чем расстанутся с последней претензией на денежную благопристойность, с последней безделушкой. Нет ни одного класса и ни одной страны, которые бы столь малодушно поддавались давлению физических потребностей, что отказывали бы себе в удовлетворении такой высшей, или духовной, потребности.

Как представляется из предшествующего обзора развития демонстративной праздности и демонстративного потребления, возможность использования как одного, так и другого в целях приобретения и сохранения почтенности заключается в элементе расточительства, общем для них обоих. В одном случае это излишняя трата времени и сил, в другом — излишнее материальное потребление. В обоих случаях это способы демонстрации факта обладания богатством; и они оба общепринятым образом признаются равноценными. Выбор одного из этих способов есть просто вопрос очевидной сообразности с обстоятельствами в той мере, в какой этот выбор не находится под влиянием других норм приличия, проистекающих из другого источника. На различных ступенях развития экономики предпочтение на основе целесообразности может отдаваться одному или другому способу.

Вопрос заключается в том, какой из них окажется наиболее действенным по отношению к тем людям, на чьи убеждения необходимо оказать влияние. На практике этот вопрос решался по-разному, в зависимости от различных обстоятельств.

Пока общество или социальная группа довольно малы и достаточно компактны, чтобы находиться под влиянием одного только факта, что всем все друг о друге известно, т. е. пока социальное окружение, адаптация к которому диктуется требованиями почета, заключается в сфере личных знакомств индивида и соседской молвы, до тех пор оба способа дают примерно одинаковые результаты. Следовательно, на более ранних ступенях развития и тот и другой будут примерно равным образом соответствовать цели. Однако, когда углубляется дифференциация общества и становится необходимым оказывать влияние на более широкое социальное окружение, потребление начинает брать верх над праздностью в качестве обычного средства демонстрации благопристойности. Это особенно справедливо во время поздней, миролюбивой экономической стадии. Средства коммуникации и подвижность населения представляют индивида на обозрение многих людей, не имеющих никаких других возможностей судить о его почтенности, кроме тех материальных ценностей (и, вероятно, воспитания), которые он, находясь под непосредственным наблюдением, в состоянии выставить напоказ.

Современная организация производства действует в том же направлении и другим путем. Потребности современной производственной системы нередко располагают бок о бок индивидов и целые семейства, отношения между которыми имеют вряд ли какой другой смысл, кроме момента сопоставления. Формально говоря, соседи часто даже не знакомы и не являются соседями по общественному положению, и все же их преходящее мнение может быть в высшей степени полезно. Единственным реальным средством внушить этим не проявляющим сочувствия наблюдателям вашей повседневной жизни представление о вашей денежной состоятельности является неустанная демонстрация платежеспособности. В современном обществе наблюдается более частое посещение больших сборищ людей, которым не известна повседневная жизнь индивида; это такие места, как церкви, театры, балы гостиницы, парки, магазины и пр. С тем чтобы поразить мимолетных наблюдателей и сохранить под их взорами довольство собой, подпись в собственной денежной силе должна быть сделана такими буквами, которые бы читались на бегу. Следовательно, очевидно, что тенденция развития в настоящий момент заключается в повышении возможности полезного использования демонстративного потребления по сравнению с праздностью.

Можно заметить также, что пригодность потребления как средства для поддержания репутации, а также выдвижение его в качестве одной из основ благопристойности в полной мере проявляется в тех сферах общества, где наиболее широкое распространение получают социальные контакты индивида и где подвижность населения наиболее велика. От городского населения для демонстративного потребления требуется сравнительно большая часть дохода, чем от сельского, и требование это является более настоятельным. В результате для поддержания приличного внешнего вида городскому населению в большей степени, чем сельскому, свойственна привычка жить впроголодь. Поэтому американский фермер, его жена и дети заметно уступают как в своих манерах, так и в модности своей одежды семье, например, городского ремесленника с равным доходом. Дело не в том, что городское население по природе гораздо больше жаждет происходящей от демонстративного потребления особого рода удовлетворенности, и не в том, что у сельского населения в меньшем почете находится денежная благопристойность. Но в городе более определенными являются как преходящий характер действия этого способа доказывать денежную состоятельность, так и побуждение к нему. Поэтому к такому способу прибегают с большей готовностью, и городское население в борьбе за то, чтобы превзойти друг друга, поднимает норму демонстративного потребления на более высокий уровень; все это приводит в городе к сравнительно более высоким расходам, требующимся для того, чтобы указать на данную степень денежной благопристойности. Требование сообразности с такой более высокой общепризнанной нормой становится обязательным. Норма благопристойности растет от слоя

к слою, и под страхом утраты своего привилегированного положения необходимо жить на уровне требований приличного внешнего вида.

Потребление становится более существенным элементом уровня жизни в городе, чем в сельской местности. Среди сельского населения место потребления до некоторой степени занимают сбережения и благоустройство дома, которые посредством соседской молвы становятся достаточно известными, чтобы служить таким же общим целям создания денежной репутации. Эти домашние удобства и праздность — там, где позволяют себе праздность, — следует, конечно, тоже большей частью относить к статьям демонстративного потребления; и почти то же самое можно сказать и о сбережениях. То обстоятельство, что слой ремесленников откладывает сбережения в меньшем размере, несомненно, имеет место в результате того, что для ремесленника сбережения являются менее эффективным средством рекламы, направленной на окружение, в котором он находится, нежели сбережения людей, живущих на фермах и в маленьких городках. Среди последних каждый знает о делах, особенно о денежном статусе, любого другого. Рассматриваемое просто само по себе — взятое в качестве главного, — это добавочное побуждение, которому подвержены слои ремесленников и городских трудящихся, не может серьезно уменьшить размеры сбережений; однако, действуя в совокупности с другими мотивами, повышающими норму благопристойности в расходах, оно не может не сдерживать тенденцию к сбережению весьма значительным образом.

Как осуществляется действие этого канона почтенности, видно на удачном примере обычаев «посидеть за кружкой пива», «угостить», «покурить» в общественных местах, обычаев, распространенных среди городских рабочих и ремесленников и особенно среди более низких слоев городского населения. Работающие по найму печатники могут быть названы в качестве одной из социальных групп, среди которых такая форма демонстративного потребления пользуется большой популярностью, неся с собой известные, четко выраженные последствия, которые часто подвергаются осуждению. Привычки, присущие в этом отношении данному слою, относятся на счет некоего рода весьма неопределенной моральной неполноценности, которая ему приписывается, или пагубного влияния, которое каким-то необъяснимым образом, как предполагается, оказывает на нравы этих людей выполняемая ими работа. Что касается положения тех, кто работает в наборных и печатных цехах обычных типографий, то его можно резюмировать следующим образом. Мастерство, приобретенное в какой-либо одной типографии или городе, без труда используется почти в любой другой типографии или городе, т. е. инерция, связанная со специальным обучением ремеслу, незначительна. К тому же этот вид занятий требует умственных способностей выше средних и такого же общего кругозора; таким образом, занятые в этой области люди могут легче, чем многие другие, извлечь выгоду из любого малейшего отличия в условиях найма в одном месте по сравнению с другим. Инерция из-за нежелания расставаться с родными местами является, следовательно, также незначительной. В то же время заработки в печатном ремесле достаточно высоки, чтобы можно было относительно свободно переезжать с места на место. В результате возникает большая текучесть среди занятых в печатном деле, возможно большая, чем в любой другой столь же оформленной и значительной группе рабочих. Эти люди постоянно сталкиваются с новым кругом знакомых, устанавливая с ними непостоянные, преходящие отношения, однако тем не менее придавая в каждый конкретный момент большое значение их доброму мнению. Склонность людей к показному, усиленная чувством товарищества, приводит к тому, что они свободно тратят деньги на те вещи, которые наилучшим образом служат указанной цели. Повсюду обычай, после того как он приобретает популярность, возводится в неписаный закон и включается в состав общепринятой нормы благопристойности. Следующий шаг — превращение этой нормы благопристойности в отправной пункт для дальнейшего движения в том же направлении, ибо ведь нет достоинства в том, чтобы просто жить в пассивной сообразности с нормой расточения, на том уровне, на котором само собой разумеющимся образом живет всякий занимающийся данным ремеслом.

Превалирование элементов расточительства в жизни печатников по сравнению с другими рабочими можно соответственно отнести на счет, по крайней мере в какой-то степени, большей свободы передвижения и более преходящего характера знакомств и общения людей этой профессии. Однако тщательный анализ показывает, что реальной основой такого высокого уровня расточительств является не что иное, как та же склонность к проявлению своего господства и денежной благопристойности, которая делает французского крестьянина-собственника скупым и бережливым и побуждает американского миллионера основывать колледжи, больницы и музеи. Если бы закон демонстративного потребления в значительной мере не компенсировался действием других черт человеческой природы, ему чуждых, то для населения, занимающего такое положение, какое занимают в настоящее время слои городских рабочих и ремесленников, всякое сбережение было бы логически невозможно, как бы ни были высоки их заработки или доходы.

Однако, помимо наличия состояния и желания выставить его напоказ, существуют другие нормы репутации и другие, более или менее обязывающие каноны поведения; некоторые из них входят в моду для того, чтобы усилить или ограничить действие обширного, фундаментального правила демонстративного расточительства. Так как эффективность праздности и показного материального потребления просто поверяется тем, насколько они могут служить в качестве рекламы богатства, мы должны быть готовы к тому, что сначала сфера денежного соперничества будет разделена между демонстративным материальным потреблением и праздностью примерно поровну. Затем, как можно было бы ожидать, праздность постепенно уступала бы свои позиции, стремясь к отмиранию по мере поступательного развития экономики и увеличения размеров общества, в то время как демонстративное потребление постепенно приобретало бы все большее значение в относительном и абсолютном выражении до тех пор, пока не поглотило бы весь имеющийся в распоряжении продукт, не оставив ничего свыше едва достаточных средств к существованию. Однако действительный ход развития несколько отличался от такой идеальной картины. Праздность с самого начала захватила первенство и заняла на квазимиролюбивой стадии развития культуры гораздо более почетное место в обществе, чем расточительное материальное потребление, и в качестве непосредственной экспоненты состояния, и как составная часть нормы благопристойности. Начиная с этого момента и далее потребление постепенно завоевывало экономические позиции, пока к настоящему моменту не получило бесспорного приоритета, хотя ему еще далеко до поглощения продукции во всех сферах сверх прожиточного минимума.

Обращение в ранний период к праздности как к господствующему средству поддержания репутации объясняется архаичным разграничением благородных и низких видов занятий. Праздность почетна и становится обязательной отчасти потому, что демонстрирует освобожденность от низкого труда. Архаичное разделение общества на благородный и низкий классы основывается на завистническом различии между почетными и унижительными занятиями, а на ранней квазимиролюбивой стадии это традиционное различие превращается в обязывающий канон благопристойности. Укреплению позиций праздности способствует тот факт, что она все еще выступает столь же эффективным свидетельством благосостояния, как и потребление. В самом деле, в той сравнительно малой и постоянной по составу социальной среде, в которую помещен индивид на той культурной стадии, праздность так эффективна, что при содействии архаичной традиции, крайне осуждающей всякий производительный труд, она рождает крупный безденежный слой и даже стремится ограничить продукцию общественного производства прожиточным минимумом. Такого крайнего сдерживания производства не происходит, ибо рабский труд выполняется под принуждением, которое сильнее требований почтенности, так что работающие слои вынуждены производить продукт сверх их прожиточного минимума. Сравнительно меньшее обращение к демонстративной праздности как к основе репутации происходит впоследствии благодаря тому, что становится относительно выше эффективность потребления как свидетельства обладания богатством, однако частично это

явление объясняется и другой причиной, чуждой и в какой-то степени идущей вразрез с обычаем демонстративной праздности.

Этим враждебным фактором является инстинкт мастерства. Если позволяют обстоятельства, этот инстинкт располагает людей к благосклонному взгляду на производительный труд и на все, что представляет собой пользу для человека. Он склоняет их к резкому осуждению расточительных затрат времени и сил. Инстинкт мастерства присутствует во всех людях и дает знать о себе даже в очень неблагоприятных условиях. Поэтому, как бы ни было данное расходование расточительным в действительности, оно должно иметь по крайней мере какое-нибудь, благовидное оправдание, что-нибудь вроде показной цели. То, каким образом при особых обстоятельствах инстинкт мастерства порождает завистнические различия между знатными и низкими классами и развивает вкус к доблестной деятельности, указывалось в одной из предыдущих глав. В той мере, в какой инстинкт мастерства вступает в противоречие с законом демонстративного расточительства, он выражается не столько в настоятельном требовании реальной полезности, сколько в постоянном ощущении одиозности и эстетической неуместности того, что видится явно бесполезным. Обладая свойством инстинктивного действия, его влияние касается главным образом тех случаев, когда нарушения его требований наглядны и очевидны. Лишь в тех случаях, когда его действие не столь незамедлительно и менее ограничено обстоятельствами, оно распространяется на те существенные отклонения от его требований, которые понимаются только по размышлению.

Пока всякий производительный труд продолжает выполняться исключительно или как правило рабами, сознание пугающей униженности всякого производительного усилия слишком постоянно и сильно, чтобы всерьез позволить инстинкту мастерства оказывать серьезное действие и приводить праздный класс к производственной деятельности; однако, когда квазимиролюбивая стадия (с ее системой рабства и статуса) переходит в миролюбивую производственную стадию (с наемным трудом и денежной оплатой), этот инстинкт более действительно включается в игру. Он начинает завоевывать и формировать взгляды людей на то, что достойно поощрения, и утверждает в качестве по крайней мере вспомогательного канона самоудовлетворенности. Оставляя в стороне все привносимые обстоятельства, можно сказать, что в ничтожном меньшинстве остаются сегодня те лица (из взрослых), кто не питает никаких намерений по достижению какой-либо цели или кем не движет собственное побуждение придать форму какому-то предмету, факту или отношению, с тем чтобы ими мог воспользоваться человек. Эта склонность может в значительной степени подавляться побуждением к почтенной праздности и стремлением избежать неприличествующей полезности, оказывающими более непосредственное действие, и, следовательно, она может выражаться лишь в несерьезной деятельности, например в выполнении «общественных обязанностей», в квазинаучном и квазихудожественном образовании, в заботах по дому и его убранству, в участии в кружках кройки и шитья, в умении задавать тон в одежде и одеваться, играть в карты, гольф или управлять яхтой, в сноровке в самых различных развлечениях. Однако тот факт, что инстинкт мастерства может под давлением обстоятельств вырождаться в бессмысленность, ничуть не больше опровергает его наличие, чем реальность инстинкта насадки опровергается тем, что мы можем заставить ее высидывать фарфоровые яйца.

В последнее время такая беспокойная тяга к какой-нибудь форме целенаправленной деятельности, которая в то же время не была бы неприличным образом производительной, приносящей частный или коллективный доход, знаменует собой различие в положении современного праздного класса и праздного класса квазимиролюбивой стадии. Как было сказано выше, на этой более ранней стадии повсеместно господствующий в обществе институт рабства и статуса привел к неизбежному неодобрению целей, отличных от откровенно хищнических. Для склонности к действию еще можно было найти какое-то привычное занятие вроде насилия, агрессии, направленной против враждебных групп, либо репрессии подчиненных классов внутри группы. Это служило облегчению напряженности и оттоку энергии праздного класса без обращения к действительно полезным или же к

представляемым как полезные видам занятий. До некоторой степени той же цели отвечал и обычай охоты. Когда общество пришло в своем развитии к организованному производству и более значительное использование земель почти не оставило возможностей для охоты, под давлением энергии, заставляющей искать выход в полезном занятии, праздному классу ничего не оставалось, как искать его в каком-либо ином направлении. Низость, традиционно связанная с полезным усилием, с исчезновением принудительного труда также стала восприниматься менее остро, и тогда инстинкт мастерства начал заявлять о себе все более настойчиво и последовательно.

В какой-то мере изменилось направление наименьшего сопротивления, и энергия, ранее находившая отдушину в хищнической деятельности, теперь отчасти направляется на какую-нибудь цель, выставляемую как полезная. Нарочито бесцельная праздность начинает осуждаться, особенно среди той значительной части праздного класса, плебейское происхождение которой не согласуется с традицией *otium cum dignitate* (свободное время почетно). Однако тот канон почтенности, который не одобряет всякое занятие, имеющее характер производительного усилия, все еще присутствует и не позволяет никакому виду деятельности, реально полезному или носящему производительный характер, ничего сверх того, что эта деятельность может приобретать весьма и весьма преходящую популярность. Это означает, что в практикуемой праздным классом демонстративной праздности наметилось изменение, хотя не столько по существу, сколько по форме. Обращением к несерьезной деятельности достигается компромисс между двумя противоречащими друг другу требованиями. Развиваются многочисленные и сложные правила вежливости, а также общественные обязанности, имеющие форму церемоний; основывается множество организаций, в официальных названиях и стиле работы которых воплощается какой-нибудь благовидный объект благотворительности, развивается бурная деятельность, ведется масса разговоров, в результате участникам всех этих мероприятий может и не представиться случай задуматься о действительном экономическом значении их движения. Наряду с разыгрыванием целенаправленного занятия в нем неразрывно вплетенным в его структуру обыкновено, если не неизменно, присутствует осязаемый элемент целенаправленного усилия, стремление к какой-либо серьезной цели.

В более узкой сфере подставной праздности произошла аналогичная перемена. Вместо того чтобы просто проводить время в видимом безделье, как в лучшие патриархальные времена, на более высокой миролюбивой стадии домашняя хозяйка усердно занимается заботами по дому. Характерные особенности такого развития домашней службы уже указывались.

На протяжении всей эволюции демонстративного расходования очевидным образом подразумевается, что для того, чтобы сохранить добрую славу потребителя, его демонстративное расходование должно быть направлено на излишества. Чтобы приносить почет, оно должно быть расточительным. От потребления одних лишь предметов жизненной необходимости не возникало бы никаких отличительных достоинств, кроме разве что по сравнению с презренно бедными, которые не дотягивают даже до прожиточного минимума; и из такого сравнения не могла бы получиться никакая норма расходования, разве что соответствующая самому прозаическому и непривлекательному уровню благопристойности. Тем не менее был бы возможен уровень жизни, который позволял бы проводить завистническое сопоставление в областях, отличных от обладания богатством, например в различных проявлениях моральных, физических, интеллектуальных или эстетических сил. Сегодня пользуется популярностью сопоставление во всех этих направлениях; и во всех отношениях оно обычно так неразрывно связано с денежным сопоставлением, что едва отличимо от последнего. Это особенно справедливо в отношении бытующей системы оценок выражения умственных и эстетических сил или способностей; поэтому мы нередко истолковываем как эстетическое или интеллектуальное то различие, которое по существу является всего лишь денежным.

Употребление термина «расточительство» неудачно в одном отношении. Используясь в

повседневной речи, это слово носит оттенок осуждения. В нашем тексте оно употреблено за неимением лучшего термина, который будет адекватно описывать тот же диапазон мотивов и явлений и не будет восприниматься в одиозном значении, подразумевающим незаконное расходование продуктов человеческого труда или человеческого общества. С точки зрения экономической теории рассматриваемое расходование не более и не менее законно, нежели любое другое расходование. Оно называется здесь «расточительство», потому что не служит человеческому обществу или не отвечает человеческому благополучию в целом, а не потому, что с позиции отдельного прибегающего к расточительству потребителя это пустые или не на то направленные усилия или расходы. Если потребитель выбирает расточительную манеру расходов, то тем самым устраняется вопрос об относительной его полезности для потребителя по сравнению с другими формами потребления, которые не порицались бы вследствие их расточительности. Какую бы форму ни выбирал потребитель или какую бы он ни преследовал цель, производя свой выбор, эта форма потребления обладает для него полезностью уже благодаря тому, что он отдает ей предпочтение. Вопрос о расточительстве, как он видится отдельному потребителю с его точки зрения, возникает за пределами компетенции собственно экономической теории. Следовательно, употребление слова «расточительство» в качестве специального термина не несет никакого порицания мотивов, которыми руководствуется в условиях канона демонстративного расточительства потребитель, или целей, которые он преследует.

Однако, исходя из других соображений, стоит заметить, что слово «расточительство», используемое в повседневной речи, имеет значение порицания того, что характеризуется как расточительное. В самом этом здоровом значении обнаруживает себя инстинкт мастерства. Распространенное в массах порицание расточительства говорит о том, что для того, чтобы находиться в согласии с самим собой, обыкновенный человек должен уметь видеть во всем без исключения, чем человек обладает, и в любом и каждом его усилии улучшение жизни и увеличение благополучия в целом. Чтобы получить безоговорочное одобрение, любое экономическое явление должно оправдываться при проверке на безличную полезность — полезность с общечеловеческой точки зрения. Относительное преимущество, или преимущество в состязании, одного индивида по сравнению с другим не соответствует требованиям экономической справедливости, и поэтому конкуренция в расходовании не получает одобрения с точки зрения такой справедливости.

Строго говоря, в рубрику демонстративного расточительства не следует включать ничего, кроме такого расходования, которое производится на почве завистнического денежного сопоставления. Однако для того, чтобы ввести под эту рубрику какой-либо данный элемент или предмет, не обязательно, чтобы он расценивался как расточительство несущим расходы лицом. Нередко случается так, что элемент жизненного уровня, появляясь сначала прежде всего как расточительный, впоследствии становится в понимании потребителя жизненной необходимостью и таким образом может стать для потребителя таким же необходимым, как любая другая статья его привычного расходования. В качестве предметов, попадающих иногда под эту рубрику и, следовательно, пригодных как пример того, каким образом действует это правило, можно назвать ковры и занавески, столовое серебро, услуги официантов, шелковые шляпы, крахмальное белье, многие предметы одежды и драгоценные украшения. После того как формируется привычка и обязательность этих вещей становится общепринятой, эта обязательность мало помогает в решении вопроса о том, классифицировать ли расходование как расточительство или как нерасточительство в специальном значении этого слова. Проверка, которой должно подвергаться всякое расходование при попытке решить этот вопрос, осуществляется выяснением того, служит ли расходование непосредственно улучшению человеческой жизни в целом — способствует ли оно общественному развитию, рассматриваемому вне связи с отдельными лицами. Ибо это является основанием для решения, выносимого инстинктом мастерства, который является судом высшей инстанции в любом вопросе экономической истинности и адекватности. Это вопрос относительно решения, выносимого беспристрастным здравым смыслом. Вопрос,

следовательно, заключается не в том, приводит ли данное расходование при существующих обстоятельствах, складывающихся из индивидуальной привычки и общественного обычая, к удовлетворению отдельного потребителя, к спокойному состоянию духа, а в том, создается ли в результате данного расходования, независимо от приобретенных вкусов и канонов обхождения и общепринятого приличия, реальная прибыль в удобстве или в полноте жизни. Привычное расходование следует классифицировать как расточительство в той мере, в какой развитие обычая, на котором оно основывается, будет объясняться привычкой производить завистническое денежное сопоставление — т. е. постольку, поскольку представляется, что оно не могло бы стать привычным и предписывающим, если бы не опиралось на принцип денежной почтенности или относительного денежного успеха.

Очевидно, для того, чтобы данный объект расходования попал в категорию демонстративного расточительства, он не должен быть исключительно расточительным. Предмет может быть расточительным и полезным, т. е. тем и другим вместе, и его полезность для потребителя может складываться из пользы и расточительства в самых разных пропорциях. Потребительские товары и даже средства производства обычно обнаруживают в качестве составляющих компонентов их полезности оба эти элемента в разных сочетаниях, хотя, вообще говоря, элемент расточительства стремится занять господствующее положение в предметах потребления, в то время как в отношении предметов, предназначенных для использования в производстве, справедливо обратное. Даже в предметах, которые, как кажется на первый взгляд, служат только чисто показным целям, всегда можно обнаружить присутствие некоторой, по крайней мере мнимой, полезности; а с другой стороны, даже в инструментах и специальном оборудовании, используемых в каком-либо отдельном производстве, или в самых грубых вещах, созданных человеческим трудолюбием, при ближайшем рассмотрении обычно становятся очевидными следы демонстративного расточения, по крайней мере следы привычки к проявлению показного. Было бы неосмотрительно утверждать, что какой-то предмет или какая-то служба начисто лишены полезного назначения, как бы ни было очевидно, что первичной целью и главным элементом является демонстративное расточительство; и почти также рискованно было бы утверждать в отношении всякого преимущественно полезного продукта, что расточительство в качестве составной части никоим образом не входит в его ценность, непосредственно или опосредованно.

Глава V. Денежный уровень жизни

Для большей части людей в современном обществе непосредственным мотивом денежных расходов сверх тех, что необходимы для физического благополучия, является не столько сознательное стремление превзойти других в размере явного потребления, сколько желание держаться на уровне общепринятых требований благопристойности в качестве и количестве потребляемых товаров. Это желание вызывается не какими-то жесткими неизменными рамками, которых нужно придерживаться и выходить за которые ничто не побуждает. Уровень требований подвижен. В частности, он может бесконечно повышаться, как только проходит достаточно времени для привыкания, вслед за всяким повышением платежеспособности, к новым, большим масштабам расходования. Гораздо труднее отказаться от усвоенного размера расходов, чем увеличить их привычные размеры в ответ на увеличение состояния. Многие статьи вошедших в обычай расходов оказываются при анализе едва ли не чистым расточительством, следовательно, расходование по этим статьям происходит только из желания обрести почет, а после того, как эти расходы вливаются в рамки соответствующего нормам приличия потребления, тем самым становясь составной частью образа жизни, отказаться от них точно так же трудно, как и от многих вещей, непосредственно ведущих к материальному благополучию или даже необходимых для жизни и здоровья. Таким образом, демонстративно расточительные расходы престижа ради, приносящие духовное благополучие, могут стать более необходимыми, нежели многие из

тех расходов, которые покрывают «низшие» потребности, потребности в материальном достатке или только в средствах к поддержанию жизни. Отказаться от «высокого» уровня жизни или понизить любой уже сравнительно низкий жизненный уровень заведомо одинаково трудно; правда, в первом случае мы имеем дело с трудностью морального порядка, тогда как во втором, возможно, будет затронуто материальное благополучие.

В то время как переход от больших расходов к меньшим затруднителен, новое увеличение расходов происходит сравнительно легко и как почти само собой разумеющееся. Те редкие случаи, когда средства для увеличения демонстративных расходов имеются, а увеличения не происходит, обычно вызывают у людей недоумение и объясняются ими таким презренным мотивом, как скупость. С другой стороны, быстрая реакция на соответствующий стимул воспринимается как обычное следствие. Это говорит о том, что средний, обычный размер расходов, который уже достигнут, никогда не является тем уровнем, на достижение которого мы обыкновенно направляем наши усилия. Идеал потребления лежит как раз за пределами досягаемости, либо от нас требуется определенное напряжение для его достижения. Причиной является соперничество, стимул к которому создается завистливым сравнением, побуждая нас превосходить тех, с кем мы привыкли считать себя людьми одного ранга. По сути, то же суждение выражено в банальном замечании о том, что каждый класс испытывает зависть и тянется к классу, стоящему на социальной лестнице ступенью выше, при этом редко сравнивая себя с теми, кто находится ниже или значительно опережает его. Другими словами, норма приличествующих расходов, как и остальные нормы благопристойности, вызывающие соперничество, практически устанавливаются теми, кто занимает следующую ступень почтенности. Таким образом, особенно в обществе, где классовые различия несколько размыты, все каноны почтенности и благопристойности и все установки на определенные уровни потребления восходят постепенным образом к обычаям и привычному мышлению самого высокого в социальном и денежном отношении класса — праздного класса богатых.

В общих чертах именно этот класс определяет, какой образ жизни будет приниматься обществом как благопристойный или престижный, заслуживающий уважения. Функция именно этого класса — разъяснять наставлением и личным примером, каков образ высшей, идеальной формы общественного благоденствия. Но выполнять свою псевдосвященническую функцию высший, праздный класс может только при существенных ограничениях. Этот класс не может по своему усмотрению произвести неожиданный поворот в установившемся у людей образе мышления или внезапно вернуть их к прежним привычкам. Нужно время, чтобы какая-либо перемена распространилась в массах и затронула привычные взгляды людей; особенно много времени требует изменение привычек тех классов, которые занимают более отдаленное положение в обществе по отношению к «светилу». Этот процесс медленнее происходит там, где меньше подвижность населения либо где дистанции между различными слоями больше и выражены резче. Но при наличии времени у праздного класса есть все возможности предусмотреть в целом и в деталях образ жизни общества; тогда как в отношении существенных принципов престижности те перемены, которые в состоянии произвести праздный класс, лежат в узких пределах допустимости. Его наставления и личный пример имеют силу предписаний для всех нижележащих слоев, однако при выработке наставлений, которые спускаются этим слоям, — чтобы служить руководством при выборе форм и методов приобретения почета, т. е. при формировании практической и духовной жизни низших слоев, — эти влиятельные предписания следуют канону демонстративного расточительства, который в различной степени сдерживается инстинктом мастерства. К этим нормам нужно добавить еще один общий принцип, присущий природе человека, — хищнический умысел, — который по своей сути и психологическому содержанию лежит между двумя названными свойствами. Воздействие этого последнего на формирование образа жизни требует особого рассмотрения.

Канон почтенности, таким образом, должен приспособливаться к экономическим обстоятельствам, традициям и степени духовной зрелости того отдельного класса, образ

жизни которого он призван упорядочивать. Надо особо отметить, что, какова бы ни была власть официального порядка вещей, как бы он ни соответствовал основополагающим требованиям престижности в его начинаниях, он ни при каких обстоятельствах не может удерживаться в силе, если по истечении времени или при переходе к менее имущему классу оказывается, что он идет вразрез с первейшей основой благопристойности у цивилизованных народов, а именно способностью надежно служить цели стимулирующего, завистного сопоставления денежных успехов.

Очевидно, что каноны расходования в значительной мере определяют уровень жизни в любом обществе и в любом классе. Не менее очевидно и то, что преобладающий в какое-то данное время и на какой-либо данной социальной широте уровень жизни в свою очередь в значительной мере определяет как формы, которые примет престижное расходование, так и степень, до которой эта «высшая» потребность будет управлять потреблением. В этом отношении общепринятый жизненный уровень оказывает действие, имеющее преимущественно воспрепятствующий характер: оно направлено почти исключительно на то, чтобы не дать сократиться однажды установившемуся масштабу демонстративных расходов.

Жизненный уровень имеет природу привычки. Он является привычным мериллом и задает привычный порядок реагирования на определенные стимулы. Трудность отступления от привычного уровня — это трудность отказа от однажды усвоенной привычки. Сравнительная легкость, с которой повышается жизненный уровень, означает, что жизнь общества есть процесс эволюции и что он будет без труда разворачиваться в каком-либо из тех направлений, где самовыражение получает новую степень свободы. Но когда уже усвоена привычка самовыражения по такой заданной линии малого сопротивления, самовыражение будет искать привычный выход даже после того, как в среде произойдут какие-либо изменения и тем самым повысится сопротивление внешних обстоятельств. Эта повышенная способность самовыражения в заданном направлении, которая называется привычкой, позволяет выдерживать значительное увеличение сопротивления, которое внешние обстоятельства оказывают разворачиванию жизни. Наблюдаются осязаемые различия как среди разнообразных привычек, или укоренившихся способов и областей самовыражения, которые в значительной мере определяют уровень жизни отдельного человека, так и в том, насколько сохраняется инерция в противодействии среде, а также в степени упорства, с которым индивид ищет самовыражения в заданном направлении.

Таким образом, выражаясь языком современной экономической теории, хотя люди неохотно идут на сокращение расходов в любой сфере потребления, они все-таки в одних случаях делают это охотнее, чем в других; поэтому наряду с неохотным отказом от любых статей привычного потребления существуют определенные виды потребления, от которых люди отказываются крайне неохотно.

Предметы и формы потребления, за которые наиболее крепко держится потребитель, — это обычно так называемые предметы первой жизненной необходимости, или минимум средств к существованию. Минимум средств к существованию, конечно, не является твердо установленным рационом, определенным и неизменным по количеству и виду товаров. Но при данном рассмотрении можно считать, что он состоит из некоторой более или менее определенной совокупности предметов потребления, необходимых для поддержания жизни. В случае все большего сокращения расходов от этого минимума, как можно предположить, отказываются в последнюю очередь. Вообще говоря, самые древние и закоренелые из привычек, управляющих жизнью отдельного человека, — те привычки, которые затрагивают его существование как биологического организма, — являются наиболее живучими и властными. За ними — в несколько неупорядоченной и постоянно меняющейся градации — идут потребности более высокого порядка — привычки, усваиваемые позже в жизни отдельного человека или народа. Некоторые из этих потребностей, например вошедшее в привычку потребление алкогольных напитков и наркотиков, потребность в спасении души (в эсхатологическом смысле) или в доброй репутации, могут в некоторых случаях предшествовать низшим, или более элементарным, потребностям. В общем, чем дальше

складывается привычка, тем она прочнее, и чем более она совпадает с предыдущими, усвоенными ранее формами общественной жизни, тем настойчивее данная привычка будет заявлять о себе. Привычка будет сильнее, если отдельные свойства человеческой природы, затрагиваемые ее действием, или особые склонности, находящие в ней выражение, будут свойствами и склонностями, уже ставшими неотъемлемой частью существования или тесно связанными с историей отдельной этнической группы.

Разные люди с разной степенью легкости усваивают привычки и в разной мере способны от них отказываться; это говорит о том, что усвоение отдельных привычек зависит не только от продолжительности привыкания. При решении вопроса о том, какая совокупность привычек станет господствовать в образе жизни индивида, такое же, как и продолжительность усвоения привычки, значение имеют унаследованные склонности и свойства характера. Преобладающий тип передаваемых по наследству склонностей, или, другими словами, тип темперамента, присущий господствующему слою какой-либо этнической общности, в значительной мере предопределяет масштабы и характер жизнедеятельности. Насколько большое значение имеют унаследованные индивидом особенности для быстрого и определенного усвоения привычки, показывает то, с какой крайней легкостью усваивается норой всевластная привычка к алкоголю или как аналогичным образом усваивается неизменная привычка соблюдения обрядов благочестия у лиц, имеющих к тому особую склонность. Схожее значение имеет и та своеобразная легкость привыкания к конкретному человеческому окружению, которая называется романтической любовью.

Люди отличаются друг от друга в отношении унаследованных склонностей или в отношении того сравнительного умения, с каким они разворачивают свою жизнедеятельность в тех или иных областях. И привычки, которые переходят в сравнительно сильные склонности или совпадают с ними, проявляясь легче других привычек, становятся очень важным фактором в материальном благополучии человека. Роль, которую склонности играют в усвоении ряда сравнительно устойчивых привычек, определяющих уровень жизни, и объясняет тот факт, что люди крайне неохотно отказываются от привычных статей расходов в процессе демонстративного потребления. Предрасположенность, в которой нужно усматривать почву для такого рода привычки, — это склонность к соперничеству; а склонность к соперничеству, к завистному сравнению — черта, имеющая глубокие корни, пронизывающая всю человеческую природу. Она в любом новом обличий проявляет себя достаточно бурно и, укоренившись однажды в какой-нибудь форме выражения, заявляет о себе с большой настойчивостью. Когда стремление проявить себя в какой-то статье престижных расходов становится привычкой, когда некий данный набор стимулов встречает привычный ответ в деятельности данного рода и направления, деятельности, движимой живой и глубоко проникающей предрасположенностью к соперничеству, — от таких расходов человек отказывается как раз с крайней неохотой. С другой стороны, как только наращивание денежных сил позволяет развернуть деятельность в большом масштабе, с новым размахом, издавна присущие роду человеческому свойства дают о себе знать, устанавливая то, а не иное, новое направление, которое принимает общественная жизнь. И те наклонности, которые уже активно выражаются в каких-либо родственных формах, и те, которым приходит на помощь получивший в данное время общее признание образ жизни с его корректирующими указаниями, и те, для проявления которых всегда имеются в наличии материальные средства и предоставляется удобный случай, — все они будут играть особенно важную роль в выборе формы и направления, в которых заявит о себе новый прирост совокупной силы индивида. Таким образом, говоря конкретно, в любом обществе, где демонстративное потребление есть составная часть образа жизни, увеличение платежеспособности индивида с большой степенью вероятности принимает форму расходов в какой-нибудь общепринятой сфере демонстративного потребления.

За исключением инстинкта самосохранения, предрасположенность к соперничеству является, вероятно, самым сильным, живым и настоящим из собственно экономических

мотивов. В индустриальном обществе эта предрасположенность к соперничеству выражается в денежном соперничестве, а что касается цивилизованных западноевропейских стран, то практически такая предрасположенность выражается в какой-либо форме демонстративного расточительства. Потребность в демонстративном расточительстве, следовательно, всегда готова поглотить любое повышение эффективности производства или выпуска товаров, когда наиболее элементарные материальные потребности удовлетворены. Там, где в современных условиях этого не происходит, причину расхождения следует обычно искать в том, что темп увеличения состояния отдельных людей слишком быстр и привычный размер расходов не успевает за ним или же данный индивид может откладывать заметное демонстративное потребление дохода на более поздний срок, обычно намереваясь повысить зрелищный эффект- предполагаемого совокупного расхода. Когда возрастающая эффективность производства дает возможность обеспечить средства к существованию меньшими затратами труда, усилия участников производства не ослабевают, а направляются на достижение более высоких результатов в демонстративном потреблении. С появлением вследствие увеличения эффективности производства возможности сбавить темп напряженности труда не ослабевает, а прирост выработки обращается на удовлетворение потребности в демонстративном потреблении, которая может расти бесконечно, подобно тому как, по экономической теории, растут обычно высшие, или духовные, потребности. Главным образом именно благодаря наличию элемента роста в уровне жизни Дж. С. Милль смог сказать, что «до сих пор представляется сомнительным, чтобы все сделанные механические изобретения облегчали тяжелый труд хотя бы одного человека».

Уровень расходов, принятый в обществе или внутри того класса, к которому принадлежит человек, в значительной мере определяет его жизненный уровень. Общепринятый уровень расходов естественно осознается им как правильный и хороший, осознается через привычное созерцание и усвоение того образа жизни, к которому этот уровень относится. Но уровень расходов осознается и опосредованно, через распространенное требование придерживаться — из страха неуважения и остракизма — общепринятого размаха расходов, считая это делом приличия. Принять модный жизненный уровень и придерживаться его — до такой степени приятно и целесообразно, что это становится необходимым условием личного блага и жизненного успеха. Уровень жизни любого класса — по крайней мере когда речь идет о демонстративном расточительстве — будет обыкновенно настолько высок, насколько позволяет уровень доходов этого класса — при постоянной тенденции к повышению. Воздействовать на серьезную деятельность людей нужно, следовательно, имея в виду одну-единственную цель — направлять их на приобретение как можно большего состояния и на неодобрение работы, которая не приносит никакой денежной прибыли. В то же время влиять на потребление — значит сосредоточить его на тех направлениях, где оно наиболее хорошо видно со стороны тем людям, доброе мнение которых учитывается, тогда как те склонности, следование которым не требует престижных затрат времени или средств, грозят оказаться не у дел.

В результате того предпочтения, которое отдается демонстративному потреблению, семейная жизнь многих классов сравнительно убога в контрасте с той блистательной частью их жизни, которая проходит на виду. Как вторичное следствие того же предпочтения люди скрывают свою личную жизнь от чужих глаз. Когда дело доходит до той части потребления, которая может без осуждения оставаться в тайне, люди устраниваются от всяких контактов с соседями. Отсюда обособленность, замкнутость людей в их частной жизни, что наблюдается во многих промышленно развитых обществах; и отсюда, косвенно, привычка к уединению, скрытности, которая является столь характерной чертой кодекса приличий высших классов в любом обществе. Низкий уровень рождаемости в тех слоях общества, на которые накладывается особо настоятельное требование престижных расходов, подобным образом объясняется потребностями стереотипа существования, основанного на демонстративном расточительстве. Демонстративное потребление и последующее увеличение расходов, необходимое для престижного содержания ребенка, составляют изрядную статью расходов,

что и является мощным сдерживающим фактором. Он является, пожалуй, наиболее действенным из мальтузианских мер благоразумного сдерживания рождаемости.

Влияние этого фактора как в плане сокращения менее демонстративных статей потребления, идущих на создание материальных благ и поддержание существования, так и в малочисленности или отсутствии детей в семье видно, пожалуй, лучше всего среди тех, кто предается ученым занятиям. Из-за предположительного превосходства и редкости талантов и навыков, которыми характеризуется жизнь этих слоев, они по обычаю попадают на более высокую ступень социальной лестницы, чем им дает основание занимать их денежный статус. Согласно занимаемой ступени, велик для них и масштаб престижных расходов. Вследствие этого остается крайне мало возможностей уделять внимание другим сторонам жизни. В силу обстоятельств наряду с высокими требованиями денежной благопристойности, предъявляемыми обществом к ученым, чрезвычайно высоки и привычные представления их самих о том, что хорошо и правильно, — высоки при сравнении средней состоятельности и уровня доходов социальной группы ученых и тех групп, которые номинально им равны. В любом современном обществе, где нет монополии духовенства на занятия науками, ученые люди неизбежно вступают в контакт с классами, занимающими более высокое положение в денежном отношении. Высокие нормы денежной благопристойности, действующие среди этих вышестоящих классов, проникают в среду ученых, лишь слегка смягчая свои суровые требования: вследствие этого в обществе нет слоя, который бы тратил больше своих средств в демонстративном расточительстве, чем этот.

Глава VI. Денежные каноны вкуса

Уже не раз повторялось предостережение о том, что, хотя регулирующей нормой потребления является в значительной мере требование демонстративного расточительства, этот принцип в его неприкрытой, простой форме не следует понимать как мотив, на котором потребитель строит свои действия в каждом конкретном случае. Обыкновенно его мотив — это желание действовать сообразно с установившейся практикой, стремление избежать неблагосклонного внимания и толков и жить на уровне общепринятых канонов благопристойности как по виду, количеству и сорту потребляемых товаров, так и по пристойному употреблению своего времени и сил. В обычных случаях в мотивах потребителя присутствует это ощущение предписывающего обычая и оказывает прямое принудительное давление, особенно в отношении потребления, осуществляемого на глазах у наблюдателей. Однако в потреблении, которое ни в какой сколь-нибудь ощутимой степени не становится известным посторонним, тоже можно наблюдать значительный элемент предписываемой дороговизны — это, например, предметы нижнего белья, некоторые из продуктов питания, кухонные принадлежности и прочие предметы домашнего обихода, скорее предназначенные для работы, а не для демонстрации. Во всех таких полезных предметах при близком рассмотрении будут обнаруживаться определенные свойства, повышающие цену и увеличивающие продажную стоимость рассматриваемых товаров, но не увеличивающие пропорционально этому пригодность этих предметов для служения одним только материальным целям, которому они явно предназначены.

При отборе, происходящем под надзором закона демонстративного расточения, вырастает кодекс общепризнанных канонов потребления, действием которого является удержание потребителя на уровне нормы расточительности в потреблении дорогих товаров и в употреблении большого количества времени и сил. Это развитие предписывающего обычая оказывает немедленное действие на экономическую жизнь, однако не прямое, более косвенное действие оно оказывает на поведение людей также и в других аспектах. Образ мысли в отношении выражения жизни в любой конкретной области неизбежно затрагивает привычную точку зрения на то, что является правильным и хорошим в других областях. В органическом комплексе привычек мышления, составляющих существо сознательной жизни

индивида, экономический интерес не является отдельным, выделяющимся среди всех других интересов. Кое-что, например, уже говорилось о его связи с канонами почета.

Принцип демонстративного расточения направляет формирование образа мысли в отношении того, что нравственно и почетно в жизни и в предметах потребления. При этом данный принцип пересекается с другими нормами поведения, первоначально не имеющими отношения к кодексу денежного почета, но представляющими, непосредственно или в каждом конкретном случае, известное экономическое значение. Так, канон почетного расточительства может оказывать непосредственное или косвенное влияние на чувство долга, чувство прекрасного, на представление о полезности, о благочестивой или ритуальной уместности, а также на представление о научной истине.

Едва ли необходимо пускаться здесь в обсуждение отдельных моментов, в которых канон доставляющих почет расходов обыкновенно пересекается с моральными канонами поведения, или того, каким образом это происходит в каждом отдельном случае. Это те вопросы, которым уделяется большое внимание и которые широко освещаются на примерах теми людьми, обязанность которых — наблюдать и давать указания в отношении всяких отступлений от общепринятого кодекса принципов морали. В современных обществах, где институт частной собственности выступает характерной особенностью общественно-жизни, господствующей в экономике и в праве, одной из самых ярких черт морального кодекса является неприкосновенность собственности. Нет надобности отстаивать или пояснять на примерах справедливость утверждения, что обычай сохранения частной собственности в неприкосновенности пересекается с другим обычаем — добиваться богатства ради доброго имени, обретаемого через его демонстративное потребление. Большинство преступлений против собственности, особенно в ощутимом масштабе, попадают под эту рубрику. Притчей во языцех, фактом всеобщей известности является то, что в тех преступлениях, в результате которых к преступнику переходит крупная собственность, он обычно не подвергается высшей мере наказания или тому величайшему позору, который бы пал на него на основании одного только наивного морального кодекса. Вор или жулик, получивший путем правонарушения большое богатство, имеет больше возможности избежать сурового наказания со стороны закона, чем мелкий воришка; а от его возросшего состояния и того, что он тратит нечестно приобретенную собственность благопристойным образом, на его долю выпадает немалая добрая репутация. Благовоспитанное расходование награбленного настолько сильно впечатляет лиц с развитым чувством внешних приличий, что смягчает ощущение моральной низости, возникающее у них при виде правонарушения. Можно также заметить — и это имеет более непосредственное отношение к делу, — что мы склонны прощать преступление против собственности в том случае, когда мотивом человека является обеспечение средств для «приличного» образа жизни его жене и детям. Если при этом добавляется, что жена была «вскормлена в роскоши», то это принимается в качестве добавочного смягчающего обстоятельства. То есть мы склонны прощать такое преступление, где целью преступника является почтенная цель дать возможность своей жене осуществлять за него подставное потребление времени и материальных ценностей в таком количестве, какого требует норма денежной благопристойности. В таком случае обычай одобрения привычного уровня демонстративного расточительства идет вразрез с обычаем порицания преступлений против собственности до такой степени, что иногда даже оценка остается неопределенной: порицание это или похвала. Это-справедливо особенно там, где правонарушение несет в себе ощутимый элемент хищничества или разбоя.

Едва ли нужно продолжать рассмотрение этой темы дальше, однако, возможно, не будет неуместным замечание, что вся та значительная часть моральных устоев, которые вырастают вокруг понятия неприкосновенности собственности, является психологическим продуктом традиционного восхваления богатства. И следует добавить, что это богатство, считающееся свято неприкосновенным, высоко ценится прежде всего благодаря той доброй славе, которую приносит его демонстративное потребление.

К вопросу о значении денежной благопристойности в научной атмосфере или в

стремлении к знаниям мы вернемся несколько более подробно в отдельной главе. Нет также особой необходимости останавливаться здесь на представлении о достоинствах, которыми в этой связи наделяется благочестие или ритуал. Эта тема также будет появляться среди прочих в одной из последующих глав. Тем не менее практика престижного расходования играет немалую роль в формировании массовых представлений о том, что правильно и похвально в вопросах священнослужения, а следовательно, здесь можно разъяснить, как принцип демонстративного расточительства проявляется в некоторых банальных обрядах благочестия и в связанном с ними самодовольстве.

Очевидно, что канон демонстративного расточительства в значительной части можно объяснить то, что может быть названо «благочестивым потреблением», например потребление священных зданий, церковных облачений и других материальных ценностей того же рода. Даже в тех современных культах, божествам которых приписывается пристрастие к нерукотворным храмам, священные строения и другая культовая собственность строятся и отделываются с известным расчетом на престижный уровень расточительных расходов. И нужно лишь немного наблюдения или интроспекции — подойдет и то, и другое, — чтобы убедиться, что дорогостоящая роскошь храма оказывает возвышающее и смягчающее действие на душевную настрой молящихся. Если мы задумываемся над ощущением глубокого стыда, которое вызывает у всех очевидцев всякое свидетельство бедности или запущенности в священном храме, это послужит в подкрепление того же факта. Аксессуары для отправления всякого обряда благочестия должны быть безупречными в денежном отношении. Это требование является настоятельным, как бы ни были полезны эти аксессуары в эстетическом или ином отношении.

Может быть, уместно также заметить, что во всякой общности, особенно в районах, где норма денежной благопристойности для жилищ невысока, местное святилище лучше украшено, демонстративно расточительнее по своей архитектуре и убранству, нежели жилые дома прихожан. Это справедливо в отношении почти всех вероисповеданий и культов, христианских ли, языческих ли, но в особой мере это справедливо в отношении более старых и более зрелых религиозных обрядов. В то же время священный храм обычно никак не способствует созданию, физического удобства для паствы. В самом деле, священное строение не только лишь в незначительной степени служит физическому благополучию прихожан по сравнению с их более скромными жилыми домами, но всеми людьми ощущается, что правильный и просвещенный смысл истины, красоты и добра требует, чтобы во всяких расходах на храм демонстративным образом отсутствовало все, что может служить удобству прихожанина. Если какой-либо элемент удобства допускается в обстановке храма, он должен быть по крайней мере тщательно скрыт и замаскирован под показную строгость. В наиболее почтенных современных церквях, где не делается никаких расходов, принцип строгости осуществляется вплоть до превращения обстановки храма, особенно с виду, в средство «умерщвления плоти». Среди лиц с изысканным вкусом в деле «благочестивого потребления» мало у кого-этого аскетически-расточительный дискомфорт не вызывает своим внутренним содержанием чувства справедливости и добра. «Благочестивое потребление» носит характер подставного потребления. Такой канон благочестивой строгости основывается на денежной почетности демонстративно расточительного потребления, опираясь на то правило, что подставное потребление не должно способствовать удобству подставного потребителя.

Что-то от этой суровости есть в святилище и его обстановке во всех культах, где святой или божество, к которому имеет отношение храм, как понимается, в нем не присутствует и сам не пользуется имуществом храма в соответствии с приписываемым ему вкусу к роскоши. Несколько иной характер в этом отношении носят священные атрибуты в тех культах, где приписываемый божеству образ жизни приближается к образу жизни земного патриархального властелина— где оно, как представляется, лично пользуется этими годными к потреблению материальными ценностями. В этом последнем случае виду святилища и его обстановке в большей мере придается стиль имущества, которое

предназначается для демонстративного потребления мирским хозяином или владельцем. С другой стороны, там, где предметы священнослужения используются просто при служении божееству, т. е. там, где они потребляются подставным образом его слугами, там священное имущество приобретает характер, который подобает иметь предметам, предназначенным исключительно для подставного потребления.

В последнем случае святилище и аппарат священнослужения замыслены так, чтобы не увеличивать комфорта или не способствовать полноте проявления жизни подставного потребителя или, во всяком случае, чтобы не создавалось впечатление, что целью их потребления является удобство потребителя. Ибо назначение подставного потребления — способствовать не полноте проявления жизни потребителя, а повышению денежной репутации хозяина, в интересах которого имеет место потребление. Поэтому церковные облачения, как известно, дорогостоящи, богаты украшениями и неудобны; а в культах, где приближенный божееству священнослужитель, как представляется, не разделяет имущественных прав господина, подобно, скажем, супруге, они имеют строгий и неудобный покррой. И такими, как ощущается, они и должны быть.

Принцип расточения вторгается в сферу действия канонов ритуальной службы не только тем, что устанавливает высокий уровень приличествующих расходов. Он затрагивает как средства, так и способы и подстрекает как на подставное потребление, так и на подставную праздность. Манера поведения духовенства в ее лучшем виде — это отстраненная, медлительная, механическая манера держаться, не оскверненная намеками на чувственное удовольствие. Это сохраняет свою справедливость в различной, конечно, степени по отношению к различным религиозным обрядам и вероисповеданиям; а в жизни духовенства всех антропоморфных культов видны яркие следы подставного потребления времени.

Тот же самый канон подставной праздности явно присутствует и во внешних деталях обрядовых церемоний, и на него нужно только указать, чтобы он стал очевиден для всякого наблюдателя. У всех ритуалов есть заметная тенденция превращаться в повторение догматов. Такое развитие догмата наиболее заметно в более зрелых культах, духовенство которых в то же время носит более строгие, богаче украшенные наряды и ведет более аскетический образ жизни; однако его можно увидеть также в формах и способах поклонения более современных, не так давно возникших сект, где вкусы менее требовательны в отношении священников, их одеяний и святилищ. Повторение службы (слово «служба» несет намек, имеющий значение для рассматриваемого вопроса) становится более механическим по мере того, как религиозный обряд становится старше и получает большее распространение, и такая механичность повторения приятна лицу, имеющему хороший вкус в обрядах благочестия. И далеко не случайно, ибо тот факт, что она носит механический характер, явно говорит за то, что господин, для которого она исполняется, вознесен выше заурядной потребности в действительно доставляющей пользу или выгоду службе со стороны его слуг. Они являются не приносящими прибыли слугами, и в том, что они остаются неприбыльными, подразумевается почтенность их хозяина. Нет надобности останавливать внимание читателя на близкой аналогии, существующей между должностью священнослужителя и должностью ливрейного лакея. Нам с нашим представлением о том, что в этих вопросах является надлежащим, в очевидной механичности службы в обоих случаях доставляет удовольствие осознавать, что она есть лишь исполнение проформы. При исполнении священнических функций не следует выказывать никакого проворства или умелой манипуляции — ничего такого, что могло бы наводить на мысль о способности быстро справиться с работой.

Во всем этом угадывается, конечно, намек на темперамент, вкусы, склонности и образ жизни, приписываемые убожееству богомольцами, живущими в условиях традиционных денежных канонов почтенности. Понятия богомольцев о божеестве и об отношении, в котором находится к нему человеческий субъект, приняли окраску принципа демонстративной расточительности, пронизывающего образ мышления людей. Конечно, эта

лакировка денежной расточительностью очевиднее в наиболее наивных религиозных обрядах, однако заметна она повсюду. Все народы, на какой бы стадии развития культуры они ни находились или как бы они ни были просвещены, вынуждены восполнять довольно скудные сведения относительно личности их божеств и привычного для тех окружения. Прибегая для этого к помощи воображения, чтобы заполнить и украсить картину внешнего вида и образа жизни божества, они привычным образом наделяют его такими чертами, которые составляют их идеал достойного человека. И в стремлении к общению с божеством способы и средства привлечь его внимание как можно ближе уподобляются тому божественному идеалу, который на данное время присутствует в умах людей. Для того чтобы показаться перед лицом божества наиболее пристойным образом и снискать его благосклонность, нужно, как предполагается, действовать по определенной общепринятой системе, в сопровождении известных материальных обстоятельств, которые по общему пониманию особенно сообразны с природой божества. Этот всеми принимаемый идеал поведения и атрибутов, соответствующих таким моментам причащения, безусловно, в изрядной степени формируется общим представлением о том, что является по существу достойным и красивым в окружении человека и как следует себя держать всякий раз, когда представляется случай для возвышенного общения. В силу этого было бы заблуждением пытаться анализировать благочестивую манеру поведения, прямо и без обиняков объясняя все случаи, свидетельствующие о наличии денежного критерия почтенности, все той же лежащей в их основании нормой денежного соперничества. Поэтому было бы также заблуждением приписывать божеству, как это мыслится в народе, ревнивую заботу о его денежном положении и привычку избегать убогие места, презирая нищенскую обстановку, просто по той причине, что они некачественны в денежном отношении.

И все же, приняв все во внимание, мы видим, что каноны денежной почтенности действительно существенно влияют, прямо или косвенно, как на наши представления об атрибутах божества, так и на наши понятия о том, как и при каких обстоятельствах подобает принимать святое причастие. Считается, что у божества должен быть особенно размеренный и праздно-безмятежный образ жизни. И в каких бы поэтических образах, в назидание, либо вызывая к благочестивой фантазии, ни рисовалось небесное местожительство, автор образного описания как само собой разумеющееся вызывает в воображении слушателей престол, изобилующий знаками богатства и власти и окруженный многочисленными слугами. В таких обычного рода представлениях небесных поселений функцией этого корпуса слуг является подставная праздность, а их время и силы в значительной мере занимает непроизводительная процедура, при которой опять и опять перечисляются похвальные свойства и подвиги божества; второй же план представления наполняется мерцанием драгоценных металлов и наиболее дорогих драгоценных камней. Столь сильное вторжение денежных канон в идеалы благочестия происходит лишь при наиболее грубых проявлениях благочестивого воображения. Подобный случай имеет место в благочестивых представлениях негритянского населения южных штатов. Там художники слова не в состоянии снизойти до чего-нибудь более дешевого, чем золото, так что в этом случае настоятельное требование денежной красоты дает потрясающий цветовой эффект желтого, эффект, который был бы невыносим для более взыскательного вкуса. Вероятно, все же в любом культе идеалы ритуальной сообразности, которыми руководствуются люди в своих представлениях об уместности тех или иных атрибутов священнослужения, дополняются денежным критерием достоинств.

Подобным образом ощущается — и это ощущение является руководством к действию, — что священнослужители, приближенные божеству, не должны участвовать в производительном труде; что никакого рода работа — никакое занятие, которое приносит ощутимую пользу людям, — не должно выполняться в присутствии божества или в пределах окружающей храм территории; что всякий предстающий перед лицом божества должен входить в храм очищенным от всех мирских черт в одежде и внешности, свидетельствующих о его занятости в производстве, должен входить облаченным в наряды более дорогостоящие, чем его повседневные платья; что в праздники, отводимые для восславления божества или

для причастия, никакая работа, полезная обществу, не должна выполняться никем. Даже более далекие от бога мирские вассалы должны платить дань в размере одного дня подставной праздности в неделю.

Во всех таких проявлениях свойственного людям представления о том, что является должным и уместным при соблюдении обрядов благочестия и в описаниях божества, достаточно заметно действенное присутствие канонов денежной почтенности независимо от того, непосредственно ли эти каноны оказали свое влияние на благочестивое суждение в данном отношении или опосредованно.

Каноны денежной почтенности оказали аналогичное, однако более далеко идущее и поддающееся более точному определению влияние на распространенное в народе чувство красоты или полезности в пригодных для потребления вещах. Необходимое условие денежной благопристойности в весьма ощутимой мере повлияло на представление о красоте и полезности и предметов обихода, и произведений искусства. Вещи пользуются предпочтением в употреблении до некоторой степени за счет того, что они демонстративно расточительны; их пригодность, как представляется, где-то соразмерна тому, насколько они расточительны и насколько неприспособлены для употребления по их очевидному назначению.

Утилитарность предметов, ценимых за их красоту, находится в тесной зависимости от дороговизны этих предметов. Эту зависимость выявит простой пример. Серебряная ложка ручной работы продажной стоимостью в какие-нибудь десять-двадцать долларов обычно не более полезна — в первом значении этого слова, — чем ложка из того же материала, изготовленная машинным способом. Она не может быть надежнее в пользовании, чем ложка машинного изготовления даже из такого «неблагородного» металла, как алюминий, стоимость которой может быть не выше каких-нибудь десяти-двадцати центов. В самом деле, первый из двух предметов обихода является обычно менее эффективным при использовании его по очевидному назначению, нежели второй. Конечно, тут же возникает возражение, что, принимая такую точку зрения, мы игнорируем одно из главных, если не главное употребление более дорогой ложки: ложка ручной работы удовлетворяет наше чувство вкуса, наше чувство прекрасного, в то время как та, что сделана механическим способом из неблагородного металла, не имеет никакого иного полезного назначения, кроме грубой функциональности. Несомненно, факты именно таковы, однако по размышлении станет очевидным, что это состоятельное возражение не является решающим. Оказывается, (1) что, в то время как из двух различных материалов, из которых изготовлены одна и другая ложки, каждый обладает красотой и может служить прямому назначению, материал, из которого изготовлена ложка ручной работы, раз в сто ценнее неблагородного металла, не слишком-то превосходя его в присущей ему красоте фактуры или цвета и не будучи в ощутимой степени более надежным по физическим свойствам; (2) если же пристальный осмотр покажет, что ложка ручной работы в действительности является лишь очень хитрой подделкой под изделие ручной работы, но подделкой, сработанной так искусно, что при всяком осмотре, кроме самого тщательного, профессионального, производит такое же впечатление формой и фактурой, тогда полезность предмета, включая сюда удовлетворение, получаемое потребителем при созерцании его как произведения искусства, немедленно снизится процентов на восемьдесят-девять, а то и более; (3) если две ложки оказываются при достаточно пристальном осмотре настолько одинаковыми на вид, что подложный предмет выдает только его меньший вес, то такое сходство окраски и формы почти не прибавит ценности ложке фабричного изготовления и не доставит потребителю сколько-нибудь более ощутимого удовлетворения «чувства красоты» при ее созерцании, если только более дешевая ложка не является новинкой и ее можно купить за номинальную стоимость.

Случай с ложками характерен. Как правило, большая удовлетворенность от употребления и созерцания дорогих и, казалось бы, красивых предметов в значительной мере объясняется удовлетворением нашего вкуса к дороговизне, которая скрывается под маской красоты. Мы гораздо чаще высоко ценим те или иные вещи за их престижный

характер, чем просто за красоту. В наших канонах вкуса требование демонстративной расточительности обычно не присутствует на сознательном уровне, но тем не менее оно присутствует — как господствующая норма, отбором формирующая и поддерживающая наше представление о красоте и позволяющая нам различать, что может быть официально одобрено как красивое и что не может.

Именно там, где сталкиваются и смешиваются понятия красоты и почета, в каждом конкретном случае труднее всего провести разграничение между полезностью и расточительностью. Нередко случается так, что предмет, который служит престижным целям демонстративного расточительства, является в то же время произведением искусства; и затраты труда, которым он обязан своей утилитарностью в своем главном назначении, могут также придавать и зачастую придают предмету красоту формы и цвета. Вопрос еще более усложняется тем, что многие предметы, как, например, изделия из драгоценных камней и металлов, а также некоторых других материалов, используемые в качестве украшений и в убранстве, служат целям демонстративного расточительства благодаря тому, что прежде они находили употребление как произведения искусства. Очень красивым, на наш взгляд, является, например, золото; внутренней красотой обладают — правда, здесь нередко требуется существенная оговорка — очень многие, если не большинство, из высоко ценимых произведений искусства, а также некоторые материалы, используемые в одежде, отдельные элементы садово-парковой архитектуры и в меньшей степени многое другое. Кроме как вследствие присущей им красоты, едва ли бы эти предметы в такой мере явились бы объектами домогательств или стали бы монополизированными предметами гордости их владельцев и пользователей. Однако обычно эти вещи обладают полезностью для их владельца не столько в силу их внутренней красоты, сколько благодаря почету, к которому приводит владение ими и их потребление, или тому, что этим предотвращается порицание в денежной неблагопристойности.

Независимо от пригодности к употреблению в других отношениях, эти предметы красивы и в силу их красоты обладают полезностью; на этом основании они представляют собой ценность, если могут быть присвоены или монополизированы; они поэтому являются объектом домогательств в качестве ценного имущества, и то исключительное наслаждение, которое они доставляют владельцу, связано с чувством денежного превосходства, в то время как их созерцание доставляет ему эстетическое наслаждение. Однако их красота в наивном смысле этого слова, не являясь мотивом для их монополизации или основанием их продажной стоимости, скорее случайна. «При всей чувственно воспринимаемой красоте самоцветов, их редкость и цена придают им такой почет, которым бы они никогда не пользовались, будь они дешевыми». Действительно, во всех обычных случаях такого рода мало что может служить таким стимулом к исключительности во владении и пользовании этими красивыми предметами, кроме того, что они, составляя статью демонстративного расточительства, приносят почет. Большинство предметов этого обширного класса, частично за исключением предметов личного украшения, с тем же успехом могли бы использоваться не в целях приобретения почета, а в любых других, независимо от того, обладает ими данное лицо или нет; и даже в отношении личных украшений следует добавить, что их главное назначение — придать блеск личности владельца (или того, кто их носит) в сравнении с другими лицами, вынужденными обходиться без них. Эстетическая польза от предметов, представляющих собой произведения искусства, при обладании повышается не сильно и не во всех случаях.

Вывод, который можно сделать на основании уже рассмотренного, состоит в том, что всякий ценный предмет, отвечающий нашему чувству прекрасного, должен соотносываться и с требованием красоты, и с требованием дороговизны. Помимо этого, канон дороговизны влияет также на наши вкусы таким образом, что мы безнадежно смешиваем при восприятии предмета признаки дороговизны с характерными признаками красоты, а суммарный эффект восприятия относим просто к красоте. Черты, по которым обнаруживается цена дорогих предметов, начинают приниматься за признаки красоты. Эти

черты приятны как признаки престижной дороговизны, и это доставляемое таким образом удовольствие смешивается с удовольствием от красивой формы предмета и его окраски; так, например, мы часто заявляем, что тот или иной предмет одежды «совершенно прекрасен», тогда как на основании анализа его эстетической ценности нельзя сказать ничего, кроме того, что он денежно престижен.

В предметах одежды и в обстановке домов примеры такого смешения и путаницы элементов дороговизны и элементов красоты видны, наверно, лучше всего. Какие формы, материалы, окраски следует в данное время признавать подходящими для одежды человека и какое она должна производить общее впечатление, определяется кодексом престижности в этих вопросах, и отклонения от кодекса оскорбительны нашему вкусу как отход от эстетической истины. Одобрение, с которым мы смотрим на новый наряд, никоим образом не следует считать чистым притворством. Мы с готовностью, и по большей части совершенно искренне, находим эти модные вещи приятными. Ворсистые материи и резко выраженные цветовые эффекты, например, оскорбляют нас тогда, когда модными являются вещи роскошной лоснящейся выделки и нейтральных цветов. Модная шляпка модели этого года гораздо убедительнее вызывает сегодня к нашим чувствам, чем столь же модная шляпка модели прошлого года, хотя с точки зрения перспективы в четверть века было бы, я боюсь, делом крайне трудным присудить пальму первенства за присущую какой-то одной из этих конструкций красоту. Итак, опять же можно заметить, что с точки зрения просто зрительного впечатления благородному лоску мужской шляпы или туфлям из лакированной кожи присуще не больше красоты, чем аналогично благородному лоску на поношенном рукаве; и тем не менее нет сомнений в том, что все благовоспитанные люди (в странах западной цивилизации) инстинктивно и непредвзято остаются в своей одежде приверженными одному из этих явлений как очень красивому, но тщательно избегают другого, считая оскорбительным всякое чувство, которое оно способно вызвать. Крайне сомнительно, чтобы кого-то можно было заставить носить такое сооружение, как цилиндр, шляпу цивилизованного общества, в силу эстетических соображений, а не по каким-то иным мотивам, объясняющим такую необходимость.

Дальнейшее усвоение привычки чутко воспринимать в вещах признаки дороговизны и отождествлять красоту с престижностью приводит к тому, что красивый предмет, не являющийся дорогим, считается некрасивым. Таким образом случается, например, что некоторые красивые цветы согласно существующим условностям сходят за отвратительные сорняки; другие, которые можно выращивать без особого труда, находят признание и являются предметом восхищения у нижних слоев среднего класса, которые не могут позволять себе никакой более дорогой роскоши такого рода. Однако теми людьми, кто в состоянии платить за дорогие цветы и у кого привит вкус жить по более дорогой программе расходов на денежную красоту в продуктах цветоводства, эти сорта отвергаются как заурядные. Тем временем другие цветы, которым свойственна ничуть не большая красота, чем этим, выращиваются при больших затратах и вызывают большое восхищение у тех любителей цветов, вкусы которых полностью формировались под критическим руководством изысканного окружения.

Те же различия в вопросах вкуса при переходе от одного слоя общества к другому можно видеть также в отношении многих других видов потребляемых товаров; так, например, обстоит дело с домашней обстановкой, домами, парками и садами. Такое расхождение во взглядах в отношении того, что является красивым в этих различных классах товаров, не есть расхождение в норме, в соответствии с которой действует естественное чувство прекрасного. Это не столько различие в природных эстетических дарованиях, сколько в кодексе престижности, определяющем, какие предметы должны попадать в сферу приносящего почет потребления того слоя, к которому принадлежит оценивающий. Это — различие в традициях приличий в отношении такого рода вещей, которые без ущемления чувства собственного достоинства можно потреблять под рубрикой сделанных со вкусом предметов и произведений искусства. Допуская, что известные различия в вопросах вкуса

могут объясняться и другими причинами, можно тем не менее считать, что традиционные вкусы того или иного социального слоя определяются более или менее жестко денежным уровнем жизни.

В повседневной жизни предоставляется много любопытных примеров того, как от слоя к слою видоизменяется кодекс денежной красоты полезных предметов, а также того, каким образом общепринятое чувство прекрасного отходит в своих вердиктах от чувства, не искушенного требованиями денежной репутации. Таким примером является газон перед домом или коротко подстриженные деревья во дворе или в парке, что искренне считается привлекательным у западноевропейских народов. По-видимому, это соответствует вкусам зажиточных слоев в тех этнических общностях, где в населении преобладают долихоблонды³⁵. Бесспорно, газон содержит элемент красоты просто как объект чувственного восприятия, и как таковой он несомненно радует глаз людям почти всех наций и слоев общества; однако, наверно, додихоблонду эта красота представляется еще более бесспорной, чем большинству других этнических разновидностей. Тот факт, что полоска дерна находит у этого этнического элемента более высокую оценку, чем среди прочего населения, сопровождается рядом других черт характера и указывает на то, что этот расовый элемент когда-то обитал в районах с влажным климатом и в течение продолжительного времени занимался скотоводством. Коротко подстриженный газон считается красивым у народа, который в силу унаследованной склонности всегда находит удовольствие в созерцании заготовленного выгона или пастбищной земли.

По эстетическим соображениям газон — это выгон для коров; и в наши дни бывают случаи, когда воссоздается идиллия долихоблонда и на частный участок выпускается корова — там, где дороговизна сопутствующих расходов исключает какие-либо подозрения в бережливости. Обычно в таких случаях выбирается корова дорогой породы. И все же грубый намек на бережливость, который почти неизбежно при этом присутствует, не позволяет использовать это животное в декоративных целях. Так что во всех случаях, за исключением тех, когда подозрение в бережливости отвергается наличием роскоши во всем, что окружает участок, нужно избегать использования коровы в качестве эстетического объекта. Там же, где не подавить слишком сильного пристрастия к какому-нибудь пасущемуся животному, призванному пополнить имитацию пастбища, на место коровы находится какая-нибудь замена, более или менее ей уступающая, как, например, олень, антилопа или другое экзотическое животное. Хотя эти животные и не создают в воображении европейца такой пасторальной идиллии, как корова, тем не менее им отдается предпочтение в силу их высокой цены или бесполезности — и вследствие этого хорошей репутации. Не являясь заурядным образом прибыльными на деле, они не дают и основания для подобных предположений.

Общественные парки, естественно, попадают в ту же категорию явлений, что и газоны, в идеале они тоже представляют собой имитацию пастбища. Лучшим уходом за таким парком будет, конечно, выпас скота, и скот на фоне травы будет неплохим дополнением к красоте самого парка — едва ли это нужно доказывать человеку, который когда-нибудь видел пастбище в хорошем состоянии. Стоит отметить, однако, как одно из выражений денежного компонента в общественных вкусах, что к такому способу содержания общественных парков прибегают редко. Самое лучшее, что может сделать искусный рабочий под наблюдением опытного зрителя, — это более или менее близкую имитацию пастбища, но результат неизбежно будет в чем-то не дотягивать до художественного

---

³⁵ Таким термином автор обозначает этнический тип европейца, отличающийся удлинённой формой головы (долихоцефал) и светлыми волосами. В годы написания книги получила распространение так называемая «антропосоциология». Один из выразителей ее идей, де Вашер Ляпуж, выделял два крупных расовых типа: долихоцефал, светловолосый Ното Еуроаеус и брахицефал, темноволосый Ното Алпинус. Считалось, что первый тип, которого Веблен называет долихоблондом, обладает агрессивным темпераментом, склонен к господству и предпринимательству, доминирует в американском обществе. — *Прим. перев.*

эффекта, получающегося при выпасе скота. Однако при том понимании, которое бытует в обществе, присутствие стада скота в публичном месте отдыха неотступно наводило бы на мысль о бережливости и полезности и поэтому было бы донельзя неприличным. Поскольку такой способ ухода за парковыми участками сравнительно недорог, он не соответствует внешним приличиям.

Такое же, в общем, значение имеет еще одна особенность, характерная для общественных парков. Наблюдается усиленная демонстрация дороговизны вкупе с притворной простотой и грубой полезностью. Те же черты проявляются в парковых участках при частных домах во всех тех случаях, когда вкусы владельцев или управляющих сформированы в условиях жизни средних слоев или под влиянием традиций высших слоев общества, сложившихся в детские годы того поколения, которое теперь доживает свой век. В парках, сообразующихся с вкусами, привитыми современному высшему слою, такие черты не проявляются в столь заметной степени. Причина такого-различия вкусов между двумя поколениями благовоспитанных лиц лежит в изменении их экономического положения. Аналогичные отличия можно почувствовать как в общепринятых идеалах в устройстве участков для отдыха и развлечений, так и в других отношениях. В нашей стране, как и во многих других, до второй половины XIX в. таким состоянием, которое освобождало бы от бережливости, обладала лишь очень малая часть населения. Благодаря несовершенным средствам сообщения разбросанные по стране представители этой малой части населения не имели реального контакта друг с другом. Поэтому не было основания для развития вкуса в духе пренебрежения дороговизной. Ничем не обузданным было возмущение благовоспитанного вкуса против плебейской бережливости. В каких бы единичных случаях ни проявлялось естественное чувство красоты, в одобрении недорогогостоящего или нерасточительного окружения ему недоставало «социальной согласованности», которую не может дать ничто, кроме значительной группы схожим образом мыслящих людей. Не было, стало быть, никакого действенного мнения высших слоев, которое позволяло бы смотреть сквозь пальцы на свидетельства возможной нерасточительности в содержании парковых участков; и не было, следовательно, никаких существенных расхождений между представлениями об идеальном облике участка для отдыха и развлечений у праздного класса и у более низких, средних слоев. И те и другие слои строили свои идеалы в страхе уронить в глазах представителей данного слоя свою денежную репутацию.

В наши дни расхождение в идеалах становится очевидным. Часть праздного класса, которая последовательно освобождалась от труда и денежных забот на протяжении по крайней мере одного поколения, теперь является достаточно большой, чтобы формировать и поддерживать мнение в отношении вкусов. К факторам, которые облегчают достижение «социальной согласованности» внутри праздного класса, добавились возросшие возможности передвижения. Внутри этого класса избранных необремененность бережливостью стала настолько само собой разумеющейся, что почти утратила свою утилитарность в качестве основы денежной благопристойности. Поэтому сегодняшние каноны вкуса высших слоев общества не так последовательны в требовании неустанной демонстрации больших расходов, начисто исключаящей даже видимость бережливости. Итак, на этих высших социальных и интеллектуальных уровнях появляется пристрастие к простому и «естественному» в устройстве парковых участков. Порождаясь в значительной мере инстинктом мастерства, это пристрастие с переменным успехом приносит свои плоды. Оно редко проявляется в чистом виде и временами переходит в нечто не сильно отличающееся от той подделки под безыскусственность, которая была упомянута выше.

Слабость к приспособлениям, обнаруживающим грубую функциональность, неизбежно наводящим на мысль о их прямом и нерасточительном использовании, присутствует даже во вкусах средних слоев, однако там достаточную власть над такой слабостью берет безраздельно господствующий канон почтенной бесполезности. Вследствие этого такая слабость проявляется в разнообразной по способам и средствам притворной полезности — в таких изобретениях, как литые ограды, мосты, беседки, павильоны и тому подобные

декоративные детали. Такая притворная полезность в том, что, может быть, является самым сильным отклонением от начальных побуждений, диктуемых чувством экономической красоты, находит свое выражение в чугунных оградах и решетках грубого литья или в окружных подъездных путях, проложенных по ровному участку.

Разборчивый праздный класс перерос в своем развитии использование таких псевдополезных разновидностей денежной красоты, по крайней мере в некоторых вопросах. Однако вкусы индивидов, составляющих более ранние пополнения собственно праздного класса, а также вкусы средних и низших слоев все еще требуют вдобавок к эстетической красоте денежной, даже в тех предметах, которые первоначально вызывали восхищение красотой, присущей им таким же естественным образом, как ветви дереву.

Вкусы общества в этих вопросах следует усматривать в том, как высоко ценятся общепринятые клумбы на общественных парковых участках и искусство фигурной стрижки садовых деревьев. Быть может, самый что ни на есть удачный пример такого преобладания во вкусах средних слоев денежной красоты над красотой эстетической виден в переоборудовании участка, который до этого был занят под Колумбийскую выставку³⁶. Это подходящий пример для иллюстрации того, что весьма сильное требование почтенной дороговизны все еще присутствует даже там, где избегается всякая демонстрация показной расточительности. Художественный эффект, действительно получающийся при такой реконструкции, как-то сильно расходится с тем видом, который придал бы участку человек, не руководствуясь он денежными канонами вкуса. Среди населения города даже класс «лучших» смотрит на продвижение работ с нескрываемым одобрением, наводящим на мысль, что в данном случае если и существует расхождение между вкусами высших и вкусами низших или средних слоев городского населения, то оно невелико. Чувство прекрасного у населения такого города, который является представительным в отношении развитой денежной культуры, старается не допустить никакого отхода от великого принципа денежной цивилизации — демонстративного расточительства.

Любовь к природе, сама, возможно, заимствованная у великосветского кодекса вкусов, под руководством такого канона денежной красоты иногда выражается самым неожиданным образом, приводя к результатам, которые незадачливому зрителю могут показаться нелепыми. Например, общепринятый обычай сажать деревья в безлесных районах нашей страны был перенесен в качестве статьи почетного расходования в районы, густо поросшие лесом; так что для деревни или отдельного фермера в поросшей лесом сельской местности отнюдь не в диковину очищать землю от растущих на ней деревьев и тут же-опять сажать во дворе фермы или вдоль улиц саженцы некоего привозного вида. Таким образом, поросли дуба, вяза, бука, ореха, тсуги³⁷, березы и американской липы вырубаются, чтобы освободить место для молодых саженцев изысканного клена, тополя трехгранного и ивы плакучей. Считается, что оставленные на своем месте лесные деревья, не требующие особых затрат, умалили бы достоинство, которым должен облекаться предназначенный для украшения предмет, отвечающий стремлению к почету.

Подобное распространение влияния денежной репутации на вкусы можно проследить в том, как складываются распространенные представления о красоте животных. О той роли, которую денежный канон вкуса играет в отведении корове определенного места на шкале эстетических оценок общества, уже говорилось. Нечто похожее справедливо в отношении других домашних животных в той мере, в какой они ощутимым образом полезны обществу в производственном отношении — как, например, домашняя птица, свиньи, скот, овцы, козы,

---

³⁶ Международная выставка-ярмарка, открывшаяся в Чикаго в 1893 г. Ее павильоны, построенные в псевдоклассическом стиле, образовали «белый город» рядом с университетом, где преподавал автор. — *Прим. перев.*

³⁷ Тсуга — хвойное дерево с ценной древесиной, произрастающее в Азии и Америке. — *Прим. перев.*

тягловые лошади. Они носят производительный характер и служат полезной, нередко прибыльной цели, следовательно, на них не обнаруживается с такой легкостью печать красоты. Иначе обстоит дело с теми домашними животными, которые обычно не служат никакой производственной цели, такими, как голуби, попугаи и другие птицы, содержащиеся в клетках, кошки, собаки и скаковые лошади. Они обыкновенно составляют статью демонстративного потребления, а следовательно, их содержание почетно по своей природе, и их законным образом можно считать красивыми. Этот класс животных вызывает традиционные симпатии у всех высших слоев, в то время как слои, лежащие в денежном отношении ниже, — а также то избранное меньшинство праздного класса, среди которого в известной мере отживает канон категорического отказа от бережливости, — эти слои, находя красивыми тех или иных животных, не придерживаются раз и навсегда установленной денежной границы между прекрасным и уродливым.

Следует сказать о второстепенных основаниях достоинства тех домашних животных, которые приносят почет и сльвут красивыми. Помимо птиц, относящихся к разряду приносящих почет домашних животных — своим местом в этом разряде они обязаны исключительно тому, что по своему характеру они неприбыльны, — особого внимания заслуживают кошки, собаки и скаковые лошади. Кошка является наименее почтенным из только что названных животных, ибо составляет наименее расточительную статью потребления, она может даже приносить пользу. В то же время по своему кошачьему темпераменту она не соответствует почтенному назначению. Она живет с человеком на условиях равенства, знать не знает о том отношении статуса, которое является древнейшим основанием всех различий в достоинстве, почете и славе, не годится для беспрепятственного использования в завистном сравнении, проводимом между владельцем и соседями. Исключение из этого последнего правила встречается в случае таких редких и причудливых предметов, как ангорская кошка, имеющая в деле обретения почета некоторую мало-мальскую ценность на основе дороговостности и имеющая поэтому определенные основания считаться красивой по денежным мотивам.

Собака обладает известными достоинствами как в плане бесполезности, так и по особенностям природного темперамента. В возвышенном смысле ее часто называют другом человека и высоко ценят за ум и преданность. Все это значит, что собака — слуга человека и обладает даром безоговорочного подчинения, с расторопностью раба угадывая настроение хозяина. Вкупе с этими чертами, позволяющими собаке прекрасно вписываться в систему статуса — и которые в этом отношении нужно записать в число полезных, — собака обладает некоторыми свойствами, имеющими более сомнительную эстетическую ценность. Из домашних животных она является самым грязным и самым несносным по повадкам. Но это компенсируется ее раболепным, ласковым отношением к хозяину и готовностью причинить ущерб и неудобство всем остальным. Значит, собака способна снискать наше расположение тем, что предоставляет возможность свободно проявляться нашей склонности к господству, а составляя при этом большую статью расходов и не служа обычно никакой производственной цели, она занимает во взглядах человека прочное место как что-то добропочтенное. В то же время собака в нашем воображении ассоциируется с охотой — похвальным занятием, являющимся проявлением почтенного хищнического побуждения.

При таком выгодном положении традиционно признаются и возвеличиваются малейшая красота формы и движения и хоть сколь-нибудь похвальные особенности в поведении собаки. И даже те породы собак, которые превращаются любителями в нелепые уродства, многими людьми искренне рассматриваются как красивые. Эти породы собак — подобное справедливо и в отношении других разводимых любителями декоративных животных — оцениваются и подразделяются по их эстетической ценности в некоторой прямой зависимости от степени нелепости и непостоянства конкретной формы, которую в каждом отдельном случае принимает уродство. В рассматриваемом плане это различие в степени полезности, основанное на нелепости и непостоянстве строения, можно выразить в терминах большего дефицита и в результате — больших расходов. Рыночная стоимость

уродств из отряда собачьих, таких, как модные типы собачек преимущественно для женщин и типы комнатных собак преимущественно для мужчин, основывается на высокой цене их производства, а их ценность для владельцев заключается главным образом в их полезности в качестве статей демонстративного потребления. Косвенным образом, отражаясь в престижной дороговизне, им приписывается ценность для общества; и таким образом, путем несложной подмены слов и понятий, получается, что они вызывают восхищение и славятся за красоту. Так как всякое внимание, расточаемое на этих животных, не является прибыльным или полезным, оно почетно; а так как вследствие этого не осуждается привычка оказывать им внимание, то она может развиться в очень прочную привязанность самого великодушного свойства. Так что в любви к домашним животным канон расточительных расходов присутствует более менее косвенно, как норма, формирующая чувство и направляющая выбор его объекта. Подобное справедливо, как вскоре будет отмечено, и в отношении привязанности к людям, хотя в этом случае характер действия нормы несколько иной.

С верховыми лошадьми дело обстоит почти так же, как с собаками. Они в целом дороги, расточительны и бесполезны для производственных целей. Использование лошади, которое способствовало бы, будь оно производительным, увеличению благосостояния общества или облегчало бы людям жизнь, выливается в демонстрацию силы и легкости движений, удовлетворяя эстетическим вкусам общества. Это, конечно, реальная полезность. Лошадь не наделена в такой же мере, как собака, возвышенной способностью к раболопной зависимости, однако она действенным образом обслуживает хозяйское побуждение, заключающееся в том, чтобы по своему усмотрению обращать себе на пользу «живые» силы окружения, тем самым выражая через них свою властвующую личность. По крайней мере потенциально, верховая лошадь — это скаковая лошадь, высокого или низкого класса; и именно как таковая она особенно полезна владельцу. Экономическая выгодность верховой лошади заключается в значительной мере в ее эффективности как средства соперничества: когда владелец лошади заставляет свою лошадь обгонять соседскую, это приносит ему ощущение нападения и преобладания. Такое использование лошади не является прибыльным, однако, будучи в целом довольно последовательным образом расточительным и вполне демонстративно расточительным, оно является почетным, а следовательно, есть серьезные основания считать, что скаковая лошадь создает хорошую репутацию. Помимо того, настоящая скаковая лошадь также находит подобным образом не производственное, но почтенное употребление как инструмент азартной игры.

Значит, верховой лошади в эстетическом смысле повезло в том, что такие свойства лошади, как красота или полезность, в какой бы мере и сколь бы произвольно они ей ни приписывались, узакониваются канонами денежной достопочтенности. Притязания на ее высокую эстетическую оценку пользуются моральной поддержкой со стороны принципа демонстративного расточительства, подкрепляясь хищнической склонностью к соперничеству и господству. Лошадь, кроме того, красивое животное, хотя скакун не представляется в сколь-нибудь особой степени красивой лошадью тем лицам с неподготовленным вкусом, которые не попадают ни в разряд знатоков скаковых лошадей, ни в разряд тех, у кого сдерживающий моральный фактор вознаграждения, получаемого от почитателей лошадей, подчиняет себе чувство прекрасного. Таким людям с неподготовленным вкусом самой прекрасной лошадью представляется та, что в процессе отбора, производимого среди этих животных, претерпела менее коренные внешние изменения, чем скаковая лошадь. И все-таки, когда автор или докладчик — особенно из тех, чье красноречие самым последовательным образом банально, — хочет привести пример животной грации и полезности, риторики ради он обыкновенно обращается к лошади, и уже сразу становится ясным, что у него в мыслях именно скаковая лошадь.

Следует заметить, что в различных степенях признания тех или иных пород собак и лошадей, как в тех оценках, с которыми встречаешься даже среди людей с умеренно развитыми в этих вещах вкусами, содержится также еще одно заметное и более прямое

влияние канонов почтенности праздного класса. В нашей стране, например, вкусы праздного класса до какой-то степени складываются на основе привычек и обычаев, которые преобладают или которые считаются преобладающими среди праздного класса Великобритании. Это справедливо не столько в отношении собак, сколько в отношении лошадей. В отношении лошадей — особенно верховых, которые в своем наилучшем виде отвечают намерению просто выставить напоказ расточительность, — в общем виде будет справедливо сказать, что лошадь тем красивее, чем она «более английская», при том что английский праздный класс в отношении практики почтенности является высшим праздным классом для нашей страны и поэтому представляет собой пример для подражания более низшим слоям. Подражание в способах восприятия прекрасного и в формировании суждений о том, что красиво и хорошо, не обязательно приводит к фальшивому предпочтению, или, во всяком случае, такое предпочтение не является ни притворным, ни надуманным. Предпочтение диктуется вкусом, и оно столь же серьезно и столь реально, когда основывается на подражании, как и тогда, когда оно покоится на любом другом основании; различие заключается в том, что такой вкус является не склонностью к истинному в эстетическом плане, а склонностью к приличествующему в плане почтенности.

Подражание, следует сказать, распространяется не только на представление о красоте самой лошади. Оно охватывает также и конскую сбрую, и искусство верховой езды, так что правильная или почтенно красивая посадка или осанка, как и аллюр, тоже определяются английским обычаем. Чтобы показать, какими случайными могут оказываться те обстоятельства, которые решают, что в условиях денежного канона красоты будет приличествующим, а что нет, можно заметить, что английская посадка и этот особенно утомительный аллюр, сделавший такую неловкую посадку необходимой, сохранились от тех времен, когда дороги в Англии были в таком плохом состоянии от грязи и слякоти, что по ним практически невозможно было проехать на лошади более удобном шагом, так что в наши дни человек, воспитанный соблюдать в искусстве верховой езды внешние приличия, ездит на тяжеловозе с обрубленным хвостом, в неудобной позе и причиняющим страдания аллюром по той причине, что по дорогам Англии на протяжении большей части прошлого века нельзя было проехать верхом более естественным для лошади шагом или на лошади, сложенной для передвижения с прирожденной легкостью по твердой открытой местности.

Каноны денежной почтенности наложили свой отпечаток на каноны вкуса отнюдь не только в отношении потребляемых товаров, включая сюда домашних животных. Надо сказать, что почти такое же действие они оказали на представление о красоте человеческой внешности. С тем чтобы избежать каких бы то ни было споров по этому поводу, мы оставим без внимания такое, быть может, существенное предпочтение полной достоинства (праздной) манеры держать себя и представительной наружности, которые в зрелых мужах по заурядному обычаю связываются с богатством. Такие черты в какой-то мере признаются в качестве элементов красоты в человеке. Однако, с другой стороны, существуют определенные элементы женской красоты, попадающие под эту рубрику, которые носят столь конкретный и специфический характер, что допускают оценку каждого из них в отдельности. Почти как правило в обществах, находящихся на той ступени экономического развития, когда женщины ценятся высшими классами за работу, идеалом красоты является крепкая женщина с крупными руками и ногами. Основанием оценки является сложение, а конфигурации лица придается лишь второстепенное значение. Общеизвестным примером такого идеала культуры раннего хищничества являются девы поэм Гомера.

В последующем развитии этот идеал претерпевает изменение, когда в общепринятом представлении назначением богатой жены оказывается только подставная праздность. Тогда идеал включает в себя характерные признаки праздного образа жизни, которые, как считается, являются результатом последовательной праздности или сообразуются с ней. Об идеале, принятом при таких обстоятельствах, можно заключить из описания красивых женщин поэтами и писателями времен рыцарства. В традиционной системе тех времен высокопоставленные дамы, как мыслилось, находились под пожизненной опекой и

освобождались от всякого полезного труда. В сложившихся рыцарских или романтических идеалах красоты основное внимание обращается на лицо, останавливаясь на утонченности его черт, и на изысканность рук и ног, статность фигуры и особенно на стройную талию. В изображении женщин на картинах того времени, а также у современных подражателей рыцарским чувствам и образу мысли талия истончается до такой степени, что подразумевает крайнюю слабость здоровья. Тот же идеал все еще существует в настоящее время среди значительной части населения современных промышленных обществ, однако нужно сказать, что наиболее крепко он удерживается в тех современных общностях, которые наименее продвинуты в вопросе экономического развития и цивилизованности и в которых обнаруживаются наиболее значительные пережитки статуса и хищнических институтов. То есть рыцарский идеал лучше всего сохраняется в тех общностях, которые существенным образом являются наименее современными. Пережитки этого томного или романтического идеала широко встречаются во вкусах состоятельных слоев в странах Европы.

В современных обществах, достигших более высокого уровня промышленного развития, высший, праздный класс накопил такую массу богатства, которая снимает с женщин этого класса всякое подозрение в занятии грубым, производительным трудом. Здесь в представлениях масс женщины начинают терять свой статус подставных потребителей, и как следствие этого идеал женской красоты начинает изменяться: от немощного, полупрозрачного и опасно утонченного образа назад, к женщине архаичного образца, не лишенной рук и ног и вообще всей своей персональной телесности. В ходе экономического развития идеал красоты среди народов западноевропейской культуры сместился от женщины, обладающей физическими данными, к леди, а теперь он начинает опять возвращаться к женщине; и все в подчинении изменяющимся условиям денежного соперничества. Одно время необходимые условия соперничества требовали крепких рабынь; в другое время они требовали демонстративного представления (подставной) праздности и, следовательно, явной нетрудоспособности; однако теперь это последнее требование перестает подходить к сложившейся обстановке, так как в условиях более высокой эффективности современного производства праздность становится доступной для женщин, занимающих столь низкое положение на шкале почтенности, что она уже больше не может служить отличительным признаком наивысшего денежного положения.

Помимо такого общего контроля, осуществляемого нормой демонстративного расточительства в отношении идеала женской красоты, есть кое-какие моменты, заслуживающие особого упоминания, так как в них хорошо видно, как эта норма может оказывать господствующее влияние на представления мужчин о женской красоте. Уже отмечалось, что на тех ступенях экономического развития, на которых в качестве средства к достижению доброго имени широко почитается демонстративная праздность, идеал требует изысканных и миниатюрных рук и ног и тонкой талии. Эти черты вместе с другими связанными с этим недостатками сложения призваны показать, что наделенная ими личность не способна к полезной работе и поэтому, следуя праздному образу жизни, должна находиться на содержании у своего владельца. Такая личность не приносит пользы, требует больших расходов и, следовательно, представляет собою ценность как свидетельство денежной силы. Это приводит к тому, что на данной культурной стадии женщины стараются привнести изменения в свою внешность, с тем чтобы выглядеть сообразно с современными требованиями воспитанного вкуса, а мужчины, руководствуясь канонами денежной благопристойности, находят привлекательными те патологические черты, которые создаются таким искусственным способом. Так, например, считают красивой стянутую талию, получившую столь широкую популярность среди всех слоев общества в странах западноевропейской культуры, а у китайцев также считается красивой деформированная стопа. В обоих случаях увечья совершаются в силу безоговорочного неприятия вкусов, не получивших должного воспитания. Чтобы примириться с такими увечьями, требуется привыкание. И тем не менее там, где они вписываются в образ жизни людей как почетные, санкционированные требованиями денежной благопристойности, не возникает никаких

сомнений в их привлекательности. Они являются носителями денежной и искусственно создаваемой красоты, которые и стали служить составными элементами идеала женственности.

Указанная здесь связь между эстетической ценностью вещей и той оценкой, которую они получают в соперничестве за денежную репутацию, естественно, отсутствует в сознании оценивающих. Если человек при формировании своего эстетического суждения начинает задумываться и размышлять над тем, что рассматриваемый предмет расточителен, престижен, а поэтому его можно по праву считать красивым, то такое суждение не может в полной мере считаться *bona fide* (добросовестным) эстетическим суждением и в связи с этим не включается в рассмотрение. Связь, наличие которой здесь утверждается, между почтенностью и воспринимаемой красотой предметов заключается в действии, оказываемом обстоятельством почтенности на образ мышления оценивающего. Он привык складывать разного рода оценочные суждения — экономические, моральные, эстетические или суждения о почтенности — в отношении предметов, с которыми ему приходится иметь дело, и, когда ему случается оценивать предмет эстетически, его расположенность к данному предмету в силу каких-либо других мотивов будет влиять на степень его оценки. Это особенно справедливо, когда оценка производится в одинаково тесной связи как с эстетическими мотивами, так и с престижем. Не так легко отличить оценку в эстетических целях от намерения обозначить степень почтенности. Возникновение путаницы между этими двумя видами оценок особенно вероятно, потому что ценность, которую представляют собой предметы для создания репутаций, обычно не выделяется в речи каким-либо специальным описательным термином. В результате для обозначения такого безымянного компонента денежного достоинства применяются обиходные слова, соответствующие категориям или элементам красоты, и вследствие этого легко происходит смешение соответствующих понятий. Таким образом, в общем восприятии требования почтенности срастаются с требованиями чувства прекрасного, и красота, которая не сопровождается общепризнанными знаками добропочтенности, не признается. Однако ни в какой сколь-нибудь ощутимой мере необходимые условия денежной почтенности и необходимые условия красоты в наивном ее понимании не совпадают. Устранение из нашего окружения того, что не может служить целям денежного соперничества, приводит, следовательно, к более или менее тщательному исключению целого ряда элементов красоты, которые оказываются несогласующимися с такими требованиями.

Лежащие в основе системы вкусов нормы получили свое развитие задолго до появления институтов денежной культуры, являющихся предметом нашего обсуждения. Следовательно, в силу избирательного усвоения людьми отдельных привычек мышления в прошлом оказывается, что необходимые условия красоты, просто красоты, наилучшим образом удовлетворяются в основном посредством недорогих приспособлений и устройств, прямо наводящих на мысль и о функции, которую они должны выполнять, и о способе, которым они служат своему назначению.

Может быть, уместно вспомнить позицию современной психологии. Красота формы представляется зависящей от способности восприятия. Пожалуй, можно бы с уверенностью развернуть это утверждение. Если отвлечься от ассоциаций, намеков и «выразительности», относимых к элементам красоты, то красота всякого воспринимаемого чувствами предмета означает, что ум с готовностью проявляет свою апперцептивную активность в тех направлениях, которые открываются ему при восприятии рассматриваемого предмета. Однако направления свободного развертывания или проявления активности суть направления, к которым сделало склонным ум долгое и обстоятельное привыкание. В том, что касается обязательных элементов красоты, это привыкание столь обстоятельное и долгое, что оно вызвало не только склонность к рассматриваемой апперцептивной форме, но и адаптацию устройства физиологической системы, а также ее функционирования. В той мере, в какой в состав понятия красоты входит экономический интерес, он виден в пригодности предмета для служения какому-то назначению, в очевидной и однозначно

понимаемой возможности его использования в процессе жизни. Такому выражению во всяком предмете экономической пригодности или экономической полезности — тому, что можно назвать экономической красотой предмета, — наилучшим образом служит точный и недвусмысленный намек на его назначение и его действенность в материальных сторонах жизни общества.

На этом основании наилучшим в эстетическом отношении среди полезных объектов является простой, лишенный украшений предмет. Но так как недорогие предметы личного потребления отвергаются денежным канон почтенности, удовлетворение нашего стремления к красивым вещам нужно искать посредством компромисса. Законы красоты нужно обойти каким-нибудь ухищрением, которое свидетельствовало бы о престижных расточительных расходах, согласуясь в то же время с нашими критическими представлениями о полезном и красивом или по крайней мере с каким-либо обычаем, пришедшим на смену этим представлениям. Здесь приходит на выручку ощущение новизны, а ему в свою очередь способствует любопытство, с которым люди смотрят на остроумные и озадачивающие изобретения. Так получается, что большинство предметов, якобы красивых и выполняющих свою функцию как красивые, обнаруживает немалую изобретательность замысла и рассчитано на то, чтобы озадачить зрителя — сбить его с толку намеками на невероятное, навести на не относящиеся к делу мысли, — свидетельствуя в то же время, что затраченный труд превосходит усилия, достаточные, чтобы сделать эти предметы оптимально пригодными для использования по их очевидному экономическому назначению.

Это можно показать на примере, взятом не из нашего обихода и повседневного окружения и таким образом находящимся вне сферы наших предубеждений. Таким примером является замечательная мантия из птичьих перьев на Гавайях или знаменитые резные рукоятки церемониальных стругов на некоторых островах Полинезии. Они неоспоримо красивы в том смысле, что радуют глаз сочетанием формы, линий и цвета, а также обнаруживают большую изобретательность в замысле и мастерство в воплощении. В то же время эти предметы обнаруживают явную непригодность для служения какому-либо иному экономическую назначению. Однако не всегда остроумные и озадачивающие решения, направляемые канон расточительных усилий, дают такой удачный результат. Почти так же часто происходит практически полное подавление всех элементов, которые воспринимались бы как проявления красоты или полезности и служили бы заменой демонстративной неуместности, изобретательности и напрасного труда; в результате многие из предметов, которыми мы окружаем себя в повседневной жизни, и даже многие детали повседневного платья и украшений таковы, что мы миримся с ними исключительно под давлением предписывающей традиции. Примеры такого замещения красоты и полезности изобретательностью и расходом можно видеть в архитектуре жилых домов, в искусстве убранства домов, в разнообразных предметах одежды, особенно женского платья и одеяний священнослужителей.

Законы красоты требуют выражения всеобщего. «Новизна», соответствующая запросам демонстративного расточительства, идет вразрез с этими законами, превращая внешний вид объектов нашего вкуса в конгломерат индивидуальных черт; последние в свою очередь подвергаются отбору, подчиняясь канону дороговостности.

Процесс отбора художественных форм и их приспособления к целям демонстративного расточительства, замещение красоты эстетической красотой денежной — все это особенно сказалось в развитии архитектуры. Крайне трудно отыскать цивилизованный жилой дом или общественное здание, которые могли бы претендовать на что-то большее, чем представляться относительно безобидными всякому, кто способен отделить элементы красоты от элементов почтенного расточительства. Лучшие из сдаваемых в аренду жилищ и многоквартирных домов, представленные бесконечным разнообразием фасадов, — это сплошное архитектурное бедствие наших городов, бесчисленное разнообразие дорогостоящих неудобств. С точки зрения красоты лучшее, что есть в здании, являются собою стены торцов и задних дворов этих строений, оставленные архитектором нетронутыми.

То, что было сказано о влиянии закона демонстративного расточительства на каноны вкуса, будет оставаться справедливым, лишь с незначительно измененными условиями, в применении к нашим понятиям о полезности товаров в аспектах, отличных от эстетического. Товары производятся и потребляются как средства к более полному развертыванию человеческой жизнедеятельности, и их утилитарность в первую очередь заключается в их пригодности в качестве средств достижения этой цели. Это в первую очередь полнота проявления жизни индивида, взятая абсолютно безотносительно к обществу. Однако человеческая склонность к соперничеству воспользовалась потреблением товаров как средством установления различий при завистническом сравнении, наделив товары второстепенной утилитарностью и превратив их потребление в доказательство относительной платежеспособности. Эта косвенная или второстепенная польза потребительских товаров придает престиж потреблению, а также товарам, которые лучше всего отвечают состязательному аспекту потребления. Похвальным является потребление дорогостоящих товаров, а также товаров, которые содержат в себе осязаемый элемент стоимости сверх стоимости затрат, делающих товары пригодными для эффективного использования по очевидному физическому назначению. Признаки излишней дороговизны в товарах связываются, следовательно, с достоинством — они являются признаками того, что товары могут очень эффективно использоваться в косвенных, завистнических целях, которым должно служить потребление. И наоборот, товары, оставляют человека незаметным, а потому являются непривлекательными, если в них видна слишком экономная приспособленность к выполнению искомого физического назначения и нет места для той излишней дороговизны, на которой основывается самодовольное завистническое сравнение. Эта косвенная утилитарность придает значительную ценность товарам «лучших» сортов. Чтобы польстить вкусу, воспитанному так воспринимать полезность, предмет должен быть хотя бы в малой мере пригодным для такого косвенного употребления.

Люди исходя, может быть, из того, что недорогостоящий образ жизни указывает на неспособность много тратить и свидетельствует об отсутствии денежного успеха, тем не менее усвоили в результате привычку неодобрительно относиться к дешевым вещам как в сущности неприличным и лишенным достоинств именно потому, что они дешевы. С течением времени каждое последующее поколение получало в наследство от предшествующих этот обычай достойных похвалы расходов и в свой черед совершенствовало и укрепляло традиционный канон денежного престижа в потреблении товаров; в конце концов мы стали настолько убеждены, что любая недорогостоящая вещь лишена каких-либо достоинств, что уже не чувствуем ничего дурного в тривиальной фразе «Дешево, да гнило». Привычка с одобрением принимать дорогое и не одобрять все, что стоит недорого, так основательно укоренилась в нашем сознании, что мы инстинктивно настаиваем на присутствии хотя бы малого элемента расточительной дороговизны во всем, что мы потребляем, даже в том случае, когда условия потребления строго конфиденциальны и у нас в мыслях нет выставлять его напоказ. Искренне и не находя в том ничего дурного, мы все чувствуем себя в более приподнятом настроении, съедая свой обед, накрытый на дорогой скатерти, с помощью сработанных вручную столовых принадлежностей из серебра, с расписанного вручную фарфора (зачастую сомнительной художественной ценности). Всякий отход от образа жизни, который мы привыкли считать в этом отношении правильным, ощущается как вопиющее посягательство на наше человеческое достоинство. Так и свечи уже лет десять как стали приятнее любого другого источника света за обедом. Теперь свет свечи спокойнее, менее утомителен для благородных глаз, нежели свет керосиновой, газовой или электрической лампы. Этого нельзя было сказать еще тридцать лет назад или раньше, когда свечи были самым дешевым источником света, доступным для домашнего пользования. Однако свечи ведь и сегодня не дают удовлетворительного света, пригодного для какого-либо освещения, кроме церемониального.

Мудрый политик, еще здравствующий, сделал вывод, подытожив все это в таком афоризме: «Дешевое платье — недостойный человек», и, пожалуй, не найдется никого, кто

бы не ощутил всей убедительности этого изречения. Привычка искать в товарах признаки избыточной дороговизны и требовать, чтобы во всех товарах была видна какая-то дополнительная, выгодная для завистнического сравнения утилитарность, приводит к изменению в критериях, по которым выводится общая оценка полезности товаров. В оценке товаров потребителем то, что доставляет почет, и то, что является грубо функциональным, не существует отдельно друг от друга, оба эти компонента составляют неразрывную в своей совокупности полезность товаров. При таком критерии ни один предмет не выдержит испытания на полезность, если будет обладать только достаточными физическими свойствами. Чтобы он являл собой завершенность и был вполне приемлем для потребителя, в нем должен быть виден и доставляющий почет элемент. Это приводит к тому, что производители предметов потребления направляют свои усилия на производство товаров, которые будут должным образом содержать компонент, способный приносить почет. Они будут делать это со все большим рвением и все более целенаправленно, так как они сами находятся в зависимости от того же критерия достоинств в товарах и были бы искренне огорчены при виде товаров, лишенных должной престижной завершенности. Следовательно, все воспроизводимые сегодня в какой угодно сфере товары в большей или меньшей степени включают в себя доставляющий почет компонент. Всякий потребитель, который, подобно Диогену, мог бы утверждать, что в его потреблении полностью отсутствуют доставляющие почет или расточительные элементы, не был бы в состоянии удовлетворить на современном рынке свои элементарные потребности. В самом деле, даже если бы он прибегнул к обеспечению своих потребностей собственными силами, для него было бы трудно, если вообще возможно, отделаться от распространенного в данное время образа мысли в рассматриваемом отношении. Так что он едва бы мог обеспечить удовлетворение потребности в предметах первой необходимости для однодневного потребления без того, чтобы инстинктивно и по недосмотру не включить в его натуральный продукт какого-нибудь такого доставляющего почет квазидекоративного элемента расточительного труда.

Хорошо известно, что покупатели при выборе полезных товаров на розничном рынке больше руководствуются их отделкой и законченностью их внешнего вида, чем какими-либо признаками реальной полезности. В дополнение к тем затратам труда, которые делают товары пригодными для их материального употребления, в чем и состоит их назначение, товары, чтобы продаваться, должны содержать в себе ощутимое количество труда, затраченного на придание им свойств, свидетельствующих о благопристойной дороговизне. Такой обычай превращения очевидной высокой цены товаров в канон их полезности, безусловно, содействует повышению совокупной стоимости предметов потребления. Отождествляя в некоторой степени достоинство товара с ценой, мы начинаем остерегаться дешевых цен. Обычно со стороны потребителя проявляется закономерное старание купить требующиеся товары по как можно более благоприятной цене, но традиционное требование очевидной дороговизны как ручательства и составного компонента полезности товаров приводит потребителя к отказу как от низкосортных от тех товаров, которые не несут изрядной доли демонстративного расточительства.

Нужно добавить, что значительная часть тех свойств потребительских товаров, которые, по общему представлению, служат признаками полезности и о которых здесь говорится как об элементах демонстративного расточительства, прельщают потребителя и на иных основаниях, нежели одна только дороговизна. Даже если эти свойства не прибавляют товарам реальной полезности, они обычно свидетельствуют об умении и высоком мастерстве изготовителя; и, безусловно, именно на подобном основании всякий отдельный признак полезности (читай, почетности) сначала входит в моду, а потом закрепляется в качестве одного из обычных достоинств предмета. Демонстрация мастерства приятна просто как таковая, даже там, где ее более отдаленный, через неопределенное время проявляющийся эффект не представляет никакой пользы. В созерцании искусной работы удовлетворяется чувство художественного вкуса. Но нужно также добавить, что такое свидетельство высокого мастерства или искусного и целесообразного использования средств

ни в какой далекой перспективе не встретит одобрения у современного-культурного потребителя, пока на то не будет санкции канона демонстративного расточительства.

То, какое место отводится в структуре потребления продуктам машинного производства, удачным образом подкрепляет занятую нами позицию. Вопрос физического различия между товарами, изготовленными машинами, и товарами ручной работы, отвечающими тому же назначению, заключается обыкновенно в том, что первые больше соответствуют выполнению своего первостепенного назначения. Эти продукты более совершенны — в них видно более целесообразное использование средств. От неуважения и осуждения это их не избавляет, ибо при проверке на почетную расточительность они терпят неудачу. Ручной труд — более расточительный способ производства; следовательно, получаемые этим способом товары надежнее служат цели приобретения денежной репутации; следовательно, следы ручного труда оказываются престижными, и товары, в которых такие следы налицо, становятся сортом выше, чем соответственный продукт машинного производства. Доставляющие почет следы ручной работы — это обычно, если не неизменно, известные несовершенства и неправильности в линиях сделанного вручную предмета, обнаруживающие те моменты, где мастер не достиг цели в осуществлении своего замысла. Почвой для преимущественного положения товаров ручной работы является, следовательно, известная грань несовершенства. Эта грань всегда должна быть достаточно невелика, чтобы не-обнаружить низкую квалификацию мастера, так как тогда она свидетельствовала бы о низкой стоимости, но и не настолько мала, чтобы наводить на мысль об идеальной точности исполнения, достигаемой лишь машиной, ибо она опять же свидетельствовала бы о низкой стоимости.

Должная оценка таких свидетельств престижной грубости обработки сделанных вручную товаров, которым они обязаны своими более высокими достоинствами и прелестью, приобретаемой ими в глазах людей благовоспитанных, связана с умением проводить тонкие различия. Она требует подготовки и формирования правильного образа мысли в отношении того, что может быть названо внешним видом товаров. Изготовленные машинами товары повседневного потребления нередко вызывают восхищение и пользуются предпочтением у людей заурядных и недостаточно благовоспитанных, не заботящихся должным образом о щепетильных требованиях изысканного потребления, именно за счет чрезмерного совершенства этих товаров. Традиционно считающееся более низким качество товаров машинного производства говорит о том, что совершенствование умения и мастерства, воплощаемое в любых дорогостоящих новшествах обработки товаров, не является само по себе достаточным, чтобы снискать этим товарам одобрение и неизменное расположение потребителя. Новшество должно иметь поддержку со стороны канона демонстративного расточительства. Потребитель не потерпит во внешнем облике товаров какой-либо детали, как бы та ни была приятна сама по себе и как бы ни оправдывала себя в глазах человека, находящего вкус в умелой работе, если она окажется неприемлемой для этой нормы денежной почтенности.

Традиционная низкосортность или отвратительность потребительских товаров из-за их «обыкновенности», т. е., другими словами, незначительной стоимости их производства, многими лицами воспринимается очень серьезно. Отказ от товаров машинного производства часто выражается в форме неприятия заурядности таких товаров. То, что обыкновенно, — доступно (в денежном отношении) многим. Потребление обычных вещей, следовательно, не доставляет почта, так как оно не служит цели благоприятного завистнического сравнения себя с другими потребителями. Отсюда потребление или даже вид таких товаров неотделимы от ненавистного указания на более низкие уровни человеческого существования, и после их созерцания остается глубокое ощущение убожества, являющееся крайне противным и угнетающим для чувствительной личности. У лиц, чьи вкусы заявляют о себе властно и у кого нет дара, привычки или стимула различать, что является почвой для их суждений по вопросам вкуса, приговоры, выносимые склонностью к престижному, срastaются — уже упоминавшимся образом — с вердиктами чувства прекрасного и чувства

полезности. Получающаяся в результате составная оценка служит суждением о красоте предмета или его полезности — согласно тому, как пристрастия или интересы оценивающего склоняют его воспринимать объект в одном или в другом из этих аспектов. Отсюда довольно часто следует, что признаки невысокой стоимости или общедоступности принимаются в качестве определенных признаков негодности в художественном отношении, и на этом основании, чтобы служить руководством в вопросах вкуса, строится кодекс или инвентарь эстетических приличий, с одной стороны, и эстетически неприемлемого — с другой.

Как уже было указано, в современном промышленном обществе дешевые, а потому не соответствующие внешним приличиям предметы повседневного употребления обычно являются продуктами машинного производства; и общей характерной чертой товаров, изготовленных машинами, по сравнению с предметом, сделанным вручную, является их значительно более совершенная обработка и большая точность в детальном исполнении замысла. Следовательно, будучи престижными, явные несовершенства сработанных вручную товаров оказываются признаками большей красоты или полезности этих товаров или того и другого. Отсюда и возникло то возвеличивание несовершенного, с которым в свое время так горячо выступали Джон Раскин и Уильям Моррис. И на том же основании их пропаганда всякой незавершенности и расточения сил была подхвачена и донесена до наших дней. А отсюда и пропаганда возврата к ремесленному труду и домашнему промыслу. Как же много из того, над чем работали и размышляли эти люди и что вполне подходит под характеристику, которую мы даем описываемым явлениям, было бы невозможным в те времена, когда еще не было такого положения, чтобы явно более совершенные товары стоили дешевле.

О чем бы ни шла здесь речь и что бы мы ни намеревались высказать, все это касается, конечно, только экономического аспекта данного эстетического направления. То, что сказано, должно пониматься не в смысле осуждения, а главным образом как характеристика тенденции, которая наблюдается в воздействии учения этой школы на производство потребительских товаров и их потребление.

То, каким образом проявляется в производстве такое направление в развитии вкуса, быть может, убедительнее всего иллюстрирует книжное дело, которым Моррис занимался в течение последних лет своей жизни; но то, что в изрядной степени справедливо в отношении работы издательства «Келмскотт пресс», относится лишь с незначительными оговорками к теперешнему искусству книгопечатания вообще — в том, что касается шрифта, бумаги, иллюстраций, переплетных материалов и переплетного дела. Якобы высокое качество современной продукции книгопечатного производства в какой-то мере основывается на степени приближения к грубой обработке того времени, когда книгопечатание было полной сомнений борьбой с непокорными материалами и осуществлялось с помощью несовершенных приспособлений. Производство книги, требуя ручного труда, является более дорогостоящим; продукция такого производства также менее удобна для пользования, чем книги, выпускаемые с целью одной только полезности; поэтому она доказывает как способность со стороны покупателя легко тратить деньги, так и способность расточать время и силы. Именно на этом основании сегодняшние печатники возвращаются к «старинному» и другим более или менее устаревшим стилям шрифта, которые труднее читать и которые придают странице менее обработанный вид, чем современный шрифт. Даже научный журнал, не имеющий какой-либо явной цели, кроме наиболее эффективной подачи предмета, которым занимается данная наука, уступит требованиям денежной красоты настолько, что будет печатать свои научные дискуссии старинным шрифтом на бумаге верже с неровными краями. А книги, в которых не является очевидной забота об одном только эффективном представлении их содержания, безусловно, идут в этом направлении дальше. Тут мы имеем шрифт несколько погуще, напечатанный на верже ручной выделки, с неровными краями, с чрезмерными полями и неразрезанными листами, с намеренно необработанным и изысканно неуместным переплетом. «Келмскотт пресс» довело дело до абсурда, как видится с точки зрения одной только грубой целесообразности: книги для современного читателя издаются

по устаревшей орфографии, набираются жирным шрифтом и переплетаются в мягкий, тонкий пергамент, снабженный ремнями. В качестве еще одной характерной черты, позволяющей установить экономический аспект искусства книгопечатания, служит тот факт, что эти книги поизысканнее, имея наибольший успех, печатаются ограниченными тиражами. Ограниченный тираж на деле является гарантией, несколько, правда, грубой, что данная книга — дефицит и что, следовательно, она дорого стоит и дает возможность потребителю отличаться в денежном отношении.

Особая привлекательность этой книжной продукции для покупателя с развитым вкусом, безусловно, заключается не в сознательном, наивном признании ее дороговизны и превосходстве ее над прочей продукцией топорного исполнения. Здесь параллельно со случаем превосходства сработанных вручную предметов над продуктами машинного производства сознательным основанием предпочтения является заключенное в них высокое качество, приписываемое более дорогому и более неудобному предмету. Превосходящее качество приписывается книге, которая имитирует продукты старинных и вышедших из употребления технологических процессов, главным образом за счет ее более высокой утилитарности в эстетическом отношении; однако вполне можно встретить благовоспитанного любителя книг, настаивающего на том, что более грубый продукт является также и более пригодным для передачи печатного слова. В том, что касается превосходящей эстетической ценности книги, выполненной в декадентском стиле, есть вероятность, что утверждение такого книголюбца небезосновательно. Взор работающего над книгой художника искренне стремится к красоте и к ней одной, и книга — это в какой-то мере результат того, насколько успешно ему удалось достичь цели. Мы утверждаем лишь то, что каноны вкуса, которыми руководствуется в своей работе художник, складываются под влиянием закона демонстративного расточительства, а этот закон действует по принципу отбора, исключая всякие каноны вкуса, не соответствующие его требованиям. Другими словами, хотя книга в декадентском стиле может быть красивой, границы, в пределах которых может работать художник, устанавливаются требованиями неэстетического порядка. Плод его труда должен в то же самое время быть и дорогостоящим, и плохо приспособленным для использования по его очевидному назначению. Этот властный канон вкуса не формируется, однако, у оформляющего книгу художника всецело по закону расточительства в его первоначальном виде; этот канон до некоторой степени формируется в согласии с вторичным выражением хищнического темперамента — благоговением перед архаичным или устаревшим, которое в одном из своих особенных проявлений называется классицизмом.

В эстетике провести границу между канонами следования классическим образцам, или почитанием архаичного, и канонами красоты было бы, вероятно, задачей крайне трудной, если не вовсе неосуществимой. В эстетических целях едва ли нужно проводить такое разграничение, в нем и в самом деле нет необходимости. Для теории вкуса выражение общепринятого идеала архаичности, на каком бы основании он ни был принят, лучше всего, наверное, считать элементом красоты: нет сомнений в его узаконенности. Но для нашей цели — чтобы определить, какие экономические мотивы присутствуют в общепринятых канонах вкуса и каково их значение для распределения и потребления товаров, — это разграничение не является подобным образом разграничением по существу.

Положение, которое занимают в системе потребления цивилизованного общества продукты машинного производства, служит разъяснению природы отношения, существующего между канонами демонстративного расточительства и кодексом внешних приличий в потреблении. Ни в вопросах искусства и собственно художественного вкуса, ни в отношении ходячего представления о полезности товаров этот канон не выступает в качестве причины нововведения или начинания. Он не направлен в будущее как созидующий принцип; он не производит нововведений и не прибавляет новые статьи потребления и новые элементы стоимости. Принцип, о котором идет речь, является в известном смысле негативным, а не позитивным законом. Это скорее не созидующий, а регулирующий

принцип. Он очень редко непосредственно порождает какую-либо привычку или дает начало какому-либо обычаю. Его действие исключительно отбирающее. Демонстративная расточительность непосредственно не предоставляет почвы для изменчивости и развития, но сообразность с ее требованиями есть условие сохранения таких нововведений, которые могут производиться на других основаниях. Каким бы образом ни возникали обычаи, привычки и способы расходования, они все подвержены отбору под действием данной нормы почтенности; и степенью, в которой они сообразуются с ее требованиями, поверяется их способность выживать в конкуренции с другими аналогичными привычками и обычаями. При прочих равных условиях, чем более очевидным образом расточителен удерживающийся обычай или способ потребления, тем больше вероятность его сохранения в условиях действия этого закона. Законом демонстративного расточительства не фиксируется источник изменений, а лишь объясняется устойчивость таких форм, которые в условиях его господства годны для выживания. Он действует, чтобы сохранять пригодное, не для того, чтобы породить приемлемое. Его функция — все испытывать, крепко удерживая то, что для него целесообразно.

Глава VII. Одежда как выражение денежной культуры

Уместно будет несколько более подробно показать на примерах применение уже изложенных экономических принципов к повседневным явлениям в какой-то одной области общественной жизни. Для этой цели ни в какой сфере потребления не открывается более удачной возможности для иллюстрации, чем в расходах на одежду. Особое выражение в моделях одежды находит правило материального расточения, хотя в одних и тех же моделях представлены и примеры других, родственных принципов денежной репутации. Действенно служат своему назначению другие способы доказательства денежного положения, и они в моде всегда и во всем, однако у расходов на одежду есть то преимущество над большинством других способов, что наше одеяние всегда служит свидетельством нашего денежного положения, указывая на него при первом же взгляде всякого постороннего наблюдателя. Также верно, что в одежде более явно присутствует и, может быть, практикуется всеми в большей мере, чем в любой другой сфере потребления, общепризнанное желание расходовать напоказ. Все без труда согласятся с той банальностью, что люди всех классов, подвергая себя расходам на одежду, большей частью делают это не для того, чтобы защитить свою персону от холода, а ради респектабельного внешнего вида. И вероятно, ни в каком другом вопросе не возникает такого острого чувства убогости, которое ощущается, если мы не дотягиваем до уровня, установленного общественным обычаем в одежде. В отношении одежды в большей степени, чем в отношении многих других статей потребления, справедливо то, что люди будут выносить весьма существенные лишения в жизненных благах, чтобы только позволить себе то, что считается приличным размером расточительного потребления, так что отнюдь не необычным явлением оказываются живущие в суровом климате люди, которые носят легкую одежду, только чтобы казаться хорошо одетыми. А рыночная стоимость товаров, используемых для одежды, в гораздо большей степени складывается из модности, репутации товаров, чем из той физической функции, которую они выполняют, облакая персону владельца. Потребность в одежде является явно «высшей», или духовной, потребностью.

Ни всецело, ни даже главным образом эта духовная потребность в одежде не выражает наивную склонность к демонстрации расходов. Закон демонстративного расточительства в одежде, как и в других вещах, преимущественно косвенным образом является направляющим принципом потребления, формируя каноны вкуса и благопристойности. В случаях обычного рода сознательный мотив владельца или покупателя демонстративно расточительного одеяния — это потребность подчинения установленному обычаю и существованию на уровне признанных обществом норм вкуса и почтенности. Дело не только в том, что нужно следовать кодексу приличий в одежде, чтобы избежать страданий, которые

доставляют неблагосклонные замечания и молва, хотя сам по себе этот мотив имеет очень большое значение, но, помимо этого, требование дороговизны так укоренилось в образе наших мыслей в вопросах одежды, что иное сколь-нибудь недорогое одеяние вызывает у нас инстинктивное отвращение. Не анализируя и не размышляя, мы чувствуем, что недорогое является недостойным. «По одежке встречают». «Дорого и мило, дешево и гнило» — этот принцип в одежде осознается справедливым, ослабляясь как раз меньше, чем в других сферах потребления. По критериям вкуса и пригодности недорогой предмет одежды считается плохим — в соответствии с принципом «дешево и гнило». Мы считаем вещи красивыми, так же как и полезными, где-то в прямой зависимости от того, насколько велика их цена. За малыми и незначительными исключениями мы находим дорогой предмет одеяния, сделанный вручную, гораздо предпочтительнее по его красоте и полезности, чем менее дорогую подделку под него, как бы хорошо подложный предмет ни имитировал дорогостоящий оригинал; и в подложном предмете оскорбляет наши чувства не то, что он не дотягивает в форме или цвете или вообще в зрительном ощущении, — вызывающий отвращение предмет может быть такой точной копией, которая выдержит достаточно тщательный осмотр; и все же, как только подделка будет выявлена, его эстетическая ценность и его рыночная стоимость тоже резко понижается. Можно утверждать, почти не боясь встретить возражение, что в одежде эстетическая ценность обнаруженной подделки, хотя и не только она, понижается где-то в том же отношении, в каком подделка дешевле, чем оригинал. Она теряет свое эстетическое благородство потому, что спускается ниже по денежной шкале.

Однако функции одежды как свидетельства платежеспособности не заканчиваются на том, что одежда просто обнаруживает потребление материальных ценностей сверх того, что необходимо для физического благополучия. Она является хорошим *prima facie* свидетельством денежного преуспеяния, а следовательно, достоинства в глазах общества. Но у одежды есть возможности более широкие и изысканные, нежели такое грубое, очевидное свидетельство одного только расточительного потребления. Если в дополнение к тому, что владелец одежды может позволить себе потреблять вольно и неэкономно, можно, не повторяя усилий, показать заодно, что владелец (или владелица) одежды стоит выше необходимости зарабатывать на жизнь, свидетельство достоинства повышается в весьма значительной степени. Следовательно, наша одежда, чтобы отвечать своему назначению действенным образом, должна не только быть дорогой — нужно, чтобы всякому наблюдателю становилось ясно, что ее владелец не занят ни в каком виде производительного труда. В эволюционном процессе, которым наш способ одеваться был доведен до его настоящего совершенно восхитительного соответствия с его назначением, должное внимание было уделено побочному способу доказательства благопристойности. Всякое подробное рассмотрение по общему представлению изящного одеяния докажет, что такое одеяние способно во всем, вплоть до отдельного элемента, создавать впечатление, что носящий его человек не привык прилагать никаких полезных усилий. Само собой разумеется, никакая одежда не может считаться красивой или даже приличной, если на ней видны следы выполнения носящим физической работы — вроде грязи или изношенности. Приятное впечатление от аккуратного и незапятнанного наряда создается, если не совсем, то в значительной степени, благодаря тому, что он наводит на мысль о праздности — освобожденности от личного контакта с производственным процессом какого бы то ни было рода. Значительная часть привлекательности, свойственной лакированной обуви, безупречному белью, сияющей шляпе в форме цилиндра и прогулочной трости, столь сильно усугубляющим прирожденное чувство собственного достоинства господина, идет от того, что в них содержится многозначительный намек: их владелец, так одетый, не может быть причастным ни к какому занятию, прямым и непосредственным образом представляющему собой какую-нибудь общественную пользу. Изысканная одежда служит своему назначению не только в силу дороговизны, но и на том основании, что она является эмблемой праздности. Она не только доказывает, что носящий ее в состоянии потреблять относительно

большие ценности, но и в то же время — что он потребляет, не производя.

В способе демонстрации воздержания носящего одежду человека от занятия производительным трудом женская одежда идет еще дальше, чем мужская. Не нужно никаких аргументов для подкрепления вывода о том, что женские шляпки стилем поизысканнее способствуют тому, чтобы сделать труд невозможным, еще более, чем это делает мужской цилиндр. К свидетельству вынужденной праздности, представляемому блеском, женская обувь прибавляет так называемый французский каблук, потому что высокий каблук явно делает крайне трудной любую, даже самую простую и самую необходимую физическую работу. Подобное в еще большей степени справедливо в отношении юбки и прочих характерных для женской одежды элементов. Существенным основанием крепкой привязанности к юбкам является как раз вот что: они дороги и они стесняют каждое движение носящей, лишая ее возможности выполнять какую-либо полезную работу. Подобное справедливо в отношении обычая женщин носить чрезмерно длинные волосы.

Однако женское одеяние не только в большей степени, чем одежда современного мужчины, доказывает освобожденность от труда; оно прибавляет специфическую и очень характерную особенность, которая по виду отличается от всего привычным образом употребляемого мужчинами. Этой особенностью является ряд приспособлений, типичный пример которых — корсет. Корсет с точки зрения экономической — это по существу своему увечье, переносимое с той целью, чтобы понизить жизнеспособность женщины и сделать ее явно и постоянно непригодной к работе. Правда, корсет портит личную привлекательность носящей, но претерпеваемая на этот счет потеря компенсируется приобретением в почтенности, происходящей от ее заметно повышающейся дороговизны и немощности. Можно вообще считать, что женственность женской одежды сводится как материальное явление к тому, что свойственные женщинам наряды оказывают более действенное препятствие полезному приложению сил. Это различие между мужским и женским одеянием мы отмечаем просто как характерную особенность. Теперь будет рассмотрено основание ее распространения.

Пока, стало быть, в качестве важнейшего, господствующего в одежде правила мы имеем общий принцип демонстративного расточительства. Дополнительно к этому принципу как его непосредственное следствие мы получаем в качестве второго правила принцип демонстративной праздности. В моделировании одежды это правило приобретает форму всевозможных изобретений, призванных показать, что носящий не занимается и, насколько это может обнаруживать одежда, не способен заниматься производительным трудом. Помимо этих двух принципов, существует третий, едва ли обладающий меньшей обязательной силой и который придет на ум всякому, кто как-нибудь задумается над этим предметом. Одежда должна быть не только дорогой и неудобной, она должна в то же время быть современной. До сих пор не было предложено никакого достаточно удовлетворительного объяснения явлению меняющихся фасонов. Настоятельная необходимость одеваться по последней общепризнанной моде, так же как и тот факт, что эта общепризнанная манера одеваться постоянно меняется из сезона в сезон, достаточно знакомы каждому, но теории, объясняющей эти постоянные изменения и перемены, разработано не было. Мы можем, конечно, сказать, и это будет вполне последовательно и правдоподобно, что принцип новизны — это еще одно следствие закона демонстративного расточительства. Очевидно, что если всякому наряду дозволяется служить своему назначению лишь короткое время и если в настоящем сезоне больше не используется, не переносится из прошлого сезона никакое одеяние, то расточительные расходы на одежду сильно возрастают. Все это хорошо, однако пока мы рассмотрели лишь негативные стороны. Учтя эти обстоятельства, мы практически имеем основание сказать лишь то, что правило демонстративного расточения осуществляет надзор и контроль во всех вопросах, связанных с одеждой, так что всякое изменение в фасонах должно подчиняться требованию расточительности; оно оставляет нерешенным вопрос, касающийся мотива возникновения

перемен в преобладающих стилях одежды и их признания, не объясняя также, почему в настоящее время сообразность с данным стилем является, как мы знаем, столь обязательной.

За объяснительным принципом, способным послужить мотивом для выдумки и нововведения в модах, нам придется обратиться к первобытному, неэкономическому мотиву, положившему начало одеянию, — мотиву украшения. Не вдаваясь в пространное обсуждение того, как и почему при направляющем действии закона дороговостности заявляет о себе этот мотив, можно утверждать, что, вообще говоря, каждое последующее нововведение в модах является попыткой предоставить взору что-то по виду более приемлемое для нашего чувства формы и цвета или более эффективное, чем то, что заменяется. Изменяющийся стиль одежды — выражение неустанного поиска чего-то, что польстит нашему эстетическому ощущению; однако поскольку каждое нововведение подвергается отбору, производимому нормой демонстративного расточения, то диапазон, в котором может иметь место нововведение, несколько ограничен. Нововведение должно быть не только более красиво или чаще, наверное, менее неприятно, чем то, что оно заменяет, но оно должно также подходить под общепринятую норму дороговостности.

С первого взгляда могло бы показаться, что результатом такой непрестанной борьбы за достижение красоты в одежде должно бы быть постепенное приближение к художественному совершенству. Мы могли бы естественным образом ожидать, что в модах должна проявиться заметная тенденция в направлении какого-либо одного или нескольких видов одеяния, более других подходящих людям; и мы могли бы даже ощутить, что у нас есть реальная почва для надежды, что сегодня, после всех усилий и всей изобретательности, столько лет затрачиваемых на одежду, моды должны бы были достичь относительного совершенства и постоянства, вплотную приближаясь к разумному художественному идеалу. Однако дело обстоит иначе. Действительно, было бы очень неосмотрительно утверждать, что современная манера одеваться более идет к лицу, чем манера одеваться десять лет назад, или двадцать, или пятьдесят, или сто лет назад. С другой стороны, не вызывает никаких возражений утверждение, что модная манера одеваться две тысячи лет назад более идет к лицу, чем самые сложные и трудоемкие сооружения из одежды в наши дни.

Значит, только что предложенное толкование явления моды не объясняет всего, и нам придется разбираться дальше. Хорошо известно, что определенные, относительно устойчивые стили и виды одежды выработались в различных частях света, как, например, среди японцев, китайцев и других восточных народов; аналогично — среди греков, римлян и других восточных народов древнего мира; так же как в поздние времена и среди сельского населения почти в каждой европейской стране. Эти национальные, или народные, костюмы, как признается компетентными ценителями, являются более художественными, больше идут к лицу, чем современное цивилизованное одеяние непостоянных стилей. В то же время они являются, обычно по крайней мере, явно менее расточительными; другими словами, в их структуре легче обнаруживаются элементы, отличные от расходования на показ.

Такие относительно постоянные костюмы распространены обычно в небольших районах, имеющих довольно точные границы, и незаметно и постепенно видоизменяются от места к месту. В каждом случае они вырабатывались народами или классами, которые беднее нас, и они особенно свойственны странам, местностям и временам, где и когда население, или по крайней мере тот слой населения, к которому принадлежит рассматриваемый костюм, является относительно однородным, устойчивым по составу и оседлым. Другими словами, в тех условиях, где норма демонстративного расточительства заявляет о себе менее властно, чем в больших современных городах с высокой культурой, относительно подвижное и богатое население которых задает сегодня тон в вопросах моды, — там вырабатываются постоянные стили одежды, которые будут выдерживать испытание временем. Страны и классы, которые таким образом выработали фиксированные, отличающиеся художественным исполнением стили в одежде, находились в таких обстоятельствах, что денежное соперничество в их среде происходило не в демонстративном материальном потреблении, а в демонстративной праздности. Таким образом, будет, вообще

говоря, справедливым утверждение, что моды наименее постоянны, меньше всего идут к лицу в тех общностях, где, как у нас, наиболее властно заявляет о себе принцип демонстративного материального расточения. Все это свидетельствует об антагонизме между художественным мастерством в одеянии и высокой стоимостью. Фактически правило демонстративного расточительства несовместимо с требованием, чтобы одежда была красивой или шла к лицу. И этот антагонизм раскрывает источник непрерывных перемен в моде, которые не могут быть объяснены ни одним только каноном красоты, ни одним каноном дорогостояемости. Критерий почтенности требует, чтобы в одежде было-видно расточительное расходование, однако природному вкусу всякая расточительность противна. Уже говорилось о психологическом законе, по которому все люди — а женщины, быть может, даже в большей степени — не терпят бесполезности усилий или расходов — так и природа, как кем-то было сказано, не терпит пустоты. Однако принцип демонстративного расточительства требует явно бесполезных расходов; и получающаяся в результате демонстративная дороговизна одежды, следовательно, по существу безобразна. Отсюда мы находим, что при всяких нововведениях в одежде в каждой добавляющейся или измененной детали — стремление избежать немедленного приговора обнаружением какой-нибудь показной цели; и в то же время находим, что требование демонстративного расточения не объясняет тенденции этих нововведений стать чем-либо большим, чем так или иначе бросающиеся в глаза претензии. Даже в своих самых вольных проявлениях мода если и уходит, то редко от симуляции какой-нибудь показной пользы. Мнимая полезность модных деталей одежды является, однако, столь очевидным притворством, а их фактическая бесполезность вскоре заставляет нас так прямо обратиться на себя внимание, что становится нестерпимой, и тогда мы прибегаем к новому стилю. Однако новый стиль должен подчиниться требованию почтенной расточительности и бесполезности, которая становится вскоре так же ненавистна, как бесполезность стиля-предшественника. И тогда единственное средство, которое-дозволяется нам законом расточения, — искать выход в каком-нибудь новом, равно бесполезном и несостоятельном сооружении. Отсюда идет неотъемлемая уродливость модной одежды и ее беспрестанное изменение.

Объяснив таким образом явление меняющихся мод, дальше следует привести истолкование в соответствии с фактами повседневной жизни. Среди таких повседневных фактов — широко известное пристрастие, которое все люди питают к стилям, модным в любой конкретный момент времени. Новый стиль входит в моду и в течение сезона продолжает пользоваться популярностью, и, по крайней мере пока он в новинку, люди почти все без исключения находят новый стиль привлекательным. Преобладающая мода воспринимается как красивая. Отчасти потому, что она приносит разнообразие, отличаясь от того, что ей предшествовало, отчасти потому, что она создает репутацию. Как указано в прошлой главе, наши вкусы до некоторой степени формируются каноном почтенности, поэтому под его руководством что угодно будет приниматься как приличествующее до той поры, пока не исчезнет новизна или пока гарантия репутации не перейдет к новой, еще не изведанной конструкции, служащей тому же общему назначению. То, что якобы красота или «очарование» стилей, модных в какое-то определенное время, — красота всего лишь преходящая и неподлинная, подтверждается тем фактом, что ни один из многочисленных меняющихся фасонов не выдержит испытания временем. Рассматриваясь в перспективе лет пяти или более, лучшие из наших фасонов, если не вызывают у нас отвращения своим видом, то поражают нас своей нелепостью. Наша преходящая привязанность ко всему чему бы то ни было самому новому покоится на основаниях, отличных от эстетических, и длится лишь до тех пор, пока наше неизменное эстетическое чувство не заявит со временем свои права и не отвергнет это самое новое неудобоваримое изобретение. Нужно известное время, чтобы развилось эстетическое отвращение, при этом продолжительность требуемого для такого процесса времени в каждом отдельном случае находится в обратной зависимости от степени присущей рассматриваемому стилю одиозности. На этот раз связь между одиозностью и неустойчивостью в модах дает основание для вывода о том, что, чем скорее сменяют друг

друга стили одежды, тем они противнее здравому вкусу. Предполагается, следовательно, что, чем дальше стоит «общество, особенно богатые классы общества, по росту богатства и подвижности, а также по диапазону социальных контактов, тем более властно будет утверждаться закон демонстративного расточения в вопросах одежды, тем сильнее будет тенденция канона денежной благопристойности подчинять себе чувство красоты или завладевать им, тем скорее будут смещаться и изменяться моды и тем нелепее и нестерпимее будут меняющиеся стили, входящие в моду один вслед за другим.

В теории одежды остается обсудить еще по меньшей мере один момент. Большая часть сказанного применима как к мужской одежде, так и к одежде женщин; хотя в нынешние времена это почти во всех моментах применимо с большей силой к одежде женщин. Однако в одном вопросе одежда женщин существенно отличается от одежды мужчин. В женской одежде присутствует явно более настоятельное требование в отношении таких черт, которые свидетельствуют об освобожденности женщин от всякого заурядного производительного занятия или о неспособности к таковому. Такое характерное свойство женского одеяния представляет собой интерес, не только делая более совершенной теорию одежды, но и подтверждая сказанное ранее об экономическом положении женщины в прошлом и настоящем.

Как было видно при обсуждении статуса женщины под рубриками *подставная праздность* и *подставное потребление*, в ходе экономического развития обязанностью женщины стало потреблять подставным образом за главу семейства, и ее одеяние подчиняется этой цели. В результате явно производительный труд стал в особой степени унижен для почтенной женщины, и поэтому при моделировании женской одежды должны прилагаться особые старания создать у зрителя впечатление (часто, нужно признать, ложное), что носящая данную одежду не занимается и не может привычным для нее образом заниматься полезной работой. Приличие требует от уважаемых женщин последовательного воздержания от полезной работы и последовательной демонстративной праздности — в большей мере, чем от мужчин тех же слоев общества. Нам действует на нервы одна только мысль о том, что какая-либо благовоспитанная женщина по необходимости зарабатывает себе на жизнь полезным трудом. Это не «женская сфера». Сфера женщины — хлопоты по дому, который она должна «делать красивым», сама являясь его «главным украшением». Ведь не говорят повсеместно о главе семейства как об украшении дома. Эта особенность, взятая в сочетании с тем фактом, что приличие требует от женщин неослабного внимания к тому, чтобы в их одежде и в прочих атрибутах была выставлена напоказ их дороговизна, служит подкреплением правильности того взгляда, который рассматривался ранее. Наша социальная система в силу того, что она происходит от патриархального уклада прошлого, отводит женщине особую роль — демонстрировать платежеспособность ее семьи. Согласно принципам современного цивилизованного общества, именно женщина должна заботиться о добром имени семейства, и потому сферой деятельности женщины является система расходов, доставляющих почет, и демонстративной праздности, посредством которой главным образом и поддерживается престиж семьи. По идеальному замыслу, имеющему тенденцию к воплощению в жизни высших денежных слоев, эта забота о демонстративном расточении материальных средств и сил должна в принципе быть единственной функцией женщины.

В тот период экономического развития, когда женщины были еще в полном смысле собственностью мужчин, демонстративное исполнение роли праздного потребителя стало частью их обязательных функций. Женщины, не будучи предоставленными самим себе, осуществляя со своей стороны очевидное расходование и демонстрируя праздность, как правило, способствовали созданию доброго имени своему хозяину, а не себе; а отсюда следует, что, чем больше женщины в семье тратят и чем очевиднее тот факт, что они ничего не производят, тем похвальнее будет их образ жизни, тем эффективнее он будет служить семейству или его главе в деле обретения почтенности. Это справедливо до такой степени, что от женщин требовалось не только предоставлять доказательства праздной жизни, но

даже лишать себя способности к полезной деятельности.

Именно в этом в одежде мужчин не удается достичь того, что достигается в женской одежде, и вполне обоснованно. Демонстративное расточительство и праздность почетны потому, что они являются свидетельством денежной силы; денежная сила почтена или почетна потому, что в конечном счете она свидетельствует о преуспевании и превосходящей мощи; следовательно, пускаемые в ход каким-либо индивидом доказательства расточения и праздности в его собственных интересах не могут последовательным образом принять такую форму или быть осуществленными столь совершенно, чтобы свидетельствовать о неспособности с его стороны или о его явном неудобстве, поскольку в таком случае демонстрировалась бы не превосходящая сила, а более низкое положение и демонстрация тем самым не достигала бы своей цели. Следовательно, там, где расточительное расходование и показное воздержание от физических усилий осуществляется обычно или в среднем в такой мере, чтобы было видно явное неудобство или добровольно вызванная физическая немощь, там всякий раз прямым логическим следствием является то, что рассматриваемая женщина исполняет это расточительное расходование и подвергается состоянию недееспособности не для своей личной выгоды в денежном престиже, а ради кого-то другого, от кого она находится в экономической зависимости, зависимости, которая в конечном итоге должна в экономической теории свестись к отношению рабства.

Теперь применим этот метод к женской одежде и выразим предмет в конкретных словах: высокий каблук, юбка, не годная к употреблению шляпка, корсет и общее неудобство носящей такую одежду, которое служит явной особенностью одеяния всех культурных женщин, и дают столь многочисленные доказательства того, что по принципам современного цивилизованного общества женщина в теории все еще находится в экономической зависимости у мужчин, — того, что она, возможно в теоретическом смысле, все еще является рабой мужчины. Причина всей этой демонстративной праздности, представляемой женщинами, и специфика их одежды просты и заключаются в том, что они — слуги, которым при разделении экономических функций была передана обязанность представлять доказательства платежеспособности их хозяина.

Наблюдается заметная аналогия в этом отношении между одеяниями женщин и домашней прислуги, в особенности ливрейных лакеев. И те и другие старательно являют свидетельство излишней дороговизны, в обоих случаях заметно игнорируется физическое удобство носящего данную одежду. Однако одежды госпожи, вид которой старательно привлекает внимание если не к физической немощи, то к праздности владелицы, преуспевают в этом больше, чем одежда прислуги. Так и должно быть, ибо в теории, согласно идеальным принципам денежной культуры, госпожа дома — главный слуга дома.

Существует, помимо слуг, воспринимаемых как таковые, по крайней мере одна категория лиц, чей наряд уподобляет их классу слуг, проявляя в себе многие из признаков, составляющих женственность женской одежды. Это категория священнослужителей. Священнические облачения проявляют в себе в подчеркнутой форме все характерные особенности, которые, как было показано, являются доказательством зависимого статуса и показного образа жизни. Еще более поразительным образом, чем это проявляется в повседневном образе жизни священника, облачения, которые, соответствуя своему названию, чрез-мерно украшены, нелепы, неудобны и стесняют движения, по крайней мере по виду, вплоть до мучения. В то же время священнику полагается воздерживаться от полезной работы и являть на людях бесстрастное печальное лицо, что очень близко к манере хорошо обученной прислуги. Еще одной особенностью, производящей такое же впечатление, является выбритое лицо священника. Уподобление класса священнослужителей классу прислуги по поведению и одежде обусловлено сходством обеих категорий в их экономической роли. Теоретически, с точки зрения экономики священник является слугой, косвенно находящимся в личном услужении у божества, чью ливрею он носит. Его ливрея очень дорогого свойства, как ей и подобает для того, чтобы приличествующим образом выставить напоказ сан своего возвеличенного господина; но ливрея для того и создана,

чтобы показать, что ее ношение доставляет мало или вовсе не доставляет физического удобства тому, кто ее носит, потому что является предметом подставного потребления и происходящий от ее потребления почет следует относить на счет отсутствующего хозяина, а не слуги.

На практике не всегда последовательно соблюдается граница между женской одеждой, одеждой священников и слуг, с одной стороны, и мужской одеждой — с другой, по вряд ли будет оспариваться тот факт, что в образе мышления широких слоев населения она проводится более или менее отчетливо. Конечно, встречаются и не стесненные условностями мужчины, и таких немало, которые в своем слепом рвении быть безупречно и благопристойно одетыми переступают теоретическую грань между мужской и женской одеждой вплоть до того, что облачаются в одеяния, задуманные явно для того, чтобы изводить брэнное тело; однако каждый без колебаний признает, что такое одеяние для мужчин является отходом от общепринятого. Мы привыкли говорить, что такая одежда «феминизирована», а иногда можно услышать замечание, что дескать такой-то или такой-то изысканный господин одет, словно лакей.

Некоторые явные расхождения в этой теории одежды заслуживают более подробного рассмотрения, в особенности те, которые знаменуют достаточно очевидное направление на более позднем этапе развития одежды. Мода на корсет является кажущимся исключением из правила примером применения которого она приводилась. Однако при более тщательном рассмотрении станет видно, что кажущееся исключение в действительности является подтверждением правила, заключающегося в том, что мода на любой конкретный элемент или определенную деталь одежды основана на их полезности в качестве доказательства денежного положения владельца. Общеизвестен тот факт, что в промышленно более развитых общностях корсетом пользуются лишь представители некоторых, весьма четко определенных социальных слоев. Женщины из слоев победнее, особенно из сельского населения, обычно им не пользуются, разве что по праздникам как роскошью. Женщинам, принадлежащим к этим социальным группам, приходится усердно работать, и для создания мнимой праздности им мало проку каждый день подвергать свое тело мучениям. Пользование этим приспособлением по праздникам вызвано подражанием канонам благопристойности более обеспеченных социальных групп. Среди представителей слоев, лежащих выше этого уровня с его бедностью и физическим трудом, корсет еще одно-два поколения назад был практически незаменимым атрибутом безупречного социального положения для любой женщины, включая самых богатых и почтенных. Это правило продержалось так долго потому, что еще не существовало обширного класса людей достаточно богатых, чтобы быть избавленными от подозрений в какой бы то ни было необходимости заниматься физическим трудом, и в то же время достаточно обширного, чтобы образовывать самостоятельную, изолированную социальную группу, многочисленность которой позволила бы создать особые правила поведения внутри группы, опирающиеся лишь на мнение, имеющее хождение среди представителей одного только своего класса. Но теперь уже сложился достаточно обширный праздный класс, обладающий таким богатством, что любые толки по поводу вынужденного занятия физическим трудом были бы пустой и малозначащей клеветой, и потому корсет в значительной мере вышел из употребления среди представительниц этого класса. Исключения из этого правила освобождения от корсета являются больше кажущимися, чем действительными. Они обнаруживаются среди богатых социальных групп в странах с низким уровнем промышленного производства — скорее архаичного, квазипромышленного типа, — а также среди нового пополнения состоятельных классов в более развитых промышленных общностях. Эти последние еще не успели отделаться от плебейских канонов вкуса и благопристойности, сохранивших от их прежнего, низшего и менее богатого сословия. Так, корсет еще нередко остается в употреблении среди представительниц высших социальных групп тех, к примеру, американских городов, которые быстро достигли расцвета за недавнее время. Корсет сохранялся на протяжении периода снобизма — если этим словом

пользоваться как специальным термином, то можно не бояться, что оно будет звучать одиозно, — временного интервала неопределенности и перехода от низшего уровня денежной культуры к более высокому. Иначе говоря, во всех странах, унаследовавших ношение корсета, оно сохраняется постольку, поскольку служит своему назначению в качестве знака почтенной праздности, доказывая физическую нетрудоспособность той, которая его носит. Разумеется, это же правило применимо и к другим уродливым уловкам, призванным умалить видимую работоспособность индивида.

Нечто подобное должно быть справедливо и в отношении различных статей демонстративного потребления, и что-то в этом роде, по-видимому, действительно до какой-то степени справедливо в отношении самых различных деталей одежды, особенно если такие детали сопряжены с явно выраженным неудобством или видимостью неудобства для носящего. В течение последних ста лет наблюдается ощутимая тенденция, особенно в развитии мужской одежды, к отказу от приемов расходования и от утомительной демонстрации знаков праздности, которые, возможно, в свое время и послужили разумному назначению, по сохранению которых в верхах в настоящее время было бы излишним рвением, как, например, ношение напудренных париков и золотых кружев, а также обычай постоянного бритья бороды и усов. В изысканном обществе наметился в последние годы некоторый незначительный возврат к бритью, но это, вероятно, является неразумным и преходящим подражательством внешнему виду, обязательному для личной прислуги, и вполне можно ожидать, что его ждет участь напудренных париков наших дедов.

На смену этим и другим способам, сходным с ними по той степени отчетливости, с которой они обращают внимание всякого наблюдателя на факт бесполезности, привычной лицам, к этим способам прибегающим, пришли другие, более изящные приемы выражения того же самого факта, приемы, являющиеся для натренированного глаза представителей того меньшего, избранного круга, расположения которого особенно добиваются, не менее очевидными. Прежний, более грубый способ саморекламы удерживал свои позиции то время, когда публика, чье внимание нужно было привлечь, составляла значительную массу населения, неподготовленного для различения тонких видоизменений в материальных доказательствах богатства и праздности. Когда становится достаточно многочисленным богатый слой общества, располагающий досугом для приобретения навыков в правильном истолковании тонких признаков, указывающих на расходы, приемы рекламы становятся более утонченными. Людям со вкусом «кричащая» одежда становится противна как вызывающая чрезмерное желание привлечь и поразить воображение простых людей с их не получившими специальных навыков чувствами. Для личности знатного происхождения существенно важным является то более явное уважение, которое оказывают ей представители ее же собственного класса. Как только богатые слои праздного класса оказываются настолько велики и контакты принадлежащего к праздному классу индивида становятся так широки, что образуют достаточное для цели обретения почта социальное окружение, возникает тенденция не включать низшие социальные слои в число тех людей, унижения или одобрения со стороны которых следует добиваться. Результатом всего это является усовершенствование методов, обращение к более утонченному изобретательству и одухотворение системы символики в одежде. А поскольку богатые верхи праздного класса задают тон в вопросах приличия, результатом в отношении остального общества тоже является постепенное коренное улучшение системы одежды. По мере того как общество становится богаче и культурнее, средства доказательства платежеспособности требуют от стороннего наблюдателя все более и более топкого различения. Вот это более тонкое различение средств рекламы является на самом деле очень важной составной частью денежной культуры на высшей ступени ее развития.

Глава VIII. Освобождение от производства и консерватизм

Жизнь человека в обществе точно так же, как жизнь других видов, — это борьба за

существование, а следовательно, это процесс отбора и приспособления. Эволюция общественного устройства явилась процессом естественного отбора социальных институтов. Продолжающееся развитие институтов человеческого общества и природы человека, как и достигнутый в этом плане прогресс, можно в общих чертах свести к естественному отбору наиболее приспособленного образа мысли и процессу вынужденного приспособления индивидов к окружению, постепенно изменяющемуся с развитием общества и социальных институтов, в условиях которых протекает человеческая жизнь. Социальные институты не только сами есть результат процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие или господствующие типы отношений и духовную позицию; они в то же время являются особыми способами существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений и, следовательно, в свою очередь выступают действенным фактором отбора. Так что изменение институтов ведет в свою очередь к дальнейшему отбору индивидов с наиболее приспособленным складом характера и к приспособлению привычек и темперамента отдельных людей к изменяющемуся вследствие образования новых институтов окружению.

Силы, под действием которых происходит формирование социального устройства, и развитие человеческого общества в конечном счете, безусловно, сводятся к взаимодействию живого организма с окружающей средой, но непосредственно для данного рассмотрения эти силы наилучшим образом могут быть объяснены условиями окружающей среды, частично общественной, частично природной, и самим человеком с его более или менее определенным физическим и духовным складом. Как правило, в совокупности своих черт такой человек не остается постоянным, в основном, конечно, под действием принципа сохранения при отборе отдельных благоприятных изменений. Отбором благоприятных изменений является, быть может, в значительной мере сохранение отдельных этнических типов. В истории развития любого общества, где население представляет собой смесь разных этнических элементов, в любой данный момент времени тот или иной из нескольких распространенных и относительно стабильных типов конституции и темперамента становится господствующим. Такая ситуация, включающая в себя действующие в данное, время социальные институты, будет благоприятствовать выживанию и господству того, а не иного типа характера; и тип человека, прошедшего такой отбор, для того чтобы далее развивать и продолжать унаследованные от прошлого институты, будет в какой-то существенной мере формировать эти институты по своему собственному образу и подобию. Однако, кроме такого отбора, который имеет место среди достаточно устойчивых черт характера и образа мысли, одновременно с ним, конечно, продолжается процесс отбора и приспособления образа мысли в пределах общей сферы склонности, характерных для господствующего этнического типа или типов. Отбор среди относительно устойчивых типов может вносить изменения в основные свойства характера любого населения, но существует также изменчивость из-за приспособления внутри этнического типа и благодаря отбору, происходящему среди конкретных, привычных взглядов относительно любого социального отношения или группы отношений.

Для нас, однако, вопрос о природе адаптивного процесса — является ли он прежде всего отбором среди устойчивых типов характера и темперамента или главным образом приспособлением образа мышления людей к изменяющимся обстоятельствам — оказывается менее важным, нежели тот факт, что так или иначе происходит изменение и развитие институтов. Институты должны меняться при изменении обстоятельств, так как по своей природе они представляют собой привычные способы реагирования на стимулы, которые создаются этими изменяющимися обстоятельствами. Развитие институтов есть развитие общества. Институты — это, по сути дела, распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций; и система жизни общества, которая складывается из совокупности действующих в определенное время или в любой момент развития какого угодно общества, может с психологической стороны быть охарактеризована в общих чертах как превалирующая

духовная позиция или распространенное представление об образе жизни в обществе. Что касается ее общего для людей свойства, эта духовная позиция, или теория образа жизни, сводится в конечном счете к широко распространенному типу характера.

Сегодняшняя обстановка формирует институты завтрашнего дня вследствие процесса принудительного отбора, действуя на привычные взгляды людей на вещи и таким образом изменяя или укрепляя точку зрения или духовную позицию, унаследованную от прошлого. Институты — другими словами, привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди, — наследуются, таким образом, от прежнего времени, времени более или менее далекого, но как бы то ни было они выработались в прошлом и унаследованы от него. Институты — это результат процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени. Такой процесс отбора и приспособления в силу его природы никогда не достигнет поступательно меняющуюся обстановку, в которой в какое-либо данное время находится общество, ибо окружение, обстановка, потребности общественной жизни, под действием которых происходит приспособление и проводится отбор, изменяются изо дня в день, и каждое последующее состояние общества, едва успев установиться, уже обнаруживает тенденцию к устареванию. Когда общество делает шаг вперед в своем развитии, сам этот шаг представляет собой изменение ситуации, требующее нового приспособления, он становится отправным моментом для нового шага в приспособлении, и так далее до бесконечности.

Следует отметить также, хотя, возможно, это будет скучной банальностью, что существующие в наши дни институты — принятая в настоящее время система общественной жизни — не совсем подходят к сегодняшней ситуации. В то же время привычный образ мышления людей имеет тенденцию продлевать свое существование неопределенно долго, кроме тех случаев, когда к его перемене принуждают обстоятельства. Эти таким образом унаследованные институты, этот образ мысли, точки зрения, настроя и способности ума, да и многое другое являются, следовательно, сами консервативным фактором. Это фактор социальной инерции, психологической инерции, консервативности.

Структура общества изменяется, развивается, приспособляется к изменяющейся обстановке лишь вследствие перемены в образе мысли некоторых социальных групп, или в конечном счете по причине изменения, происходящего в привычном образе мысли составляющих общность личностей. Эволюция общества является по существу процессом адаптации, происходящим под давлением обстоятельств в умах отдельных людей, уже больше не терпящих привычного образа мысли, сложившегося в прошлом при другом стечении обстоятельств и с ними сообразующегося. В данный момент нам не нужно придавать большого значения вопросу о том, является ли этот адаптивный процесс процессом отбора и выживания стабильных этнических типов или же процессом приспособления индивидов и передачей приобретенных черт по наследству.

Движение общества вперед состоит, главным образом с точки зрения экономической теории, в продолжающемся поступательном приближении к почти что точному «установлению внутренних отношений в соответствии с отношениями внешними»; однако такое соответствие никогда точно не устанавливается, так как «внешние отношения» подвержены постоянному изменению вследствие все продолжающихся изменений во «внутренних отношениях». Тем не менее степень приближения может быть большей или меньшей в зависимости от того, насколько гибко меняются «внутренние отношения». Перестройка образа мысли, подчиняясь острой необходимости, диктуемой измененной ситуацией, всякий раз производится людьми с опозданием и неохотно и лишь тогда, когда к тому принуждает ситуация, сделавшая принятые взгляды непригодными. Реорганизация институтов и привычных взглядов согласно изменившемуся окружению производится в ответ на давление извне, она по своему характеру является реакцией на побуждение к переменам. Гибкая и свободная реорганизация, т. е. способность социальной структуры развиваться, зависит, следовательно, в значительной мере от степени свободы, которую дает

отдельному члену общества обстановка в какой-либо данный момент времени, — от степени подверженности отдельных членов общества действию принудительных сил со стороны окружения. Если какая-то часть общества или какая-нибудь социальная группа в каком-либо существенном отношении не подвержена действию окружения, то взгляды и образ жизни этой части общества или этой социальной группы будут с большим опозданием приспособляться к изменению общей ситуации; до какого-то времени эта часть общества будет задерживать процесс его преобразования. В таком привилегированном положении в отношении экономических сил, направленных на изменение и реорганизацию, находится богатый праздный класс. И можно сказать, что силы, воздействующие на реорганизацию социальных институтов, особенно в современном промышленном обществе, являются в конечном счете почти всецело экономическими по своей природе.

Всякую социальную общность можно рассматривать как производственный или экономический механизм, структура которого складывается из того, что называется социально-экономическими институтами. Такими институтами являются привычные способы осуществления процесса общественной жизни в ее связи с материальным окружением, в котором живет общество. Когда в данной окружающей среде разработаны определенные способы развития человеческой деятельности, жизнь общества будет довольно легко находить свое выражение в этих привычных направлениях. Общество извлечет выгоду и использует в своих интересах силы окружающей среды согласно способам, которым оно научилось в прошлом и которые воплощены в его институтах. Однако, когда увеличивается численность населения и расширяются познания людей и их умение управлять силами природы, привычные средства установления отношений между членами социальной группы, а также привычный способ осуществления жизнедеятельности группы людей как целого не дают больше того же результата, что и прежде; а в результате различия в общественном положении членов общества изменяются или градация по общественному положению уже не имеет того значения, которое она имела раньше. Если система развития общественной жизни людей в прежних условиях давала — при определенных обстоятельствах — почти наивысший доступный результат в смысле эффективности и легкости осуществления жизнедеятельности группы, то при изменившихся условиях тот же не претерпевший изменений образ жизни не будет давать самого высокого результата, который может быть достигнут в этом отношении. При изменении численности населения, уровня навыков и знаний общественная жизнь, осуществляясь согласно традиционной схеме, может развиваться с не меньшей легкостью, чем при прежних состояниях общества, однако всегда существует вероятность, что она будет встречать больше препятствий, чем могла бы, если бы в эту схему были внесены изменения в соответствии с изменившимися условиями.

Группа складывается из индивидов, а жизнь группы — это жизнь индивидов, осуществляемая, по крайней мере внешне, каждым в отдельности. Принятый в группе образ жизни — это единодушные взгляды, которых придерживается основная масса индивидов, в отношении того, что такое хорошо, правильно, надлежаше и красиво в образе жизни людей. В результате перераспределения положения людей в обществе, происходящего от изменившегося способа обращения с явлениями окружающей среды, жизнь не становится одинаково более легкой для всех членов группы. Изменившиеся условия могут облегчить жизнь группе в целом, но перераспределение условий жизни будет приводить обычно к оскудению или усложнению жизни отдельных членов группы. Прогресс в способах производства, увеличение населения или улучшение организации промышленного производства будут требовать, по крайней мере от отдельных членов общества, изменения их привычного образа жизни, для того чтобы они могли стать частью измененной системы производства, и, изменяя свой привычный образ жизни, они будут не в состоянии жить на уровне общепринятых понятий о том, что такое правильный и красивый образ жизни.

Всякий человек, от которого требуется изменить образ жизни и привычные отношения с окружающими его людьми, будет ощущать расхождение между тем способом жизни,

который диктуется ему вновь возникшими потребностями, и традиционным, к которому он привык. Именно оказавшиеся в таком положении люди обладают самым живым стимулом к перестройке общепринятого образа жизни и с готовностью принимают новые жизненные стандарты; а в таком положении люди оказываются вследствие потребности в средствах к существованию. Давление, которое испытывает группа со стороны внешнего окружения, и стремление к перестройке образа жизни внутри группы возникает у ее членов в результате потребности в деньгах; и именно благодаря этому обстоятельству — тому, что внешние факторы большей частью переводятся в форму денежных или экономических потребностей, — именно благодаря этому обстоятельству мы можем сказать, что силы, которые имеют значение для реорганизации институтов в любой современной производственной общности, являются главным образом экономическими силами или, в более точной формулировке, эти силы принимают форму денежных затруднений. Реорганизация, подобная той, что здесь рассматривается, является по существу изменением во взглядах людей на все, что хорошо и правильно, а средства, которыми производится изменение в представлении о том, что хорошо и правильно, — это в значительной мере давление денежных потребностей.

Всякое изменение во взглядах людей на то, что хорошо и правильно в жизни человека, расчищает себе дорогу в лучшем случае лишь с опозданием. Особенно это справедливо в отношении всяких так называемых прогрессивных изменений, т. е. в направлении отклонения от архаичного состояния — состояния, которое можно считать отправным пунктом на любой ступени в социальном развитии общности. Регресс во взглядах, возвращение к той позиции, которая была в течение долгого времени привычной роду человеческому в прошлом, происходит легче. Это особенно справедливо в том случае, когда возникновение новой позиции происходило главным образом не из-за того, что этнический тип, замещая другой, покидает прежнюю позицию, чуждую его темпераменту.

Стадия развития культуры, которая непосредственно предшествует настоящему моменту истории западноевропейской цивилизации, — это то, что нами было названо квазимиролюбивой стадией. На этой квазимиролюбивой стадии господствующей чертой образа жизни является закон социального статуса. Нет необходимости разъяснять, сколь склонны современные люди вновь обращаться к духовной позиции господства и личного подчинения, которой эта стадия характеризуется. Скорее можно сказать, что закон статуса находится в неопределенном состоянии при современных экономических потребностях, а не был окончательно вытеснен образом мысли, полностью согласующимся с этими недавно выросшими потребностями. В истории жизни всех главных этнических групп, входящих в состав населения стран западноевропейской культуры, хищническая и квазимиролюбивая стадии экономического развития длились, видимо, долго. Поэтому темперамент и наклонности, свойственные этим стадиям развития, достигли такого постоянства, что сделали неизбежным возвращение к общим чертам соответствующего психологического склада любой социальной группы или общности, которая не попадает под действие сил, направленных на поддержание недавно сложившегося образа мысли.

Общеизвестен факт: когда отдельные личности или же большие группы людей отделяются от высокоразвитого промышленного общества и попадают в окружение, находящееся на более низком уровне развития, или помещаются в более примитивные по своему характеру экономические условия, то становится очевидным их быстрый возврат к тому духовному облику, которым отличается хищнический тип человека; и представляется вероятным, что европеец типа долихоблонда обладает большей способностью к такому возврату к варварству, чем другие взаимодействующие с ним в рамках западноевропейской культуры этнические элементы. История не столь давних переселений и колонизации изобилует примерами такого возврата в небольших масштабах. Если бы не боязнь оскорбить тот шовинистический патриотизм, который столь характерен для хищнической культуры и наличие которого в современных общностях является нередко самым ярким показателем регресса, то в качестве примера такого возврата в исключительно крупном масштабе можно

было бы привести американские колонии, даже если его проявления и не были всеобъемлющими.

Праздный класс в значительной мере находится в выгодном положении, не испытывая на себе давления тех экономических потребностей, которые господствуют в любом современном обществе с его высокоорганизованным промышленным производством. Потребности, выдвигаемые борьбой за средства к существованию, являются менее настоящими для этого класса, чем для любого другого; и в качестве следствия такого привилегированного положения праздного класса мы вправе ожидать, что он окажется одним из наименее податливых тем требованиям по дальнейшему развитию и реорганизации институтов, которые выдвигаются изменившейся производственной ситуацией. Праздный класс — это консервативный класс. Острые требования, выдвигаемые общей экономической ситуацией, сложившейся в обществе, не касаются его представителей. Для удовлетворения требований изменившейся производственной технологии они не должны под страхом лишений изменять свой образ жизни или свои теоретические воззрения на окружающий мир, так как они не являются в полном смысле органической частью производственной общности. Поэтому эти потребности не вызывают у представителей праздного класса той степени беспокойства по поводу существующего порядка, которое одно может заставить какую-либо группу людей отказаться от взглядов и способа существования, ставших для них привычными. Функция праздного класса в развитии общества — препятствовать движению, сохраняя то, что устарело. Это суждение отнюдь не ново, оно давно уже повторяется общественным мнением как избитое утверждение.

Широко распространенное мнение, что класс богатых по природе консервативен, стало общепринятым без малейшего содействия со стороны какой-либо теории, рассматривающей место и отношения этого класса в развитии общества. Когда дается толкование его консервативности, то обычно предлагается завистническое толкование: богатый класс противится нововведениям потому, дескать, что у него есть закрепленное законом право на собственность — недостойная материальная заинтересованность в сохранении существующих условий. Толкование, выдвигаемое здесь, не приписывает праздному классу никаких неподобающих мотивов. Сопrotивление переменам в системе развития общества является инстинктивным и не основывается прежде всего на корыстном подсчете материальных выгод; это инстинктивное отвращение, возникающее при любом отходе от общепринятого способа обращения с вещами и общепринятого взгляда на вещи, — отвращение, знакомое всем людям и преодолеваемое лишь под нажимом обстоятельств. Всякая перемена в образе жизни и образе мыслей вызывает раздражение. Разница, существующая в этом вопросе между богатыми и простыми представителями рода человеческого, заключается не столько в этом побуждающем к консервативности мотиве, сколько в степени подверженности действию экономических сил, вызывающих перемену. Представители богатого класса не так легко подчиняются требованию нововведения, как другие люди, потому что их ничто к этому не принуждает.

Такая консервативность столь явная черта праздного класса, что она даже стала считаться признаком почтенности. Поскольку консервативность является характерным признаком более богатой, а следовательно, почтенной части общества, она приобрела известную украшающую и наделяющую почетом значимость. Она стала до такой степени обязательной, что приверженность консервативным взглядам, принимается при наших понятиях о почтенности как нечто само собой разумеющееся; и она становится долгом всех, кто хотел бы, чтобы его жизнь была безупречной в глазах общества. Консервативность как характерная черта высших слоев соответствует внешним приличиям, а новаторство, наоборот, вульгарно, будучи явлением, присущим низам. Первым и крайне бездумным ощущением при том порицании и инстинктивном отвращении, с которым мы отворачиваемся от всяких преобразователей социального порядка, является именно это ощущение присущей делу вульгарности. Поэтому даже в тех случаях, когда признаются существенные достоинства того, за что выступает новатор, — а такое случается, если

пороки, которые он хочет излечить, достаточно далеки в плане времени, пространства или личного контакта, — человек сохраняет неизменное ощущение того, что новатор является лицом, связывать себя с которым по крайней мере некрасиво и от социального контакта с которым нужно устремляться. Новаторство — дурной тон.

То, что обычаи, действия и взгляды зажиточного праздного класса приобретают характер предписывающего канона поведения для остальной части общества, придает консервативному влиянию этого класса еще большую значимость и размах. Следовать им — обязанность, ложащаяся на плечи всех почтенных людей. В результате богатые слои, занимающие высокое положение в обществе, являясь самым воплощением добропорядочности, оказывают на развитие тормозящее действие, сильно превосходящее то влияние, которое определялось бы просто численностью класса. Предписывающий пример праздного класса способствует значительному усилению сопротивления всех других слоев общества, которое оказывается всякому нововведению, и закреплению привязанности людей к добрым, унаследованным от прошлого поколения институтам.

В том, что касается препятствий к усвоению обществом образа жизни, оказавшегося в большем согласии с потребностями времени, существует другой способ, которым праздный класс оказывает свое влияние. Этот второй способ направляющего действия со стороны верхов нельзя строго последовательно подвести под ту же категорию, что и инстинктивная консервативность и отвращение, питаемое к новому образу мысли, о которых только что говорилось; однако его вполне можно здесь рассматривать, так как у него есть с консервативным образом мысли то общее, что он стремится задержать введение нового и развитие социальной системы. Кодекс внешних приличий, условностей и обычаев, популярный в какой-то определенный момент времени среди определенного народа, в известной степени представляет собой органическое целое по своему характеру, так что любое ощутимое изменение в одном пункте системы влечет за собой если не перестройку всей системы во всех отношениях, то некоторое изменение или реорганизацию в других вопросах. Когда в системе производится перемена, касающаяся отдельного мелкого момента, то расстройство системы условностей, являющееся результатом этой перемены, может быть незаметным, но даже в таком случае можно с уверенностью сказать, что какое-то нарушение системы в целом, имеющее более или менее далеко идущие последствия, наступит. С другой стороны, если предпринимаемое преобразование требует упразднения или изменения в целом существующего института, имеющего в традиционной системе первостепенное значение, то сначала кажется, что в результате этого преобразования произойдет серьезное расстройство всей системы; становится ясным, что переустройство общества по новому образцу, принятому на вооружение в одном из главных элементов системы, было бы если и возможным, то, во всяком случае, трудным и мучительным процессом.

Чтобы понять трудности, связанные с такой коренной переменой в каком-либо одном признаке традиционного образа жизни, нужно только представить упразднение в любой стране с западноевропейской культурой института моногамного брака или системы установления родства по мужской линии, института частной собственности или теистической веры; или же предположить упразднение поклонения предкам в Китае, систему каст в Индии, рабство в Африке; или же в странах ислама — установление равенства между полами. Нет необходимости в каких-либо доводах, показывающих, что в любом из этих случаев расстройство системы принятых в обществе условностей было бы очень значительным. Чтобы произвести такого рода нововведение, требуются весьма глубокие изменения в других элементах системы, отличных от тех, на которые непосредственно распространяется нововведение. Отвращение, испытываемое при любом подобного рода нововведении, выливается, по существу, в неприятие чуждого образа жизни. Знакомым из повседневного опыта фактом является отвращение, испытываемое добропорядочными людьми при всяком отходе от общепринятых способов существования. Нередко можно слышать, как люди, раздающие в обществе полезные советы и указания, подчеркивают те далеко идущие пагубные последствия, от которых пострадало бы общество при таких

сравнительно малых переменах, как отделение от государства англиканской церкви, облегчение бракоразводного процесса, предоставление женщинам избирательных прав, запрещение производства и продажи алкогольных напитков, отмена или ограничение наследственных прав и т. д. Введение всякого такого новшества, говорят нам, «до основания потрясло бы общественное здание», «повергло бы общество в хаос», «подорвало бы основы морали», «сделало бы жизнь невыносимой», «разрушило бы установленный природой порядок» и т. д. Эти различные выражения гиперболичны, конечно, по своему характеру, однако они в то же время являются, как всякие преувеличения, свидетельством того, сколь сильно ощущается серьезность тех последствий, которые они призваны описать. Действие этих и им подобных нововведений по расстройству общепринятого образа жизни воспринимается как имеющее гораздо более серьезное значение, чем просто изменение отдельно взятого элемента из ряда всякого рода социальных устройств, производимых в интересах людей, живущих в обществе. То, что с такой очевидностью справедливо в отношении нововведений первостепенной важности, в меньшей степени справедливо и в отношении перемен, имеющих не столь непосредственное значение для общества. Отвращение к переменам есть по большей части отвращение к хлопотам по перестройке, необходимость которой вызовет любое конкретное изменение; и вот такая сплоченность системы институтов любой данной культуры или любого народа усиливает инстинктивное сопротивление, оказываемое всякой перемене в привычном образе мышления людей, даже в тех вопросах, которые сами по себе не имеют большого значения.

Вследствие такого усиленного нежелания перемен, а также в результате сплоченности социальных институтов каждое нововведение, прокладывая себе путь, требует больших затрат нервной энергии, чем было бы необходимо в противном случае. Дело не только в том, что перемены в установившемся образе мысли внушают неприязнь. Процесс перестройки общепринятого представления о жизни требует известных умственных усилий — усилий более или менее длительных, — чтобы сориентироваться и не растеряться в изменившихся обстоятельствах. Этот процесс делает необходимым определенный расход сил и предполагает для его успешного осуществления приложение дополнительных усилий сверх тех, что поглощаются в ежедневной борьбе за средства существования. Отсюда следует, что недоедание и чрезмерно тяжелая физическая работа мешают прогрессу ничуть не меньшим образом, чем роскошная жизнь, которая исключает всякое недовольство уже тем, что не дает к нему ни малейшего повода. Люди нищенски бедные и те, чьи силы поглощает повседневная борьба за пропитание, консервативны потому, что не могут позволить себе позаботиться о послезавтрашнем дне; точно так же, как очень богатые люди консервативны потому, что у них мало оснований быть недовольными той ситуацией, какая имеется на сегодняшний день.

Из этого утверждения очевидно, что институт праздного класса способствует тому, чтобы низы стали консервативными, лишая их, насколько возможно, средств к существованию и уменьшая таким образом их потребление, а следовательно, и потенциальную энергию до такой степени, что они становятся неспособными к напряжению, требующемуся, чтобы научиться новому образу мысли и усвоить его как привычку. Скопление богатства на верхних ступенях социально-денежной лестницы предполагает лишения на более низких ступенях. Хотя это утверждение банально, но значительные лишения среди массы народа, где бы это ни имело место, являются серьезным препятствием нововведению.

Такое тормозящее действие неравного распределения богатства подкрепляется косвенным действием, стремящимся к тому же результату. Как мы уже видели, предписывающий пример, который подается праздным классом в укреплении канонов почтенности, питает обычай демонстративного потребления. Широкое распространение демонстративного потребления в качестве одного из элементов нормы приличия среди всех слоев общества нельзя, конечно, всецело усматривать в примере, который подает праздный класс. Требования благопристойности в этом вопросе очень существенны и настоятельны,

так что даже среди классов, чье денежное положение достаточно крепко, чтобы допустить значительное потребление товаров сверх прожиточного минимума, остаток средств, имеющийся в распоряжении после удовлетворения наиболее настоятельных материальных потребностей, весьма часто отвлекается на демонстративное потребление, а не на дополнительные материальные или духовные блага. Более того, имеющиеся в наличии излишки энергии также, скорее всего, тратятся на приобретение товаров для демонстративного потребления или демонстративного накопления. В итоге требования денежной почтенности имеют тенденцию (1) оставить лишь скудный прожиточный минимум для сферы недемонстративного потребления и (2) поглотить всякий избыток энергии, которая может иметься в распоряжении после обеспечения чисто физических жизненных нужд. В результате укрепляется общая консервативная позиция. Институт праздного класса задерживает развитие общества непосредственно (1) по инерции, свойственной самому классу; (2) собственным примером давая установку на демонстративное расточение и консервативность; а также косвенно (3) через посредство той системы неравного распределения благосостояния и средств к существованию, на которой покоится сам институт.

К этому следует добавить, что у праздного класса есть и материальная заинтересованность в том, чтобы все оставалось так, как есть. При обстоятельствах, получающих широкое распространение в какой-либо конкретный момент времени, этот класс оказывается в привилегированном положении, и при всяком отходе от существующего порядка можно ожидать нанесения ущерба именно ему, а не наоборот. Позицию праздного класса как просто выражающую влияние его классового интереса поэтому вполне нужно было бы оставить в покое. Корыстный мотив, заключающийся в материальной заинтересованности, занимает свое место в качестве дополнения сильных инстинктивных пристрастий класса, таким образом делая его влияние еще более консервативным, чем это могло бы быть в противном случае.

Все это, конечно, не суть восхваления или осуждения функции праздного класса как экспоненты, как носителя консервативности или регресса в социальном устройстве. Его тормозящее действие может быть благотворным или наоборот. Является ли оно благотворным или неблаготворным в каждом конкретном случае — это вопрос казуистики, а не общей теории. Может быть, и есть доля истины в позиции (как вопросе политики), так часто выражаемой представителями консервативного слоя, считающими, что без такого существенного и последовательного противления введению нового, какое оказывают консервативные зажиточные классы, социальное новаторство и эксперимент быстро привели бы общество в неприемлемое и невыносимое состояние, единственным возможным исходом которого была бы реакция недовольства, грозящая катастрофой. Тем не менее все это не имеет прямого отношения к предмету обсуждения.

Однако — оставляя в стороне всякое осуждение и вопрос относительно необходимости такого сдерживания безрассудных социальных нововведений — праздный класс неизбежно и последовательно тормозит процесс приспособления к окружающей среде, который называется продвижением общества или социальным развитием. Позицию, характерную для праздного класса, можно кратко выразить в афоризме: «Все, что ни есть, все правильно», тогда как закон естественного отбора в приложении к социальным институтам подводит к аксиоме: «Все, что ни есть, все неправильно». Не то чтобы современные институты были совершенно неподходящи для современного общества, но они всегда и неизбежно в той или иной степени не соответствуют ему по своему назначению. Они являются результатом до некоторой степени неполного приспособления системы общественной жизни к экономической ситуации, существовавшей в какой-то момент развития в прошлом; и поэтому погрешность в степени их приспособленности несколько больше того промежутка, который отделяет настоящую ситуацию от прошлой. «Правильно» и «неправильно» употребляются здесь, не выражая, конечно, никаких соображений по поводу того, чему должно или чему не должно быть. Эти слова употребляются просто с эволюционной

(нейтральной по отношению к морали) точки зрения с намерением обозначить совместимость или несовместимость с результативным эволюционным процессом. Институт праздного класса в силу классового интереса, инстинкта, а также наставлением и личным примером стремится увековечить существующее несоответствие социальных институтов и даже благоприятствует возврату к несколько более архаичному образу жизни общества, к системе, которая находилась бы в еще большем несоответствии с потребностями общества в существующей ситуации, нежели общепризнанная устаревшая система, унаследованная от недавнего прошлого. Однако теперь, когда все сказано по части сохранения старых добрых порядков, вернемся к тому остающемуся справедливым факту, что институты изменяются и развиваются. Происходит совокупное развитие обычаев и образа мысли, приспособление и отбор принимаемых обществом условностей и способов существования. Кое-что следует сказать о функции праздного класса в деле направления этого развития, а также в его торможении, однако здесь мало что можно добавить о его связи с развитием институтов, кроме как то, что касается институтов, являющихся непосредственно экономическими и прежде всего экономическими по своему характеру. Эти институты — экономическую структуру общества — можно грубо обособить в два класса, или категории, согласно тому, какой из двух различных целей экономического развития общества они служат.

Следуя классической терминологии, можно сказать, что это либо институты приобретения, либо институты производства; или, возвращаясь вновь к терминам, употреблявшимся в различной связи в начальных главах, это институты финансовые либо производственные; или же еще в других терминах они являются институтами, отвечающими либо завистническому, либо независтническому интересу. Одна категория имеет отношение к «бизнесу», другая — к промышленности, понимая это слово в его техническом смысле³⁸. Последняя категория не воспринимается иногда в качестве институтов, большей частью по той причине, что они не касаются непосредственно правящего класса, а поэтому редко являются предметом законодательства или зрелого общественного договора. Когда же им уделяется внимание, то подход к ним осуществляется с финансовой стороны, или с позиции бизнеса, причем в наше время это та сторона или тот аспект экономической жизни, которая главным образом и занимает умы людей, в особенности являясь предметом размышлений верхних слоев. В делах экономических эти слои мало заинтересованы в чем-либо, кроме бизнеса, тогда как на них главным образом и возлагается обязанность обдумывать положение дел в обществе.

Отношение праздного (т. е. имущего непроизводственного) класса к экономическому процессу является денежным отношением — отношением стяжательства, а не производства, эксплуатации, а не полезности. Косвенным образом его экономическая функция может, конечно, иметь крайне важное значение для процесса экономической жизни общества, и мы отнюдь не намерены приуменьшать экономическую роль имущего класса или «капитанов индустрии». Наша цель просто разъяснить, какова природа отношения, в котором находятся эти классы к процессу производства и экономическим институтам. Их функция является по своему характеру паразитической, а их интерес заключается в том, чтобы обращать все, что только можно, себе на пользу, удерживая все, что попадает под руку. Обычаи мира бизнеса сложились под направляющим и избирательным действием законов хищничества или паразитизма. Это обычаи собственности, производные, более или менее отдаленные, от древней хищнической культуры. Однако современной экономической ситуации эти финансовые институты никак не соответствуют, ибо они сложились в экономических условиях прошлого, условиях, несколько отличающихся от настоящего момента. Они не соответствуют своему назначению, как могли бы соответствовать, даже по своей эффективности в денежном плане. Изменение производственных условий требует

---

³⁸ Уточнение автора вызвано полисемией английского слова *industry*, имеющего значение «трудолюбие». — *Прим. перев.*

измененной системы приобретения; и финансовые слои имеют известную заинтересованность в приспособлении финансовых институтов к тому, чтобы те давали наилучший результат в приобретении ими частной прибыли, способствующей продолжению производственного процесса, в ходе которого эта прибыль возникает. Отсюда более или менее последовательное стремление праздного класса направлять развитие институтов по тому пути, который бы отвечал денежным целям, формирующим экономическую жизнь праздного класса.

Влияние денежного интереса и привычной денежной психологии на развитие институтов видно в тех законодательных актах и принятых в обществе соглашениях, которые направлены на защиту собственности, приведение в исполнение договоров, удобство осуществления финансовых операций, закрепление имущественных прав. Сюда относятся перемены в законодательстве, касающиеся банкротства и ликвидации имущества, ограниченной ответственности, банковских и валютных операций, коалиций рабочих или работодателей, трестов и картелей. Оснащение общества такого рода институтами имеет огромное непосредственное значение только для имущих классов и находится в прямой зависимости от размера собственности; иначе говоря, в прямой зависимости от того, насколько эти слои общества вписываются в категорию праздного класса. Однако косвенно эти соглашения в сфере бизнеса имеют самое серьезное значение для процесса производства и для образа жизни общества. И финансовые слои, направляя в этом отношении развитие институтов, служат какому-то назначению, имеющему для общества самое важное значение не только в сохранении принятой системы общественной жизни, но также придавая определенную форму собственно производственному процессу.

Ближайшей целью такой финансово-институциональной системы и ее улучшения является усиление возможности мирной и организованной эксплуатации, но ее действие в отдаленной перспективе распространяется гораздо дальше этой непосредственной цели. Мало того, что требующее меньших усилий руководство бизнесом предоставляет возможность для более спокойного течения производства и внепроизводственной жизни; устранение в результате этого беспорядков и осложнений, требующих проявления проницательности и умения разбираться в повседневных делах, способствует тому, что участие самого денежного класса становится излишним. Без «капитана» можно обойтись, коль скоро денежные сделки сводятся к формальности. Такой итог, безусловно, возможен пока лишь в неопределенном будущем. Сложившиеся в современных институтах усовершенствования, выгодные для денежного интереса, имеют тенденцию к замене еще в одной области «капитана» на «бездушную» акционерную корпорацию и таким образом способствуют тому, чтобы без важнейшей функции праздного класса, функции обладания собственностью, можно было обойтись. Косвенным образом, следовательно, то направление, которое придает развитию экономических институтов влияние праздного класса, имеет очень большое производственное значение.

Глава IX. Сохранение архаических черт

Институт праздного класса оказывает свое действие не только на строение общества, но также на характер отдельного его члена. Как только проявление какой-то конкретной склонности или выражение определенной точки зрения получает признание, становясь официальной нормой или образцом в общественной жизни, эта точка зрения начинает влиять на характер членов общества, принявшего ее в качестве нормы. Она будет до некоторой степени формировать их образ мысли, подчиняя себе развитие человеческих способностей и наклонностей и выступая фактором отбора. Частично такое влияние происходит из-за вынужденной адаптации при воспитании и обучении, частично — путем устранения в процессе отбора неприспособленных индивидов и генеалогических линий. Тот человеческий материал, который не годится для существования по тем способам, которые навязываются общепринятой системой жизни, подвергается как подавлению, так и до некоторой степени

элиминации³⁹. Принципы денежного соперничества и освобождения от производства, таким образом, возводятся в каноны жизни общества и становятся достаточно важными факторами принуждения в той ситуации, к которой людям приходится приспосабливаться.

Два общих принципа, принцип демонстративного расточения и принцип освобождения от производства, воздействуют на развитие общества и тем, что направляют образ мысли, определяя таким образом развитие институтов, и тем, что сохраняют при отборе отдельные свойства человеческой натуры, способствующие ведению жизни по замыслу праздного класса, определяя таким путем реальный характер общества. Непосредственная тенденция воздействия института праздного класса на формирование человеческого характера направлена на сохранение пережитков и обращение вспять духовного развития. Это воздействие на характер общества является по своей природе закрепощением духовного развития. В современной культуре особенно институт праздного класса обладает, в общем и целом, тенденцией к консервативности. Сущность этого утверждения достаточно знакома, однако многим оно может показаться чем-то новым в его настоящем приложении. Поэтому даже с риском скучного повторения и изложения банальностей, возможно, не будет неуместным краткое рассмотрение его логических оснований.

Социальная эволюция — это процесс отбора и приспособления темперамента и образа мышления, происходящий под нажимом обстоятельств, складывающихся при жизни в сообществе. Приспособление образа мышления людей — это развитие социальных институтов. Но наряду с развитием институтов происходила более существенная по своему характеру перемена. При изменившихся потребностях, диктуемых складывавшейся ситуацией, изменялись не только сами привычки людей — эти изменившиеся обстоятельства вызывали соответствующую перемену в человеческой природе. При изменении условий жизни изменяется человеческий материал, из которого состоит общество. Такое изменение человеческой природы считается современными этнологами процессом отбора среди нескольких относительно стабильных и распространенных этнических типов или этнических элементов. Люди имеют тенденцию более или менее точно воссоздавать или воспроизводить в потомстве тот или иной из постоянных типов человеческой природы, закрепленных в чертах их характера; такое воспроизведение происходит в близком соответствии с ситуацией в прошлом, которая отличается от сегодняшней. Существует несколько таких относительно стабильных этнических типов, входящих в состав населения в странах западноевропейской культуры. При воспроизведении наций эти этнические типы сохраняются сегодня не в твердых и неизменных формах единого, точного и им только присущего образца, но в виде большего или меньшего числа вариантов. Известная изменчивость⁴⁰ этнических типов имела место в результате процесса продолжительного отбора, которому подвергались некоторые типы и их комбинации на протяжении всех этапов развития культуры.

Этому неизбежному видоизменению самих типов, происходившему благодаря довольно длительному процессу отбора, не уделялось достаточного внимания авторами, обсуждавшими выживание этнических элементов. Наше изложение касается двух основных разновидностей человеческой природы, получающихся в результате того сравнительно недавнего процесса отбора и адаптации, который имел место среди этнических типов, объединенных рамками западноевропейской культуры. При этом основной интерес представляет собой возможное влияние современной ситуации на дальнейшую изменчивость

---

³⁹ Под термином «элиминация» вслед за К. А. Тимирязевым и Л. Морганом (L. Morgan) следует понимать ту сторону дарвиновской борьбы за существование, которая заключается в действии вредных влияний окружения на добывание средств к существованию и на размножение, что приводит к известному угнетению индивида (или нескольких поколений, т. е. генеалогической линии), к повышенной смертности. В широком смысле слова «элиминация» — устранение от жизни. — *Прим. перев.*

⁴⁰ Изменчивость (variation) и наследственность выступают в теории Дарвина как две стороны выражения преемственности форм в процессе воспроизведения вида. — *Прим. перев.*

по одному или другому из двух различных направлений, проявившихся в этих разновидностях.

Позицию, занимаемую в этом вопросе этнологией, можно резюмировать кратко; и список типов и их вариантов, а также вопросы, связанные с их выживанием и атавистическими явлениями, дабы избежать всяких, кроме разве что самых необходимых, подробностей, представлены здесь со схематической скупостью и упрощенностью, которые были бы недопустимы для всякой другой цели. Человек наших производственных общностей имеет тенденцию воспроизводиться близко к тому или другому из трех основных этнических типов: долихоблонду, брахицефалу и средиземноморскому типу, — оставляя без внимания мелкие и лежащие за пределами нашей культуры элементы. Однако в пределах каждого из этих основных этнических типов наблюдается тенденция возврата к одному или другому из по меньшей мере двух основных направлений изменчивости: миролюбивому, или дохищническому, варианту и хищническому. В каждом случае первый из этих двух вариантов ближе к своему типу в том виде, в каком тип существовал на самой ранней стадии жизни в сообществе, судя по имеющимся свидетельствам, археологическим или основанным на психологии; такой вариант выступает атавистическим представителем типа. Первый вариант понимается как представитель предков существующего цивилизованного человека, относящихся к миролюбивой фазе дикарства, которая предшествовала хищнической культуре, системе, основанной на статусе, и развитию денежного соперничества. Второй, или хищнический, вариант типов берется в качестве пережитка не столь давней модификации основных этнических типов и их комбинаций — модификаций основных этих типов, происходившей главным образом при отборе и адаптации, в жестких условиях хищнической культуры и соперничества на современной стадии развития общества, или на стадии собственно денежной культуры.

По общепризнанным законам наследственности, могут встречаться пережитки более или менее далеких фаз развития в прошлом. В обычном, среднем случае, даже если тип изменяется, его отличительные признаки передаются почти в том же виде, в каком они были в недавнем прошлом — которое можно назвать «унаследованным настоящим». Для целей настоящего рассмотрения можно считать, что «унаследованное настоящее» представлено поздней хищнической и квазимиролюбивой культурой.

Современный человек имеет тенденцию воспроизводиться близко именно к этому варианту человека, характерному для недавней — еще существующей в наследственности — хищнической или квазихищнической культуры. Это утверждение требует уточнения в том, что касается потомков зависимых или угнетенных классов времен варварства, однако необходимое уточнение, вероятно, ив так важно, как могло бы показаться на первый взгляд. Если рассматривать население как целое, то представляется, что этот хищнический, сопернический вариант не достиг широкого распространения или высокой стабильности. Другими словами, свойства человеческой природы, унаследованные западным человеком, вовсе не являются единообразными в отношении различных склонностей и способностей, их сферы действия и относительной силы. Человек «унаследованного настоящего» немного архаичен в том смысле, что он не соответствует самым последним требованиям, выдвигаемым жизнью в сообществе. И тот тип, к которому главным образом, вероятно, возвращается под действием закона изменчивости современный человек, — это тип несколько более архаичной природы. С другой стороны, если судить по атавистическим признакам, проявляющимся у тех лиц, которые отличаются от общераспространенного хищнического типа темперамента, дохищнический вариант обладает, видимо, большей стабильностью и более равномерным распределением или удельным весом составляющих данный темперамент элементов. Такое расхождение свойств человеческой природы при наследовании, как то, что существует между начальными и более поздними вариантами того этнического типа, который достаточно точно воспроизводится в конкретном индивидуе, затемняется аналогичным расхождением между двумя-тремя основными этническими типами, которые составляют население западных стран. Считается, что практически каждый

человек из населения этих стран представляет собой гибрид широко распространенных этнических элементов, которые могут быть представлены в нем в самых различных пропорциях, в результате чего наблюдается тенденция возврата к тому или иному из составляющих этнических типов. Эти этнические типы отличаются друг от друга по темпераменту в какой-то степени подобно тому, как отличаются друг от друга хищнический и дохищнический варианты любого этнического типа; причем долихоблонд обнаруживает больше свойств, характерных для хищнического темперамента, — или по крайней мере большую расположенность к применению силы, — чем брахицефал; сравнительно мало хищнических качеств у средиземноморского типа. Когда в развитии институтов или действенного общественного мнения в данном обществе обнаруживается расхождение с хищнической природой человека, нельзя, следовательно, сказать с уверенностью, что такое расхождение указывает на возрождение дохищнического варианта. Атавистический возврат к этому варианту может быть обусловлен все большим преобладанием того или иного из «низких» этнических элементов. И все же, хотя и нет достаточно убедительных доказательств тому, что различия в темпераментах, оказывающих действие на состояние современных — сообществ, обусловлены не только отбором среди устойчивых этнических типов, этот отбор, видимо, является в некоторой ощутимой мере отбором между их хищническими и миролюбивыми вариантами.

Такое представление о современном этапе эволюции человека не является единственно возможным для данного обсуждения. Общие выводы, достигнутые с использованием таких представлений об отборе и адаптации, в сущности, остались бы справедливыми, если бы термины и понятия были заменены прежними терминами Дарвина и Спенсера. При данных обстоятельствах в употреблении терминов допустима известная свобода. Слово «тип» употребляется вольно и обозначает разновидность темперамента, которую этнологи, возможно, посчитали бы лишь тривиальным вариантом, а не выраженным этническим типом. Во всех случаях, когда более подробные различия представляются для рассмотрения существенными, стремление провести такие различия будет явствовать из контекста.

Современные этнические типы являются, стало быть, вариантами первобытных расовых типов. Пройдя через; школу варварства, они претерпели изменение и достигли известной устойчивости в их измененном виде. Современный человек — это варварский, либо плебейский, либо аристократический вариант представленных в нем этнических элементов. Но этот варварский вариант не достиг наивысшей степени гомогенности или стабильности. Культура варварства — хищническая и квазимилолюбивая стадии развития общества, — несмотря на ее большую абсолютную протяженность во времени, не была ни достаточно продолжительной, ни достаточно неизменной по своему характеру, чтобы придать этому варианту полную устойчивость. С известной частотой происходят отклонения от человеческой природы варварского склада, и в наши дни эти случаи изменчивости становятся заметнее, потому что условия жизни современного общества уже больше не направлены на последовательное подавление всяких отходов от того, что является нормой для культуры варварства. Хищнический темперамент проявляется не во всех аспектах жизни современного общества, и менее всего — в современном производстве.

Отступления от унаследованных от варварства свойств характера у современного человека очень часто носят характер возврата к еще более раннему варианту типа. Этот ранний вариант представлен темпераментом, характеризующим первобытную фазу миролюбивого варварства. Обстоятельства жизни и направление усилий, господствовавшие до пришествия культуры варварства, сформировали характер человека и закрепили в нем некие существенные черты. И именно к этим древним, родовым чертам современные люди склонны возвращаться вновь в том случае, когда человеческая натура «унаследованного настоящего» подвергается изменчивости. Условия, в которых жили люди на самых ранних, первобытных стадиях жизни в сообществе — жизни, которую, собственно, уже можно называть общественной, — были, видимо, мирными условиями; и характер — темперамент, духовная позиция — людей в этих начальных состояниях окружающей среды и институтов

был, видимо, миролюбивого, неагрессивного, чтобы не сказать ленивого, склада. В целях непосредственного изложения эту миролюбивую стадию культуры можно принять в качестве фазы, знаменующей начало развития общества. В той мере, в какой это касается настоящего изложения, отличительным психологическим качеством в такой гипотетической начальной фазе развития культуры явилось, видимо, бессознательное, не находившее словесного выражения чувство групповой сплоченности, широко выражавшееся в самодовольном, но никак не деятельном расположении ко всему, что представляло собой благоприятные условия для общественной жизни, а также выражавшееся в болезненном отвращении ко всему, что могло подавлять жизнедеятельность или препятствовать продолжению рода. Благодаря своему вездесущему проникновению в образ мышления дикаря дохищнической стадии такое распространенное, но слабое представление о пользе для всех возымело, видимо, заметное действие на образ жизни дикаря и на то, каким образом осуществлялись его привычные взаимоотношения с другими членами группы.

Следы этой начальной, мирной фазы развития недифференцированного общества кажутся слабыми и сомнительными, если мы будем обращать внимание только на те категоричные свидетельства ее существования, которые предоставляются обычаями и взглядами, бытующими в культурных или невежественных общностях в настоящее время; менее сомнительными доказательствами факта ее существования следует считать психологические следы, сохранившиеся в виде распространенных черт человеческого характера. Эти черты в особенной, может быть, степени сохраняются среди тех этнических элементов, которые на протяжении хищнического этапа развития культуры вытеснялись на второй план. Черты, соответствовавшие прежнему образу жизни, в борьбе индивидов за существование стали затем относительно бесполезными. И те элементы населения или те этнические группы, которые по темпераменту были менее приспособлены к хищническому образу жизни, подавлялись и отодвигались на второй план.

При переходе к хищнической культуре в некоторой степени переменялся характер борьбы за существование: борьба группы против естественного окружения сменилась борьбой против окружения социального. Эта перемена сопровождалась усилением вражды между отдельными членами группы. В какой-то мере изменились как условия, необходимые для достижения успеха внутри группы, так и условия выживания группы; и духовная позиция, господствовавшая в группе, постепенно изменялась, приводя в состояние узаконенного господства в общепринятом образе жизни иное направление способностей и склонностей. Среди тех архаических черт, которые следует считать сохранившимися следами миролюбивой фазы развития общества, находится тот институт человеческой солидарности, который мы называем совестью и который включает в себя представление о правильности и справедливости, а также инстинкт мастерства в его наивном, завистническом выражении.

Руководствуясь современной биологической наукой и психологией, мы должны будем переформулировать понятие человеческой природы в терминах привычек; и при такой переформулировке станет ясно, что привычка является — в общих чертах — единственным понятием, к которому можно отнести указанные черты и в чем можно усматривать их основу. Эти составляющие образ жизни привычки являются слишком всеохватывающими по своему характеру, чтобы приписывать их распространение какому-либо позднему или кратковременному влиянию. Легкость, с которой они на время подавляются острыми требованиями, выдвигаемыми современной жизнью, говорит лишь о том, что эти привычки являются сохраняющимися признаками культуры крайне древнего времени и от принципов этой культуры люди нередко вынуждены в частностях отходить при изменившихся обстоятельствах более позднего времени; а то, что эти черты дают о себе знать едва не повсеместно, как только ослабляется давление особых потребностей, доказывает, что процесс их закрепления в психологическом складе конкретного этнического типа длился, должно быть, очень долгое по сравнению с другими процессами время и без серьезных перерывов. Вопрос о том, являлся ли он процессом привыкания в устарелом смысле этого

слова или процессом отбора и адаптации человеческой расы, не затрагивает серьезным образом сути дела.

Характер и потребности общественной жизни при том режиме статуса и противопоставленности друг другу отдельных людей и классов, который распространяется на весь промежуток времени от начала становления хищнической культуры до настоящего момента, подтверждаются, что являющиеся здесь предметом нашего обсуждения свойства темперамента едва ли могли бы возникнуть и закрепиться в течение этого промежутка времени. Вполне возможно, что эти черты были унаследованы от прежнего способа жизни общества и что они не были выработаны и закрепились более поздней хищнической и квазимиролюбивой культурой, а скорее сохранялись на протяжении указанного промежутка времени и продолжают сохраняться, находясь на грани неминуемого подавления. Они представляются наследственными признаками расы и, видимо, продолжают свое существование, несмотря на изменившиеся условия, требующиеся для достижения успеха на хищнической и более поздних стадиях развития денежной культуры. Они сохраняли свое существование, видимо, в силу сильной наследуемости, которой обладает тот или иной признак, присутствующий в той или иной мере в каждом представителе вида; таким образом, наследование этих черт обусловлено общими факторами поддержания целостности человеческой расы.

Такой общечеловеческий признак не устраняется полностью даже при столь длительном процессе строгого отбора, которому подвергались рассматриваемые здесь черты на хищнической и квазимиролюбивой стадиях. Эти миролюбивые черты большей частью чужды системе и духу варварства. Яркой характерной особенностью культуры варварства является непрестанное соперничество, вражда между классами и отдельными людьми. Такие условия соперничества благоприятствуют тем индивидам и тем генеалогическим линиям, которые в относительно малой степени обладают миролюбивыми чертами дикарства. Таким образом, наблюдается тенденция к устранению этих черт; и в тех народностях, которые жили в условиях соперничества, они явно были существенно ослаблены. Даже там, где за несообразность с типом темперамента, свойственным варвару, не приходится расплачиваться дорогой ценой жизни, в результате в любом случае происходит подавление, более или менее последовательное, несообразующихся индивидов и генеалогических линий. Там, где жизнь в значительной мере является борьбой между индивидами внутри группы, обладание древними миролюбивыми чертами будет мешать человеку в его борьбе за существование.

На любом из известных этапов развития культуры, отличных от указанной здесь предположительной начальной фазы, на более поздних, такие качества, как добродушие, справедливость и сочувствие ко всем людям, не способствуют существенным образом жизни индивида. Обладание ими, может быть, и служит защитой от нелюбезного обращения со стороны большинства людей, идеал которых настоятельно требует наличия в обыкновенном человеке малой толики таких компонентов; но, если не считать такого косвенного, позитивного следствия одаренности этими качествами, оказывается, что, чем их меньше у индивида, тем ему лучше живется в условиях соперничества. Необремененность сомнением, сочувствием, честностью и уважением к жизни других людей, можно сказать, в довольно широких пределах способствует преуспеванию индивида в условиях денежной культуры. Во все времена люди, добившиеся очень большого успеха, относились обычно к этому типу — речь, конечно, идет об успехе, выражавшемся в богатстве или власти. Что же касается честности, то она лишь в ограниченных пределах, да и то только в некоем пиквикианском смысле, является лучшей политикой.

Учитывая обстоятельства, при которых складывалась жизнь современного цивилизованного общества в любой просвещенной стране западноевропейской культуры, склад характера первобытного дикаря дохищнической стадии, который мы попытались в общих чертах обрисовать выше, не получил большого распространения. Даже для той гипотетической культуры, которой этот тип человеческого характера обязан своей стабильностью — для миролюбивой первобытной общины, — такой первобытный человек

имеет почти столько же и почти таких же явных недостатков в экономическом отношении, как и достоинств, что должно быть ясно любому человеку, чье понимание данного вопроса не оказывается предвзятым из-за рождаемой родственным сочувствием снисходительности. В лучшем случае это — «хитрый, ни на что не годный парень». Недостатками этого предположительно первобытного типа характера являются безволие, беспомощность, отсутствие инициативы и изобретательности, а также уступчивое и ленивое добродушие вместе с живым, но не существенным чувством враждебности. Наряду с этими чертами выступают некоторые другие, имеющие в процессе коллективной жизни ценность в том смысле, что они способствуют облегчению жизни в группе. Этими чертами являются правдивость, миролюбие, добрая воля и несоперническая, независтническая заинтересованность в людях и вещах.

Когда общество вступает в хищническую стадию, для достижения успеха становятся необходимыми другие свойства человеческого характера. Новый строй общественных отношений выдвигает новые требования, с которыми люди должны соотносить свой образ жизни. Теперь нужно, чтобы та энергия, которая ранее реализовывалась в указанных чертах дикарского образа жизни, находила бы выход в новой линии поведения, в новом наборе привычных реакций на изменившиеся стимулы. Система, которая с точки зрения создания благоприятных для жизни условий при прежних обстоятельствах была в известной мере подходящей, уже не отвечает новым требованиям. Прежняя ситуация характеризовалась сравнительно малым наличием антагонизма или расхождения интересов, а ситуация, сложившаяся позже, — соперничеством, постоянно сопровождающимся возрастанием по силе и сужением по сфере своего действия. Черты, характеризующие хищническую и последующие стадии развития культуры и служащие признаками тех типов человека, которые лучше всего пригодны для выживания при режиме статуса, — это (в их первичном выражении) жестокость, эгоизм, приверженность к своему клану, небесхитрость, агрессивность и коварство — свободное обращение к силе и обману.

В условиях сурового и продолжительного режима соперничества эти личные качества приобрели достаточно выраженное господство в результате лучшего выживания этнических элементов, наделенных ими наиболее щедро. В то же время приобретенные ранее, в большей степени присущие всей человеческой расе нравы всегда были так или иначе полезны для жизни коллектива и неизменно находили то или иное выражение.

Стоит, может быть, обратить внимание читателя на тот факт, что «долихоблондический» тип европейца, видимо, обязан своим господствующим положением в современном обществе именно тем качествам, которые были характерны для человека на хищнической стадии и которыми он обладает в изрядной степени. Эти духовные черты вместе с наделенностью большой физической энергией — которая, вероятно, сама является результатом отбора среди групп и генеалогических линий — главным образом и способствуют приведению любого этнического элемента в положение праздного класса или класса-хозяина, особенно на ранних фазах развития института праздного класса. Это не обязательно означает, что точно такой же набор способностей у всякого отдельного человека всегда гарантировал бы ему выдающийся личный успех. В условиях соперничества для достижения успеха отдельным человеком не обязательно требуются те же условия, что и для преуспевания социальной группы. Успех социальной группы или партии предполагает наличие сильной приверженности своей группе или партии, преданности вождю или верности догмату, тогда как соперничающий индивид скорее достигнет своей цели, если в нем будут сочетаться энергия, инициатива, эгоизм, коварство и агрессивность варвара с отсутствием лояльности или приверженности своему клану, которое свойственно дикарю. Можно попутно отметить, что люди, добившиеся блистательного (бонапартского) успеха на основании беспредельного эгоизма и отсутствия сомнений в своих действиях, обычно обнаруживали больше физических черт, типичных для темного брахицефала, чем для долихоблонда, однако большая часть индивидов, добившихся — эгоистическим путем — умеренного преуспевания в жизни, принадлежит, видимо, по внешности к последнему из

названных этнических элементов.

Свойства темперамента, вызванного к жизни хищническим образом существования, направлены на выживание и полноту жизни индивида в условиях соперничества; в те же самое время, если жизнь данной группы как коллектива является жизнью во враждебном состязании с другими группами, то этот темперамент также способствует выживанию и преуспеванию группы. Однако развитие экономики в странах с более зрелой системой промышленного производства начало принимать такой оборот, что интересы общества больше уже не совпадают с соперническими интересами индивида. При их способностях к корпорации эти развитые промышленные страны перестают быть соперниками из-за средств к жизни или права на жизнь — за тем исключением, когда хищническими склонностями их правящих классов поддерживается традиция войны и грабежа. Эти страны уже не настроены друг против друга в силу и по причинам, отличным от традиции и темперамента. Их материальные интересы — кроме, возможно, стремления к коллективной славе — не только уже больше не являются несовместимыми, но успехи любой из стран несомненно способствуют проявлению жизни во всякой другой стране как сегодня, так и в любой непредсказуемый момент времени в будущем. То же самое нельзя сказать об индивидах и их отношениях между собой.

Коллективные интересы любой современной общности сосредоточиваются на производственной эффективности. Отдельный человек, занятый производительным трудом, полезен для общества где-то пропорционально его производительности. Этому коллективному интересу наилучшим образом отвечают честность, усердие, миролюбие, добрая воля и отсутствие эгоизма, а также привычное распознавание причин и предвидение следствий в их связи, без примешивания анимистической веры и без ощущения зависимости от каких-либо сверхъестественных вмешательств в ход событий. Не нужно много говорить о красоте, моральной высоте или общем достоинстве и достопочтенности человека с таким «прозаическим» характером, какой предполагается наличием подобных черт; и мало оснований для проявления энтузиазма по поводу того способа коллективной жизни, к которому привело бы широкое распространение и безраздельное господство этих черт. Однако это не имеет прямого отношения к вопросу. Успешная работа современной производственной общности обеспечивается наилучшим образом там, где эти черты выступают в своей совокупности, и достигается она в той мере, в какой для людей, составляющих эту общность, характерно обладание ими. Их наличие в какой-то мере необходимо для того, чтобы достичь удовлетворительного приспособления к условиям современной производственной ситуации. Сложный, всеобъемлющий, в основном миролюбивый и высокоорганизованный механизм современной производственной общности работает с наибольшей выгодой при максимально возможном проявлении большинства из них. В человеке с хищническим типом характера эти черты присутствуют в явно меньшей степени, чем это полезно для целей современной коллективной жизни.

С другой стороны, в условиях соперничества непосредственным интересам индивида лучше всего служат хитрость и беззастенчивая практичность. Характерные черты, служащие, как сказано выше, интересам общества, скорее бесполезны для индивида, чем полезны. Они отвлекают его от стремления к денежной прибыли, но и в поисках доходов они заставляют его искать доходы косвенными, неэффективными способами, обращаясь в качестве источника к производству, а не к уверенной карьере мошенничества. Трудолюбие довольно последовательным образом оказывается помехой для индивида. В условиях соперничества члены современной производственной общности являются соперниками, каждый из которых, скорее всего, достигает своей личной и непосредственной выгоды, если, менее других обремененный совестью, он будет в состоянии спокойно перехитрить своих товарищей, нанеся им ущерб, когда для этого предоставится удобный случай.

Уже отмечалось, что современные экономические институты грубо разделяются на две категории — финансовые и производственные. Подобное справедливо в отношении занятий. В первую категорию попадают занятия, которые связаны с обладанием собственностью или с

приобретением собственности; во вторую — те, которые имеют отношение к мастерству или производству. Заключение, к которым мы пришли, когда речь шла о развитии институтов, правильны и в отношении занятий. Экономические интересы праздного класса лежат в сфере денежных занятий; экономические интересы работающих классов заключаются и в той, и в другой, но главным образом — в производственной сфере. Доступ в праздный класс осуществляется через занятия в финансовой сфере.

Эти две категории занятий существенно отличаются в отношении требующихся способностей; и воспитание, которое дается этими занятиями, подобным образом следует двум различным направлениям. Школа денежных занятий направлена на сохранение и развитие определенных хищнических способностей и духа хищничества. Она сохраняет и развивает эти качества как тем, что воспитывает тех индивидов и те социальные группы, которые заняты в этой сфере, так и тем, что избирательным образом подавляет, подвергает элиминации тех индивидов и те генеалогические линии, которые оказываются в этом отношении неприспособленными. Поскольку образ мышления людей формируется процессом конкуренции в приобретении и в обладании собственностью, поскольку их экономические функции включаются в сферу владения богатством, понимаемым в терминах меновой стоимости, а также в управление этой сферой и производство финансовых махинаций, — постольку их опыт экономической жизни благоприятствует сохранению и подчеркиванию хищнического темперамента и хищнического образа мысли. При современной, миролюбивой системе деятельность в сфере приобретения благоприятствует главным образом, конечно, квазимилолюбивым хищническим способностям и привычкам. Другими словами, занятия в финансовой сфере дают специализацию в той общей области практической деятельности, которая и составляет мошенничество, а не в сфере занятий, относящихся к более архаичному средству — насильственному захвату.

Этими занятиями в финансовой сфере, обладающими тенденцией к сохранению хищнического темперамента, являются занятия, которые связаны с владением собственностью — непосредственной функцией праздного класса, — а также с побочными функциями приобретения и накопления. Ими охватывается тот класс лиц и тот ряд функций в экономическом процессе, которые имеют отношение к деятельности, связанной с производственной конкуренцией. Главным образом это основные области управления экономикой, которые относятся к категории финансовых операций. К ним можно добавить большую часть коммерческих занятий. Из этих занятий в их наиболее выраженной форме складывается экономическая функция «капитана индустрии». Капитан индустрии — это человек скорее хитрый, чем изобретательный, а его капитанство носит более финансовый, чем производственный характер. Такое управление промышленностью, какое он осуществляет, является обычно разрешающим, а не предписывающим. Функции, связанные с частными техническими моментами производственного процесса и его организации, передаются подчиненным лицам, имеющим менее «практический» склад ума, — людям, которые обладают скорее талантом мастерства, чем склонностью к управлению. В том, что касается тенденции формировать характер человека Боепитанием и отбором, эти занятия следует поставить рядом с занятиями в финансовой сфере. Таковыми являются политика, а также занятия, относящиеся к церкви и военному делу.

Финансовые занятия в гораздо большей степени, чем производственные, наделяют человека почетом. В этом плане критерии доброй репутации, установленные праздным классом, поддерживают престижность способностей, которые служат завистническим намерениям; и образ внешне благопристойного существования праздного класса тоже, следовательно, способствует сохранению и воспитанию хищнических черт. Из собственно экономических занятий наиболее почетными являются те, что имеют непосредственное отношение к обладанию собственностью в крупном масштабе. Вслед за ними в отношении доброй репутации идут те занятия, которые непосредственно подчинены собственности и финансированию, такие, как банковское дело и право. Банковские службы связаны преимущественно с крупной собственностью, и данный факт несомненно повышает престиж

этого дела. Профессия юриста не предполагает владения крупной собственностью, но так как в ремесле адвоката нет и намека на полезность в какой-либо другой области, кроме соперничества, то эта профессия по традиции пользуется большим почетом. Юрист занимается исключительно частными моментами хищнического мошенничества, либо в устройстве махинаций, либо в расстройстве махинаций других, и поэтому преуспевание в этом роде занятий воспринимается как признак большой одаренности тем коварством, которое обычно для общества на стадии варварства и всегда вызывало у людей уважение и страх. Занятия торговлей почетны только наполовину, т. е. если они связаны с крупной собственностью и содержат лишь малый элемент полезности. Они занимают высокое положение или низкое где-то в прямой зависимости от того, служат ли они высшим или низшим потребностям, так что розничная торговля заурядными предметами первой необходимости приравнивается к ремеслам и фабрично-заводскому труду. Ручной же труд или даже работа по управлению механическими процессами имеют, конечно, мало оснований считаться почетными.

Необходимо сделать уточнение относительно той выучки, которую дают занятия в финансовой сфере. Когда увеличиваются масштабы промышленного предпринимательства, финансовое управление в отдельных моментах несколько утрачивает характер махинаций и грубой конкуренции. Другими словами, для все увеличивающегося числа лиц, соприкасающихся с этой стороной экономической жизни, бизнес превращается в установившуюся практику, содержащую меньше следов обмана конкурента или использования его в своих интересах. Происходящее вследствие этого освобождение от хищнических привычек распространяется главным образом на подчиненных лиц, занятых в бизнесе. На лиц, в чьи функции входит владение собственностью и управление, это уточнение практически не распространяется.

Иначе обстоит дело с теми индивидами или социальными группами, которые непосредственно заняты ручными и механизированными производственными операциями. Их повседневная жизнь не превращается в такой же степени в процесс усвоения сопернических и завистнических мотивов поведения и маневров в финансовой сфере промышленного производства. Они заняты распознаванием и координированием физических явлений и их следствий, их распознаванием и использованием в интересах жизни общества. В том, что касается этой части населения, воспитательное и избирательное действие производственного процесса, с которым эти люди непосредственно имеют дело, направлено на приспособление их образа мысли к независтническим интересам коллективной жизни. Следовательно, производственный процесс ускоряет отмирание явно хищнических способностей и склонностей, перенесенных наследственностью и традицией из прошлого, когда человечество находилось на стадии варварства.

Воспитывающее воздействие экономической жизни общности людей не является, следовательно, однородным во всех его проявлениях. Экономическая деятельность, в той сфере, которая связана с денежным соперничеством, обладает тенденцией к сохранению определенных хищнических черт; в то время как те виды занятий, которые имеют непосредственное отношение к материальному производству, обладают в основном противоположной тенденцией. Однако в качестве оговорки следует заметить, что почти все лица, занятые в производстве, до некоторой степени тоже вовлечены в денежное соперничество (например, в борьбе за твердую заработную плату рабочих и служащих, при покупке потребительских товаров и т. д.). Поэтому проводимое здесь различие между категориями занятий никоим образом не является строго установленным разграничением между категориями лиц.

Занятия праздных слоев в современном промышленном производстве таковы, что не дают угаснуть ряду хищнических привычек и склонностей. Поскольку представители этих слоев принимают участие в производственном процессе, их выучка имеет тенденцию сохранять у них темперамент варвара. Однако кое-что следует сказать и о другом аспекте. Индивиды, от которых не требуется напряжение своих сил, способны выживать и передавать

по наследству характерные черты, даже если сильно отличаются от среднего представителя человеческого рода и по физическому, и по духовному складу. Такая вероятность выживания и передачи атавистических черт больше всего в тех социальных группах, которые находятся в выгодном положении, менее всего испытывая на себе давление обстоятельств. В известной мере в привилегированном положении находится праздный класс, не испытывая на себе давления обстоятельств, связанных с производством, к он должен бы, следовательно, предоставлять самое большое число случаев возврата к миролюбивому, дикарскому темпераменту. Индивидам с подобными аберрантными или атавистическими признаками можно было бы развивать склонности, характерные для дохищнического периода, не испытывая на себе такого незамедлительного подавления или не подвергаясь такой элиминации, как низшие слои общества.

Что-то в этом роде, видимо, и происходит на самом деле. Существует, например, большое число представителей высших слоев, наклонности которых приводят их к филантропической деятельности. У значительной массы этой социальной категории наблюдаются настроения в пользу реформ и улучшений. А кроме того, немалая часть филантропических и реформаторских усилий отмечена той дружелюбной «хитростью» и непоследовательностью, которая является характерным признаком первобытного дикаря. Однако может оставаться неясным, доказывают ли эти явления, что больше случаев возврата наблюдается в высших слоях, чем в низших. Если бы те же наклонности и присутствовали в нуждающихся слоях, это не нашло бы в этих слоях столь легкого выражения, поскольку они лишены и средств, и времени, и сил, чтобы привести в действие такого рода наклонности. *Prima facie* свидетельства этих явлений нельзя не подвергнуть сомнению. Далее следует сделать еще одно уточнение, отметив, что в наши дни праздный класс пополняется из числа тех, кто преуспел в денежном плане и кто поэтому, как предполагается, наделен неординарным набором хищнических черт. Доступ в праздный класс открывается из сферы денежных занятий, а эти занятия отбором и адаптацией содействуют допуску в высшие слои лишь тех семей, которые в денежном отношении способны выстоять при проверке на хищничество. И вот, как только в верхах обнаруживается возврат к человеку нехищнической природы, индивиды или генеалогические линии, в которых этот возврат проявляется, обычно искореняются и отбрасываются на низшие денежные уровни. Чтобы удержать свое место в праздном классе, род должен обладать способностью к финансовой деятельности, иначе его состояние растрачивается и он вскоре теряет свое привилегированное положение. Случаи такого порядка достаточно часты.

Состав кандидатов в праздный класс поддерживается процессом непрерывного отбора, при котором из нижележащих слоев извлекаются те индивиды и генеалогические линии, которые более других приспособлены к агрессивному денежному соперничеству. Претендент на место в верхах должен не только действительно обладать стандартным набором финансовых способностей, но и быть в такой выдающейся степени одаренным этими талантами, чтобы преодолеть весьма существенные трудности, которые препятствуют его восхождению. Такие вновь прибывшие, если исключить непредвиденные случайности, благополучно приживаются на новой почве.

Этот процесс избирательного приема в праздный класс происходил, конечно, все время, с тех пор как как установился стиль денежного соперничества — практически с тех пор, как впервые был официально введен в свою должность институт праздного класса. Однако конкретное основание отбора не было всегда одним и тем же, и поэтому процесс отбора не всегда давал одинаковые результаты. На стадии раннего варварства, или собственно хищничества, мерилom приспособленности была доблесть в наивном значении этого слова. Чтобы добиться принятия в праздный класс, претендент должен был быть одарен такими качествами, как приверженность своему клану, солидность, жестокость, неразборчивость в средствах и упорство в достижении цели. Это были качества, которые способствовали накоплению и длительному владению богатством. На этой стадии, как и впоследствии, экономической основой праздного класса было обладание богатством; однако

способы накопления богатства, а также качества, необходимые для его удержания, начиная с тех ранних времен хищничества в известной мере меняются. Вследствие процесса отбора господствующими чертами праздного класса раннего варварства явились открытая агрессия, неусыпное соблюдение статуса и свободное обращение к обману. Праздный класс удерживал свое положение тем, что обладал доблестью. В более поздней варварской культуре общество достигло установившейся системы приобретения и владения при квазимилолюбивом режиме соперничества. Простая агрессия и необузданное насилие уступили место хитрости и мошенничеству как наилучшим образом зарекомендовавшему себя способу накопления богатства. У праздного класса в то время сохраняется, вероятно, ряд других способностей и склонностей. Лидерство в нападении, а также соответственная солидность вместе с неукоснительным соблюдением статуса, вероятно, все еще расцениваются как самые блестящие черты. Они сохраняются в наших традициях в качестве типичных «аристократических достоинств». Однако с ними объединился набор менее бросающихся в глаза «достоинств», таких, как предусмотрительность, расчетливость и мошенничество. По прошествии времени, когда общество подошло к современной миролюбивой стадии денежной культуры, повысилась относительная действенность обладания названным рядом способностей и привычек в достижении денежных целей, и эти способности и привычки приобрели больший относительный вес в процессе того отбора, в условиях которого осуществляется допуск в праздный класс и сохраняется место в нем.

Основание отбора изменялось до тех пор, пока способности, которые теперь делают правомочным допуск в праздный класс, не стали исключительно денежными. То, что остается от хищнических черт, — это упорство в достижении цели, или целеустремленность, отличавшая преуспевающего варвара-хищника от миролюбивого дикаря, им вытесненного. Однако нельзя сказать, что эта черта характерным образом отличает преуспевающего в денежном отношении представителя верхов от рядовых людей из социальных групп, занятых в производстве. Воспитание и отбор, которым подвергаются последние при жизни в современном промышленном обществе, придают этой черте столь же убедительный вес в их среде. Упорство в достижении цели, скорее, можно сказать, отличает от обеих этих социальных групп две другие: беспомощных бездельников и преступников из низших слоев. В вопросе природной одаренности денежными способностями бизнесмен стоит наравне с преступником почти так же, как человек, занятый в производстве, похож на добродушного беспомощного иждивенца. Идеальный денежный человек похож на идеального преступника в его беззастенчивом обращении материальных ценностей и людей на свои собственные цели и в бессердечном игнорировании чувств и желаний других людей, а также отдаленных последствий своих действий; но он не похож на него тем, что обладает более острым чувством статуса и тем, что прокладывает себе дорогу к далекой цели более последовательным и дальновидным образом. Родство этих типов темперамента обнаруживается, далее, в склонности к «спорту» и азартным играм и в пристрастии к бесцельному соперничеству. Идеальный денежный человек обнаруживает также любопытное сходство с преступником в одной из сопутствующих вариаций характера хищника. Очень часто преступник склонен к предрассудкам, он очень верит в удачу, судьбу, заклинания, предсказания, а также в предзнаменования и церемонию шаманства. Там, где складываются благоприятные обстоятельства, эта склонность, вероятно, будет выражаться в известном раболепно-набожном рвении и щепетильной до мелочей заботе о соблюдении обрядов благочестия; наверное, она может быть лучше охарактеризована как благочестивость, чем как религиозность. В этом вопросе темперамент преступника имеет больше общего с денежными, праздными слоями, чем с темпераментом человека, занятого в производстве, или с категорией беспомощных иждивенцев.

Жизнь в современной производственной общности, или, другими словами, жизнь в условиях денежной культуры, содействует развитию и сохранению в процессе отбора определенного набора способностей и склонностей. Тенденция этого процесса отбора в настоящее время заключается не просто в возврате к фиксированному, неизменному

этническому типу. Скорее это тенденция к видоизменению свойств человеческого характера, приводящему в некоторых отношениях к отличному от тех типов или вариантов типов, переданных по наследству из прошлого, результату. Конечная цель этого развития — не единственная цель. Темперамент, который в эволюционном процессе устанавливается как нормальный, отличается от любого темперамента хищнических вариантов человеческого характера своей большей целеустремленностью — более однозначной целенаправленностью и большей настойчивостью в работе. С точки зрения экономической теории процесс отбора имеет перед собой единственную цель, хотя и существуют очень важные мелкие тенденции, расходящиеся с этим направлением развития. Но не считая этого общего направления, линия развития не является единственной. С точки зрения экономической теории развитие в других отношениях протекает по двум различным направлениям. В отношении отбора и сохранения в людях отдельных способностей и склонностей эти два направления можно назвать финансовым и производственным. В отношении сохранения наклонностей, духовной позиции и степени сохранения анимистического духа враждебности одно и второе направления можно назвать завистническим, или эгоистическим, и независтническим, или экономическим. В отношении когнитивного, познавательного аспекта этих двух направлений развития первое можно охарактеризовать как личную позицию, как направление, выражающее способность к волевому началу, как качественное отношение, отношение статуса или достоинства; второе — как безличную позицию, направление подчинения порядку вещей, выражающее количественное соотношение, физически производительное или полезное.

Денежные виды занятий требуют проявления в действии главным образом первого из этих двух направлений способностей и склонностей и, выступая фактором отбора, содействуют их сохранению в населении. Производственные виды занятий, с другой стороны, проявляют способности и склонности последнего направления, и их действие направлено на сохранение этих способностей. Исчерпывающий психологический анализ покажет, что каждое из этих двух направлений способностей и склонностей является лишь многообразным выражением конкретной, свойственной данному темпераменту наклонности. В силу единства, или целостности, индивида, способности, дух враждебности и интересы, собранные в первом из названных направлений, относятся целиком к выражениям конкретного варианта человеческой природы. Аналогичное справедливо и в отношении второго направления. Оба эти направления можно понимать как альтернативные направления развития человеческого общества, таким образом, что данный индивид склоняется более или менее последовательно к тому или другому. Тенденцией денежного образа жизни является, в общем, сохранение темперамента варвара, но с заменой той предрасположенности к нанесению материального ущерба, которая характеризует представителя начальной ступени варварства, на мошенничество и расчетливость, или управленческое дарование. Трудно сказать, насколько распространена эта подстановка махинаций вместо грабежа других. Действие отбора в этом направлении в сфере денежных видов занятий протекает довольно последовательно, но школа денежной жизни не всегда приводит вне сферы соперничества за прибыль к тому же результату. Современный образ жизни в плане потребления времени и товаров не обязательно способствует устранению аристократических достоинств или развитию достоинств буржуазных. Образ существования, признанный обществом приличным, требует значительного проявления черт представителя раннего варварства. Некоторые имеющие отношение к данному вопросу элементы традиционного образа жизни уже отмечались там, где речь шла о праздности, а другие будут появляться в последующих главах.

Из сказанного ясно, что жизнь праздного класса, его образ жизни должны способствовать дальнейшему сохранению темперамента варвара, главным образом в его квазимиролюбивом, или буржуазном, варианте, но в известной мере — и в хищническом варианте тоже. При отсутствии мешающих факторов, следовательно, можно было бы проследить изменчивость темперамента среди различных слоев общества.

Аристократические и буржуазные достоинства, т. е. другими словами, черты разрушительные и денежные, должны обнаруживаться главным образом среди верхних слоев, а производственные достоинства, т. е. черты миролюбивые, — главным образом среди классов, занятых собственно производством.

Этот критерий оказывается, вообще говоря, справедливым, но его не так легко применить, и результат его использования не так убедителен, как хотелось бы. Есть несколько причин, которым можно приписать его частичную несостоятельность. В денежной борьбе участвуют в какой-то мере все слои общества, и во всех слоях обладание денежными чертами принимается в расчет для успеха и выживания индивида. Где бы ни находила свое широкое распространение денежная культура, процесс отбора, формирующий образ мышления людей и определяющий выживание соперничающих генеалогических линий, происходит непосредственно на основании приспособленности к приобретению. Следовательно, если бы не тот факт, что денежная деловитость в целом не совместима с производственной эффективностью, то отбор, действующий среди всех видов занятий, имел бы тенденцию установить неослабленное господство денежного темперамента. В результате произошло бы становление того типа, который стал когда-то называться «человеком экономическим», как нормального и определяющего типа человеческого характера. Но «экономический человек», чьим единственным интересом является свой собственный, а единственной человеческой чертой — расчетливость, для современного производства бесполезен.

Современное промышленное производство требует безличной, незаинтересованной заинтересованности в выполнении данной работы. Без этого сложный процесс производства был бы невозможен и, надо признать, невыносим. Эта заинтересованность в труде отличает рабочего от преступника, с одной стороны, и от «капитана индустрии» — с другой. Так как работа должна выполняться для того, чтобы жизнь общества продолжалась, в ряде занятий в определенных областях происходит в узком смысле слова отбор в пользу духовной склонности к труду. Нужно, однако, согласиться по меньшей мере с тем, что в производственных занятиях процесс исключения отдельных денежных черт является неопределенным и что, следовательно, даже в этих профессиях встречаются ощутимые пережитки темперамента варвара. В настоящий момент не существует никакого общего различия в этом отношении между характером праздного класса и характером рядового населения.

Вопрос в целом, касающийся классовых различий в отношении духовного склада, также затемняется наличием во всех слоях общества обязательного тщательного подражания чертам наследуемого образа жизни, который в то же время содействует развитию в самой массе населения черт, которым оно подражает. Эти обязательные усваиваемые привычки или предполагаемые черты характера являются чаще всего чертами аристократического типа. Положение праздного класса, которое предписывает ему служить примером почтенности, навязало низам общества многие черты, свойственные праздносветскому представлению о жизни; в результате этого всегда и везде в обществе происходит более или менее настойчивое культивирование аристократических черт.

По этой причине такие черты также имеют большую вероятность сохраниться среди массы народа, чем это могло бы быть, если бы не наставления и пример праздного класса. В качестве одного канала, и канала важного, по которому происходит такое «переливание» аристократических взглядов на жизнь, а следовательно, до некоторой степени архаичных черт характера, можно упомянуть класс домашней прислуги. У нее понятия о том, что хорошо и красиво, сформировались в контакте с классом хозяев, и она, таким образом, приносит их в среду своих низкорожденных собратьев, распространяя таким путем высокие идеалы по всему обществу без той потери времени, которую в противном случае могло бы потребовать это распространение. Смысл поговорки «Каков хозяин, таков слуга» имеет большее значение для скорого принятия массами целого ряда элементов культуры верхов, чем это обыкновенно принимается во внимание.

Есть и еще одна область явлений, уменьшающих различия между классами в отношении сохранения денежных достоинств. Денежная борьба порождает «класс недоедающих», имеющий значительные размеры. Недопотребление заключается в нехватке необходимого для существования или для приличного расходования. В обоих случаях результатом является острая вынужденная борьба за средства для покрытия повседневных потребностей, будь это потребности физические или высшие. Напряженное самоутверждение на фоне неравенства отнимает все силы индивида; он направляет все свои усилия на достижение исключительно одних только своих завистнических целей и постепенно становится все более эгоистичным. Черты трудолюбия, оказавшись, таким образом, без применения, имеют тенденцию к устареванию. Косвенным образом, навязывая низам систему денежной благопристойности и лишая их, насколько только можно, средств к жизни, институт праздного класса активно содействует сохранению денежных черт характера в массе населения. Результатом этого является ассимиляция нижележащих слоев общества с тем типом человеческой природы, который первоначально свойствен только верхам.

Поэтому кажется, что нет большой разницы в темпераменте между верхними и нижними слоями общества, но представляется также, что такое различие отсутствует большей частью благодаря предписывающему примеру праздного класса и всеобщему принятию тех же общих принципов демонстративного расточительства и денежного соперничества, на которых основывается институт праздного класса. Этот институт способствует снижению эффективности общественного производства и препятствует приспособлению человеческого характера к требованиям, выдвигаемым современным производством. Он в консервативном плане воздействует на получающие широкое распространение или дающие положительные результаты свойства человеческого характера (1) непосредственной передачей архаичных черт через наследование внутри класса и всякий раз, когда кровь праздного класса сливается с неблагородной кровью, и (2) сохраняя и укрепляя традиции архаичной системы и таким образом предоставляя большую возможность для выживания варварских черт также и за пределами кровных связей праздного класса.

Если и были предприняты какие-то усилия, то весьма незначительные в направлении сбора и обработки данных, имеющих особое значение для решения вопроса о том, какие черты среди населения современных стран сохраняются, а какие подвергаются элиминации. Поэтому мало существенных факторов можно предложить читателю в поддержку принятой здесь позиции, помимо беглого обзора тех явлений повседневной жизни, что лежат на поверхности. Такое перечисление фактов едва ли может не оказаться банальным и утомительным, но, несмотря на все это, даже в том скудном очерке, в виде которого здесь предпринимается попытка изложения нашей позиции, оно представляется необходимым для полноты этого изложения. Можно поэтому заранее просить читателя о снисходительном отношении к последующим главам, в которых предлагаются фрагменты такого рода перечисления.

Глава X. Современные пережитки доблести

Праздничный класс живет скорее рядом с производственной общностью, чем в ней самой. Его отношения с промышленным производством являются в большей степени отношениями денежного, чем производственного рода. Допуск в праздничный класс открывается проявлением денежных способностей — способностей к приобретению, а не к полезной работе. Поэтому происходит непрерывное отсеивание людей, составляющих праздничный класс, и отбор этот происходит на основании пригодности для денежного поприща. Но образ жизни праздного класса, большей частью унаследованный от прошлого, воплощает в себе многие обычаи и идеалы периода раннего варварства. Этот архаичный, варварский образ жизни, теряя до некоторой степени свою силу, навязывается также низшим слоям. В свою очередь стиль жизни, общепринятых условностей в процессе отбора и воспитания формирует

составляющих общество индивидов, и его действие направлено главным образом на сохранение характерных черт, привычек и идеалов, относящихся к началу века варварства, — эпохе доблести и хищничества.

Самым определенным и непосредственным выражением тех архаичных свойств, которые характерны для человека на хищнической стадии, является собственно склонность к сражению. В тех случаях, когда хищническая деятельность является коллективной, эта склонность нередко называется воинственным духом или в последнее время патриотизмом. Нет нужды проявлять настойчивость, чтобы доказать справедливость утверждения, что в цивилизованных странах Европы наследственный праздный класс наделен этим воинственным духом в большей степени, чем средние слои. В самом деле, праздный класс претендует на доблесть как предмет своей гордости, и, конечно, не без оснований. Война — занятие почетное, а воинская доблесть в глазах большей части людей заслуживает выдающегося почета; и само это восхищение военной доблестью является речательством того, что поклонник войны обладает хищническим темпераментом. Боевой энтузиазм и хищнический склад характера, показателем которого он является, находят самое широкое распространение среди верхних слоев общества, особенно среди наследственного праздного класса. Кроме того, официальным серьезным занятием праздной верхушки является управление обществом; по своему происхождению и по тому содержанию, которым оно наполнялось в процессе своего развития, это занятие является также хищническим.

Единственной социальной группой, которая вообще могла бы поспорить с праздным классом в чести привычного обладания воинствующим расположением духа, является социальная группа правонарушителей из низов. В обычные времена значительная часть основной массы социальных групп, занятых в производстве, относительно безразлична к военным интересам. Когда она не возбуждена, эта основная масса рядовых людей, составляющая действительную силу производственной общности, питает отвращение ко всему другому сражению, кроме оборонительного; в действительности она несколько запоздало реагирует даже на побуждение к принятию оборонительной позиции. В более цивилизованных общностях, или, вернее, в общностях, которые достигли высокого уровня развития промышленного производства, дух военной агрессии, можно сказать, устарел среди простого народа. Из этого не следует, что среди производственных слоев находится малое число индивидов, в ком воинственный дух заявляет о себе навязчивым образом. Это не говорит также о том, что нельзя на время разжечь воинственный пыл в основной массе народа при стимуле, обладающем особой побудительной силой, таком, какой в наши дни можно видеть в действии в ряде стран Европы и на настоящий момент — в Америке. Однако за исключением периодов временного возбуждения и за исключением индивидов, которые наделены архаичным темпераментом хищнического типа, вместе с подобным образом одаренной массой индивидов среди высших классов и низов общества инертность большей части любой современной цивилизованной общности в этом отношении, вероятно, так велика, что делает войну, кроме случаев действительного вторжения, практически неосуществимой. Привычки и способности рядовых людей направлены на развертывание деятельности в сферах менее «живописных», нежели война.

Это различие между классами по темпераменту существует, быть может, частично благодаря различию в наследовании благоприобретенных черт в отдельных социальных группах, но, видимо, оно также соответствует в какой-то мере различиям в происхождении той или иной этнической группы. Различие между классами в этом отношении менее заметно в тех странах, население которых относительно однородно в этническом плане, чем в странах, где существует более широкое расхождение между этническими элементами, составляющими отдельные слои общества. В той же связи можно заметить, что в странах с широкими этническими различиями более позднее пополнение праздного класса, вообще говоря, обнаруживает меньше воинственного духа, чем современные представители аристократии, имеющей древнюю родословную. Эти *nouveaux arrivés* выдвинулись из общей массы населения за последнее время и обязаны своим выдвижением в праздный класс

проявлению характерных черт и склонностей, которые уже нельзя отнести к разряду доблести в древнем смысле.

Кроме собственно военной деятельности, выражением той же повышенной готовности к бою оказывается также институт дуэли, и дуэль является установлением праздного класса. По существу дуэль — это более или менее намеренное обращение к сражению как к последнему средству урегулирования расхождения во мнениях. В цивилизованных общностях она только там распространена как обычное явление, где есть наследственный праздный класс, и почти только в его среде. Исключения составляют (1) военные и морские офицеры, которые обыкновенно являются членами праздного класса и в то же самое время специально обучены хищническому образу мышления, и (2) правонарушители из низов, которые по наследственности или по воспитанию или по тому и другому вместе подобным образом расположены и привычны к хищничеству. К драке как к универсальному разрешению расхождений во мнениях обычно обращаются только благовоспитанные господа да хулиганы. Простой человек обыкновенно станет драться тогда, когда подавлению более сложной реакции на стимулы, вызывающие раздражение, будет содействовать преходящий гнев или алкогольное возбуждение. Он возвращается тогда назад, к более простым, менее видоизмененным формам инстинкта самоутверждения, иначе говоря, в нем временно и бессознательно проявляются атавистические признаки архаичного образа мышления.

Этот институт дуэли как способ окончательного улаживания споров и разрешения серьезных сомнений в первенстве постепенно переходит в неспровоцированную частную драку из чувства долга, понимаемого как обязательство перед обществом, налагаемое добрым именем. В качестве праздносветского обычая такого рода мы имеем, в частности, немецкую студенческую дуэль, этот эксцентричный пережиток воинственного рыцарства. В низшем или фальшивом праздном классе правонарушителей во всех странах существует подобное, хотя менее официальное, обязательство: хулиган должен утвердить свою мужественность в ничем не вызванной схватке с его товарищами. И, распространяясь по всем сословиям общества, подобная практика находит широкое распространение среди подростков данной общности. Изо дня в день мальчик обычно усваивает до мелочей, как располагаются он и его товарищи в играх по степени их относительной способности драться; и в сообществе подростков обычно не будет прочного уважения к тому, кто, как исключение, не станет или не сможет драться, когда его позовут.

Все это особенно применимо к подросткам, достигшим определенного, несколько размытого порога зрелости. В период раннего детства и в годы тщательной опеки, когда ребенок в повседневной жизни еще по привычке на каждом шагу ищет контакта с матерью, его темперамент обычно не соответствует такому описанию. Во время этого раннего периода агрессивность и враждебность проявляются мало. Переход от миролюбивого характера к хищническому и в чрезвычайных случаях злостному озорству происходит у мальчика постепенно и в одних случаях завершается более полно, в других — менее полно. На ранней стадии развития ребенка, будь то мальчик или девочка, обнаруживается меньше инициативы в агрессивном самоутверждении и склонности к обособлению своей личности и своих интересов от домашнего окружения, в котором он живет, ребенок обнаруживает больше чувствительности к упрекам, застенчивости, робости, а также нуждается в дружелюбном человеческом отношении. В обычного рода случаях такой зарождающийся темперамент переходит путем постепенного, но довольно скорого отживания инфантильных черт в темперамент собственно мальчишеский, хотя встречаются также ситуации, когда хищнические, характерные для мальчишеской жизни черты не появляются вовсе или самое большее появляются лишь в незначительной или незаметной степени.

У девочек переход к хищнической стадии редко осуществляется столь же полно, как у мальчиков, и в сравнительно большом числе случаев он не происходит вовсе. В таких ситуациях переход от раннего детства к отрочеству и зрелости является постепенным и неразрывным процессом смещения интересов от инфантильных целей и способностей к

целям, функциям и отношениям взрослой жизни. У девочек реже наблюдается хищнический период в развитии, а в тех случаях, когда он имеет место, хищническая и обособленческая позиция в течение этого промежутка является обычно менее подчеркнутой.

Хищнический промежуток в развитии ребенка мужского пола обыкновенно выражен довольно хорошо и длится в течение какого-то времени, но с достижением зрелости обычно заканчивается (если вообще заканчивается). Это последнее утверждение, возможно, требует весьма существенного уточнения. Отнюдь не редки случаи, когда переход от мальчишеского темперамента к взрослому не совершается или совершается лишь частично — понимая под «взрослым» темпераментом средний темперамент тех взрослых индивидов в современной производственной жизни, которые обладают известной полезностью для процесса коллективной жизни с ее задачами и которые составляют, как можно, следовательно, сказать, реальную среднюю величину производственной общности.

Этнический состав населения в европейских странах различен. В ряде случаев даже низшие слои в значительной мере состоят из нарушающих общественный порядок долихоблондов, в то время как в других этот этнический элемент обнаруживается главным образом среди наследников праздного класса. Привычка драться, видимо, менее широко распространена среди детей трудящихся классов низшей группы населения, чем среди подростков из верхов или среди подростков из стран, названных первыми.

Если бы этот вывод относительно подростков трудящихся классов был найден справедливым при более полном и тщательном рассмотрении данного вопроса, он подкрепил бы ту точку зрения, что воинственный темперамент является в ощутимой степени характерным признаком расы; он, видимо, более широко проявляется в складе господствующего этнического типа — долихоблонда — в европейских странах, чем в тех уступающих ему этнических типах низших слоев, которые, как понимается, составляют основную массу населения тех же общностей.

Может показаться, что пример с подростком не имеет серьезного отношения к вопросу о том, в какой степени наделены доблестью те или иные социальные группы; однако он представляет собой по крайней мере некоторую ценность, способствуя демонстрации того, что боевой порыв свойствен более архаичному темпераменту, нежели тот, которым обладает средний взрослый из трудолюбивых слоев общества. В этой характерной особенности, как и во многих других, ребенок в течение некоторого времени воспроизводит в миниатюре ряд начальных этапов развития человека. Предрасположенность мальчика к подвигам и к обособлению своих интересов нужно рассматривать как атавистический возврат к человеческому характеру, нормальному для культуры раннего варварства, т. е. культуры собственно хищнической. В этом, как и во многих других отношениях, характер представителя праздного класса и характер правонарушителя обнаруживает перенесение во взрослую жизнь и сохранение на ее протяжении черт, которые являются нормальными для детства и юности и которые оказываются также нормальными или обычными для ранних ступеней развития культуры. Черты, отличающие развязного преступника и щепетильного до мелочей праздного господина — если только это различие не сводится полностью к фундаментальному различию между существующими этническими типами, — являются в какой-то мере признаками задержанного духовного развития. По сравнению с той стадией, которой достигает в среднем взрослое население современной производственной общности, эти черты характеризуют фазу незрелости. И мы вскоре увидим, что сей незрелый духовный склад этих представителей верхов и низов общества обнаруживается также в сочетании с другими чертами, отличными от этой склонности к жестоким подвигам и обособленности.

Как будто для того, чтобы не оставалось никаких сомнений насчет свойственной воинственному темпераменту незрелости, мы имеем, покрывая промежуток между периодом, законно отводимым детству, и взрослой жизнью, пусть беспечные и шаловливые, однако более или менее систематические и намеренные нарушения общественного порядка, популярные среди школьников более старшего возраста. В обычного рода случаях эти беспорядки не выходят за границы периода отрочества. Когда юность вливается во взрослую

жизнь, они повторяются все реже и с меньшей остротой и, таким образом, воспроизводят, вообще говоря, в жизни индивида ту последовательность, в которой группа переходила от хищнического к более спокойному образу жизни. В ошутимом числе случаев духовное развитие индивида подходит к своему завершению раньше, чем он выходит за пределы этого незрелого периода; тогда воинственный характер сохраняется в течение всей жизни. Следовательно, те индивиды, которые в их духовном развитии в конце концов достигают возмужания, обычно проходят через временную архаическую фазу, соответствующую постоянному духовному уровню сражающихся и занимающихся спортом мужей. Естественно, различные индивиды в разной степени будут достигать духовной зрелости и трезвых взглядов, и те из них, кто не достигает среднего уровня, остаются пережитком грубой человеческой природы и фоном для того процесса адаптации и отбора, который направлен на повышение производственной эффективности и полноту жизни коллектива.

Это задержанное духовное развитие может выражаться не только в непосредственном участии взрослых в жестоких подвигах юношей, но также косвенно, в содействии и поощрении такого рода беспорядков, чинимых более молодыми людьми. Оно тем самым способствует формированию жестоких привычек, которые будут продолжать свое существование в дальнейшей жизни подрастающего поколения, задерживая, таким образом, всякое движение по направлению к более миролюбивому темпераменту части общества. Если человек, столь наделенный склонностью к подвигам, имеет возможность направлять развитие привычек в юных членах общества, влияние, которое он оказывает в плане сохранения пережитков доблести и атавистического возврата к доблести, может быть очень значительным. Именно таково, например, значение отеческой заботы, расточаемой многими священниками и прочими столпами общества на «бригады мальчиков»⁴¹ и аналогичные провоенные организации. То же справедливо в отношении потворствования развитию «духа колледжа», занятий спортом в университетах и тому подобного, что наблюдается в высших учебных заведениях.

Все эти проявления хищнического темперамента нужно отнести к доблести. Частично они являются простыми и необдуманно выраженными свирепой сопернической позиции, частично — действиями, на которые идут умышленно, с видом на обретение славы за доблестные подвиги. Тем же общим свойством обладает спорт всех видов, включая состязания на приз, бои быков, атлетические игры, стрельбу, рыбную ловлю, парусный спорт и настольные игры, включая даже те виды спорта, где элемент физической подготовленности к уничтожению не является чертой, бросающейся в глаза. При переходе от одного вида спорта к другому происходит незаметный переход от лежащего в основе спорта боя врагов — через ловкость — к хитрости и мошенничеству, причем ни в какой момент этого перехода границу провести невозможно. Основанием пристрастия к спорту является архаичный духовный склад — обладание хищнической склонностью к соперничеству со сравнительно высокими потенциальными возможностями. Сильная предрасположенность к авантюрному подвигу и к причинению ущерба особенно ярко выражена в тех занятиях, которые в разговорной практике носят особое название — увлечение спортом. Возможно, более справедливым или по крайней мере очевидным в отношении спорта, нежели других способов выражения хищнического соперничества, о которых уже говорилось, является то, что хищнический темперамент, склоняющий людей к спорту, есть темперамент мальчишеский. Пристрастие к спорту, следовательно, в особенной степени характеризует задержанное развитие нравственной природы человека. Это особенное ребячество в темпераменте занимающихся спортом мужчин сразу же становится очевидным, когда внимание направляется на изрядный элемент игры, наличествующий во всякой спортивной деятельности. Эту характерную особенность воображать себя кем-то, спорт делит с теми

---

⁴¹ Добровольная военизированная организация с таким названием основана в 1883 г. в Англии. — *Прим. перев.*

играми и подвигами, к которым привычным образом склонны дети, особенно мальчики. Притворство не входит в равной мере во все виды спорта, но во всех имеется в весьма ощутимой степени. Очевидно, что оно присутствует в большей мере в собственно увлечении спортом и в атлетических соревнованиях, чем в настольных играх, носящих менее подвижный характер; хотя может оказаться, что это правило не обладает сколь-нибудь значительным единообразием применения. Можно, например, заметить, что даже очень мягкосердечные и лишенные фантазии люди, выходя на охоту, склонны брать с собой избыток оружия и личного снаряжения для того, чтобы поразить свое собственное воображение серьезностью их предприятия. И ходят такие охотники важным, театральным шагом, а подкрадываясь к добыче и бешено ее атакуя, что предполагается их геройскими подвигами, они склонны к тщательно продуманному преувеличению своих движений. Подобным образом в атлетике почти неизменно присутствует изрядная доля и напыщенности, и важничанья, и показной таинственности — черт, характеризующих театрализованный характер этих занятий. Все это, безусловно, напоминает игру ребяческого воображения. Спортивный жаргон, между прочим, составлен из крайне агрессивных выражений, заимствованных из терминологии, используемой для обозначения приемов ведения войны. За исключением тех случаев, когда он выбирается как необходимое средство тайной связи, жаргон в каком угодно занятии нужно, вероятно, понимать как свидетельство того, что рассматриваемое занятие оказывается по существу игрой.

Еще одной характерной чертой, которой спорт и охота отличаются от дуэли и ей подобных нарушений общественного спокойствия, является та особенность, что они допускают приписывание им мотивов, отличных от порывов доблести и жестокости. Если при этом имеются какие-либо другие мотивы, то, вероятно, в любом конкретном случае они будут несущественны, но тот факт, что увлечение охотой и спортом нередко приписывается другим причинам, подтверждает их присутствие на втором плане. Охотники и рыболовы имеют привычку в качестве побуждений, объясняющих проведение досуга излюбленным ими способом, приписывать себе любовь к природе, потребность в развлечении и тому подобное. Такие мотивы, конечно, нередко присутствуют, составляя часть той привлекательности, которой обладает образ жизни рыболова-охотника, однако они не могут являться главными. Эти официально признаваемые потребности могли бы легче и полнее удовлетворяться, не сопровождаясь систематическим приложением усилий к лишению жизни тех созданий, которые составляют существенную часть той самой так любимой охотниками «природы». Нужно признать, что самым заметным следствием деятельности охотников является поддержание природы в состоянии хронического опустошения путем отстрела всего живого, что они только в силах уничтожить.

И все-таки остается основание для заявления спортсмена, что при существующей системе условностей его потребность в отдыхе и контакте с природой лучше всего можно удовлетворить именно выбираемым им способом. Определенные каноны хорошего воспитания навязаны предписывающим примером хищного праздного класса в прошлом и были с приложением известных усилий сохранены в употреблении современными представителями этого класса; и эти каноны не позволят ему, не подвергаясь осуждению, пытаться вступать в контакт с природой на каких-то других условиях. Охота и спорт, будучи занятиями, доставляющими почет, переданными по наследству культурой хищничества в качестве наиболее пристойнейшего досуга на каждый день, стали единственной формой деятельности, осуществляемой под открытым небом в полном согласии с требованиями декорума. Среди непосредственных побуждений к охоте с ружьем и рыбной ловле, далее, может быть потребность в развлечении и отдыхе вне дома. Более отдаленной причиной, ставящей в качестве необходимого условия стремление к этим целям непременно в виде систематического кровопролития, является предписание, нарушить которое нельзя без риска потерять репутацию и вследствие этого нанести ущерб своему самодовольству.

До какой-то степени аналогичным образом обстоит дело с другими видами спорта. Из этих других видов самый лучший пример — атлетические состязания. Здесь, безусловно,

также налицо обычай, предписывающий то, какие формы деятельности, физической тренировки и отдыха являются позволительными по кодексу правил достойного уважения существования. Те, кто имеет пристрастие к занятиям атлетикой или восторгается ею, выдвигают заявление, что такие занятия предоставляют наиболее доступное средство отдыха и «физической культуры». А моральную поддержку этому заявлению дает предписывающий обычай. Дело в том, что каноны приличного существования исключают из уклада жизни праздного класса всякую деятельность, которую нельзя отнести к разряду демонстративной праздности. И вследствие этого они имеют тенденцию исключить ее посредством предписания из уклада жизни всей общности. В то же время бесцельное физическое напряжение является нестерпимо противным и скучным. Как было замечено в другой связи, в таких случаях происходит обращение к какой-нибудь форме деятельности, в которой по крайней мере предоставляется благовидное намерение, даже если цель, приписанная этой деятельности, будет лишь воображаемой. Охота и спорт удовлетворяют этим требованиям — фактической бесполезности с благовидной воображаемой целью. Вдобавок в этих занятиях открывается простор для соперничества, и на таком основании они также являются привлекательными. Чтобы выглядеть внешне приличным, то или иное занятие должно соотносываться с каноном вызывающей уважение расточительности; в то же время всякая деятельность, чтобы ею можно было упорно продолжать заниматься как привычным, пусть неполным выражением жизни, должна подчиняться общечеловеческому канону, требующему, чтобы этой деятельностью достигалась какая-то полезная цель. Праздновесетский канон требует строгой и всесторонней бесполезности; инстинкт мастерства — целенаправленного действия. Праздновесетский канон декорума действует медленно и всепроникающе, отбирая и исключая из общепринятого жизненного уклада всякий существенно полезный или целенаправленный образ действия; инстинкт мастерства действует импульсивно и может быть удовлетворен временно наличием непосредственной цели. Лишь когда вызывающая тревогу скрытая бесполезность конкретного действия входит в комплекс сознания в качестве элемента, по существу чуждого целенаправленности, обычно присущей процессу жизнедеятельности, лишь тогда эта бесполезность оказывает на сознание свое вызывающее беспокойство и отпугивающее действие.

Привычки индивида образуют органическую совокупность, общим направлением функционирования которой неизбежно является надежное служение процессу жизнедеятельности. Когда предпринимается попытка ввести в эту органическую совокупность систематическое расточение или бесполезность в качестве одной из жизненных целей, то вскоре вслед за этим наступает чувство отвращения. Однако можно избежать такой реакции организма, если удастся сосредоточить внимание на достижении ближайшей, не требующей размышления цели, заключающейся в проявлении ловкости или соперничества. Спорт — охота, рыбная ловля, атлетические соревнования и тому подобное — дает тренировку ловкости и сопернической свирепости и хитрости, являющихся характерными особенностями хищнического образа жизни. Пока индивид будет только в незначительной мере одарен способностью к размышлению или пониманием скрытого направления собственного поведения, т. е. пока его жизнь фактически будет жизнью, состоящей из наивных, импульсивных действий, инстинкт мастерства будет до известной степени удовлетворяться непосредственной, не требующей размышления целенаправленностью спорта в плане выражения превосходства. Это особенно справедливо в том случае, когда господствующими побуждениями индивида являются бездумные, сопернические склонности хищнического темперамента. В то же время спорт будет под влиянием канонов внешних приличий прельщать индивида как выражение жизни, безупречной в денежном отношении. Всякое конкретное занятие сохраняется в качестве традиционной и привычной формы отдыха, соответствующей внешним приличиям, именно удовлетворяя этим двум требованиям, требованию скрытой расточительности и направленности на достижение непосредственной цели. Стало быть, в том смысле, что другие формы отдыха и физических упражнений для лиц благовоспитанных и обладающих

тонкой чувствительностью являются невозможными с нравственной точки зрения, охота и спорт — наиболее доступные средства отдыха при существующих обстоятельствах.

Однако те члены почтенного общества, которые выступают в защиту атлетических состязаний, объясняют свое отношение к ним самим себе и своему окружению тем, что эти состязания служат бесценным средством развития. Они не только, дескать, улучшают физический склад соревнующихся, но, как обыкновенно при этом добавляется, воспитывают также мужество. Футбол, в частности, является игрой, которая, вероятно, прежде всего приходит на ум всякому члену общности, когда встает вопрос о полезности спортивных состязаний, так как эта форма спортивного соперничества стоит в настоящее время выше всех других в сознании тех, кто выступает за или против состязаний как средства физического или духовного спасения. На примере этого типичного атлетического вида спорта можно, следовательно, показать, какое значение имеет атлетика для развития духовных и физических качеств у участников состязаний. Как-то было сказано, и вполне уместно, что футбол имеет такое же отношение к физической культуре, как бой быков к сельскому хозяйству. Чтобы индивид мог быть полезным для этих развлекательных институтов, требуется прилежная подготовка или усердное воспитание. Чтобы сохранить и развить определенные способности и склонности, характерные для дикого состояния и имеющие тенденцию к отживанию при одомашнивании, используемый материал, будь то животные или люди, подвергается тщательному отбору и выучке. Это не значит, что и в том, и в другом случае происходит всестороннее и полное восстановление звериного или варварского склада ума и тела. Результатом является скорее односторонний атавистический возврат к варварству или к *ferae natura* (звериным правам) — т. е. восстановление и подчеркивание тех пагубных диких черт, которые направлены на нанесение ущерба, без соответствующего развития тех черт, которые служили бы самосохранению индивида и полноте его жизни в диком окружении. Плодами культуры, реализуемыми в футболе, являются экзотическая дикость и коварство. В футболе восстанавливается в своих правах темперамент раннего варварства и вместе с тем происходит подавление как раз тех нравственных качеств, которые полезны для общества и экономики.

Физическая сила, приобретаемая в процессе подготовки к спортивным состязаниям — насколько можно говорить, что эта подготовка дает такой результат, — является преимуществом и для индивида, и для коллектива; это при прочих равных условиях можно считать экономически полезным. Духовные черты, которые сочетаются с атлетическими занятиями, являются подобным образом экономически выгодными для индивида — в противоположность интересам коллектива. Это остается справедливым для той или иной общности, где в населении в какой-то мере развиты эти черты. Соперничество сегодня является в значительной степени процессом самоутверждения на основании обладания этими характерными чертами хищнической природы человека. При той сложной роли, которую они выполняют в мирном соперничестве в наши дни, обладание ими для культурного человека является жизненно необходимым. Однако, хотя эти черты и важны для индивидуального успеха в соперничестве, они не представляют собой непосредственной пользы для общности. В плане полезности индивида для целей коллективной жизни подготовленность индивида к соперничеству если и полезна, то лишь косвенно. Свирепость и хитрость не представляют собой никакой общественной пользы, разве что для враждебных сношений с другими общностями, а для индивида они полезны только потому, что в человеческом окружении, действию со стороны которого он подвержен, эти черты проявляются в изобилии. Всякий индивид, который вступает в соперническую борьбу не будучи должным образом наделен названными качествами, оказывается в невыгодном положении примерно так же, как комолый бычок обычно находится в невыгодном положении в стаде рогатого скота. Обладание хищническими чертами характера и их воспитание, безусловно, может быть желательным и по каким-либо другим причинам, отличным от экономических. Наблюдается широко распространенная эстетическая или этическая предрасположенность к варварским способностям, а рассматриваемые свойства

так хорошо соответствуют этой предрасположенности, что их полезность в эстетическом или этическом отношении, вероятно, компенсирует их какую бы то ни было экономическую бесполезность. Однако к настоящему рассмотрению это прямого отношения не имеет. Поэтому здесь ничего не говорится о желательности или целесообразности занятий спортом в целом или о той ценности, которую они могут иметь на основаниях, отличных от экономических.

По общему представлению, в том типе мужественности, который воспитывается спортивной жизнью, многое достойно восхищения. Уверенность в своих силах и чувство товарищества замечательны, но такое обозначение соответствующих качеств является несколько вольным, разговорным. С иной точки зрения их можно было бы назвать свирепостью и приверженностью своему клану. Эти качества вызывают одобрение и восхищение и считаются мужественными в силу тех же причин, которыми объясняется их полезность для индивида. Члены общности, и в особенности тот класс, который задает тон в канонах вкуса, наделены ими в достаточной мере, чтобы их отсутствие в других ощущалось как недостаток, а их избыток расценивался как необходимое условие наличия превосходящих достоинств. Черты хищника отнюдь не являются отжившими среди большинства народностей в наши дни. Они имеются у многих народностей и в любой момент могут рельефно обозначаться в конкретных настроениях, когда этому не мешают конкретные действия, составляющие наши привычные занятия и ограничивающие общий круг наших повседневных интересов. Основная масса населения любой производственной общности освобождена от этих рассматриваемых с экономической точки зрения, направленных на приобретение высокого социального статуса склонностей лишь в том смысле, что в результате их частичного и временного бездействия они отодвигаются на задний план, в область подсознательных побуждений. У разных индивидов они в неодинаковой степени сохраняют свою потенциальную силу, но остаются в распоряжении индивида для придания агрессивности его поступкам и настроениям всякий раз, когда подключается стимул к действию, обладающий неординарной мобилизующей силой. И они прочно утверждаются *а* том случае, когда сфера повседневных интересов и переживаний не занята никакими несовместимыми с хищничеством занятиями. Так происходит в праздном классе и среди определенных слоев населения, которые этот класс обслуживают. Отсюда та легкость, с которой предаются охоте и занятиям спортом представители нового пополнения праздного класса; отсюда и быстрое распространение занятий и увлечений спортом в любой производственной общности, где накоплено достаточно богатства, чтобы освободить значительную часть населения от работы.

Одного простого и знакомого явления достаточно, чтобы показать неодинаковую распространенность хищнических побуждений в обществе. Привычка ходить с тростью, взятая просто как черта, характерная для сегодняшней жизни, может показаться в лучшем случае деталью тривиальной; однако для выяснения существа рассматриваемого вопроса этот обычай немаловажен. Те социальные группы, среди которых эта привычка находит наиболее широкое распространение — и с которыми прогулочная трость ассоциируется в народном представлении, — это мужчины собственно праздного класса, люди, занимающиеся спортом, а правонарушители из низов. К этим группам можно было бы, пожалуй, добавить мужчин, занятых в финансовых сферах. Этого нельзя сказать в отношении рядовых людей, работающих на производстве; и, между прочим, можно заметить, что женщины не ходят с тростью, кроме как в случае инвалидности, когда трость имеет назначение особого рода. Этот обычай, конечно, в значительной мере объясняется практикой хороших манер; но основанием этой практики выступают в свою очередь вкусы и склонности того класса, который задает тон в обществе. Прогулочная трость, объявляет всем, что руки ее владельца заняты чем угодно, только не полезной работой, следовательно, она может служить свидетельством праздности. Но трость — это и своего рода оружие, и на этом основании она удовлетворяет осязаемую потребность варвара в оружии. Держать в руках такое вещественное и примитивное средство нападения очень

утешительно для каждого, кто одарен даже небольшой долей свирепости.

Языковые трудности не дают возможности избежать казалось бы подразумеваемого неодобрения обсуждаемых здесь способностей, склонностей и способов выражения жизни. Однако у нас нет намерения подразумевать что-либо в плане осуждения или восхваления какой-то стороны человеческого характера или какого-либо аспекта жизненного процесса. Различные элементы преобладающего человеческого характера рассматриваются с точки зрения экономической теории, и обсуждающиеся черты характера оцениваются и классифицируются по их непосредственному экономическому значению для возможности осуществления процесса коллективной жизнедеятельности. Другими словами, такие явления рассматриваются здесь и оцениваются в отношении их непосредственного воздействия, способствуют ли они или препятствуют более совершенному приспособлению человеческого коллектива к окружающей среде и к системе социальных институтов, приспособлению, необходимому в силу экономической ситуации, имеющейся на настоящий момент в коллективе, и тех обстоятельств, которые будут иметься в ближайшем будущем. Для этих целей черты, унаследованные от хищнической культуры, менее полезны, чем могли бы быть. Хотя даже в этой связи нельзя не заметить, что энергичная агрессивность и неуступчивость варвара являются наследием никак не второстепенным. Предпринимается попытка отвергнуть экономическую ценность — а также отчасти и социальную ценность в более узком понимании — этих способностей и склонностей, не раздумывая по поводу их ценности в каком-либо ином аспекте. При сопоставлении с прозаической посредственностью современного производственного жизненного уклада, когда суждение выносится по общепризнанным критериям морали, а еще больше — по критериям эстетическим или поэтическим, эти пережитки, сохранившиеся от более примитивного типа мужского населения, возможно, имеют совсем иную ценность, чем та, что приписывается им здесь. Однако, поскольку все это не имеет отношения к непосредственной теме обсуждения, всякое выражение мнения автора по поводу последнего было бы неуместным. Позволительно лишь остановиться на предостережении, что эти критерии превосходства, чуждые настоящим целям, не должны влиять на наше экономическое понимание этих черт человеческого характера или той деятельности, которая способствует их развитию. Это применимо и к тем лицам, которые активно участвуют в спортивной деятельности, и к тем, чье увлечение спортом состоит лишь в созерцании. То, что говорится здесь о наклонности к спортивным занятиям, имеет также отношение ко всяким размышлениям, которые в связи с этим будут возникать по поводу того, что обычно всегда называлось религиозной жизнью.

В предыдущем абзаце вскользь затрагивался тот факт, что разговорной речью едва ли можно пользоваться при обсуждении данной категории склонностей и занятий, не выражая при этом неодобрения или не оправдывая их. Этот факт знаменателен тем, что показывает привычное отношение обыкновенного беспристрастного человека к наклонностям, выражающимся в спорте и вообще в доблестной деятельности. И здесь, пожалуй, вполне уместно обсудить тот неодобрительный подтекст, который пронизывает все пространные речи, направленные в защиту или восхваление атлетики и других преимущественно хищнических по своему характеру занятий. Такой же апологетический настрой начинает по крайней мере становиться заметным у выступающих в защиту многих других институтов, унаследованных от варварского периода жизни общества. Эти архаические институты, которые, как ощущается, нуждаются в оправдании, включают в себя помимо прочего всю существующую систему распределения богатства вместе с вытекающими из нее различиями классов по общественному положению; все или почти все формы потребления, попадающие под рубрику демонстративного расточения; статус женщины при существующей патриархальной системе; а также традиционные вероучения и обряды благочестия с множеством характерных черт, в частности — общедоступные выражения этих вероучений и канонические обряды в их наивном понимании. То, что нужно сказать в этой связи об апологетической позиции, которую занимают при расхваливании спорта и спортивного характера, будет, следовательно, применимо и к оправданиям, выдвигаемым в пользу других

родственных элементов нашего социального наследия.

Есть такое чувство — обычно смутное и не признаваемое открыто в тех многочисленных речах, которые произносятся самим апологетом спорта, однако обыкновенно ощущаемое в манере его рассуждения, — что эти занятия спортом, как и вообще область хищнических побуждений и хищнического образа мысли, лежащие в основе характера спортсмена, здравому смыслу вовсе не соответствуют. «Что до большинства убийц, они являются личностями крайне безнравственными». Это изречение дает, с точки зрения человека высоконравственного, оценку хищническому темпераменту и дисциплинирующим следствиям его открытого выражения и практики применения. Рассматриваемое с такой точки зрения, это изречение дает указание на трезвое понимание в его официальном выражении зрелыми людьми степени пригодности хищнического образа мысли для достижения целей коллективной жизни. Чувствуется, что такая подразумеваемая позиция направлена против всякой деятельности, связанной с усвоением хищнической позиции, и что на тех, кто выступает за восстановление в правах хищнического темперамента и за те практические навыки, которые его укрепляют, ложится бремя доказательства своей точки зрения. Существует сильное общественное мнение в пользу рассматриваемых развлечений и предприятий, но в то же время в общности налицо широко распространенное представление, что такое основание общественного мнения нуждается в узаконивании. К необходимому узакониванию обыкновенно стремятся, доказывая, что, хотя результат занятий спортом фактически является хищническим, социально разобщающим, хотя непосредственное действие этих занятий происходит в направлении атактистического возврата к наклонностям, которые никакой пользы для производства не представляют, — все же косвенным и отдаленным образом — через посредство некоего не сразу осознаваемого процесса выработки полярно противоположного эффекта или, возможно, ответного раздражения — занятия спортом, как понимается, воспитывают склад ума, который может быть полезным для социальных или производственных целей. Другими словами, хотя занятия спортом носят характер завистнической доблестной деятельности, полагается, что каким-то слабым и незаметным действием они приводят к развитию склада характера, благоприятствующего независтнической деятельности. Обычно пытаются доказать все это эмпирически или же полагают, что эмпирический вывод должен быть очевиден каждому, стоит только подумать. В приведении такого доказательства данного тезиса как-то хитро избегается ненадежная почва логики, вывод следствия из его причины, и показывается только то, что спортом воспитываются упоминавшиеся выше «мужественные качества». Но так как именно эти качества необходимы (с экономической точки зрения) для узаконивания, цепь доказательства обрывается там, где она должна начинаться. Можно сказать в более общих экономических терминах, что эти оправдания являются попыткой показать вопреки логике вещей, что занятия спортом на самом деле способствуют развитию того, что в широком смысле можно назвать мастерством. Мыслящий защитник спортивных занятий не успокоится, пока ему не удастся убедить себя или других, что именно в этом заключается их действие, и обычно, надо признать, не успокаивается. Его неудовлетворенность собственным оправданием рассматриваемых занятий обычно обнаруживается его резким тоном и тем пылом, с которым он нагромождает категоричные утверждения в поддержку своей точки зрения.

Однако зачем нужны оправдания? Если общественное мнение в пользу занятий спортом находит свое широкое распространение, почему сам этот факт не является достаточно узаконивающим? В результате длительной выучки доблестью, которой человеческий род подвергался на хищнической и квазимиролюбивой стадиях развития общества, мужчинам наших дней передан темперамент, находящий удовлетворение в этих выражениях свирепости и хитрости. В таком случае почему нельзя принять эти занятия спортом в качестве узаконенного выражения нормальных, здоровых человеческих свойств? Какая еще существует норма, на уровне которой нужно жить, кроме той, что дана в совокупности выражающихся в чувствах современного человека склонностей, включая

такую наследственную черту, как доблесть? Скрытой нормой, к которой мы в данный момент апеллируем, является инстинкт мастерства, инстинкт более фундаментальный, в более древние времена ставший предписанием для человека, нежели расположение к хищническому соперничеству. Последнее является лишь особым проявлением инстинкта мастерства, его вариантом, относительно поздним и преходящим, несмотря на его значительную абсолютную давность. Хищническое побуждение к соперничеству — или инстинкт спортивного мастерства, как его вполне можно было бы назвать, — является существенным образом неустойчивым по сравнению с начальным инстинктом, инстинктом мастерства, от которого хищническое соперничество, развившись из него, стало отличаться. Поверяясь этой скрытой жизненной нормой, хищническое соперничество, а следовательно, и спортивная жизнь оказываются несостоятельными.

Нельзя, конечно, в сжатом виде изложить то, каким образом и в какой мере институт праздного класса способствует сохранению занятий спортом и завистнической деятельности. Из уже приведенных фактов явствует, что по наклонностям и духовному настрою праздный класс более расположен к воинственной позиции и вражде, чем классы, занятые в производстве. Нечто подобное, видимо, справедливо в отношении занятий спортом. Однако институт праздного класса оказывает свое влияние на широкое распространение таких чувств в отношении увлечения спортом главным образом в своем косвенном воздействии, через посредство канонов внешне пристойного существования. Такое косвенное влияние происходит почти однозначным «образом в направлении дальнейшего выживания хищнического склада характера и хищнических привычек; и это справедливо даже в отношении тех разновидностей спортивных увлечений, которые предписываются высшим праздносветским кодексом приличий; таковы, например, кулачные бои на приз, петушиные бои и другие вульгарные выражения спортивного нрава. Что бы ни гласил самый последний, удостоверенный и подробный список «приличий, общепризнанные законы благопристойности, санкционированные институтом праздного класса, недвусмысленно заявляют, что соперничество и расточительство — это хорошо, а все что им противоположно, — позорно. В сумеречном освещении подвалов общества детали кодекса приличий не схватываются с той легкостью, которой можно было бы желать, а те общие каноны, которые лежат в основе благопристойности, применяются как-то неосмысленно, почти не подвергаясь сомнению в отношении размера их полномочий или подробно санкционированных исключений.

Пристрастие к атлетике не только в плане прямого участия, но также в смысле испытываемых чувств и моральной поддержки является в более или менее выраженном виде характерной чертой праздного класса; и эта черта разделяется праздным классом с социальной группой правонарушителей из низов, а также с теми атавистическими элементами во всей массе социальной общности, в которых преобладают наследственные хищнические тенденции. Среди народностей, населяющих цивилизованные западноевропейские страны, мало индивидов, настолько лишенных хищнического инстинкта, чтобы находить какое-то отвращение в созерцании спортивных состязаний, но у рядовых людей из производственных социальных групп наклонность к занятиям спортом не заявляет о себе в такой степени, чтобы составлять то, что можно справедливо назвать «спортивной привычкой». У этих социальных групп спортивные состязания и охота являются скорее развлечениями от случая к случаю, чем серьезной чертой образа жизни. Поэтому нельзя сказать, что в этой массе простого народа пристрастие к спорту получает свое развитие; хотя ни у их большинства, ни даже у сколь-нибудь значительного числа индивидов оно не является отжившим, тем не менее предрасположенность к спорту в среде рядовых представителей трудящихся классов носит характер воспоминания прошлого опыта человечества, проявляющегося скорее в качестве редкого, случайного интереса, нежели интереса живого и постоянного — в качестве господствующего фактора при формировании образа мысли в его органическом единстве.

Может показаться, что эта наклонность, судя по тому, как она проявляется в увлечении

спортом в наши дни, не является экономическим фактором, имеющим важные последствия. В том непосредственном воздействии, которое эта склонность, взятая просто сама по себе, оказывает на производственную эффективность или на потребление любого конкретного индивида, она не слишком принимается в расчет; однако преобладание и распространение того варианта человеческого характера, типичной чертой которого она выступает, — дело немаловажное. Эта склонность влияет на экономическую жизнь коллектива, сказываясь и на темпах экономического развития, и на характере достигаемых результатов. Плохо это или хорошо, но тот факт, что такой тип личности в какой бы то ни было степени господствует над образом мысли населения, не может не оказать значительного влияния на всю сферу коллективной экономической жизни, ее направление, нормы и идеалы.

Нечто приводящее к подобным выводам нужно сказать о других чертах, составляющих характер варвара. С точки зрения стоящих перед экономической теорией целей эти дальнейшие черты можно рассматривать как сопутствующие варианты того хищнического нрава, одним из выражений которого оказывается доблесть. В значительной мере они по своему характеру не являются прежде всего экономическими и не имеют большого непосредственного значения для экономики. Они указывают, какой стадии экономического развития соответствует обладающий ими индивид. Они важны, следовательно, как внешние критерии степени приспособления личности к современным экономическим потребностям; до некоторой степени они важны и как способности, которые сами ведут к повышению или снижению экономической полезности индивида.

Доблесть, как она выражается в жизни варвара, проявляется в двух основных направлениях — в силе и в обмане. В различной степени эти две формы выражения одинаково присутствуют в современном военном деле, в занятиях финансовой сферы, а также в охоте и спортивных играх. И та и другая категории способностей воспитываются и укрепляются занятиями спортом, равно как и более серьезными видами сопернической деятельности. Хитрость, или коварство, является элементом, неизменно присутствующим в спортивных состязаниях, как и в военном деле, и в охоте. Во всех этих занятиях хитрость имеет тенденцию к перерастанию в тонкую дипломатию и мошенничество. Мошенничество, вероломство, запугивание занимают надежное место в способе проведения любых атлетических соревнований и вообще в спортивных играх и состязаниях. Привычное введение судьи, а также подробнейшие специальные правила, устанавливающие границы и отдельные моменты допустимого обмана и использования стратегического преимущества, вполне подтверждают тот факт, что мошеннические козни и старания перехитрить своих противников не являются случайными чертами состязания. Приобретение привычки к занятиям спортом по самой своей природе должно содействовать более полному развитию способности к обману; и распространение в общности того хищнического темперамента, который склоняет людей к спорту, означает одновременно распространение мошенничества и бессердечного равнодушия к интересам других, либо отдельных лиц, либо всего коллектива. Обращение к обману в любом обличии и при любой узаконенности правом или обычаем является выражением чисто эгоистического склада ума. Нет необходимости сколь-нибудь подробно останавливаться на экономическом значении этой особенности спортивного склада характера.

Нужно заметить в этой связи, что наиболее яркой чертой характера, которая свойственна людям, занимающимся атлетическими и прочими видами спорта, является крайняя хитрость. Дарования и подвиги Улисса не уступают дарованиям и подвигам Ахилла ни в их фактическом способствовании развитию спортивных состязаний, ни в том блеске, который они придают коварным спортсменам на фоне их товарищей. Хитрость в мимике является первым шагом в уподоблении профессиональному спортсмену, которое происходит у молодого человека после зачисления в какую-либо престижную школу для получения какого бы то ни было, среднего или высшего, образования. И этот облик хитрого малого, в котором хитрость является чертой украшающей, всегда заботливо поддерживается людьми, чей серьезный интерес заключается в спортивных состязаниях, бегах или других

соревнованиях, носящих такой же сопернический характер. В качестве еще одного указания на духовное родство двух крайних социальных групп можно заметить, что преступники, члены низшей социальной группы, обычно в значительной степени обнаруживают этот облик хитрого малого и что они очень часто обнаруживают такое же театральное преувеличение этого облика, какое часто наблюдается у юных соискателей спортивных почестей. Это, между прочим, самый четкий признак того, что в обиходе называется твердостью в юных претендентах на дурную репутацию.

Хитрый человек, можно заметить, не представляет для общности никакой экономической ценности — разве что при достижении мошеннических целей в сношении с другими общностями. Он не имеет своей целью содействие жизненному процессу всей общности. В лучшем случае его функцией в ее прямом экономическом значении является превращение экономической сущности коллектива в продукт, чуждый процессу коллективной жизни, — почти по аналогии с тем, что в медицине было бы названо доброкачественной опухолью, но при этом с некоторой тенденцией к переходу той неопределенной границы, которая отделяет доброкачественные опухоли от злокачественных.

Хищнический нрав или хищническая духовная позиция включает в себя две варварские черты: злобность и коварство. Они являются выражениями чисто эгоистического склада ума. Они обе чрезвычайно полезны в целях получения личных выгод в жизни индивидом, заботящимся о достижении завистнического успеха. И та и другая обладают также большой «эстетической ценностью». И та и другая воспитаны денежной культурой. Но для коллективной жизни с ее задачами ни та ни другая не представляют собой никакой пользы.

Глава XI. Вера в удачу

Еще одна побочная черта темперамента варвара — склонность к азартным играм. Она представляет собой сопутствующую особенность, находя почти повсеместное распространение среди людей, увлекающихся спортом, и людей, предающихся воинственным и соперническим занятиям вообще. Эта черта также имеет непосредственное экономическое значение. Она оказывается препятствием для повышения эффективности производства в целом — во всяком обществе, где она находит заметное распространение.

Пристрастие к азартным играм едва ли нужно относить к разряду черт, свойственных исключительно хищническому типу человеческой природы. Главный фактор азартного нрава — вера в удачу; а эта вера, по-видимому, берет свое начало, по крайней мере в слагающих ее элементах, на той ступени эволюции человека, которая намного предшествует во времени хищнической культуре. Вполне возможно, что именно в условиях хищничества вера в удачу приобрела форму пристрастия к азартным играм, став таким образом главным элементом темперамента спортивного склада. Той особенной формой, в которой она встречается в современном обществе, эта вера обязана, вероятно, сохраняющимся хищническим порядкам. Но по существу, она сложилась задолго до хищнической стадии развития культуры. Вера в удачу — одна из форм анимистического восприятия действительности. Такое восприятие было характерно в основном на ранних этапах культуры, на протяжении какого-то времени оно претерпевало соответствующие изменения и уже на более поздней стадии было унаследовано обществом в особой форме, продиктованной хищническим укладом жизни. Во всяком случае, веру в удачу нужно рассматривать как архаическую черту, унаследованную от прошлого, более или менее отдаленного, и не соответствующую в той или иной мере нуждам современного производства, в какой-то степени препятствующую достижению максимальной эффективности в коллективной экономической жизни.

Хотя вера в удачу и выступает основанием склонности к азартным играм, она не единственный элемент, из которого складывается привычка держать пари. Заключение пари по поводу исхода состязаний в силе и ловкости происходит по более отдаленным мотивам, без которых вера в удачу едва ли стала бы занимать господствующее положение как яркая черта спортивной жизни. Таким более отдаленным мотивом является желание победы,

предвкушаемой самим участником состязания или болельщиком той или иной стороны, желание добиться превосходства ценой проигрыша противника. Мало того, что пропорционально размеру денежного выигрыша или проигрыша победа одной стороны оказывается более блистательной, а поражение другой стороны — более тяжелым и унижительным; хотя уже это является существенно важным обстоятельством. Пари заключается и еще с одной целью (это не выражается в словах и не признается даже *in petto* — в душе) — увеличить шансы на успех того участника состязания, на которого делается ставка. При этом предполагается, что вложенные деньги и озабоченность болельщика не могут не влиять на исход состязания. Здесь наблюдается особенное проявление инстинкта мастерства вместе с еще более ярко выраженным чувством уверенности, что умиловивление и подкрепление эмоциональными и материальными стимулами присущего-де событиям предрасположения не могут не принести победного результата нужной стороне. Склонность к заключению пари, выражаясь в поддержке фаворита в любом состязании, носит, бесспорно, хищнический характер. Вера в удачу выступает в пари как фактор, способствующий проявлению собственно хищнического побуждения. Можно сказать, что в той мере, в какой вера в удачу находит выражение в заключении пари, она должна считаться составной частью характера хищнического типа. Эта вера, по тем элементам, из которых она складывается, является архаической привычкой и относится фактически к ранним свойствам человеческого характера в его недифференцированном виде; но когда эта вера становится фактором хищнического соперничества и, таким образом, происходит ее обособление в виде привычки к азартным играм, то в такой более развитой и особенной форме ее нужно отнести к разряду черт характера варвара.

Вера в удачу является представлением о причинной обусловленности случайного в последовательности явлений. На экономической эффективности всякой общности, в которой эта вера в различных ее видоизменениях и проявлениях находит достаточно широкое распространение, она сказывается весьма серьезным образом. Ее влияние настолько велико, что дает основание для более подробного обсуждения происхождения этой веры, ее содержания, а также ее проявления в функционировании экономической системы; этим оправдывается и обсуждение той роли, которую играет праздный класс в ее сохранении, дифференциации и распространении. В том развитом, совокупном виде, в котором она наиболее легко обнаруживается у варвара на хищнической стадии развития культуры или в спортивном темпераменте у представителей современных общностей, эта вера включает в себя по меньшей мере два различных элемента, которые нужно рассматривать как две стороны в принципе одного и того же образа мысли либо как один и тот же психологический фактор на двух последовательных этапах его эволюции. Тот факт, что эти два элемента появляются последовательно на одной линии развития, не препятствует их сосуществованию в образе мышления какого-либо индивида. На более примитивной стадии (или более архаичной формой) выступает зарождающаяся анимистическая вера, или анимистическое представление о предметах и отношениях между ними, когда предмету или явлению приписываются квазиличностные свойства. Для древнего человека квазиличностной особенностью обладают все предметы и явления в его окружении, которые имеют какое-либо очевидное или кажущееся влияние на его жизнь. Они, как предполагается, обладают волей или, скорее, склонностями, которые входят в совокупность причин и каким-то загадочным образом влияют на исход событий. Вера человека, обладающего спортивным темпераментом, в удачу и случай — т. е. в причинную обусловленность случайного — является слабо выраженным или рудиментарным анимистическим чувством. Это чувство распространяется на предметы и ситуации зачастую весьма неопределенным образом; однако обычно оно так или иначе связано с представлением о возможности умиловивить или обмануть хитростью и лестью, либо же помешать раскрыться склонностям, якобы присущим тем вещам, которые составляют реквизит, набор принадлежностей любого состязания, исход которого решают ловкость и случай. Мало кто из увлекающихся спортом людей не имеет обыкновения носить амулеты, или талисманы, в которых, дескать, и

заключается какая-то сила. И не меньше находится таких людей, которые опасаются «дурного глаза», способного «сглазить» как участников, так и реквизит того или иного состязания, являющегося поводом для заключения пари; многие полагают, что факт их поддержки конкретного участника или какой-либо из сторон, занятых в состязании, должен делать и действительно делает эту сторону сильнее; талисман для многих людей значит нечто большее, чем просто безделушка.

В своей простой форме вера в удачу есть инстинктивное ощущение какой-то загадочной телеологической «склонности», свойственной предметам и ситуациям. Вещи или события наделяются «предрасположением» к определенному исходу, понимается ли этот исход (или конечная цель последовательности событий) как случайный или как преднамеренно преследуемый. От этого простого анимизма вера в удачу постепенно переходит в другую, производную от первой форму или стадию, упоминавшуюся выше, — в более или менее оформившуюся веру в загадочную сверхъестественную силу. Эта сила оказывает свое действие через посредство видимых предметов, с которыми она ассоциируется в сознании, хотя и не отождествляется с их материальной сущностью. Термин «сверхъестественная сила» употребляется здесь без каких-либо намеков на природу силы, которая так называется. Это лишь дальнейшее развитие анимистической веры. Сверхъестественная сила не обязательно понимается как в полном смысле слова сила, производящая какое-либо действие, тем не менее это — сила, наделенная неотъемлемым свойством личности в той мере, чтобы несколько произвольно влиять на результат любого предприятия и, в частности, любого состязания. Вездесущая вера в *hamingia* или *gipta*, придающая столько колорита исландским сагам и вообще ранним сказаниям германского фольклора, является примером такого понимания предрасположенности хода событий.

В таком выражении или в иной форме веры эта предрасположенность едва ли будет персонифицированной, хотя ей в той или иной мере приписывается отдельное бытие; она наделяется личностными свойствами и уступает, как это иногда понимается, определенным обстоятельствам — обычно духовного или сверхъестественного характера. Широко известным и поразительным примером такой веры — на довольно продвинутой стадии дифференциации, когда происходит олицетворение сверхъестественного объекта, к которому обращаются за помощью, — является решение спора в личном поединке. При этом всегда считалось, что сверхъестественный агент действовал по заявке, играл роль судьи, определял результат борьбы и выносил решение, исходя из такого особо оговоренного критерия, как равенство или законность претензий каждого из участников поединка. Похожее понимание загадочной, но духовно необходимой «склонности», приписываемой вещам, все еще прослеживается как незаметный элемент распространенной в людях веры — ее обнаруживает, например, общепризнанный принцип «трижды вооружен тот, на чьей стороне справедливость», — принцип, который сохраняет свое значение для обыкновенной не слишком задумывающейся личности даже в современных цивилизованных общностях. Сохранившееся воспоминание о вере в *hamingia*, или в промысел невидимой десницы, прослеживается в факте принятия данного принципа, но является слабым и, пожалуй, неопределенным; во всяком случае, она, по-видимому, смешивается с другими психологическими моментами, не являющимися по своему характеру анимистическими.

Помня о цели данного рассмотрения, необходимо более пристально взглянуть в тот психологический процесс, или этнологическую родословную, по которой последнее из двух пониманий предрасположенности хода событий происходит из первого. Этот вопрос может быть очень важен для социальной психологии или теории эволюции верований и религиозных обрядов. Также может иметь принципиальное значение то, связаны ли вообще эти два понимания как последовательные формы в развитии одних и тех же представлений. О существовании таких проблем здесь говорится лишь затем, чтобы отметить, что предмет настоящего обсуждения лежит в другой плоскости. В том же, что касается экономической теории, эти две формы веры в удачу, или в имеющуюся у вещей экстракаузальную тенденцию или предрасположенность, по существу, носят одинаковый характер. Они имеют

экономическое значение как элементы образа мысли, сказывающиеся на привычных взглядах индивида на те явления и их свойства, с которыми он вступает в контакт, и сказывающиеся тем самым на способности индивида служить целям производства. Следовательно, независимо от каких-либо вопросов, связанных с красотой, достоинством или благотворностью любой анимистической веры, остается уместным обсуждение ее экономического значения в плане полезности индивида как экономического и, в частности, производственного фактора.

Уже было замечено в связи с вопросами, рассмотренными ранее, что для наибольшей пригодности индивида к работе по осуществлению сложных технологических процессов в современном промышленном производстве он должен быть наделен способностью и навыком легко схватывать и увязывать между собой события с точки зрения их причинно-следственной связи. Как в целом, так и в отдельных моментах промышленное производство представляет собой процесс, характеризующийся количественно измеримой причинностью. «Умственные способности», требующиеся от рабочего, как и от управляющего производственным процессом, есть не что иное, как известная степень легкости восприятия количественно определенной причинно-следственной связи и приспособление к ней. Эта легкость восприятия и приспособления — то, чего недостает бестолковым рабочим, — и развитие этой способности являются целью, преследуемой при их обучении, поскольку обучение служит повышению их производственной «эффективности».

В той мере, в какой унаследованные способности или подготовка заставляют индивида считаться с фактами и их последствиями с точки зрения, отличной от понимания реальной действительности, эти унаследованные способности снижают его производительность или полезность в производстве. Снижение профессиональной пригодности вследствие склонности к анимистическим способам восприятия фактов особенно очевидно, когда оно берется в целом — т. е. конкретная народность с анимистическим складом рассматривается как целое. Препятствия, создаваемые анимизмом, в экономическом развитии при современной системе крупного промышленного производства заметнее, чем при любой другой, и имеют более далеко идущие последствия. В современных производственных общностях промышленное производство все в большей степени превращается в сложную систему взаимозависимых органов и функций, а поэтому свобода от предубеждений в понимании того, что выступает причиной тех или иных явлений, становится все более необходимой для работоспособности людей, участвующих в производстве. При системе ручного труда подобная предвзятость в образе мышления рабочих может, и в очень значительной мере, компенсироваться ловкостью, усердием, физической силой или выносливостью.

Аналогично обстоит дело в сельскохозяйственном производстве традиционного типа, имеющем близкое сходство с ремесленным трудом по характеру предъявляемых к работнику требований. В обоих случаях работник сам является исходной движущей силой, от которой все главным образом и зависит, а силы природы, вовлеченные в его производственный процесс, воспринимаются большей частью как загадочные и случайные факторы, действие которых не может происходить ни по усмотрению работника, ни под его контролем. По общему представлению, относительно малая часть производственного процесса в этих видах производства остается предоставленной неизбежному чередованию всеобъемлющей механической последовательности событий, которая должна пониматься с точки зрения причинности и к которой должны быть приспособлены производственные операции и действия работника. С развитием промышленной системы производства достоинства ремесленника все меньше и меньше идут в расчет в качестве компенсации скудных умственных способностей или неуверенного понимания причин и следствий. Строеие промышленного производства все больше и больше напоминает по своему характеру механизм, в котором умение выделять и отбирать из природных сил такие, которые будут своим действием служить людям, становится обязанностью человека. Роль работника в промышленном производстве меняется, превращаясь из обладания исходной движущей

силой в распознавание и оценку поддающихся количественному выражению физических явлений и их последствий. Способность быстрого понимания и непредвзятой оценки явлений в окружающей его среде приобретает сравнительно большое экономическое значение, и любой элемент из совокупности мыслительных привычек работника, вторгающийся в его образ мыслей и затрудняющий понимание реальной последовательности событий, пропорционально этому приобретает все большее значение как помеха, действие которой снижает полезность индивида для производства. Вследствие совокупного влияния на формирование у людей привычных взглядов и представлений даже незначительное или незаметное пристрастие к обращению за объяснением повседневных явлений к основаниям, отличным от поддающейся количественному выражению причинности, может производить существенное снижение эффективности коллективного труда общности.

Анимистический склад ума может встречаться в начальной, недифференцированной форме рудиментарной веры или на более поздней и более целостной стадии, когда наблюдается антропоморфическое олицетворение приписываемой событиям предрасположенности. Производственное значение такого живого анимистического представления, как и обращения к сверхъестественной силе или направляющему действию невидимой десницы, конечно, совершенно одно и то же в обоих случаях. Результат фактического влияния анимизма на производственную полезность индивида в каждом из этих случаев получается один и тот же; но степень господства данной привычки, те пределы, в которых она формирует образ мысли в его совокупности, изменяются от индивида к индивиду в зависимости от того, насколько непосредственно, насколько безотлагательно и всегда ли без обращения к другим возможностям индивид привычным ему образом применяет анимистическую или антропоморфическую доктрину, имея дело с явлениями окружающей его среды. Привычка анимистического подхода к действительности затемняет понимание причинной последовательности, однако более раннее, менее осознанное, менее определенное анимистическое чувство, как можно ожидать, оказывает на умственные процессы индивида более всеобъемлющее влияние, чем высшие формы антропоморфизма. Там, где наличествует привычка анимистического подхода к действительности в наивном виде, сфера ее распространения и применения не является ни четкой, ни ограниченной. Поэтому в жизни человека она на каждом шагу будет воздействовать на его мышление — везде, где бы ему ни приходилось иметь дело с материальными средствами жизнедеятельности. При более позднем и более зрелом развитии, после того как анимизм определился посредством процесса развития антропоморфизма, когда довольно последовательным образом сфера его выражения стала ограничиваться далеким и невидимым, происходит расширение области повседневных фактов, которые могут объясняться без обращения к сверхъестественной силе, в которой выражается суть любой развитой анимистической веры. Сведенная в нечто очень цельное, олицетворенная сверхъестественная сила уже не вяжется с повседневными жизненными явлениями, и поэтому легко усваивается привычка объяснять множество тривиальных и заурядных явлений с точки зрения их естественного следования. Этому временному объяснению дозволяется, по недосмотру и в применении к явлениям незначительным, оставаться решающим до тех пор, пока раздражение особым стимулом или неразрешимое затруднение не приведут индивида обратно в его вассальную зависимость от сверхъестественного. Но когда возникают крайние затруднения, т. е. когда появляется особенная надобность полного и свободного обращения к закону причины и следствия, то обычно индивид, если он наделен антропоморфической верой, прибегает к сверхъестественной силе как к универсальному объяснению.

Стоящий вне естественных причин агент, или «предрасположенность», обладает крайне высокой полезностью в качестве спасительного выхода из затруднения при объяснении того или иного явления; однако его полезность совершенно не экономического рода. Спасительным прибежищем и источником особого утешения сверхъестественный агент становится по мере закрепления за ним постоянных и специфических признаков,

свойственных антропоморфическому божеству. Антропоморфическое божество прельщает не только на том основании, что обращением к нему разрешаются трудности, возникающие при объяснении явлений с точки зрения причинно-следственной связи. Здесь было бы неуместно останавливаться на очевидных и общепринятых достоинствах антропоморфического-божества с точки зрения эстетического, этического или психологического интереса или же исходя из более отдаленных соображений: государственной, военной или социальной политики. Рассматриваемый здесь вопрос касается; того экономического — менее живописного и не столь настоятельно важного — значения, которое имеет вера в сверхъестественную силу как привычный образ мышления индивида, влияющий на его производственную полезность. И даже в пределах этой узкой экономической сферы рассмотрение по необходимости ограничивается непосредственным значением такого образа мышления работника и не распространяется на более отдаленные экономические последствия. Увидеть эти последствия весьма нелегко. Из-за существующих предубеждений в отношении того, в какой степени духовный контакт с таким божеством способствует жизни, всякая попытка выяснить их экономическое значение, должно быть, на данный момент бесполезна. Прямое, непосредственное действие, которое анимистический образ мышления вообще оказывает на склад ума верующего, направлено на понижение имеющихся у него умственных способностей в том отношении, в каком умственные способности особенно важны для современного промышленного производства. В различной степени это действие зависит от того, является сверхъестественный агент или «предрасположение», в которое верит индивид, высшей или низшей формой антропоморфизма. Это справедливо в отношении представления варвара и человека спортивного темперамента об удаче, а также в отношении несколько более развитой веры в антропоморфическое божество, такой, которой обычно обладает та же категория людей. Это также нужно считать справедливым — хотя трудно сказать, с какой относительной степенью неопровержимости, — в отношении антропоморфических культов, получивших наиболее адекватное развитие, тех, что привлекают благочестивого культурного человека. Неспособность к производственному труду вследствие распространенной приверженности к одному из высших антропоморфических культов является, может быть, относительно незначительной, однако ее нельзя не принимать во внимание. И даже великосветские культы западноевропейской культуры не представляют собой самой дифференцированной стадии развития человеческого представления о внепричинной предрасположенности явлений. То же анимистическое представление обнаруживается и в таких ослабленных формах антропоморфизма, как находивший отклик в XVIII в. призыв к природному порядку и естественным правам человека, а также в представляющей эти формы сегодня, явно постдарвиновской концепции о тенденции к лучшему в процессе эволюции. Это анимистическое толкование явлений является разновидностью ошибки логического вывода, известной логикам под именем *ignava ratio*. С точки зрения науки и производства это толкование означает грубую ошибку в понимании и оценке событий.

Привычка анимистического восприятия действительности, не говоря уже о ее прямых производственных последствиях, имеет определенное значение для экономической теории по другим основаниям. (1) Она является достаточно достоверным указанием на то, что в характере человека присутствуют и даже обладают известной силой другие, сопровождающие эту привычку существенно важные в экономическом отношении архаические черты; и (2) существенные последствия того кодекса благочестивых приличий, которому при развитии какого-либо антропоморфического культа дает начало привычка анимистического восприятия, состоят: (а) в воздействии на систему материального потребления и на господствующие в общности каноны вкуса, что предполагалось в одной из предыдущих глав, и (б) в стимулировании и сохранении известной привычки признавать подчиненное к вышестоящему лицу положение — в укреплении существующих представлений о статусе и вассальной зависимости.

Сумма привычек мышления, указанных в последнем пункте (б), входит в характер

любого индивида и в известном смысле составляет одно целое. Заметная изменчивость, отмечающаяся в каком-либо одном моменте из этого органического целого, влечет за собой сопутствующие изменения в привычном выражении жизни в других областях или в других сферах деятельности. Такая изменчивость в привычных выражениях образа мысли наблюдается на протяжении жизни отдельного индивида; привычка, сформировавшаяся под воздействием определенного стимула, неизбежно будет влиять на характер ответной реакции на другие стимулы. Модификация природы человека в каком-то одном моменте представляет собой видоизменение природы человека как единого целого. На этом основании и, может быть, в еще большей степени в силу других причин, которые не являются столь заметными и не могут здесь обсуждаться, эти сопутствующие видоизменения выражаются в развитии черт человеческого характера. Так, например, варварские народности с хорошо развитым хищническим укладом жизни обладают также сильным, преобладающим над другими привычками анимистическим восприятием, имеют сложившийся антропоморфический культ и живое представление о статусе. С другой стороны, на предшествующих варварской культуре ступенях, как и на более поздних, следующих за ней стадиях развития, антропоморфизм и сильные анимистические представления о материальной действительности не так бросаются в глаза. Также более слабым оказывается в целом чувство статуса в миролюбивых общностях. Нужно заметить, что на дохищнической стадии развития культуры у большинства, если не у всех народностей, должна была обнаруживаться живая, но несколько специфическая анимистическая вера. Первобытным дикарем его анимизм воспринимается менее серьезно, чем варваром или тем же дикарем на более поздних этапах его эволюции. Прimitивный анимизм разрешается причудливым мифотворчеством, а не вынужденным суеверием. «Инстинкт спортивного мастерства», отношения статуса и антропоморфизм обнаруживаются позже, в культуре варварства. И в наши дни в темпераментах отдельных людей цивилизованного общества наблюдаются сопутствующие модификации того же набора психологических черт. В современных условиях хищнический темперамент варвара представлен в тех индивидах, которые занимаются и увлекаются спортом, охотой; им свойственно верить в удачу, у них имеется сильное ощущение присущей-де вещам анимистической предрасположенности — на этом основании они предаются азартным занятиям. То же можно сказать об антропоморфической вере у этой категории лиц. Те из них, кто по собственной воле поклоняется какому-то культу, выбирает обычно одно из наивных и последовательно антропоморфических верований; мало кто из людей со спортивным темпераментом стремится найти утешение в таких менее антропоморфических культах, как унитарии или универсалисты⁴².

С таким соотношением антропоморфизма и доблестной деятельности тесно связан тот факт, что антропоморфические культы содействуют сохранению, если не зарождению, склада ума, благотворно сказывающегося на развитии различий в статусе, благоприятствующего сохранению соответствующих режимов. Правда, здесь совершенно невозможно сказать, где заканчивается такое дисциплинирующее влияние культа и где начинается очевидное проявление сопутствующих изменений в наследственных чертах. В их наиболее развернутом виде и хищнический темперамент, и чувство статуса, и антропоморфический культ — все вместе принадлежат культуре варварства; между этими тремя явлениями, когда они возникают в обществе на этом культурном уровне, существует некоторая взаимозависимость. Того, насколько они оказываются взаимосвязанными друг с другом в привычках и способностях индивидов и социальных групп в наши дни, более чем достаточно, чтобы признать наличие схожей причинной или органической связи между этими психологическими явлениями, рассматриваемыми как характерные черты или привычки индивида. Из предшествующих моментов обсуждения явствует, что различия в

---

⁴² Сторонники христианского учения, отрицающие догмат о триединстве божества. — *Прим. перев.*

статусе как характерная особенность социального устройства явились следствием хищнического образа жизни. По своему происхождению отношение статуса представляет собой не что иное, как сильно выраженную хищническую позицию. С другой стороны, антропоморфический культ стал подробным кодексом различий в статусе, перенесенных на понятие о сверхъестественной, загадочной предрасположенности, приписываемой предметам материального мира. Таким образом, и этот культ по внешним факторам его происхождения можно рассматривать как продукт всепроникающего анимистического представления варвара. Это представление определялось хищническим образом жизни, претерпевало известные изменения, в результате чего сложилась вера в олицетворенную сверхъестественную силу, наделенную полным набором привычек, отражающих характерный для человека хищнической культуры образ мысли.

Следует принять во внимание наиболее выраженные психологические черты, которые в данном случае имеют непосредственное значение для экономической теории: (а) хищнический, сопернический склад ума, названный здесь доблестью — как явствует из соответствующей главы, — выступает в эпоху варварства лишь вариантом общечеловеческого инстинкта мастерства, принявшего такую вот особенную форму под направляющим действием привычки завистнического сопоставления людей; (б) отношение статуса — официальное выражение завистнического сопоставления, подведенного под известный шаблон и расписанного по утвержденной схеме; (в) антропоморфический культ, по крайней мере в начальный период его расцвета, — институт, характерным элементом которого является отношение статуса, существующее между человеком как подчиненным субъектом и вышестоящей олицетворенной сверхъестественной силой. Если помнить об этом, то не должно быть никаких затруднений в признании тесной связи между этими тремя явлениями, касающимися природы человека, и жизнью общества; в некоторых ее существенных элементах эта связь равносильна тождеству. С другой стороны, система, основанная на отношении статуса и хищническом образе жизни, — это выражение инстинкта мастерства в том его виде, который он принимает в силу обычая завистнического сравнения; вместе с тем антропоморфический культ и обычай соблюдения обрядов благочестия — это выражение анимистического представления людей о наличии в предметах материального мира некоей предрасположенности — представления, выработавшегося под влиянием, по существу, той же самой привычки завистнического сравнения.

Глава XII. Соблюдение обрядов благочестия

Органическая связь антропоморфических культов с культурой варварства и темпераментом варвара обнаруживается в ряде моментов современной жизни. Их беглое перечисление поможет также показать, как сохранение и действенность культов при широком распространении планомерного соблюдения обрядов благочестия связаны с институтом праздного класса и с лежащими в основе этого института побудительными причинами. Без всякого намерения хвалить или порицать обычаи, о которых будет идти речь в настоящей главе, или же характерные духовные и интеллектуальные черты, выражающиеся в этих обычаях, можно рассмотреть типичные явления существующих антропоморфических культов с точки зрения того интереса, который они представляют для экономической теории. То, о чем здесь можно говорить, — это осязаемые, чисто внешние особенности обрядов благочестия. Значение религиозной жизни как в отношении собственно благочестия, так и в отношении морали, не входит в сферу настоящего рассмотрения. Безусловно, никакого отклика не находит здесь вопрос, касающийся истинности или красоты тех верований, на которых развиваются религиозные обряды. Здесь нельзя рассмотреть значение этих верований, имеющее более отдаленное отношение к экономике; этот предмет является слишком труднодоступным для понимания и слишком важным, чтобы ему нашлось место в столь поверхностном очерке.

В одной из предыдущих глав кое-что было сказано о том влиянии, которое денежные критерии оказывают на процессы оценки, осуществляемые на других, не связанных с денежным интересом основаниях. Существует, конечно, и обратная связь. Экономические критерии или каноны оценки в свою очередь находятся под влиянием внеэкономических критериев ценности. В известной степени наши суждения об экономическом достоинстве формируются под воздействием этих более веских интересов. Существует, надо признать, точка зрения, что экономический интерес имеет значение только как подчиненный этим высшим, неэкономическим факторам. Поэтому, помня о целях па-стоящего рассмотрения, какое-то внимание нужно уделить обособлению экономического интереса или экономического значения рассматриваемых явлений — антропоморфических культов. Требуется определенное усилие, чтобы принять более серьезную точку зрения и прийти к непредвзятому экономическому пониманию этих явлений, отделив «высшие», внешние по отношению к экономической теории, интересы.

При обсуждении спортивного темперамента выяснилось, что психологическим основанием привычки индивида играть в азартные игры служит представление игрока об анимистическом предрасположении, которым наделяются реальные предметы и события. С экономической точки зрения в этом представлении обнаруживается тот же самый психологический элемент, который выражается при всем разнообразии его форм в анимистических верованиях и антропоморфических культах. Дух азарта, пронизывающий спортивную стихию, относится к числу явных психологических свойств, с которыми должна иметь дело экономическая теория. Он постепенно, незаметными градациями переходит в тот склад ума, который позволяет индивиду находить удовлетворение в соблюдении обрядом благочестия. Как видно с точки зрения экономической теории, характер спортивного склада постепенно превращается в характер религиозного фанатика. Там, где анимистическому чувству азартного игрока приходит на подмогу сколь-нибудь последовательный обычай, это чувство развивается в более или менее выраженную веру в сверхъестественную или сверхматериальную силу с известной антропоморфической сущностью. Обычно в подобных случаях наблюдается заметная склонность устанавливать отношения со сверхъестественной силой путем обходительного умиротворения. Элемент благочестивого жертвоприношения и выпрашивания милостей лестью имеет много общего с более грубыми формами божественного культа — если не с точки зрения исторического развития, то по крайней мере по реальной психологической сущности. Очевидным образом этот элемент, сохраняя все разнообразие форм, постепенно переходит в то, что понимается как суеверные обычаи и верования, претендуя, таким образом, на родство с наиболее выраженными антропоморфическими культами.

Спортивный, или азартный, темперамент, далее, включает в себя некоторые существенные психологические элементы, которые характерны для лица, приверженного какому-либо вероучению или соблюдающего благочестивые церемонии, причем главным, в чем совпадают спортивный и благочестивый темпераменты, является вера в загадочное предрасположение или в сверхъестественное вмешательство в последовательность событий. В азартных играх вера в сверхъестественную силу может выражаться не столь детально — так обычно и бывает, особенно в том, что касается способа мышления и образа жизни, приписываемых сверхъестественному агенту, или, иначе говоря, «го нравственных качеств и тех целей, которые он преследует, вмешиваясь в события.

Также менее оформившимися и менее дифференцированными являются взгляды индивида спортивного темперамента на индивидуальные качества или личные свойства той силы, присутствие которой в качестве «судьбы», или «случая», или «удачи», или «талисмана» и т. д. он ощущает, а иногда страшится и старается избегать. Основание его деятельности как азартного игрока — это в значительной мере просто инстинктивное ощущение падматериальной, всепроникающей и капризной силы или предрасположенности в предметах и ситуациях; эта сила или предрасположенность едва ли признается личностью, т. е. не олицетворяется. Но азартный игрок нередко бывает и верящим в удачу, в наивном

понимании, и в то же время довольно стойким приверженцем какой-либо формы общепризнанного вероучения. Он особенно склонен принимать это вероучение в той его части, которая касается загадочной власти и деспотических привычек завоевавшего его доверие божества. В подобном случае анимизм в мышлении игрока выступает в двух, а иногда и более чем в двух формах.

Практически в духовном оснащении всякой общности людей, наделенных спортивным, или азартным, темпераментом, должен обнаруживаться в целостности весь ряд последовательных этапов анимистической веры. Такая система связанных анимистических представлений будет охватывать наряду с наиболее элементарной формой все промежуточные стадии, связующие систему в единое целое: от инстинктивного ощущения удачи, случая или предрешенности исхода событий — на одном конце ряда до идеального образа антропоморфического божества — на другом. Вера в сверхъестественную силу сопровождается инстинктивным приданием поведению такой формы, которая подчиняется, с одной стороны, предполагаемым требованиям везения, а с другой — загадочным велениям божества.

В этом отношении наблюдается связь между спортивным темпераментом и темпераментом преступных слоев; и они оба сочетаются с проявлением склонности к антропоморфическому культу. И правонарушитель, и индивид спортивного темперамента имеют в среднем больше задатков, чтобы становиться приверженцами какого-нибудь общепризнанного вероучения, а также гораздо более расположены к соблюдению обрядов благочестия, чем это наблюдается у большинства людей в общности. Можно также заметить, что неверующие представители этих слоев обнаруживают большую предрасположенность к принятию какой-нибудь традиционной веры, чем неверующие в среднем. Это наблюдаемое явление открыто признается выступающими в защиту спорта, особенно часто используя в качестве оправдания наивно-хищнических атлетических игр. Лица, для которых участие в атлетических состязаниях является привычным, действительно, в какой-то степени больше обычного предаются соблюдению обрядов благочестия, и этот факт, как настойчиво утверждают апологеты спорта, придает достоинство спортивной жизни. Нельзя не заметить, что культ, которого придерживаются люди спортивного темперамента и правонарушители-хищники или к которому примыкают новообращенные из этих слоев, обыкновенно относится не к одной из так называемых высших вер, а к культу, например, вполне антропоморфических божеств. Архаичная, хищническая природа человека не удовлетворяется неясными представлениями о растворяющейся личности, незаметно переходящими в понятие количественно измеримой причинно-следственной связи, такой личности, которая понимается под первопричиной, вселенским разумом, мировой душой или духовным аспектом. В качестве примера культа, носящего тот характер, которого требует склад ума атлета или правонарушителя, можно привести воинствующую церковь, известную под названием Армия спасения⁴³. Она до какой-то степени набрана из преступников низших слоев и, видимо, включает в себе, особенно в числе своих офицеров, непропорционально больше людей со спортивными биографиями, чем та доля, которую составляют такие люди от общего числа населения. Прямое отношение к обсуждаемой теме имеет университетская атлетика. Как утверждает выразителями стихии благочестия в университетской жизни — и, видимо, нет оснований оспаривать это заявление, — люди, нужные для проведения атлетических состязаний, находятся среди студентов любого колледжа в нашей стране и оказываются вместе с тем преимущественно людьми набожными; по крайней мере они предаются соблюдению обрядов благочестия в большей степени, чем в среднем те студенты, чей интерес к атлетике и другим видам университетской спортивной деятельности не так ярко выражен. Такой факт вполне согласуется с теорией. Попутно можно заметить, что с

---

⁴³ Армия спасения основана в 1865 г. Вильямом Бутом; религиозная филантропическая организация евангелического направления; насаждает религиозность независимо от вероисповедания; по структуре напоминает армию: имеет офицеров и рядовых, которые носят форму. — *Прим. перев.*

некоторой точки зрения это как раз и придает достоинство университетской спортивной жизни, атлетическим состязаниям и их участникам. Нередко случается, что университетские спортсмены посвящают себя религиозной пропаганде как основному или второстепенному виду деятельности; и что характерно, такие люди чаще всего становятся пропагандистами одного из наиболее антропоморфических культов. В своих проповедях они склонны настаивать главным образом на отношении статуса, господстве антропоморфического божества над человеческой личностью.

В студенческой среде такая тесная связь между атлетикой и обрядами благочестия — явление достаточно известное; однако тут есть одна характерная особенность, на которую не обращалось внимания, несмотря на ее достаточную очевидность. Религиозное рвение, которое сильно распространено в стихии университетской спортивной жизни, имеет особенную тенденцию выражаться в бездумной благочестивости и самодовольной покорности загадочному провидению. Поэтому обычно оно приводит индивида в какую-либо нецерковную религиозную организацию, занимающуюся распространением религии в общедоступных формах, как это делает, например, Ассоциация молодых христиан, или Общество молодежи христианского стремления⁴⁴. Эти светские по форме группировки организованы для содействия «практической» религии; и словно для того, чтобы подтвердить занимаемую ими позицию и установить прочную, тесную связь между спортивным темпераментом и архаической благочестивостью, эти нецерковные группировки обычно направляют значительную часть своих усилий на помощь атлетическим состязаниям и прочим спортивным играм, связанным с азартом и ловкостью. Можно было бы даже сказать, что спорт такого рода имеет известную притягательную силу. Его явно можно использовать в качестве средства привлечения новых приверженцев и способа поддержания благочестивых настроений у тех, кто уже стал на путь веры. Другими словами, спортивные состязания, упражняющие анимистическое чувство и развивающие склонность к соперничеству, способствуют формированию и сохранению того склада ума, которому близки эти более доступные религиозные культы. Таким образом, спортивная деятельность, попадая в руки организаторов нецерковных религиозных группировок, начинает служить испытательным или подготовительным этапом для той духовной жизни, более полное раскрытие которой является привилегией только лиц, прошедших причастие по всей форме.

Тренировка сопернических и примитивных анимистических склонностей, по существу, содействует соблюдению обрядов благочестия, и сей факт не должен вызывать никакого сомнения уже в силу того, что духовенство многих вероисповеданий следует в этом отношении примеру светских группировок. Особенно те церкви, которые ближе других к светским организациям в их настоянии на практической религии, предприняли определенные шаги к принятию таких же мер по воспитанию нравов, что не мешает соблюдению традиционных обрядов благочестия. Так, существуют «бригады мальчиков» и другие организации, официально поддерживаемые церковью, действие которых направлено на развитие склонности к соперничеству и чувства статуса в юных членах прихода. Эти псевдвоенные организации имеют тенденцию разрабатывать и подчеркивать склонность к соперничеству и завистническому сравнению, таким образом укрепляя наивную способность к различению и одобрению отношения личного господства и подчинения. И верующий является лицом, очень хорошо умеющим повиноваться и благосклонно принимать наказание.

Однако тот образ мысли, который воспитывается и сохраняется этими ритуалами, составляет лишь половину сущности антропоморфических культов. Другой, взаимодополняющий элемент благочестивого образа жизни — анимистический склад ума — укрепляется и сохраняется еще одной областью деятельности, организуемой с одобрения

---

⁴⁴ Ассоциация молодых христиан — религиозно-благотворительная организация, существует по сей день; занимается популяризацией религии среди молодежи, особенно юношей; содержит общежития, клубы и т. п. Вторая организация ныне не существует. — *Прим. перев.*

церкви. Это — разряд азартных мероприятий, за типичный образец которых можно взять церковный благотворительный базар или вещевую лотерею. Указывая на степень законности этих мероприятий в связи с собственно соблюдением обрядов благочестия, нужно заметить, что эти вещевые лотереи, а также подобные тривиальные благоприятные возможности для азартных игр, видимо, более действенно прельщают простых членов религиозных организаций, чем лиц, имеющих менее благочестивый склад ума.

Все это говорит, видимо, о том, что, с одной стороны, людей приводят к занятиям спортом, как и к антропоморфическим культам, одни и те же черты характера, а, с другой стороны, что это усвоение спортивной привычки, особенно в отношении занятий атлетикой, может быть направлено на развитие склонностей, находящих удовлетворение в соблюдении обрядов благочестия. Очевидно также, что и, наоборот, усвоение привычки соблюдать обряды благочестия способствует развитию и распространению склонности к атлетике и всем спортивным играм, дающим свободно проявляться привычке завистнического сопоставления и обращения к судьбе. В основном один и тот же ряд склонностей находит выражение и в той, и в другой области духовной жизни. Человеческая натура варвара, в которой преобладают хищнический инстинкт и анимистическая точка зрения, склонна и к благочестию, и к спорту. Хищнический склад ума включает в себя подчеркнутое чувство личного достоинства и твердое представление о положении индивидов по отношению друг к другу. Структура общества, в которой хищнический склад ума стал господствующим фактором при формировании институтов, является системой, основанной на статусе. Норма, пронизывающая хищнический жизненный уклад, — это отношение вышестоящих и нижестоящих, знатных и низких, господствующих и подчиненных лиц и социальных групп, отношение хозяина и раба. Антропоморфические культы передавались из поколения в поколение, начиная с той, хищнической, стадии развития производства и сформировались по той же схеме экономического разделения — разделения на потребителя и производителя — и их пронизывает тот же доминирующий принцип господства и подчинения. Эти культы приписывают их божествам образ мысли, соответствующий той стадии экономического разделения, на которой эти культы приняли определенную форму. Антропоморфическое божество, как понимается, является щепетильным во всех вопросах первенства и склонно к утверждению своего господства и деспотическому проявлению власти — привычному применению силы в качестве окончательного вершителя судеб.

В более поздних зрелых формулировках антропоморфической веры это обыкновение господствовать, приписываемое сначала божеству ужасного облика и непостижимой власти, смягчается в образе «бога-отца». Духовная позиция и способности, приписываемые сверхъестественному агенту, все еще относятся к режиму статуса, но принимают теперь форму патриархального уклада, характерного для квазипролюбивой стадии развития общества. Все же нужно заметить, что даже в этой продвинутой стадии культа при соблюдении обрядов, в которых благочестивость находит свое выражение, люди стремятся умиловить божество, превознося его величие и славу и изображая подчинение и верность вассалов. Акт умиловления или поклонения рассчитан на то, чтобы польстить чувству статуса, которое приписывается той загадочной власти, к которой так обращаются. Самыми популярными формами обращения за милостью все еще являются те, которые содержат в себе или подразумевают завистническое сопоставление. Верность и преданность по отношению к личности антропоморфического общества, наделенного такими архаичными свойствами человеческой природы, предполагают наличие похожих склонностей у самого приверженца веры. Применительно к целям экономической теории, отношение вассальной зависимости, будь, то от материальной или нематериальной личности, нужно рассматривать как ту или иную разновидность личного подчинения, которое составляет столь значительную долю в хищническом или квазимиролюбивом жизненном, укладе.

Имеющееся у варвара представление о божестве как о воинственном предводителе, склонном к властной манере правления, сильно смягчилось вследствие тех более кротких манер и того более умеренного образа жизни, которые характеризуют этапы развития

общества, лежащие между стадией раннего хищничества и настоящим временем. Однако даже после такого укрощения благочестивого воображения и последующего затухания тех более грубых черт поведения и черт характера, которые принято приписывать божеству, в общем понимании божественной природы и темперамента все еще остается очень существенный след представлений варвара. В результате получается, что при характеристике божества и его отношений с процессом жизни человеческого общества выступающие и пишущие все еще в состоянии эффективно воспользоваться образными сравнениями, заимствованными из военной лексики или из лексики хищнического образа жизни, так же и выражениями, которые содержат в себе элементы завистнического сопоставления. Образные средства такого рода прекрасно достигают своей цели даже в наши дни при обращении к наименее воинственной аудитории, состоящей из приверженцев веры в ее наиболее мягких вариантах. Такое эффективное употребление варварских эпитетов и оснований образного сравнения людьми, выступающими перед народом, говорит в пользу того факта, что современное поколение сохранило живое восприятие чувства собственного достоинства, черт и качеств варвара; оно говорит также о том, что между благочестивой позицией и хищническим складом ума существует некоторое соответствие. Если благочестивое воображение молящихся и заставляет их испытывать отвращение, когда объекту их поклонения приписываются свирепые эмоции и карающие действия, то лишь по зрелом размышлении. Обычному наблюдению доступен тот факт, что кроважанные эпитеты, применяемые при описании божества, в общем понимании обладают большой ценностью по красоте и почетности. Другими словами, намеки, содержащиеся в этих эпитетах, вполне приемлемы для нашего бездумного восприятия.

*Моим глазам открылось в сиянии явление
господне*

*Величественный он топчет гроздь гнева
Свет молний роковых рождает взмах его
ужасного меча*

И шествует по свету дальше истина его. 45

Направляющий образ мысли благочестивого лица развивается на уровне архаичного жизненного уклада, практически пережившего период своей эффективности для удовлетворения экономических потребностей современной коллективной жизни. В той мере, в какой организация экономики соответствует потребностям современной коллективной жизни, она пережила режим статуса, и отношение личного рабского подчинения является в ней бесполезным и неуместным. В том, что касается экономической эффективности общности, чувство личной вассальной зависимости и тот общий склад ума, который в этом чувстве выражается, являются пережитками, не дающими развиваться новому и препятствующими достаточному приспособлению социальных институтов к существующей ситуации. Прозаический склад ума, который больше всего годится для целей миролюбивой, производственной общности, — это тот, при котором материальные явления расцениваются просто как элементы механической последовательности, не скрывающей ничего другого. Это — тот умственный настрой, который не приписывает инстинктивно вещам какого-то анимистического предрасположения и не обращается к сверхъестественному вмешательству как к объяснению приводящих в недоумение явлений, а также не полагается на то, что невидимая десница придаст событиям полезный для человека ход. Чтобы это в современных условиях соответствовало требованиям наивысшей в вопросе экономической эффективности, «мировой процесс» должен привычным образом пониматься с точки зрения поддающихся количественной оценке бесстрастных сил и последовательности событий.

С точки зрения современных экономических потребностей благочестивость во всех, пожалуй, случаях нужно рассматривать как явление, сохранившееся от более ранней стадии

---

45 Первые строчки старинного религиозного гимна, популярного в США.

жизни в сообществе, т. е. как признак задержанного духовного развития. Конечно, остается справедливым тот факт, что в общности, где экономическая система все еще основана на статусе, где позиция массы людей последовательным образом формируется отношением личного господства и личного подчинения, приспособляясь к этому отношению, либо где по какой иной причине — в силу традиции или унаследованной склонности, — население в целом проявляет сильное расположение к соблюдению обрядов, там благочестивый склад ума, неотличающийся от среднего уровня общности, должен рассматриваться как подробность преобладающего образа жизни. В этом свете нельзя говорить, что благочестивый индивид в благочестивой общности является случаем атавистического возврата, так как в этом отношении он стоит наравне с прочей массой населения общности. Но с точки зрения современной производственной ситуации исключительную благочестивость — фанатическое рвение, которое заметно превышает средний уровень благочестивости в общности, — можно с уверенностью считать во всех случаях чертой атавистической.

Безусловно, в равной степени законным будет рассмотрение этих явлений с иной точки зрения. Они могут быть, расценены в связи с иными целями, и предложенное здесь, описание характера явлений допустимо представить в обратном порядке. Выступая с точки зрения религиозной заинтересованности или благочестивого вкуса, можно, с равной убедительностью, сказать, что духовная позиция, воспитанная в людях современной производственной жизнью, является неблагоприятной для сохранения веры. Можно было бы в связи с современным развитием промышленного производства справедливым образом высказать неодобрение по поводу того, что его школа имеет тенденцию к «материализму», к уничтожению сыновнего благочестия. С эстетической точки зрения, опять же, можно было сказать нечто аналогичное. Однако, как бы ни были законны и ценны эти и подобные размышления, преследующие свои цели, они были бы неуместны в настоящем исследовании, которое имеет дело с оценкой этих явлений исключительно с экономической точки зрения.

Оправданием для продолжения разговора о предмете, обсуждение которого вообще как экономического явления — в обществе столь благочестивом, как наше, — не может не быть неприятным, должно послужить очень важное экономическое значение антропоморфического склада ума и пристрастия к соблюдению обрядов благочестия. Соблюдение религиозных обрядов имеет большое экономическое значение как показатель сопутствующего варианта темперамента, которым сопровождается хищнический склад ума и который, таким образом, показывает наличие черт бесполезных в производственном отношении. Он отмечает психологическую позицию, которая сама по себе имеет определенное экономическое значение благодаря ее влиянию на полезность индивида для производства. Однако ее более непосредственное значение состоит также в том, что она видоизменяет экономическую деятельность общности, а в особенности — систему распределения и потребления товаров.

Наиболее явное экономическое значение соблюдения обрядов видно в благочестивом потреблении материальных ценностей и служб. Требуемое всяким культом использование церемониальных атрибутов в виде алтарей, храмов, церквей, одеяний, жертвоприношений, ритуальных символических предметов, праздничных одежд и т. д. — не служит непосредственному материальному назначению. Весь этот вещественный аппарат можно поэтому, не имея в виду порицания, охарактеризовать как отдельные предметы демонстративного расточительства. Подобное справедливо, вообще говоря, в отношении элементов личного услужения подобного рода, таких, как церковное образование, церковная служба, паломничество, посты, священные праздники, семейные религиозные обряды и т. п. В то же время те обряды, при исполнении которых производится демонстративное потребление, служат расширению и продлению популярности того образа мысли, на котором основывается антропоморфический культ. Другими словами, они способствуют распространению образа мысли, являющегося характерной чертой режима, основанного на статусе. Тем самым они препятствуют более эффективной организации производства при

современных условиях, в основном противодействуя развитию экономических институтов в направлении, которого требуют существующие обстоятельства. С точки зрения данного рассмотрения как прямые, так и косвенные следствия такого потребления наносят ущерб экономической эффективности общности. Далее, с точки зрения последствий, имеющих непосредственное значение для экономической теории, потребление материальных ценностей и сил в служении антропоморфическому божеству ведет к снижению жизненности общности. Вопрос о том, в чем могут заключаться более отдаленные, косвенные, нравственные последствия этой категории потребления, не допускает краткого ответа и рассматриваться здесь не может.

Уместно, однако, будет отметить общий экономический характер благочестивого потребления по сравнению с потреблением, преследующим другие цели. Указание на ряд мотивов и целей, от которых берет начало благочестивое потребление товаров, поможет в оценке того значения, которое имеют как само это потребление, так и в целом тот склад ума, которому оно близко. Существует поразительная аналогия, а то и значительное совпадение мотивов между потреблением, направленным на служение антропоморфическому божеству, с одной стороны, и на служение праздному господину — вождю или главе рода — в высшем классе общества, находящемся на стадии варварства, — с другой. И для вождя, и для божества возводятся дорогостоящие здания, занимающие выгодное обособленное положение. Эти здания, так же как и вещи, их дополняющие, не должны быть обычными по виду и качеству; они всегда обнаруживают значительный элемент демонстративного расточительства. Также можно отметить, что церковные здания неизменно архаичны по строению и отделке. Слуги как вождя, так и божества, должны являться перед господином облаченными в специальные, украшенные одеяния. Характерное в экономическом отношении свойство этого одеяния, подчеркнутое в нем сверх обычного демонстративное расточительство, наряду с еще одним второстепенным характерным свойством — более подчеркнутым у церковных слуг, чем у слуг или придворных властителя-варвара, — заключается в том, что эта изысканная одежда должна всегда быть в какой-то степени архаичного покроя. Наряды, которые надевают светские члены общности, когда они предстают перед лицом господина, тоже должны быть более дорогостоящими, чем их повседневная одежда. В этом опять же довольно хорошо отмечается аналогия между приемной залой вождя и святилищем. В этом отношении требуется известная парадная «чистота» одеяния; в экономическом отношении здесь характерно то, что наряды, надеваемые в таких случаях, должны содержать как можно меньше намека на какое-то производственное занятие или на какую-либо привычную склонность к материально полезным занятиям.

Это требование демонстративного расточения, или ритуальной чистоты, отсутствия следов производства, распространяется также на одежду и в меньшей степени на пищу, что потребляется во время священных праздников, т. е. в дни, обособленные в честь божества или для каких-то членов сверхъестественного праздного класса рангом пониже. В экономической теории священные праздники, очевидно, должны пониматься как время досуга, когда подставная праздность представляется за божество или за святого, во имя которого вводится и во славу которого служит, как это понимается, обязательное воздержание в эти дни от полезной работы. Характерная черта всех таких торжеств благочестивой подставной праздности — это более или менее жесткий запрет на всякую полезную человеку деятельность. В случае поста демонстративное воздержание от прибыльных занятий и от всяких занятий, которые способствуют (материально) человеческой жизни дополнительно подчеркивается обязательным воздержанием от потребления, ведущего к удобству или полноте жизни самого потребителя.

Можно заметить мельком, что светские праздники имеют тот же самый источник возникновения, только развиваются из него несколько более косвенным образом. Они постепенно переходят от подлинно священных дней — через занимающий промежуточное положение разряд полусвященных дней рождения королей и великих людей, в какой-то мере

возводившихся в ранг святых, — к нарочно придуманному празднику, отводимому для прославления какого-нибудь выдающегося события или какого-либо замечательного явления, которому намереваются оказать честь или добрая слава которого нуждается, как предполагается, в восстановлении. Это имеющее более отдаленное отношение к делу усовершенствование в использовании показной праздности в качестве средства приумножения доброй славы определенного явления или факта обнаруживается в наилучшем виде в его самых последних применениях. В некоторых странах был выделен для подставной праздности День труда. Этот обряд задуман для того, чтобы древним, времен хищничества, способом обязательного воздержания от полезной работы прибавить престижности факту труда. Этому данному факту «труда вообще» приписывается добрая слава, объяснимая денежной силой, которую явно доказывает воздержание от работы.

Священные праздники и праздники вообще имеют характер дани, которой облагается основная масса народа. Дань выплачивается в форме подставной праздности, а возникающий в результате почет приписывается лицу или факту, для прославления которого установлен праздник. Такая «десятина» подставной праздности причитается всем членам сверхъестественного праздного класса и является необходимой для их доброй репутации. *Un saint qu'on ne chome pas*⁴⁶ — это на самом деле бедствующий святой.

Помимо того, что этой «десятиной» подставной праздности облагаются светские лица, существует также особый слой — различных рангов священство и лица, прислуживающие в храмах, — чье время всецело выделено для такого рода праздности. На класс священнослужителей возлагается не только воздержание от грубой работы, особенно в том, насколько она может быть прибыльной или понимается как труд, содействующий мирскому благополучию человечества. Табу на труд сильнее для священнослужителей, оно подкрепляется дополнительным предписанием, запрещающим стремление к мирской выгоде даже там, где ее можно иметь без унижающего достоинство участия в производстве. Считается недостойным для слуги божества или, скорее, не соответствующим чувству собственного достоинства божества, если слуга будет стремиться к материальной выгоде или заботиться о мирских делах. «Из всех презренных созданий самым презренным является человек, который притворяется, что он жрец бога, а сам является жрецом собственных благ и честолюбивых устремлений».

Существует устанавливающая различие граница, которая без особого труда проводится развитым в вопросах соблюдения обрядов благочестия вкусом между теми действиями, которые способствуют полноте человеческой жизни, и таким поведением, которое служит доброй славе антропоморфического божества; и деятельность слоя священнослужителей всецело находится по одну сторону от этой границы. То, что попадает в сферу экономики, оказывается ниже должной заботы священства при его высоком сане и звании. Видимые исключения из этого правила, которые предоставляются, например, некоторыми средневековыми монашескими орденами (где монахи действительно занимались какой-то полезной работой), не опровергают этого правила. Эти ордены едва ли можно относить к священству, так как монахи не были жрецами в полном смысле этого слова. И можно также заметить, что-подобные ордены, поощрявшие своих членов к зарабатыванию средств к существованию, приобрели дурную славу, оскорбляя чувство пристойности в тех обществах, где они существовали.

Жрец не должен браться за физически производительный труд, но потреблять он должен в изрядной мере. Как раз в том, что касается потребления, нужно заметить, что* оно должно принимать такие формы, которые не способствуют явным образом собственному благу или полноте жизни, т. е. подчиняться правилам подставного потребления, тем принципам, о которых говорилось в соответствующем месте в одной из предыдущих глав. Обыкновенно для священнослужителей неприлично выглядеть сытыми или веселыми. В

---

⁴⁶ Святой, в чей день работают.

самом деле, во многих из наиболее разработанных культов предписание, запрещающее этому слою потребление, отличное от подставного, доходит до того, что предписывает умерщвление плоти. И даже в тех вероисповеданиях, которые возникают в современных производственных общностях, где символ веры получает новейшие формулировки, считается, что всякая веселость и энергичность в наслаждении радостями в этом мире-чужды истинному церковному декоруму. Всякая мысль, что сии слуги невидимого господина проводят жизнь не в ревностном служении доброй репутации своего господина, а в усердном стремлении к собственным целям, оскорбляет наши чувства, вызывая ощущение чего-то коренным и непреложным образом неверного. Они являются слугами, но тем не менее занимают высокое положение на социальной шкале благодаря падающему на них свету величия: ведь они слуги господина весьма и весьма возвышенного. Их потребление является подставным потреблением; а поскольку в сильно развитых культурах божество не нуждается в материальной выгоде, их занятием является подставная праздность в полном смысле слова. «Ибо будешь ли ты есть, или пить, или что бы ни делать, делай все во славу божию».

Можно добавить, что тот же характер придается также жизни светских лиц в той мере, в какой они, считаясь слугами божества, уподобляются священству. Это естественное следствие имеет до некоторой степени широкую сферу приложения. В особенности оно приложило к тем движениям за реформу или восстановление в правах религиозной жизни, которые стремятся к суровости, пиетизму, аскетичности, т. е. когда считается, что жизнь человека находится в прямой рабской зависимости от духовного повелителя. Другими словами, когда теряет силу институт священства или есть исключительно живое ощущение непосредственного и властного участия божества в делах житейских, то считается, что светское лицо находится в прямой рабской зависимости от божества, а его образ жизни, как это представляется, становится показателем подставной праздности, направленной на усиление господней славы. В таких случаях атавистический возврат к непосредственному подчинению выступает в качестве ключевого момента благочестивой позиции. При этом особое значение придается строгой и причиняющей неудобство подставной праздности в ущерб демонстративному расточительству как средству снискания господней милости.

Некоторое сомнение в том, что такое описание священнического образа жизни является вполне правильным, возникает на том основании, что значительная часть священников во многих элементах отходит от характерного для них образа жизни. Он теряет свою силу среди духовенства тех вероисповеданий, которые в какой-то мере отошли от давно установленной системы вероучений и обрядов. Это духовенство снисходит до заботы, по крайней мере официальной, о мирском благоденствии светских лиц, равно как и о своем собственном. Стиль жизни не только в частной, домашней обстановке, но нередко даже на людях уже не отличается так сильно от стиля жизни лиц светского склада ни в показной строгости, ни в архаизме атрибутов. Это наиболее справедливо в отношении тех вероисповеданий, которые дальше других разошлись с традицией. По этому поводу нужно сказать, что здесь нам приходится иметь дело не с расхождением в теории священнической жизни, а с неполной сообразностью этой группы духовенства с характерным образом жизни. Речь идет лишь о представителях еще не полностью сформировавшегося священства, и их образ жизни не следует рассматривать как истинно и достоверно священнический. Духовенство такого рода можно было бы охарактеризовать как священство «полукастовое» или находящееся в процессе становления или воссоздания. Оно, как можно ожидать, будет обнаруживать характерные черты священнической функции только в завуалированном виде, в сочетании с чуждыми мотивами и традициями — из-за того, что в цели тех организаций, которым принадлежит эта несообразующаяся часть священства, вмешиваются факторы, отличные от анимизма и статуса.

Можно апеллировать непосредственно к вкусу всякого лица с различающим, культивированным представлением о священнических приличиях или к господствующему представлению о том, что составляет внешние приличия духовенства в любой общности, среди которой принято думать и высказывать критические замечания по поводу того, что

может или чего не может делать духовное лицо, не подвергаясь при этом осуждению. Даже в наиболее сильно секуляризованных вероисповеданиях ощущается, что должно соблюдаться некоторое различие между священническим и светским образом жизни. Никакая чувствительная личность не может не ощущать, что там, где члены духовенства данного вероисповедания или секты отходят от традиционной практики в направлении менее строгого или менее архаичного поведения и одежды, они тем самым отходят от идеала священнического декорума. Наверно, не существует такой общности и такой секты в пределах западной культуры, в которых границы позволительных поблажек не были бы заметно теснее для лица, на которое возложена священническая функция, нежели для простого мирянина. Если имеющееся у самого священника чувство жреческих приличий не накладывает действенного ограничения на его поведение, то широко распространенное в общности представление о приличиях обычно заявляет о себе так навязчиво, что заставляет того подчиниться или оставить свою должность.

Можно добавить, что очень мало кто из представителей духовенства стал бы открыто добиваться увеличения жалованья корысти ради; а если бы такое заявление было-сделано открыто, оно было бы найдено отвратительным членами прихода с их представлениями о приличии. В связи с этим можно отметить также, что каждый, кроме разве что зубоскалов и очень глупых людей, испытывает инстинктивное внутреннее огорчение при шутке, звучащей с церковной кафедры, и что нет такого человека, чье уважение к его духовному пастырю не страдало бы вследствие всякого признака веселости со стороны ононого при любом стечении жизненных обстоятельств, кроме тех случаев, когда будет явно чувствоваться, что это веселость театральная, т. е. случаев вынужденного расслабления чувства собственного достоинства. Приличествующая святилищу и должности священнослужителя манера выражаться должна также содержать как можно меньше ассоциаций с действительной, повседневной жизнью, слова не должны черпаться из лексики современной торговли или производства. Подобным образом легко оскорбить имеющееся у человека чувство приличия слишком подробным и обнаруживающим близкое знакомство с предметом разбором духовными лицами производственных и прочих чисто человеческих вопросов. Существует определенный уровень обобщения, опускаться ниже которого благовоспитанному духовному лицу при обсуждении им мирских интересов не позволит культивированное чувство приличия в отношении проповеднической речи. Те вопросы, которые важны просто для человека и его светской жизни, надлежит разбирать с такой степенью обобщенности и отстраненности, чтобы можно было понять, что говорящий представляет господина, чей интерес в мирских делах не распространяется дальше их снисходительного санкционирования.

Далее нужно заметить, что эти несообразующиеся с канонами секты и варианты традиционных вероисповеданий, которые здесь обсуждаются, разнятся между собой по степени несоответствия идеальному образу священнической жизни. Вообще говоря, расхождение в этом отношении будет самым широким у сравнительно молодых вероисповеданий, и в особенности тех, которые находят приверженцев преимущественно среди низших слоев среднего класса. Эти вероисповедания обычно обнаруживают значительную примесь гуманных, филантропических или иных мотивов, которые нельзя отнести к выражениям благочестивой позиции, таких, как жажда знаний или веселого общения, которая явно обнаруживается в реальных интересах членов прорелигиозных организаций. Несообразующиеся с канонами или сектантские движения проистекают из смеси мотивов, ряд из которых действует вразрез с чувством статуса, лежащим в основе священнической функции. Иногда, надо признать, мотивом в значительной мере послужило именно неприятие системы статуса. В таких случаях институт священства разрушался при таком переходе, по крайней мере частично. Выступающий в защиту такой организации является поначалу скорее служащим, представителем организации, нежели членом особого священнического класса, выступающим от лица божественного господина. И лишь в процессе постепенной специализации такой представитель движения, уже в последующих

поколениях, вновь обретает положение жреца с полной инвеститурой священнического авторитета и с сопровождающим этот авторитет строгим, архаичным образом жизни, носящим характер подставной праздности. Подобное справедливо в отношении распада и восстановления благочестивой церемонии после такого рода временного отвращения от системы статуса. Священнические функции, образ жизни и система обрядов благочестия восстанавливаются в своих правах лишь постепенно, незаметно и с большими или меньшими частными изменениями, по мере того как настойчивое общественное представление о благочестивом приличии вновь утверждает свое первенство в вопросах, касающихся заинтересованности в сверхъестественном, — и, можно добавить, по мере того как данная организация становится богаче, усваивая, таким образом, взгляды и образ мысли, более близкие к взглядам и образу мысли праздного класса.

За слоем священнослужителей, располагаясь в порядке восходящей иерархии, идет обычно класс представляющих подставную праздность сверхъестественных лиц: святых, ангелов и так далее — или сверхъестественных лиц, им равносильных в тех или иных этнических культурах. Согласно разработанной системе статуса, они располагаются по рангам, один над другим. Принцип статуса пронизывает всю иерархическую систему — и видимую, и невидимую. Хорошая репутация отдельных категорий лиц сверхъестественной иерархии также обычно требует известной дани в виде подставного потребления и подставной праздности. Во многих случаях они соответственным образом обрекли на служение себе подразделения религиозных служителей или иждивенцев, представляющих за них праздность по тому же образцу, который соответствует несамостоятельному праздному классу при патриархальной системе, — как это было установлено в одной из начальных глав.

Может быть, не является очевидным и требует размышления вопрос о том, какое же отношение обряды благочестия и характерная особенность темперамента, которую они подразумевают, или охватываемое культом потребление товаров и услуг, имеют к праздному классу современной общности или к экономическим мотивам, выразителем которых является этот класс при современном образе жизни общества. В этой связи будет полезно дать краткий обзор некоторых известных явлений.

Как явствует из какого-то момента настоящего обсуждения, для осуществления коллективной жизни в наши дни, особенно в том, что касается производственной эффективности современной общности, характерные особенности благочестивого темперамента скорее являются препятствием, чем оказывают помощь. Соответствующим образом следует сделать вывод, что у современной производственной жизни имеется тенденция устранять отбором эти особенности духовного склада у людей тех социальных групп, которые принимают непосредственное участие в процессе производства. Должен оставаться справедливым, при некотором приближении, тот факт, что благочестие среди членов того, что можно назвать реальной производственной общностью, понижается или имеет тенденцию к устареванию. В то же время должно быть ясно, что склонность или привычка к благочестию сохраняется в значительно большей силе среди тех классов, которые непосредственным или преимущественным образом не составляют производственного фактора в процессе жизни общества.

Уже обращалось внимание читателя на тот факт, что эти последние классы, жизнь которых проходит вне производственного процесса, скорее рядом с ним, приблизительно подпадают под две категории: 1) собственно праздный класс, надежно защищенный от давления экономических обстоятельств, и 2) слой нуждающихся, включая правонарушителей из низов, которые подвержены этому давлению чрезмерно. В первом случае архаичный склад ума продолжает свое существование потому, что никакая действенная экономическая сила не принуждает праздный класс приспособлять свой образ мысли к изменяющейся ситуации; тогда как во втором случае причиной несостоятельности в приспособлении образа мысли к измененным требованиям производственной эффективности является недоедание, отсутствие дополнительной энергии, необходимой для соответствующего приспособления, а наряду с этим — отсутствие благоприятных возможностей для приобретения новой точки

зрения и усвоения ее в качестве привычки. В обоих случаях направление процесса отбора почти одно и то же.

С точки зрения, вырабатываемой в современной производственной жизни, явления обыкновенно рассматриваются в отношении их физической последовательности, поддающейся количественному выражению. Нуждающиеся слои не только не получают топ толики досуга, который необходим для того, чтобы понять и усвоить наиболее новые выводы науки, связанные с такой точкой зрения на вещи, но, кроме того, освобождение от образа мысли, присущего системе статуса, существенно задерживается их личной зависимостью, подчиненностью тем, кто занимает более высокое денежное положение. В результате в этих слоях сохраняется в известной мере тот склад ума, главным выражением которого является сильное чувство личного статуса, а одной из характерных особенностей — благочестивость.

В старейших общностях европейской культуры потомственный праздный класс, а заодно и масса нуждающегося населения предаются соблюдению обрядов благочестия в значительно большей степени, чем трудолюбивые средние слои, если только последняя категория населения достаточно многочисленна. Однако в некоторых из этих стран две названные выше общественные группы, имеющие консервативный характер, охватывают практически все население. Там, где они имеют достаточно сильное превосходство, их естественные влечения формируют настроение общества до такой степени, что преодолевают в незначительном по численности среднем слое любую возможную тенденцию в другом направлении, навязывают благочестивую позицию всей общности.

Это, конечно, не нужно понимать как утверждение, что такие страны или такие социальные группы, которые очень склонны к соблюдению обрядов благочестия, имеют тенденцию к сколь-нибудь исключительной степени подчинения подробным правилам какого-либо кодекса нравственности, который мы, быть может, привыкли связывать с тем или иным вероисповеданием. В значительной мере благочестивый склад ума не обязательно несет в себе строгое соблюдение предписаний десяти заповедей или обычного права. Правда, в описаниях преступного мира в европейских странах часто отмечается, что преступные и распутные слои, если уж о том зашла речь, более склонны к благочестию, чем население в среднем, и благочестие принимает среди них более наивные формы. Относительную освобожденность от благочестивых взглядов нужно ожидать у тех, кто занимает промежуточное положение в денежном отношении, и в основной массе граждан, придерживающихся закона. Те, кто знает толк в достоинствах высших вероисповеданий и обрядов, возразили бы, что благочестие правонарушителей из низших слоев является ложным или в лучшем случае благочестием из суеверия; и этот момент, безусловно, отмечается правильно; такое возражение вполне логично, но, в сущности, не имеет отношения к настоящему исследованию. Такие различия, остающиеся за рамками экономики и психологии, нам волей-неволей приходится опускать, как бы они ни были ценны и в каких бы целях ни устанавливались.

То, что в действительности имело место в отношении освобождения социальных групп от привычки соблюдения обрядов благочестия, обнаруживается в недовольстве, высказываемом в наши дни духовенством, — недовольстве тем, что церковь теряет симпатии трудящихся слоев и теряет свое влияние на них. В то же время сейчас полагается, что «средний класс», так обычно его называют, тоже изменяет церкви в своей искренней поддержке, особенно в том, что касается взрослых мужчин этого класса. Эти явления признаются теперь всеми; и могло бы показаться, что достаточно просто на них сослаться, чтобы подкрепить изложенную в общих чертах позицию. Такая апелляция к явлениям всеобщего характера, касающимся посещения церковью населением и количества прихожан, может быть, является достаточно убедительной для выдвигаемого здесь утверждения. Но тем не менее будет кстати несколько подробнее проследить развитие событий и найти конкретные причины перемен, которые произошли в духовной позиции наиболее передовых современных производственных общностей. Это послужит иллюстрацией того, каким образом экономические причины содействуют секуляризации общества. В этом отношении

очень убедительным примером может служить американское общество, так как внешние обстоятельства мешали ему меньше, чем любой другой столь же крупной производственной совокупности.

Оставив в стороне все возможные исключения и спорадические отклонения от нормы, можно довольно сжато подытожить имеющуюся в настоящее время в нашей стране ситуацию. Как правило, в особенной мере благочестивы слои, которые экономически малоэффективны или имеют плохо развитые умственные способности, или и то и другое вместе — таково, например, негритянское население Юга, большая часть населения иностранного происхождения низших слоев, большая часть сельского населения, особенно в районах, отсталых по образованию, по уровню развития производства или интенсивности производственных контактов с остальной частью общности. Таковы также отдельные группы остро нуждающихся, которые считаются у нас ограниченными или потомственными, или изолированные преступные или распутные слои, хотя среди этих последних благочестивый склад ума с большей вероятностью будет принимать форму наивной анимистической веры в удачу и в действенность шаманских обрядов, чем форму официальной принадлежности к какому-либо общепризнанному вероисповеданию. Слои рабочих, с другой стороны, и это общеизвестно, изменяют общепризнанным антропоморфическим вероисповеданиям и соблюдению всяких благочестивых обрядов. Они в особой степени подвержены давлению со стороны организованного-производства с характерными для него интеллектуальными и психологическими требованиями, необходимостью постоянного распознавания очевидных явлений, происходящих в безличной, фактической последовательности, а понимания их безусловного подчинения закону причины и следствия. В то же время этот класс не является ни недоедающим, ни перерабатывающим до такой степени, чтобы не оставалось резерва энергии для адаптации.

Низший, или сомнительный, праздный класс в Америке — так обычно называемый «средний класс», — дает несколько специфичную картину. Он отличается в отношении благочестивого образа жизни от своего европейского-двойника, но скорее по степени и формам благочестия, чем по существу. Церкви все же пользуются денежной поддержкой этого класса, хотя вероисповедания, которых он придерживается наиболее охотно, относительно бедны антропоморфическим содержанием. В то же время реальный, составляемый средним классом приход в ряде случаев имеет тенденцию, возможно не очень выраженную, превращаться в приход, состоящий из женщин и несовершеннолетних. Наблюдается заметное отсутствие благочестивого рвения среди мужчин среднего класса, хотя в значительной степени среди них сохраняется известное престижное и самодовольное согласие с основами общепризнанного-вероучения, в котором они воспитывались. Их повседневная жизнь осуществляется в более или менее тесном контакте с процессом производства.

Это своеобразная позиция мужчин — тенденция передавать соблюдение обрядов благочестия женщинам и детям — существует, по крайней мере отчасти, благодаря тому, что женщины среднего класса в значительной мере являются подставным праздным классом. То же справедливо, в меньшей степени, в отношении женщин низших, нуждающихся слоев. Они живут в условиях системы статуса, унаследованной ими от начальной стадии развития производства, и тем самым сохраняют настрой и образ мысли, когда все рассматривается с архаичной точки зрения. В то же время они не находятся в такой органической связи с производственным процессом, во всем его объеме, чтобы разрушить этот образ мысли, уже давно не соответствующий потребностям современного производства. Другими словами, особая благочестивость женщин — это частное выражение консервативности, которой женщины цивилизованных общностей обязаны в значительной мере их экономическому положению. Патриархальное отношение статуса никоим образом не является господствующей чертой образа жизни современного мужчины; но, с другой стороны, для женщин вообще и для женщин верхних слоев среднего класса в особенности, как бы они ни были прикопаны традицией и экономическими обстоятельствами к «домашней сфере», это

отношение является самым реальным фактором, формирующим их образ жизни. Отсюда — склад ума, благоприятствующий соблюдению обрядов благочестия и истолкованию всех жизненных фактов с точки зрения личного статуса. Повседневный быт женщины с его логическим ходом развития переносится в мир сверхъестественного, она довольствуется кругом хорошо усвоенных ею понятий, которые мужчине в значительной мере чужды и смешны.

Тем не менее мужчины «среднего класса» также не лишены набожности, хотя это обычно не та набожность, которая бы переполняла их душу или находила энергичное выражение. Более самодовольную позицию по отношению к соблюдению обрядов благочестия занимают обычно мужчины верхних слоев среднего класса, чем мужчины рабочих слоев. Частью это, наверно, можно объяснить, сказав, что все относящееся к женщинам данного класса, справедливо в меньшей степени и в отношении мужчин. В ощутимой мере мужчины занимают привилегированное положение, а патриархальное отношение статуса, все еще сохраняющее свое существование в их супружеской жизни и в их привычном использовании прислуги, может быть, также содействует сохранению архаичного склада ума и, возможно, оказывает свое задерживающее влияние на процесс секуляризации, который претерпевает их образ мысли. Связи мужчин американского «среднего класса» с экономической общностью являются, однако, довольно тесными и обязывающими; хотя попутно и в качестве уточнения можно заметить, что их экономическая деятельность по своему характеру нередко напоминает также в какой-то степени патриархальную или квазихищническую. Занятиями, которые среди этого класса пользуются доброй славой и которые имеют наибольшее отношение к формированию образа мысли класса, являются занятия в финансовой сфере, о которых шла речь при рассмотрении подобных вопросов в одной из предыдущих глав. В изрядной мере сохраняется отношение властного приказа и подчинения, а также немало хитрости, отдаленно сродственной хищническому мошенничеству. Все это относится к уровню жизни варвара-хищника с привычной для него благочестивой позицией. И кроме того, нужно сказать, что соблюдение обрядов благочестия прельщает этот класс на основании почетности. Однако это последнее побуждение к благочестию само по себе заслуживает рассмотрения, и о нем вскоре будет идти речь.

В американском обществе нет сколько-нибудь значительного потомственного праздного класса, кроме как на Юге. Этот праздный класс Юга соблюдает обряды благочестия, причем больше, чем какая-либо социальная группа в других частях страны, занимающая в денежном отношении такое же положение. Широко известно также, что верования в южных штатах сохраняются в более старомодных формах, чем их аналоги на Севере. Более архаичной благочестивой жизни Юга соответствует более низкий уровень развития производства в этом районе. Организация производства на Юге, в особенности до недавнего времени, носила и сейчас носит характер более примитивный, чем организация производства в американском обществе в целом. Она более приближается к ручному труду по малочисленности и примитивности используемых механических приспособлений, и в ней присутствует больший элемент господства и подчинения. Можно заметить также, что благодаря специфическим экономическим условиям этого района устанавливается соотношение между большей благочестивостью населения Юга, как белого, так и негритянского, и образом жизни, который во многом напоминает этапы производственного развития в период варварства. Среди этого населения также были и остаются сравнительно более распространенными и менее порицаемыми, чем где-либо еще, агрессивные проявления архаического характера, как, например, дуэли, шумные уличные ссоры, междоусобица, пьянство, скачки, петушиные бои, азартные игры, половая невоздержанность мужчин (доказываемая значительным числом мулатов). Заметно также более живое представление о почете, являющееся выражением инстинкта спортивного мастерства и производным от хищнического образа жизни.

Что касается наиболее зажиточных слоев северных штатов, американского праздного

класса в полном смысле этого слова, то здесь, во-первых, едва ли можно говорить о какой-то наследственной благочестивой позиции. Этот класс появился слишком недавно, чтобы овладеть сложившимися наследственными привычками или же усвоить особую традицию местного происхождения. Тем не менее можно мимоходом заметить, что среди этого класса наблюдается ощутимая тенденция признавать свою приверженность, по крайней мере номинальную, и по-видимому, являющуюся в какой-то мере действительной, какому-либо из общепризнанных вероисповеданий. К тому же свадьбы, похороны и тому подобные торжественные события среди этого класса довольно единообразно отмечаются с какой-то особой религиозной церемонностью. Нельзя сказать, насколько эта приверженность к вероисповеданию является возвратом к благочестивому складу ума, а насколько ее нужно классифицировать как случай защитной социальной мимикрии, внешнего уподобления канонам, почтенности, заимствованным у иностранных идеалов. Видимо, здесь присутствует что-то от реальной склонности к благочестию, в особенности судя по несколько повышенному вниманию к соблюдению ритуалов, занимающих все больше места в высокосветских культурах. Среди поклоняющихся богу представителей верхних слоев заметна тенденция примыкать к тем культурам, которые делают сравнительно большой упор на обрядности и на зрелищных аксессуарах богослужения: и в церквях, где среди прихожан преобладают представители верхних слоев, в то же время наблюдается тенденция в службе и в аппарате соблюдения обрядов благочестия подчеркивать черты обрядности, пренебрегая собственно духовными чертами. Это остается справедливым даже в тех случаях, когда рассматриваемая церковь относится к вероисповеданию со сравнительно незначительным уровнем развития ритуала и атрибутов. Это повышенное развитие элемента обрядности, несомненно, происходит отчасти благодаря пристрастию к демонстративно расточительным зрелищам, но, вероятно, оно указывает также на характер благочестивой позиции прихожан. Последнее, насколько оно справедливо, указывает на сравнительно архаичную форму религиозного обычая. Преобладание зрелищных эффектов при соблюдении обрядов благочестия можно заметить во всякой благочестивой общности, которая находится на сравнительно примитивной стадии и имеет незначительный уровень духовного развития. Оно особенно характерно для культуры варварства. Здесь в соблюдении обрядов благочестия довольно единообразно присутствует прямое обращение к эмоциям во всех способах восприятия. И в современных аристократических церквях имеется явная тенденция возврата к такой наивной, чувственной форме выражения благочестия. В тех культурах, которые претендуют на преданность низших слоев праздного класса и средних слоев общества, она заметна в меньшей степени. Наблюдаются как возврат к использованию разноцветных огней и блестящих зрелищ, так и более свободное обращение к символике, оркестровой музыке и ладану; можно даже различить при исполнении песнопений, а также в богатых по своему разнообразию фигурах коленопреклонения начало атавистического возврата к такому древнему атрибуту богослужения, как священный танец.

Такой возврат к зрелищным обрядам не ограничен аристократическими культурами, хотя лучше всего он подкрепляется примерами из жизни высших в социальном и денежном отношении слоев, получая там наибольший акцент. Религиозные обряды благочестивой части общности из низших слоев, таких, как негры Юга и малоразвитые группы иммигрантов, конечно, также обнаруживают сильное расположение к ритуалу, символике и зрелищным эффектам — что и можно было ожидать, судя по их предшественникам и культурному уровню этих слоев. У этих слоев господство ритуала и антропоморфизма является не столько результатом атавистического возврата, сколько продолжением развития, начавшегося в прошлом. Однако пользование ритуалом и связанные с ним черты религиозности распространяются также и в других направлениях.

В начальный период становления американского общества господствующие вероисповедания начинали с ритуала и его атрибутов, которые были аскетически просты; однако каждый знает, что с течением времени эти вероисповедания в различной степени усвоили почти все те зрелищные элементы, от которых они в свое время отказались. В

широком плане это усвоение шло рука об руку с ростом богатства и облегчением жизни паствы, достигнув своего наиболее полного выражения в тех классах, которые занимают наивысшую ступень богатства и почета.

Причины, объясняющие эти денежные градации благочестивости, уже указывались в широком плане, когда речь шла о различиях между классами в образе мысли. Различия между классами в отношении благочестивости являются лишь выражением общего факта. Слабая поддержка церкви со стороны нижнего слоя «среднего класса» или то, что можно в широком смысле назвать недостаточным сыновним почитанием среди этого класса, ощутимы главным образом среди групп городского населения, занимающихся в технических отраслях промышленного производства. Вообще говоря, в настоящее время никто не ожидает безупречного сыновнего почитания среди тех социальных групп, которые по роду их занятий соответствуют инженерам и техническим специалистам. Эти технические виды занятий — явление в какой-то степени новое. Ремесленники прежних времен, работа которых отвечала производственным целям того же характера, что и те, которым отвечает теперь работа технических специалистов, не были так невосприимчивы к благочестивым традициям. Привычная деятельность людей, занимающихся в этих отраслях производства, сильно изменилась в том, что касается умственной дисциплины этой деятельности, так как в моду вошли новые технологические процессы; умственные навыки, которые приобретает в своем повседневном занятии рабочий, обслуживающий машинную технику, оказывают влияние на его суждения о том, что лежит за пределами его обычной работы. Близкое знакомство с сегодняшними высокоорганизованными и крайне обезличенными производственно-технологическими процессами содействует разрушению анимистического образа мысли. Функцией рабочего все больше становится исключительно функция наблюдения за механическими процессами и понимания причинности в последовательности событий. Пока индивид остается главным и характерным источником энергии в этом процессе, пока бросающейся в глаза характерной особенностью производственного процесса является физическое мастерство и сила отдельного рабочего, до той поры привычка истолковывать факты с точки зрения чьих-то личных мотивов и склонностей не претерпевает такого значительного и последовательного разрушения, которое приводило бы к ее устранению. Однако при производственно-технологических процессах, получивших позже свое развитие, когда исходные причины и те приспособления, посредством которых они приводятся в действие, носят обезличенный характер, привычным основанием для сознательных выводов рабочего, а также той точкой зрения, с которой он обычно схватывает суть происходящего, является вынужденное понимание фактической, соответствующей действительности последовательности событий. В результате у рабочего наблюдается тенденция к неблагочестивому скептицизму по отношению к религии.

Ясно, далее, что благочестивый склад ума достигает своего наилучшего развития при относительно архаической культуре; при этом термин «благочестивый» употребляется здесь, конечно, просто в его антропологическом смысле, а не как означающий что-то еще в отношении таким образом описываемой духовной позиции, помимо факта склонности к соблюдению обрядов благочестия. Ясно также, что благочестивая позиция знаменует тип человеческой природы, более согласующийся с хищнической культурой, чем с получившим свое недавнее развитие образом жизни общества, последовательнее и органичнее связанным с производством. Она в значительной мере является выражением привычного архаического представления о личном статусе — об отношении подчинения и господства — и поэтому вполне вписывается в схему производственной жизни хищнического и квазимиролюбивого общества, но не укладывается в сегодняшнюю систему производственной жизни. Ясно также, что в современных общностях благочестие наиболее крепко удерживает свои позиции среди тех классов, повседневная жизнь которых удалена от производственно-технологических процессов и которые в других отношениях тоже являются наиболее консервативными; в то время как люди, которые находятся в привычном и непосредственном контакте с современными производственными процессами и у которых

образ мысли подвержен сильному воздействию технологических потребностей, отходят от анимистического истолкования явлений и того уважения к личностям, на котором строится соблюдение обрядов благочестия. Ясен также и тот имеющий особенное отношение к настоящему обсуждению факт, что в современных общностях благочестивые обычаи до известной степени все более укореняются и развиваются среди тех классов, у которых в явном избытке и богатство, и досуг. В этом отношении, как и в других, институт праздного класса содействует сохранению и даже восстановлению того архаического типа человеческого характера и тех элементов архаической культуры, которые устраняются в процессе промышленного развития общества на более поздних стадиях.

Глава XIII. Случаи сохранения независтнического интереса

С течением времени антропоморфический культ с его кодексом соблюдения обрядов благочестия, находясь под давлением экономических потребностей и в результате разрушения системы статуса, сам испытывает постепенный и все больший распад. По мере того как происходит этот распад, с благочестивой позицией начинают смешиваться, ассоциируясь с ней, некоторые другие мотивы и побуждения, не всегда имеющие антропоморфическую природу и не обязательно объясняющиеся привычкой к личному подчинению. Не все из этих дополнительных побуждений, привносимых в религиозные обычаи современной жизнью, всецело согласуются с благочестивой позицией или с антропоморфическим пониманием последовательности событий. Поскольку происхождение этих побуждений неодинаково, их влияние на систему религиозной жизни также происходит в различных направлениях. Во многих отношениях они идут вразрез с лежащей в их основе нормой подчинения или подставной жизни, нормой, к которой как к реальному основанию нужно сводить весь кодекс соблюдения обрядов благочестия, а также институты церкви и духовенства. Вследствие наличия чуждых мотивов постепенно разрушается режим статуса в обществе и производстве и канон личного подчинения теряет ту опору, которую он находил в нерушимой традиции. В занятую этим каноном сферу деятельности вторгаются чуждые ему привычки и тенденции, и вскоре система церкви и духовенства частично обращается на другие цели, противоречащие в известной мере назначению системы благочестия, какой она была во времена наиболее сильного и характерного развития священства.

Среди этих противоречащих мотивов, которые оказывают свое влияние на систему благочестия в ее последующем развитии, можно упомянуть мотивы благотворительности, а также товарищеского общения и развлечения в обществе, или, более широко, различные проявления чувства человеческой солидарности и сочувствия. К этому можно добавить, что использование церкви в чуждых ей целях существенно способствует ее сохранению в том же виде и под тем же названием даже среди людей, готовых, возможно, отказаться от ее сущности. Элементом, еще более характерным и еще более противоречащим и пронизывающим мотивы системы благочестия, используемые в ее официальной поддержке, является то не признающее авторитетов чувство эстетического единения с окружающим миром, которое остается сегодня от акта поклонения, когда из него исключена антропоморфическая сущность. Смешавшись с мотивом подчинения, оно сослужило хорошую службу в деле сохранения института священнослужителей. Это чувство или эстетическое побуждение к солидарности с окружающим миром не является прежде всего экономическим по своему характеру, но на более поздних этапах развития промышленного производства оно косвенно в значительной мере содействует формированию у индивида экономически целенаправленного склада ума; его наиболее заметное влияние в этом направлении видно в смягчении чересчур ярко выраженного пристрастия к собственным интересам, унаследованного традицией от начальных, наиболее адекватных этапов режима статуса. Поэтому представляется, что экономическое значение этого побуждения идет вразрез с благочестивой позицией: первое будет видоизменять, а то и устранять пристрастие к собственным интересам, существующее в силу противопоставления или непримиримости

«я» и «не-я»; в то время как последняя, будучи выражением представления о личном господстве и подчинении, будет подчеркивать это противопоставление и стремиться к расхождению эгоистических интересов с интересом жизнедеятельности всего человеческого общества.

Это очищенное от завистнического интереса наследие религиозной жизни — чувство единения с окружающим миром или с общим процессом жизнедеятельности — так же, как побуждение к благотворительности или общительности, действует всепроникающим образом, придавая образу мысли людей экономическую направленность. Однако действие всей этой категории стимулов несколько неопределенно, и трудно проследить в деталях все его последствия. Но ясно уже то, что оно идет вразрез с теми принципами, лежащими в основе института праздного класса, которые были сформулированы выше. Основанием этого института, как и основанием связанных с ним в развитии культуры антропоморфических культов, является привычка завистнического сравнения, а эта привычка несовместима с проявлением склонностей, о которых сейчас идет речь. Реальными канонами, которым подчиняется образ жизни праздного класса, являются демонстративное расточительство времени и средств, а также устранение от процесса промышленного производства, в то время как рассматриваемые здесь специфические склонности ярко проявляются в порицании расточительства и бесполезного образа жизни, а также в стремлении к участию в процессе общественной жизни или слиянию с ним, будь то в экономической области или в какой-либо другой из сторон или аспектов этого процесса.

Понятно, что эти склонности и обусловленный ими образ жизни там, где обстоятельства благоприятствуют их выражению, или там, где они оказывают господствующее влияние, идут вразрез с праздносветским образом жизни; однако не вполне очевиден тот факт, что жизнь общества по схеме праздного класса в том ее виде, в каком она предстает на поздних стадиях своего развития, имеет неуклонную тенденцию к подавлению этих склонностей или изъятию их из образа мысли, в котором они выражаются. Влияние праздносветских порядков довольно сильно выражается совсем в другом направлении. В своем позитивном выражении, предписанием, а также отбором и элиминацией, система жизни общества по схеме праздного класса благоприятствует всепроникающему и всевластному главенству канонического расточительства и завистнического сравнения при всяком стечении жизненных обстоятельств. Однако в своем негативно выражающемся влиянии выучка праздного класса не столь однозначно соответствует этим основополагающим канонам. Направляя человеческую деятельность таким образом, чтобы были соблюдены денежные приличия, канон праздного класса настаивает на выходе из производственного процесса. То есть он подавляет деятельность в тех направлениях, в которых по обыкновению прилагают свои усилия безденежные члены общества. В особенности в отношении женщин, и в частности женщин из верхов и из верхних слоев «среднего класса» развитых производственных общностей, это ведет даже к их устранению от конкурентного процесса накопления, связанного с использованием в занятиях финансовой сферы квазихищнических методов.

Денежная культура, или культура праздного класса, начинающаяся как сопернический вариант реализации побуждения к мастерству, теперь, в своем позднем проявлении, начинает нейтрализовать свое основание, устраняя привычку завистнического сравнения в отношении «эффективности» индивидов или даже в отношении денежного статуса. С другой стороны, тот факт, что члены праздного класса, и мужчины, и женщины, до некоторой степени освобождены от необходимости находить средства к существованию в сопернической борьбе со своими собратьями, дает возможность не только выжить членам этого класса, но и следовать в определенных пределах своим наклонностям даже в том случае, когда они не одарены способностями к достижению успеха в конкурентной борьбе. Другими словами, на самых последних стадиях наиболее полного развития института праздного класса средства к существованию его членов не зависят ни от обладания теми способностями, которые характеризуют преуспевающего индивида на стадии хищничества,

ни от неустанной тренировки их. Шансы выживания у индивидов, которые такими способностями не одарены, больше, следовательно, на высших ступенях праздного класса, нежели в общем на среднем уровне населения, живущего в условиях системы соперничества.

В одной из предыдущих глав при обсуждении условий сохранения архаических черт выяснилось, что своеобразное положение праздного класса предоставляет исключительно благоприятные возможности для сохранения черт, характеризующих типы человеческой природы, присущие одному из наиболее ранних и устаревших этапов развития культуры. Праздный класс находится в выгодном положении: не испытывая давления острых экономических потребностей, он стоит в стороне от грубого воздействия сил, требующих приспособления к экономической ситуации. Ранее уже говорилось о сохранении в праздном классе и в обществе, живущем по его замыслу, черт и типов человеческого характера, напоминающих о культуре хищничества. Эти склонности и привычки имеют исключительно благоприятную возможность для сохранения при режиме господства праздного класса. Привилегированное в денежном отношении положение праздного класса действительно создает ситуацию, благоприятную для выживания таких индивидов, которые не одарены набором способностей, необходимых для того, чтобы они могли с пользой участвовать в современном производственном процессе; в то же время каноны почтенности требуют демонстративного проявления определенных хищнических способностей. Занятия, в которых находят свое проявление хищнические способности, служат доказательством богатства, знатного происхождения и удаления от производственного процесса. Сохранению хищнических черт в условиях культуры праздного класса способствуют как освобожденность этого класса от производства, т. е. негативно выраженный фактор, так и одобрение этих черт праздносветскими канонами благопристойности, т. е. фактор, оказывающий прямое влияние.

Несколько иначе обстоит дело в отношении сохранения черт, характерных для дохищнической дикарской культуры. Положение праздного класса благоприятствует сохранению и этих черт, однако проявление склонности к миру и доброй воле не получает утвердительной санкции кодекса приличий. Индивиды, одаренные темпераментом, напоминающим о дохищнической культуре, получают в системе праздного класса некоторое преимущество по сравнению с подобным образом одаренными индивидами вне праздного класса, заключающееся в том, что они не испытывают потребности в денежном отношении пресекать проявление тех склонностей, которые способствуют несопернической жизнедеятельности; однако такие индивиды все же подвержены некоторой внутренней закрепощенности, которая понуждает их оставлять без внимания эти наклонности, поскольку кодекс приличий предписывает им образ жизни, основанный на проявлении хищнических способностей. До тех пор пока остается в целостности система статуса, пока праздный класс может прибегать к непроизводственным видам деятельности, отличным от обыкновения явно бесцельно убивать время в изнурительном расточительстве, до тех пор не следует ожидать никаких значительных отклонений от праздносветской системы почтенной жизни. Встречающиеся случаи хищнического темперамента в праздном классе на этом этапе нужно рассматривать как спорадические явления атавизма. Но вскоре благодаря успехам экономического развития, исчезновению охоты на крупную дичь, сокращению военной деятельности, устареванию собственнического правления и разложению священнической функции человеческое предрасположение к действию не находит выхода в доставляющей почет непроизводственной деятельности. Когда это происходит, ситуация начинает меняться. Если жизнедеятельность человека не получает возможности выражения в одном направлении, она должна искать ее в другом; и если обращение к хищничеству оказывается невозможно, человек в своей деятельности ищет утешения в каком-нибудь другом направлении.

Как указывалось выше, освобождение от давления денежных затруднений было более усугублено для женщин праздного класса в развитых производственных общностях, чем для любой другой значительной группы людей. Поэтому женщины праздного класса, можно

ожидать, будут обнаруживать более ярко выраженный возврат к не-завистническому темпераменту, чем мужчины. Но среди мужчин праздного класса также наблюдается заметное увеличение масштаба и диапазона деятельности, берущей свое начало в склонностях, которые нельзя отнести к эгоистическим и целью которых не является завистническое отличие. Так, например, большее число мужчин, имеющих отношение к производству в плане финансового управления предприятием, проявляют некоторый интерес и испытывают некоторое удовлетворение при виде хорошо выполняемой и эффективной в производственном отношении работы, и это даже независимо от прибыли, которую может приносить любое улучшение в этом плане. Хорошо известна также деятельность деловых клубов и организаций промышленников в области независнического распространения опыта по повышению производственной эффективности.

Во многих организациях, целью которых является какая-либо благотворительная деятельность или улучшение общественного устройства, выработалось стремление к той или иной независнической цели. Эти организации часто носят квазирелигиозный или псевдорелигиозный характер, и участвуют в них как мужчины, так и женщины. Если подумать, можно привести множество примеров, но для того, чтобы указать диапазон склонностей, о которых идет речь, и охарактеризовать их, можно сослаться на некоторые из наиболее очевидных конкретных обстоятельств. Таковыми являются, например, агитация за трезвенность и подобные социальные реформы, за тюремную реформу, за распространение образования, за пресечение порока, за избежание войны путем мирного разрешения спорных вопросов, разоружения или иными средствами; таковы в какой-то мере благотворительные заведения при университетах, местные гильдии, различные организации, типичными образцами которых являются Ассоциации молодых христиан, Общество молодежи христианского стремления, кружки кройки и шитья, общественные клубы, художественные клубы и даже деловые клубы; таковы в незначительной степени также и финансовые фонды полуобщественных учреждений, идущие на цели благотворительности, образования или развлечений, существуют ли они на пожертвования богатых лиц или на взносы людей меньшего достатка, — коль скоро эти учреждения не носят религиозного характера.

Мы, конечно, не намерены утверждать, что такие усилия происходят от мотивов, отличных от мотивов эгоистического свойства. Можно утверждать только то, что в обычного рода случаях здесь присутствуют и другие мотивы и что заметно большая распространенность усилий такого рода в условиях современной производственной жизни, чем при непрерывном господстве режима, основанного на принципе статуса, указывает на наличие действенного скептицизма в отношении такой полной узаконенности сопернического образа жизни общества сегодня. То, что среди побуждений к этому роду деятельности имеются мотивы посторонние, мотивы эгоистического рода, и в частности завистническое стремление отличиться, — дело столь общеизвестное, что стало поводом для банальных шуток. Это до такой степени верно, что многие общественные деяния, официально бескорыстные по духу, начинаются и выполняются, безусловно, прежде всего с целью поднятия репутации или денежной выгоды поддерживающих эти деяния патронов. В значительном числе такого рода организаций и учреждений завистническое побуждение является явно господствующим как у зачинателей такой деятельности, так и у их сторонников. Это последнее замечание особенно справедливо в отношении таких дел, которые придают отличие занимающимся ими вследствие крупных, демонстративных расходов, таких, как, например, учреждение университета, или публичной библиотеки, или музея; но это также, и, может быть, в равной степени, справедливо в отношении банальной работы по участию в таких организациях и учреждениях, которые являются явно аристократическими. Они служат тому, чтобы удостоверить денежную репутацию своих членов, а также приятно напоминать им об их превосходящем статусе, указывая на контраст между ними и нижележащей массой людей, среди которых должна производиться работа по улучшению жизни, — таковы, например, благотворительные заведения при университетах, которые пользуются теперь известной популярностью. Однако после того, как учтены

всякого рода обстоятельства и сделаны соответствующие поправки, остаются мотивы несопернического характера. Сам факт, что именно таким способом люди стремятся отличиться и снискать доброе имя, является доказательством широко распространенного чувства узаконенности, свидетельством якобы действительного наличия несопернического, независтнического интереса, а также доказательством этого интереса как фактора, входящего в качестве составной части в образ мысли в современных общностях.

Следует отметить, что женщины более активно и с большим постоянством, чем мужчины, участвуют во всем этом современном диапазоне праздновательской деятельности, ведущейся на основании независтнического и нерелигиозного интереса, за исключением, разумеется, тех случаев, когда такие деяния требуют расходования крупных средств. Зависимое денежное положение женщин делает их непригодными для занятий, требующих крупных расходов. В том, что касается общего диапазона социально-благотворительной работы, с классом женщин соединяются духовные лица или священники не столь наивно благочестивых сект или секуляризованных вероисповеданий. В теории это можно объяснить следующим образом. В других экономических отношениях духовенство также занимает несколько неопределенное положение между женщинами и лицами, занятыми в экономической сфере. И в силу широко распространенного чувства приличий как духовные лица, так и женщины состоятельных слоев оказываются в положении подставного праздного класса; отношением, которое как характерная особенность участвует в формировании образа мысли у той или у другой социальной группы, является отношение господства и подчинения, когда та или иная экономическая зависимость воспринимается как связанная с определенной личностью. У обеих социальных групп вследствие этого наблюдается особая склонность истолковывать явления скорее с точки зрения связи с личностью, чем с точки зрения причинно-следственной связи; обеим социальным группам каноны благопристойности настолько воспевают участвовать в «нечистых» в отношении обрядности процессах прибыльной или производительной деятельности, что делают участие этих социальных групп в современном процессе производственной жизни нравственно для них невозможным. В результате этого ритуального недопущения к заурядному производственному усилию сравнительно большая часть энергии обеих социальных групп, женщин и духовенства, сегодня направляется на служение интересам, отличным от эгоистических. Кодекс канонов благопристойности не оставляет никаких альтернативных направлений, в которых могло бы выразиться побуждение к целенаправленному действию. В результате последовательного запрещения женщинам праздного класса заниматься производственно-полезной деятельностью побуждение к мастерству часто заявляет о себе в тех или иных областях, отличных от деловой деятельности.

Как уже отмечалось, повседневная жизнь состоятельных женщин и священников содержит в себе больший элемент статуса, чем повседневная жизнь мужчин в среднем, в особенности мужчин, занимающихся собственно производственной деятельностью. Следовательно, среди представителей этих социальных групп благочестивая позиция сохраняется в лучшем виде, чем среди рядовых мужчин. Поэтому можно ожидать, что среди представителей подставных праздных слоев стремление найти выражение значительной части энергии в неприбыльном применении будет разрешаться соблюдением обрядов благочестия и благочестивыми деяниями. Отсюда — частично упоминавшаяся в предыдущей главе склонность женщин к благочестию. Но более уместно будет отметить влияние этой склонности на формирование поведения и придание благовидности целям обсуждаемых здесь неприбыльных движений и организаций. На достижение какой бы экономической цели ни были направлены усилия этих организаций, эффективность ее достижения снижается там, где налицо такая благочестивая тенденциозность. Многие организации, благотворительные и социально-амелиоративные, делят свои заботы между религиозным и мирским благополучием людей, интересы которых они стремятся поддержать. Едва ли можно сомневаться, что, уделяя они безраздельно столь же серьезное внимание и силы только мирским интересам этих людей, непосредственная экономическая

значимость их работы была бы намного выше, чем она есть. Конечно, можно было бы сказать также, если бы здесь было уместно об этом говорить, что эти деяния могли бы лучше служить достижению благочестивых целей, если бы им не препятствовали мирские мотивы и цели, которые обычно присутствуют.

Следует считать, что экономическое значение этой категории независтнического предпринимательства уменьшается ввиду вмешательства религиозного интереса. Однако соответствующие оговорки должны быть сделаны ввиду наличия других мотивов, чуждых экономической направленности этого несопернического выражения инстинкта мастерства, в какой-то мере прямо ей противоречащих. При ближайшем рассмотрении это представляется до такой степени верным, что после всего уже сказанного может даже показаться, что эта общая категория предприятий имеет и вовсе сомнительную экономическую ценность, если определять ее с точки зрения полноты или легкости жизни индивидов или социальных слоев, на улучшение положения которых направлено данное предприятие. Например, многие из ныне популярных и доставляющих почет усилий, направленных на улучшение жизни нуждающегося населения крупных городов, носят большей частью характер культурной миссии. Таким образом, наблюдается стремление ускорить темпы, с которыми конкретные элементы культуры верхов усваиваются в повседневной жизни низших классов. Попечение местных благотворительных центров, например, направлено на усугубление производственной эффективности бедных и обучение их способам более правильного употребления имеющихся средств, но не менее последовательным образом оно направлено на привитие путем предписания и примера известных тонкостей кодекса приличий верхов в поведении и обычаях. Экономическая сущность этих приличий, как обычно оказывается при тщательном рассмотрении, заключается в демонстративном расточении времени и средств. Эти добрые люди, которые ходят облагораживать бедных, обыкновенно и намеренно очень щепетильны в вопросах декорума, немногословно, но упрямо настаивая на соблюдении благопристойности в образе жизни. Обычно это бывают люди примерного образа жизни, одаренные сильным упорством в церемониях поддержания чистоты различных предметов их повседневного потребления. Трудно переоценить действенность такого способа воспитания — правильного образа мысли в отношении потребления времени и материальных благ, его значение для повышения культуры или цивилизованности общества, как немаловажным является это воспитание и для индивида, приобретающего более высокие и более достойные уважения идеалы. В условиях существующей денежной культуры почтенность, а следовательно, и успех индивида в значительной мере зависят от его умения вести себя я от способов потребления, говорящих в пользу привычного расточения времени и средств. Но, касаясь скрытого экономического значения этой тренировки в более достойных способах существования, нужно сказать, что производимый эффект в значительной мере замещает более дорогостоящие или менее эффективные способы достижения тех же фактических результатов, где эти фактические результаты имеют реальное экономическое значение. Пропаганда культуры — это в значительной мере привитие новых вкусов или скорее новой системы приличий, которая уже приспособлена к образу жизни верхов согласно общим принципам статуса и денежной благопристойности в их праздновательской формулировке и под ее направляющим действием. Эта новая система приличий внедряется в образ жизни низших слоев общества, будучи заимствована из кодекса, выработанного тем элементом населения, жизнь которого лежит за пределами процесса производства; и едва ли можно ожидать, что эта чужеродная система будет подходить к острым жизненным потребностям этих низших слоев более соответствующим образом, чем система, уже пользующаяся среди них популярностью, а в особенности та, которую они сами вырабатывают под давлением современной производственной жизни.

Все это, разумеется, не подвергает сомнению тот факт, что новая система приличий более благопристойна, чем смещаемая ею система. Возникающее само собой сомнение является просто-напросто сомнением в экономической целесообразности этой работы по духовному перерождению — т. е. экономической целесообразности в том непосредственном

и материальном аспекте, в котором можно с определенной степенью уверенности установить следствия этой замены, рассматриваемые не с точки зрения индивида, а с точки зрения легкости жизни коллектива. Поэтому для оценки экономической целесообразности мероприятий по амелиорации общества нельзя принимать их плоды за чистую монету, даже если эти предприятия преследуют в первую очередь цели экономического характера и если интерес, на основании которого они осуществляются, никак не является ни эгоистическим, ни завистническим. По своему характеру эти экономические преобразования главным образом являются перестройкой в системе демонстративного расточительства.

Однако нужно сказать что-то большее относительно того, какой характер имеют бескорыстные побуждения, и того, по каким канонам осуществляется всякая деятельность такого рода, находящаяся под влиянием образа мысли, характерного для денежной культуры; и это дальнейшее рассмотрение, возможно, приведет к последующему уточнению уже сделанных выводов. Как можно было видеть в одной из предыдущих глав, каноны почтенности или благопристойности в условиях денежной культуры настоятельно требуют, чтобы признаком безупречного в денежном отношении образа жизни было привычное направление усилий на бесполезные цели. Отсюда вытекает не только привычное презрительное отношение к полезным занятиям, а также и то, что сказывается более решительным образом на направленности деятельности любой организованной группы людей, претендующей на добрую репутацию в обществе. По существующей традиции считается дурным тоном быть хорошо осведомленным в подробностях каких-либо процессов, имеющих отношение к физическим жизненным потребностям первой необходимости. Можно похвальным образом обнаруживать количественную заинтересованность в благосостоянии простого люда — в духе пожертвований по подписке, участия в работе управленческих комиссий и т. п. Вероятно, еще более похвальным образом можно проявлять заботу вообще, и в частности о культурном благосостоянии простых людей, — проводить мероприятия по облагораживанию их вкусов, предоставляя также удобный случай для их духовного совершенствования. Однако при этом не следует выдавать близкого знакомства с материальными условиями грубой жизни или же образом мысли людей из низших слоев общества — такого знакомства, которое могло бы направлять усилия членов этих организаций на достижение материально полезных целей. Разумеется, нежелание открыто признавать чрезмерное знакомство с условиями жизни низов проявляется у различных индивидов в весьма неодинаковой степени, однако оно достаточно выражено среди членов подобного рода организаций и оказывает глубокое влияние на стиль их деятельности. Стремление избежать намеков на осведомленность в жизни простого люда, какова была бы непристойна, оказывает совокупное влияние на практику и прецеденты любой организованной группы. Начальные мотивы конкретного мероприятия по-степенно отстраняются ради сохранения доброй репутации — согласно известным принципам, которые в конечном счете сводятся к денежным критериям при определении достоинств. Поэтому в организациях, существующих не первый день, облегчение жизни людям из названных слоев становится лишь официальной целью, а плодотворная деятельность этих организаций постепенно прекращается как недостойная.

То, что справедливо в плане коллективного осуществления такой деятельности, носящей независтнический характер, верно также в отношении работы, проводимой из тех же побуждений отдельными лицами, хотя в этом случае требуется, наверно, сделать ряд существенных уточнений. В индивидах, которые стремятся проделывать какую-то общественно полезную работу, будет обязательно сильна привычка измерять достоинства человека по праздносветским канонам расточительного расходования и неосведомленности в жизни простого народа, будь то в области производства или потребления. Забудь индивид о своем общественном положении, обрати он свои усилия на непристойную результативность, здравомыслие общности — представление о должной благопристойности — тут же отвергнет его работу и поставит его на место. Подобный пример наблюдается в отправлении посмертных дарственных завещаний, сделанных людьми, расположенными к общественной

деятельности, с единственной (по крайней мере официально) целью — облегчить человеческую жизнь в каком-то конкретном отношении. Объекты, на которые чаще всего распространяются завещания такого рода в настоящее время, — это школы, библиотеки, больницы и приюты для инвалидов и сирот. При этом официально считается, что даритель имел в виду одну цель — улучшить человеческую жизнь в том или ином отношении, и в завещании обозначается, в каком конкретно. И все же, как неизменное правило, при выполнении названного в завещании деяния появляется немало других, часто несовместимых с изначальным мотивом; они и определяют то фактическое назначение, по которому в конце концов используется изрядная часть выделенных в завещании средств. Например, пусть определенные денежные средства выделены как фонд на строительство приюта для сирот или дома для инвалидов. В таких случаях отвлечение средств на доставляющее почет расточительство настолько обычно, что не вызывает ни удивления, ни даже осудительной улыбки. Значительная часть денежных средств тратится на сооружение здания, облицованного каким-нибудь эстетически неприемлемым, но дорогостоящим камнем; далее, здание покрывается нелепыми и неуместными деталями — с тем расчетом, чтобы его зубчатые стены с башенками, массивные порталы и стратегические подъездные пути наводили на мысль об известных варварских приемах ведения войны. Интерьер строения обнаруживает такое же всепроникающее влияние канона демонстративного расточительства и канона хищнической доблести. Окна, например, сооружаются скорее с намерением внушить случайному зрителю, созерцающему их с внешней стороны, мысль о высокой денежной престижности, а вовсе не с целью наиболее эффективного размещения по их очевидному назначению — на благо и для удобства находящихся внутри бенефициариев; эта деталь интерьера тоже должна быть подчинена несвойственному ей, но властному требованию денежной красоты.

Нами, конечно, не предполагается, что даритель не осудил бы все это, осуществляя он контроль за исполнением своей воли лично; оказывается, однако, что в тех случаях, когда имеет место такое личное управление благотворительным предприятием — когда руководство осуществляется путем прямых расходов и личного надзора, а не по завещанию, — цели и методы управления остаются теми же. Бенефициариям, как и посторонним наблюдателям, покой и тщеславие которых не затрагивается, вовсе и не понравилось бы иное распоряжение денежными средствами. Никого не устроит, чтобы руководство предприятием осуществлялось с намерением употребить имеющиеся средства наиболее экономно и эффективно, непосредственно по изначальному физическому назначению фонда. Все лица, причастные к данному предприятию, является ли их интерес непосредственным и эгоистическим или лишь созерцательным, сходятся в едином мнении: некоторая значительная часть расходов должна идти на высшие цели, на удовлетворение духовных потребностей, обусловленных привычкой завистнического сравнения по критериям хищнической доблести и денежного расточительства. Все это говорит лишь о том, что каноны соперничества и денежной репутации настолько пронизывают здравый смысл общности, что от них нельзя уйти или уклониться даже в тех благотворительных мероприятиях, которые официально мотивируются исключительно независтническими интересами.

Вполне возможно, что деяние, служащее средством усугубления доброй славы дарителя, доставляет почет именно благодаря такому-то независтническому мотиву; однако при расходах это не мешает руководствоваться противоположным, завистническим интересом. Фактическое наличие в деяниях несопернического характера мотивов сопернического, или завистнического, происхождения можно было бы продемонстрировать на примере любой категории предприятий, о которых сказано выше. Там, где в такого рода случаях имеется стремление к почету, оно обычно замаскировывается под мотивы из области эстетических, этических или экономических интересов. Эти особые мотивы, продиктованные нормами и канонами денежной культуры, исподтишка отвлекают несопернические усилия от фактической сферы их приложения, причем у исполнителя

сохраняется ощущение доброго намерения и его сознание но отягощается мыслью о том, что эти усилия по существу бесполезны. Подобные мотивы можно было бы проследить в целом ряде инициатив из списка тех официально независтнических, улучшательских предприятий, которые столь характерны, а главное, демонстративно характерны для жизни состоятельных слоев, не скрытой от взора публики. В каком теоретическом аспекте следует рассматривать эти предприятия, наверно, достаточно ясно, и примеров больше не требуется, тем более что одному такому направлению деятельности — организации высших учебных заведений — в другой связи будет уделено пристальное внимание.

Направляя в деталях и приспособляя эту систему, каноны благопристойности немало способствуют тому, чтобы всякое независтническое устремление или усилие сводилось на нет. Всепроникающий, безличный, не вызывающий восторга принцип бесполезности всегда тут как тут, создавая помехи, не давая действенным образом выразиться той части сохраняющихся дохищнических способностей, которые нужно отнести к проявлению инстинкта мастерства; однако его наличие не препятствует передаче этих способностей или непрерывному возникновению побуждения найти им выражение.

Впоследствии, при дальнейшем развитии денежной культуры, требование отхода от процесса производства (во избежание недоброжелательного отношения общества) дошло до того, что стало распространяться на воздержание от сопернической деятельности. На этом продвинутом этапе денежная культура в негативной форме благоприятствует утверждению независтнических склонностей, делая менее сильный акцент на большем достоинстве сопернических, хищнических или денежных занятий по сравнению с занятиями производственного, или производительного, вида. Как отмечалось выше, требование такого отхода от всякого полезного для человека занятия больше касается, строго говоря, женщин из высших слоев, чем любой другой социальной группы, кроме духовенства, которое можно было бы привести в качестве не столько, может быть, действительного, сколько кажущегося исключения из этого правила. Причина более настойчивого требования бесполезного образа жизни от женщин этой категории, чем от мужчин того же денежного и социального ранга, заключается в том, что они являются не только праздным классом более высокого ранга, но в то же время и социальной группой, осуществляющей подставную праздность. Для последовательного отхода от полезной работы в их случае есть два основания.

Широко известными авторами и ораторами, отражающими здравый смысл умных людей по вопросам общественного устройства и назначения, правильно и неоднократно говорилось, что положение женщины в любом обществе является наиболее разительным показателем уровня культуры, достигнутого обществом, и, как можно было бы добавить, любой данной социальной группой в обществе. Это замечание, может быть, справедливее в отношении стадии экономического развития, чем в отношении развития в любом другом аспекте. В то же время положение, отводимое женщине в общепринятой системе жизни в любом обществе или в условиях любой культуры, в весьма значительной степени является выражением традиций, которые сформировались материальными условиями более раннего этапа и которые были лишь частично приспособлены к существующим экономическим условиям или требованиям, предьявляемым складу характера и образу мысли, которые побуждают к действию женщин, живущих в условиях этой новой экономической ситуации.

В ходе обсуждения развития экономических институтов вообще и, в частности, там, где говорилось о подставной праздности и об одежде, попутно уже было высказано замечание о том, что положение женщин в современной экономической системе находится в более широком и последовательном противоречии с тем, что подсказывает инстинкт мастерства, чем положение мужчин тех же самых социальных слоев. По-видимому, справедливым является также то, что в женском темпераменте в большей мере присутствует этот инстинкт, одобряющий мир и с неодобрением относящийся к бесполезности. Поэтому не случаен тот факт, что женщины современных производственных общностей обнаруживают более живое чувство расхождения между принятой системой жизни и потребностями экономической ситуации.

Отдельные стороны «женского вопроса» в доступной форме выявили, до какой степени жизнь женщин в современном обществе, и в благовоспитанных кругах в особенности, регулируется основной массой представлений, сформулированных при экономических условиях более раннего этапа развития. Все еще ощущается, что образ жизни женщины в его гражданском, экономическом и социальном аспекте обычно является в существенной мере подставным образом жизни, достоинства и недостатки которого должны неизбежно приписываться какому-то другому лицу, которое по отношению к женщине является так или иначе собственником или опекуном. Так, например, ощущается, что всякое действие со стороны женщины, которое идет вразрез с предписанием общепринятого табеля о приличиях, немедленно бросает тень на честь мужчины, которому она принадлежит. В душе всякого, кто высказывает мнение по поводу такого рода нравственной неустойчивости или своенравия женщины, может, конечно, оставаться некоторое чувство несоответствия, однако здравым смыслом общности суждение по таким вопросам выносится без особых колебаний, и во всяком могущем возникнуть случае мало кто из мужчин стал бы сомневаться в правомерности своего чувства оскорбленного попечительства. С другой стороны, женщину сравнительно мало дискредитируют дурные поступки мужчины, с которым связана ее жизнь.

Хороший и красивый образ жизни, т. е. образ жизни, к которому мы привыкли, отводит женщине «сферу», подчиненную деятельности мужчины; и всякий отход от традиций предписанного ей круга обязанностей ощущается как неподобающий женщине. Когда вопрос касается гражданских прав или избирательного права, наш здравый смысл, т. е. логический вердикт по данному вопросу нашего образа жизни в целом, гласит, что в политической организации и перед законом женщина должна быть представлена не непосредственно, не лично, а через главу семьи, к которой она принадлежит. Женщине не подобает стремиться к самостоятельной, эгоцентричной жизни; и наш здравый смысл говорит нам, что ее прямое участие в делах общности, социальных или производственных, ставит под угрозу тот социальный порядок, который является выражением нашего образа мысли, сложившегося под влиянием традиций денежной культуры. «Весь этот вздор и суета по поводу «освобождения женщины из рабства, в котором она находится у мужчины», и так далее является, пользуясь простым и выразительным языком Элизабет Кейди Стэнтон, «сущим вздором». Социальные отношения полов закреплены природой. Вся наша цивилизация, т. е. все, что в ней есть хорошего, основывается на «домашнем очаге». «Домашний очаг» — это семья с мужчиной во главе. Этот взгляд на статус женщины, но выражаемый еще проще, преобладает не только среди большинства мужчин цивилизованных общностей, но также и среди женщин. Женщины весьма живо чувствуют требования системы приличий, и хотя, правда, для многих из них тягостно подчинение кодексу приличий во всех подробностях, мало кто не признает того факта, что существующий нравственный уклад в силу необходимости и по праву, предписанному свыше, ставит женщину в подчиненное мужчине положение. В конечном счете, согласно представлению самой женщины о том, что хорошо и красиво, ее жизнь является, как и должна являться в теории, выражением в косвенной форме жизни мужчины.

Однако несмотря на это общераспространенное представление о том, какое место должна естественным образом занимать женщина, заметен также начинающийся рост настроений, заключающихся в том, что вся эта система опеки, подставного образа жизни и приписывания достоинств и недостатков становится каким-то заблуждением. Или по крайней мере, если даже она и является естественным результатом развития, системой, отвечающей времени и месту, эта система, несмотря на ее очевидное эстетическое значение, не служит соответствующим образом самым обычным жизненным целям в современной производственной общности. Даже та большая, значительная масса благовоспитанных женщин верхних и средних слоев, чье хладнокровное, подобающее почтенной женщине представление о традиционных приличиях соответствует отношению статуса как в основе своей неизменно правильному, — даже они, занимая консервативную позицию, обычно находят некоторое незначительное расхождение в частности между тем, что есть, и тем,

чему следует быть. Однако наименее сговорчивые из современных женщин, кто в силу своей молодости, образования или темперамента не связан унаследованными от культуры варварства традициями статуса и в ком, может быть, пробуждается сильная тяга к самовыражению и мастерству, охвачены слишком живым чувством обиды, чтобы оставаться в покое.

В этом движении «за современную женщину» — так были названы безрассудные попытки восстановить тот статус, в котором женщина находилась в доледниковый период, — различимы по крайней мере два элемента или мотива, оба носящие экономический характер. Эти два мотива выражаются словами-лозунгами: «эмансипация» и «работа». Надо понимать, что каждое из этих слов означает что-то в плане широко распространенного чувства обиды. Повсеместность подобных настроений признается даже теми людьми, которые в ситуации, как она есть, не видят никакого реального основания для недовольства. Именно среди женщин состоятельных классов в тех общностях, которые наиболее развиты в производственном отношении, находит частое выражение это живое чувство обиды, которую надо заглаживать. Иначе говоря, выдвигается более или менее серьезное требование освобождения женщин от всякой опеки, от функций подставного праздного класса — от каких бы то ни было различий в статусе; такая резкая смена настроений особенно заметна среди тех женщин, на которых сохраняющаяся система общественной и семейной жизни с ее режимом статуса налагает наименее ослабленные требования подставного образа жизни, или же это происходит в тех общностях, которые сравнительно далеко ушли в своем экономическом развитии от традиционных условий, к которым система статуса была приспособлена наилучшим образом. Названные требования исходят от женщин, не допускающих ни к какой результативной работе в строгом предписании следовать праздному образу жизни и осуществлять демонстративное потребление.

Многие критики неправильно истолковывали мотивы движения «за современную женщину». Состояние этого движения на американской почве недавно было так резюмировано одним популярным обозревателем общественных явлений: «Она обласкана мужем, самым преданным и самым работающим мужем на свете... Она превосходит его в образованности, а также почти во всех других отношениях. Она окружена и нежнейшей заботой. И все-таки она неудовлетворена... Англосаксонское движение «за современную женщину» — самый смехотворный из плодов современности, и ему суждено потерпеть страшнейший провал». Это описание, кроме содержащегося в нем осуждения — возможно, вполне уместного, — не прибавляет к «женскому вопросу» ничего, кроме неясности. То, что в этой типичной характеристике названного движения выдвигается в качестве субъективных соображений, объясняющих, почему, дескать, женщине следует быть довольной, как раз и вызывает обиду современниц. Женщину балуют: ей позволено или даже требуется от нее тратить щедро и демонстративно — за ее мужа или другого естественного опекуна, т. е. подставным образом; она освобождается от грубой полезной работы или не допускается к таковой — чтобы вести праздный образ жизни ради доброй репутации ее естественного (финансового) опекуна. Подобные обязанности являются традиционными признаками личной зависимости, а порыв к целенаправленной деятельности с ними просто несовместим. Есть основание полагать, однако, что женщина тоже наделена — в большей мере, чем мужчина, — инстинктом мастерства, который рождает чувство отвращения к бесполезному существованию или пустым расходам. Чтобы удовлетворить инстинкт мастерства, женщина должна разворачивать свою жизнедеятельность в ответ на прямые, непосредственные стимулы экономического окружения. Видимо, у женщин сильнее, чем у мужчин, желание жить своей собственной жизнью, принимая более непосредственное участие в процессе общественного производства.

Пока женщина все время находилась в положении «бурлака», она в большинстве случаев вполне довольствовалась своим жребием. Кроме того, что у нее имелось осязаемое и целенаправленное занятие, у нее не было лишнего времени для бунтарского утверждения

унаследованных склонностей к самостоятельности, да и возможности подумать о таковом. А после того, как был пройден этап повсеместного женского «бурлачества» и общепринятым занятием женщин из состоятельных классов стала подставная праздность без усердного приложения сил, то теперь предписывающая сила канона денежной благопристойности, требующего от женщин ритуальной бесполезности, будет долго предотвращать всякие сентиментальные стремления благородных женщин к самостоятельности и к «сфере полезности». Это особенно справедливо на ранних этапах денежной культуры, когда праздность привилегированного класса — это все еще в значительной мере хищническая деятельность, активное утверждение господства, в котором присутствует достаточно осязаемое стремление к завистническому отличию, что и позволяет всерьез рассматривать праздность как занятие, за которое можно браться без стыда. В ряде общностей такое положение дел сохраняется до настоящего времени. В различной степени проявляется чувство статуса у разных индивидов, и в неодинаковой мере подавляется в них инстинкт мастерства. Там же, где экономическая система переросла к настоящему времени систему общественного устройства, основанную на статусе, и отношение личного подчинения уже больше не ощущается как «естественное» отношение между людьми, — там древняя привычка к целенаправленной деятельности начинает утверждаться в наименее послушных индивидах, выделяясь на фоне не столь давних, относительно поверхностных, сравнительно эфемерных привычек и взглядов, которые денежная культура привнесла в нашу жизнь. Как только склад ума и взгляды на жизнь перестают благодаря школе хищничества и квазимиролюбивой культуры тесно согласовываться с новой экономической ситуацией, эти привычки и взгляды начинают терять власть над социальной группой или общностью. Это видно на примере трудолюбивых слоев в современных общностях; праздносветский образ жизни потерял для них почти всю его принудительную силу, в частности, в отношении поддержания различий в статусе. Правда, похожая картина наблюдается и в верхних слоях, но это другой вопрос.

Унаследованные от хищнической и квазимиролюбивой культуры привычки являются сравнительно недолговечными вариантами известных склонностей и характерных психических черт, лежащих в основе человеческой природы; эти черты обозначились в процессе длительной эволюции, происходившей на более раннем, протоантропоидном этапе мирной, сравнительно мало дифференцированной экономической жизни при контакте с относительно простым и постоянным физическим окружением. Когда привычки, привнесенные соперничеством, перестали подкрепляться экономическими потребностями, начался процесс их разрушения, и хищнический образ мысли, получивший не столь давнее развитие и не успевший приобрести всеобщий характер, стал в известной мере отступать перед более древними и всеобщими психологическими особенностями человеческого рода.

Стало быть, в некотором смысле движение за эмансипированную женщину отмечает собой возврат к более общечеловеческому типу характера или к менее дифференцированному выражению человеческой природы. Этот тип человеческой природы следует характеризовать как протоантропоидный; если не по форме преобладающих в нем черт, то, во всяком случае, по их содержанию он принадлежит той ступени развития, которую можно, видимо, отнести к дообщественному уровню. Такая характеристика относится как к отдельному моменту развития или отдельной эволюционной черте, которая здесь рассматривается, так, конечно, и ко всем чертам в более позднем развитии общества, если они свидетельствуют о возврате к той духовной позрпии, которая соответствует начальной недифференцированной стадии экономической жизни. Наше доказательство существования общей тенденции к возврату от господства завистнических интересов вспять не будет ни бесспорным, ни достаточно убедительным, но тем не менее его можно считать достаточным. Существование такой тенденции в какой-то мере подтверждается разложением чувства статуса в современных производственных общностях; косвенным свидетельством может служить и заметный возврат к неодобрению бесполезного существования и той деятельности, которая направлена на приобретение частной выгоды за счет коллектива или

других социальных групп. Наблюдается частое порицание причинения боли, а также дискредитация всех мародерских предприятий даже там, где проявление завистнического интереса не наносит материального ущерба своей общности или самому индивиду. Можно даже сказать, что в современных производственных общностях беспристрастное представление большинства заключается в том, что идеалом человека является стремление к миру, доброй воле и экономической эффективности, а не к корыстному, насильническому, мошенническому и господственному образу жизни.

Влияние со стороны праздного класса не направлено последовательным образом ни против восстановления в правах протоантропоидного характера, ни в его поддержку. Что касается способности выживания индивидов, наделенных названными чертами, составляющими этот характер, то даже при избытке этих черт выживанию будет благоприятствовать привилегированное положение праздного класса, но косвенно, в результате действия праздно-светских канонов демонстративного расточительства средств и сил, институт праздного класса будет уменьшать вероятность выживания таких индивидов в массе населения. Изрядные требования расточительства поглощают излишек энергии, всецело направляя его на завистническую борьбу и не оставляя никакой альтернативы независтнического выражения жизни. Более отдаленные, менее осязаемые, духовные следствия канонов денежных приличий дают тот же результат, возможно еще более действенный. Каноны благопристойного образа жизни являются разработкой принципа завистнического сравнения, и соответствующим образом они последовательно содействуют подавлению всякого независтнического усилия и насаждению эгоистической позиции.

Глава XIV. Высшее образование как выражение денежной культуры

С той целью, чтобы в грядущем поколении мог сохраниться подходящий образ мысли по тем или иным вопросам, в общепризнанную систему общественной жизни, получая санкцию здравого смысла общества, включается академическое обучение. Формируемый таким образом под руководством преподавателей и академических традиция образ мысли имеет экономическое значение — как влияющий на полезность индивида — не менее реальное, чем экономическое значение образа мысли, формирующегося без такого руководства в школе повседневной жизни. Все характерные черты общепризнанных академических дисциплин и самой системы образования, которые объясняются наклонностями праздного класса или направляющим действием денежных критериев достоинства, нужно записать на счет института праздного класса, и любое экономическое значение этих черт образовательной системы будет являться частным выражением экономической роли этого института. Будет поэтому уместно рассмотреть специфические черты системы образования, которые объясняются праздносветским образом жизни и проявляются не только в целях и способах обучения, но также в диапазоне и характере прививаемых знаний. В образовании вообще и в высшем образовании в особенности как раз наиболее ярко и проявляются идеалы праздного класса; а так как наша цель не исчерпывающее сопоставление данных, показывающих воздействие денежной культуры на образование, а скорее иллюстрация того, каким способом я в каком направлении происходит влияние праздного класса на образование, то единственное, что мы попытаемся сделать, — это представить обзор ряда тех бросающихся в глаза особенностей системы высшего образования, которые могут служить в качестве такой иллюстрации.

По своему происхождению и начальному развитию образование в какой-то степени тесно связано с религиозной функцией общности, в частности с той системой обрядов, в которой выражается услужение, воздаваемое сверхъестественному праздному классу. Это услужение, посредством которого люди стремятся снискать расположение сверхъестественных сил в первобытных культах, является расходом времени и сил членов общности, бесполезным в производственном отношении. Его, следовательно, большей частью нужно относить к подставной праздности, исполняемой за сверхъестественные силы,

с которыми ведутся таким образом переговоры и добрая воля которых обеспечивается, как это понимается, услужением и обетами подчинения. Сначала процесс образования сводился в основном к приобретению знаний и навыков свободного услужения сверхъестественной силе. Следовательно, по своему характеру образование весьма напоминало подготовку, необходимую для выполнения обязанностей слуги у мирского хозяина. Сведения, приобретаемые под руководством учителей-жрецов первобытной общности, были в основном сведениями о ритуалах и обрядах, т. е. о том, как наиболее должным, эффективным и приемлемым способом обращаться к сверхъестественным силам и служить им. Учились тому, как сделаться необходимым для этих сил и таким образом получить для себя возможность просить или даже требовать их вмешательства в ход событий либо воздержания от вмешательства в то или иное конкретное предприятие. Целью было умилостивление, и путь к достижению этой цели лежал в основном через приобретение навыков в подчинении. Видимо, лишь постепенно в ассортимент жреческих и шаманских наставлений проникали другие элементы, отличные от служения господину.

Жрец — служитель загадочных сил, владеющих внешним миром, занял положение посредника между этими силами и простой, неученой толпой, ибо он обладал знанием этикета сверхъестественного мира, благодаря которому, бывало, допускался в него. И как обыкновенно случается с посредниками между плебеями и их господами, будь господа настоящие или сверхъестественные, он находил целесообразным использовать имеющиеся у него материальные средства, чтобы внушать плебеям, что эти загадочные силы сделают все, о чем бы он ни попросил. Следовательно, вскоре составной частью жреческих профессиональных знаний стали сведения об определенных естественных процессах, которые можно было наряду с известной ловкостью рук с пользой применять для получения зрелищного эффекта. Знание такого рода выдается за знание «неизвестного», и использованию в жреческих целях оно обязано своей неясной природе. Таков, видимо, источник возникновения самого института образования; и его отделение от породивших его магических ритуалов и шаманского мошенничества было медленным и мучительным, и едва ли его можно считать законченным даже в наиболее передовых из высших учебных заведений.

В образовании все еще присутствует элемент «сокрытого», он, как и во все века, оказывается весьма привлекательным и эффективным средством, чтобы производить впечатление на неученых или даже осуществлять внушение; а ученость в воображении совсем неграмотных людей в значительной мере расценивается как близкое знакомство с оккультными силами. Так, например, не далее как в середине этого века норвежские крестьяне инстинктивно формулировали свое представление о высокой эрудиции таких отцов богословия, как Лютер, Меланктон, Педер Дасс, и даже еще только обучавшегося богословию Грюндвига в терминах причастности к тайной магии. Эти отцы богословия наряду с весьма обширным списком мелких знаменитостей, и живых и мертвых, были, по общему мнению, знатоками во всех магических искусствах, а их высокое положение в церковной иерархии вызывало у верных прихожан представление о их глубоком знакомстве с — магической практикой и оккультными науками. Есть аналогичный более близкий к нам факт, подтверждающий, что, по общему представлению, существует тесная связь между эрудицией и неизвестным; в то же время он послужит примером, показывающим в несколько грубых чертах, какое направление придает образ жизни праздного класса познавательному интересу. Хотя вера в оккультные науки всех видов и оттенков отнюдь не ограничивается средой праздного класса, этот класс поставляет в наши дни несоразмерно много верующих. Теми, чей образ мысли формируется не в контакте с современным производством, знание неизвестного все еще ощущается как окончательное, если не единственное, истинное знание.

Образование, стало быть, зарождается как побочный результат деятельности праздного класса жрецов, а высшее образование, до недавнего времени по крайней мере, оставалось в известном смысле побочным продуктом или побочным занятием духовенства. Когда увеличилась сумма систематизированных знаний, тут же возникло разделение, которое

прослеживается с самого начала истории образования, — между эзотерическим и экзотерическим знанием; первое — насколько между тем и другим имеется существенная разница — включает в себя знания, главным образом бесполезные в экономическом или производственном отношении, а последнее включает в себя преимущественно знания о привычных производственных процессах и тех природных явлениях, которые человек обычно использовал для создания материальных условий жизни. Эта разграничительная линия со временем стала, по крайней мере в общем понимании, обычной границей между высшей и низшей ученостью.

Знаменательно, что ученые слои во всех общностях, имеющих примитивный уровень развития, являются ярыми сторонниками этикета, статуса, соблюдения субординации, рангов и званий, ритуалов, ношения парадных одеяний по случаю ученых церемоний, а также атрибутов учености вообще, что свидетельствует не только о тесном родстве с ремеслом жреца, но и служит указанием на тот факт, что их деятельность относится к той категории демонстративной праздности, которая известна как воспитанность и образованность. Естественно, это лишний раз подтверждает, что высшее образование в стадии его зарождения является занятием праздного класса, точнее, подставного праздного класса, находящегося на службе у «потусторонней аристократии». Однако это пристрастие к атрибутам учености указывает также еще на одну точку соприкосновения или на непрерывную связь, существующую между жреческой функцией и функцией ученого. По происхождению образование, так же как и деятельность духовенства, во многом является результатом развития тайной магии; и поэтому магический аппарат формальностей и ритуалов сохраняется в ученых кругах как нечто само собой разумеющееся. Ритуал с его атрибутами обладает магическим действием, создавая эффект присутствия оккультных сил, так что его наличие в качестве неотъемлемого фактора на ранних этапах развития магии и науки столь же отвечает этому особому назначению, как и является результатом почтительной привязанности просто к символическому.

Это представление о действенности символического ритуала, а также «симпатический» эффект, производимый посредством ловкого обращения с традиционными принадлежностями при совершении какого-либо действия, конечно, более явно и в большей мере присутствует в магической практике, нежели в обучении наукам, даже оккультным. Однако, я боюсь, найдется мало людей с культивированным представлением об академических достоинствах, для кого связанные с наукой ритуальные принадлежности были бы совсем бесполезны. Каждый, кто поразмыслит над историей образования, заметит, с какой цепкостью удерживаются эти ритуальные атрибуты в ходе развития цивилизации. Даже в наши дни встречаются такие вещи, как шапочка и мантия, матрикуляция⁴⁷, обряд посвящения и церемония вручения дипломов, а также присуждение ученых степеней, званий и отличий, производимое таким образом, что наводит на мысль о чем-то вроде передачи апостольской благодати. Несомненно, все эти характерные признаки учености — ритуалы, одежды, сакраментальное посвящение, передача особых званий и достоинств посредством наложения рук и т. п. — непосредственно заимствованы из практики духовенства, однако их происхождение можно проследить и глубже, до источника, из которого они были почерпнуты уже обособленными, собственно жреческими слоями в процессе дальнейшей дифференциации, когда жрец начинает отличаться от колдуна, с одной стороны, и от слуги земного господина — с другой. По их происхождению, а также по психологической сущности эти обычаи и представления, на которых они основываются, относятся по меньшей мере к той стадии развития культуры, когда еще изгоняли злых духов и вызывали дождь. В обрядах благочестия, как и в системе высшего образования, они продолжают сохраняться как пережитки весьма примитивных форм анимизма, характерных для ранних этапов развития человеческой природы.

---

⁴⁷ Матрикуляция — официальная церемония зачисления в университет. — *Прим. перев.*

Можно с уверенностью сказать, что эти ритуальные черты системы образования в настоящее время и в недавнем прошлом имеют место прежде всего в высших учебных заведениях, дающих гуманитарное, или классическое, образование, а не технические, или практические, знания. Эти ритуальные черты в той мере, в какой ими обладают технические, не столь престижные отрасли образовательной системы, были, как видно, заимствованы у первой категории учебных заведений; и было бы, мягко выражаясь, крайне маловероятно, чтобы они продолжали свое существование, не находя постоянной поддержки в примере, подаваемом высшими, классическими ступенями образовательной системы. Усвоение ритуалистической практики преподавателями практических школ — явление подражательное, имеющее место благодаря сильному желанию насколько только возможно следовать нормам академической почтенности, которые устанавливаются высшими социальными рангами и классами; а к тем в свою очередь эти нормы переходят по законному праву фамильного наследования.

Вполне можно сделать еще один шаг в нашем анализе. С наибольшей силой и, казалось бы, самопроизвольно сохранение ритуалистических черт и возвращение к ним обнаруживается среди тех учебных учреждений, которые имеют отношение прежде всего к образованию духовенства и праздного класса. Соответственно должно быть ясно, и это действительно вполне очевидным образом следует из обзора недавних изменений в жизни колледжей и университетов, что всякий раз, когда учебные заведения, основанные для просвещения низших слоев в непосредственно полезных отраслях знаний, перерастают в высшие учебные заведения более престижной категории; вместе с их переходом из области грубой практичности в более высокие, классические сферы происходит развитие ритуального церемониала и его атрибутов, а также усовершенствование академических «функций». Начальной целью этих учебных заведений и той функцией, которую им приходилось выполнять на первом из этих двух последовательных этапов развития, была подготовка молодежи из трудолюбивых слоев к работе. На более высоком, классическом уровне обучения, к которому обыкновенно стремятся все учебные заведения в их развитии, основной целью становится приготовление молодежи из рядов духовенства и праздного класса или же зарождающегося праздного класса к материальному и нематериальному потреблению — принятым в обществе, благопристойным образом и в доставляющем почет объеме. Столь счастливый переход в высшую категорию являлся обыкновенно участием учебных заведений, основанных «друзьями народа» для помощи усердным молодым людям; и в тех учебных заведениях, где этот переход производился по правилам хорошего тона, наблюдалась обычно, если не неизменно, соответствующая перемена к более ритуальному образу жизни.

В наши дни ученый ритуал процветает в тех учебных заведениях, главной целью которых является культивирование «гуманитарных наук». Это соответствие обнаруживается, может быть, особенно четко в ходе развития американских колледжей и университетов, возникших недавно. Встречается много исключений из этого правила, особенно среди тех учебных заведений, которые были основаны церквями, являвшимися типичными представителями почтенности и обрядности, и поэтому сразу начинали с консервативного, классического уровня или достигали классического статуса с наименьшей потерей времени. Но общим правилом в отношении колледжей, основанных в американских штатах, совсем недавно, в девятнадцатом столетии, было такое: пока общность остается бедной и пока в кругах населения, из которых колледжи набирают своих учащихся, господствуют обычаи трудолюбия и бережливости, до той поры воспоминания о чародее, занимающемся магией, находят в образе жизни колледжей лишь скупое и случайное одобрение. Но как только начинается заметное накопление богатства и данное учебное заведение начинает опираться на поддержку праздного класса, происходит заметное введение ритуальных черт в учебный процесс, начинает требоваться ношение старинных форм одежды, а также проведение светских и ученых торжественных церемоний. Так, например, рост богатства среди избирателей, поддерживающих тот или иной конкретный колледж в штатах Среднего

Запада, приблизительно совпадал со временем принятия — сначала сдержанного, а затем ставшего властной модой — вечерней формы одежды: фрака — для мужчин, длинного декольтированного платья — для женщин, — в качестве подходящих одежд по случаю ученых торжественных церемоний или светских увеселений в кругу колледжа. Проследить эту взаимосвязь было бы делом несложным, не считая физической трудоемкости столь обширной задачи. Нечто подобное справедливо в отношении моды на мантию и шапочку.

Мантия и шапочка распространились в качестве ученых знаков отличия за последние несколько лет, и можно с уверенностью сказать, что это едва ли могло случиться намного раньше или до той поры, пока в общности в достаточном объеме не выросло настроение в поддержку сильного движения возврата к архаическому взгляду на то, что правомерно считать целью образования. Эта деталь ученого ритуала, как можно заметить, прельщает праздный класс с его представлением об уместности вещей, вероятно, не только из-за архаичной склонности к зрелищным эффектам и пристрастия к старинной символике: содержа заметный элемент демонстративного расточительства, он в то же время подходит для празднотского образа жизни. То, что возврат к мантии и шапочке имел место именно в данный период, как и тот факт, что он затронул примерно в одно и то же время столь большое число учебных заведений, по-видимому, было в какой-то мере обусловлено приливом атавистических представлений о сообразности и почтенности, отмечавшимся в общности. Быть может, не будет совсем неуместным заметить, что по времени этот любопытный возврат, по-видимому, совпадает с кульминационным моментом определенной моды на атавистические настроения и традиции также и в других областях. Волна подобного возврата, по-видимому, получила начальный импульс в психологически разрушительных последствиях Гражданской войны⁴⁸. Опыт войны влечет за собой массу хищнических привычек мышления, в результате чего чувство солидарности в некоторой мере замещается приверженностью своему клану, а вместо стремления к справедливой будничной полезности у людей возникает чувство завистнического отличия. Как результат совокупного действия этих факторов любое послевоенное поколение, вероятно, будет свидетелем восстановления в правах элемента статуса как вообще в жизни современного ему общества, так и в системе соблюдения этим поколением обрядов благочестия и других символических или обрядовых приличий. На протяжении 80-х, а также, не так явно, 70-х годов отмечалась постепенно нараставшая волна благосклонности к квазихищническим деловым обычаям, к настойчивому утверждению статуса, антропоморфизма и вообще к консервативности. Наиболее прямые и неопосредованные из таких выражений варварского темперамента, как, например, возобновление практики объявления вне закупа и впечатляющие квазихищнические мошеннические карьеры некоторых «капитанов индустрии», кульминировали раньше и к концу 70-х годов были заметно на спаде. Повторный расцвет антропоморфических настроений, видимо, также прошел свой «пик» до начала 80-х годов. Однако ученый ритуал и его атрибуты, о которых здесь говорится, являются еще более отдаленным и неясным выражением анимистических представлений варвара; популярность приходила к ним, следовательно, медленнее, а своего наилучшего развития они достигли в еще более позднее время. Есть основания полагать, что кульминационный момент теперь уже пройден. Если бы не толчок, который дал новый опыт войны, и если бы не поддержка растущим классом богатых всякого ритуала, и в особенности любого расточительного обряда, многозначительно наводящего на мысль об оттенках статуса, то вполне вероятно, что недавние достижения в ритуализации учебных заведений и в системе ученых знаков различия постепенно бы сошли на нет. Однако, хотя, может быть, и правда, что мантия и шапочка и пришедшее с ними более строгое соблюдение академических приличий были привнесены на гребне приливной волны послевоенного варварства, несомненно справедливым является также то, что такой атавистический возврат к ритуалу не мог

---

⁴⁸ 1861–1865 гг. — *Прим. перев.*

осуществиться в системе жизни колледжей до тех пор, пока накопленное богатство в руках собственнического класса не достигло достаточных размеров и не создало необходимых денежных предпосылок для движения, которое должно было привести колледжи страны к уровню праздновательских требований в высшем образовании. Ношение ритуальной мантии и шапочки является одной из разительных атавистических черт современной университетской жизни, знаменуя в то же время тот факт, что колледжи данного университета стали решительным образом праздновательскими учреждениями — либо по фактически достигнутому статусу, либо по их устремлениям.

В качестве еще одного доказательства тесной связи, существующей между системой образования и культурными нормами общности, можно заметить, что недавно наметилась некоторая тенденция ставить во главе высшего учебного заведения «капитана индустрии» вместо священника. Это замещение отнюдь не является полным или однозначным. Наибольшим одобрением пользуются те руководители, которые сочетают в себе выполнение священнической функции с проявлением больших способностей на денежном поприще. Подобная, но менее ярко выраженная тенденция — верить дело высшего образования людям какой-нибудь денежной профессии. Теперь, пожалуй, больше, чем когда-либо, идут в расчет административные способности и искусство рекламирования учебного заведения как качества, дающие право заниматься обучением. Это относится в особенности к обучению тем наукам, которые больше всего связаны с повседневными жизненными явлениями, и это, в частности, справедливо в отношении учебных заведений в экономически единых общностях. Эта частичная замена священнической квалификации на денежную является в настоящее время сопутствующим фактором происходящего перехода от демонстративной праздности к демонстративному потреблению как к главному средству достижения почета. Взаимосвязь этих двух явлений ясна, наверное, без дальнейших уточнений.

Позиция, занимаемая учебными заведениями и учеными слоями по отношению к образованию женщин, говорит о том, в чем и до какой степени образование отошло от прежнего места в обществе, истари связанного с привилегией духовенства и праздного класса, и указывает также, насколько приблизились истинно ученые люди к современной, экономической, или производственной, реалистической точке зрения. До недавнего времени высшее образование, профессия ученого были для женщин недоступны. Высшие учебные заведения предназначались и в значительной мере продолжают предназначаться для образования духовенства и праздного класса.

Женщины, как было показано в другом месте, явились первоначальной подчиненной социальной группой, и до известной степени — в особенности в том, что касается их поминального или традиционного положения, — они оставались в этом подчинении вплоть до настоящего времени. В обществе господствовало мнение, что допустить женщин к привилегиям высшего образования (как к элевсинским таинствам) было бы унижительно для достоинства ученой братии. Поэтому лишь весьма недавно и почти исключительно в наиболее передовых в производственном отношении общностях женщинам были беспрепятственно открыты двери высших учебных заведений. И даже делая этот шаг под давлением господствующих в современных производственных общностях обстоятельств, имеющие наивысший статус и пользующиеся наибольшим престижем университеты обнаруживают при этом крайнее нерасположение к женщинам. Представления о классовой достопочтенности, т. е. о статусе, и о различии полов в достопочтенности, проводимом согласно мужскому чувству собственного превосходства в интеллектуальном отношении, сохраняются в этих корпорациях «ученой аристократии» в сильной форме. Бытует мнение, что женщина должна, согласно приличиям, приобретать только такие знания, которые можно подвести под одну из двух рубрик: 1) те знания, которые непосредственно ведут к лучшему исполнению работы по дому — к домашней сфере; 2) те знания и навыки, квазинаучные и квазихудожественные, которые очевидным образом попадают под рубрику исполнения подставной праздности. Считается, что овладение знаниями является неподобающим делом для женщины, если оно способствует развитию личности и приобретает исходя из ее

собственного познавательного интереса — не побуждается канонами приличия и не соотносится опять же с господином, удобство или добрую славу которого следует усугубить применением знаний или их демонстрацией. Всякое знание, которое полезно как доказательство праздности, но полноправной, а не подставной, также не считается позволительным.

Для понимания роли высших учебных заведений в экономической жизни общности отмеченные явления важны скорее как указания на общую позицию, а не как факты, сами по себе имеющие первостепенное экономическое значение. Эти явления показывают, каковы инстинктивно занимаемая позиция и сознательный враждебный настрой ученых кругов по отношению к жизненному процессу производственной общности. Они служат в качестве экспоненты уровня развития, достигнутого высшим образованием и учеными слоями, давая указание на то, что справедливо ожидать от ученых кругов в вопросах, где их ученость и образ жизни имеют более непосредственное значение для более эффективной экономической жизни общности, а также для приспособления системы общественной жизни к требованиям времени. Сохранившиеся ритуальные явления указывают на господство консервативных, если не реакционных, настроений в тех высших учебных заведениях, где культивируется традиционная ученость.

В дополнение к названным указаниям на консервативную позицию нужно сказать еще об одной характерной черте того же плана, но являющейся более важным симптомом, нежели склонность к тривиальностям формы и обряда, которая может показаться несерьезной. Намного большее число американских колледжей и университетов культивирует какое-либо религиозное вероисповедание и в какой-то мере — соблюдение обрядов благочестия. Предполагаемая хорошая осведомленность профессоров и преподавателей этих учебных заведений в научных методах и знакомство с научной точкой зрения, казалось бы, должны избавлять их от анимистического образа мысли, однако существует все же значительная их часть, которая открыто признает принадлежность к антропоморфической вере и обнаруживает элементы образа мысли, характерные для раннего развития культуры. Заявления о благочестивом рвении, безусловно, в изрядной мере являются формальными и служат средством для достижения определенных целей как со стороны учебных заведений в целом, так и отдельных преподавателей; но можно не сомневаться, что в высших учебных заведениях все же отмечается весьма существенная антропоморфическая позиция. Поскольку это так, постольку элемент антропоморфизма нужно считать выражением архаического, анимистического склада ума. Склад ума преподавателя непременно до какой-то степени перенимается обучающимся, а придание определенного направления образу мысли студента соответственно приводит к консервативности и атавистическому возврату; это препятствует усвоению студентом фактических знаний, которые наилучшим образом служили бы целям производства.

В университетских занятиях спортом, пользующихся столь большой популярностью в престижных учебных заведениях в наши дни, наблюдается аналогичная тенденция; действительно, и спорт, и благочестивая позиция имеют в колледжах много общего как в отношении их психологического основания, так и в отношении их воздействия на обучающегося. Однако данное выражение варварского темперамента нужно приписывать не характеру учебного заведения как такового, а прежде всего массе студентов, если только колледжи или администрация колледжей, как иногда случается, не оказывают активную поддержку и поощрение развитию спорта. Подобное справедливо как в отношении занятий спортом в колледжах, так и в отношении студенческих «братств»⁴⁹, но при некотором

---

⁴⁹ Студенческие «братства» в американских колледжах стали популярны в XVIII в. Основанием объединения студентов в братства часто служила классовая принадлежность и степень состоятельности родителей. Имеют форму землячеств и клубов — литературных, светских, спортивных, реже академических. Осуществляют некоторую практическую кооперацию в учении, часто имеют свои общежития. — Престижем, приверженностью ко всему «классическому», о которой позже скажет автор, объясняется именование студенческих братств буквами греческого алфавита. — *Прим. перев.*

различии.

Занятия спортом в колледжах служат преимущественно просто выражением хищнического побуждения; студенческие «братства» становятся своеобразным проявлением унаследованной приверженности своему клану — качества, занимавшего столь значительное место среди характерных особенностей темперамента варвара-хищника. Можно также заметить, что между «братствами» и занятием спортом существует тесная связь. Поскольку в одной из предыдущих глав уже говорилось о спортивной, азартной привычке, едва ли нужно продолжать обсуждение экономического значения спортивной подготовки или воспитания приверженности к своему клану как подготовки к фракционной деятельности.

Все эти черты образа жизни ученых слоев и учреждений, приверженных сохранению традиционной системы высшего образования, являются в значительной мере случайными. Их едва ли нужно считать органическими элементами той официальной исследовательской и учебной работы, для очевидного занятия которой существуют эти учебные заведения. Вместе с тем эти симптоматические показатели подкрепляют наши предположения о характере выполняемой работы — рассматриваемой с экономической точки зрения, — а также доказывают наличие тех склонностей, которые проводимая при этих симптомах серьезная работа фактически прививает посещающей учебные заведения молодежи. В силу уже изложенных обстоятельств возникает предположение, что высшие учебные заведения в их работе, так же как и в их порядках, занимают консервативную позицию, однако это предположение нужно проверить сравнением экономического характера действительно выполняемой ими работы, а также обзором тех знаний, сохранение которых вверяется высшим учебным заведениям. В этом отношении, как известно, признанные учебные заведения до недавнего времени удерживали консервативные позиции. Они становились на позицию неодобрения в отношении всех нововведений. Как общее правило, новая точка зрения или новая формулировка знаний получала поддержку и бралась на вооружение в учебных заведениях только после того, как это новое прокладывало себе дорогу за их пределами. В качестве исключений из этого правила нужно упомянуть малозаметные нововведения и отступления от традиций, которые никак ощутимым образом не влияют ни на установившиеся взгляды, ни на существующую систему общественной жизни; такие, как, например, элементы фактических знаний в физико-математических науках, а также новые прочтения и истолкования классиков, в особенности такие, которые имеют отношение лишь к филологии или литературе. Кроме как в сфере «гуманитарных наук», в узком смысле, да и то лишь в той мере, в какой традиционная точка зрения гуманитарных наук оставлялась новаторами в целостности, неизменно отмечался тот факт, что ученые круги высших учебных заведений на все нововведения смотрели косо. Новые взгляды и направления в научной теории, в особенности те, которые в каком-либо вопросе затрагивают теорию общественных отношений, находили свое место в системе университетского образования с запозданием, встречая не сердечный прием, а вынужденную терпимость; а люди, пытавшиеся расширить таким образом сферу человеческих познаний, их современниками учеными обычно принимались плохо. Пока нововведения не начинали устаревать, почти потеряв свою полезность, до той поры высшие учебные заведения обычно не оказывали поддержки никакому серьезному продвижению вперед в методах познания или в самом предмете знания. Потом они становились уже банальными фактами из интеллектуального багажа нового поколения, которое выросло в условиях внеакадемического корпуса знаний в условиях формирования образа мысли этими новыми знаниями и новой точкой зрения. Все сказанное справедливо в отношении недавнего прошлого. Насколько оно может быть справедливым в отношении непосредственно настоящего времени, говорить было бы неосмотрительно, потому что невозможно увидеть сегодняшние явления в такой перспективе, которая давала бы правильное представление об относительных размерах этих явлений.

Пока ничего не было сказано о меценатстве как функции зажиточных слоев, функции, на которой, по обыкновению, довольно подробно останавливаются авторы и ораторы, рассматривающие развитие культуры и системы общества. Эта праздносветская функция имеет немаловажное значение для высшего образования и распространения знаний и культуры. То, как и в какой степени праздный класс способствует образованию посредством частной финансовой поддержки подобного рода, достаточно известно. Это нередко изображалось в страстных и эффектных выражениях ораторами, близкое знакомство которых с темой позволяло им довести до сознания слушателей огромное значение данного фактора развития культуры. Однако ораторы представляли вопрос с точки зрения интересов культуры или почтенности, а не с точки зрения экономических интересов. Функция, осуществляемая состоятельными людьми, заслуживает некоторого внимания с экономической точки зрения, и оценка ее полезности в производственном отношении будет служить примером такого рассмотрения.

В плане характеристики меценатства нужно отметить, что, если, рассматривать его со стороны, просто как экономическое или производственное отношение, оно выступает как отношение статуса. Лицо, получающее частную финансовую поддержку, следует ученому образу жизни, а известная слава достается его попечителю подобно тому, как добрая репутация приписывается господину, за которого в той или иной форме представляется подставная праздность. Нужно также заметить, что исторически содействие учению или поддержанию ученой деятельности посредством меценатства способствовало обычно приобретению знаний в области гуманитарных наук. Эти знания имеют тенденцию скорее понижать, чем повышать производственную эффективность общества.

Далее, нужно сказать о прямом участии членов праздного класса в содействии знанию. Канонами почтенного существования формируются такие духовные интересы, которые в праздном классе ищут выражение в области классической, формальной эрудиции, а не в области естественных наук, имеющих какое-нибудь отношение к производственной жизни общности. Наиболее частые экскурсии в области, отличные от классической, совершаются членами праздного класса в предмет юриспруденции, а также политических наук, особенно же управленческих. Эти, с позволения сказать, науки являются по существу сводами целесообразных принципов, служащих для руководства праздному классу при отправлении им функции управления. Интерес, с которым подходят к данной дисциплине, следовательно, не бывает обычно просто духовным или познавательным интересом. Он является в широком плане практическим интересом, диктуемым потребностями того отношения господства, в котором находятся члены праздного класса. По происхождению функция управления — хищническая, всецело присущая архаичному образу жизни праздного класса. Она заключается в осуществлении принуждения, власти над населением, у которого праздный класс черпает средства к существованию. Этот учебный предмет, как и практические моменты, наполняющие его содержанием, имеют, следовательно, известную привлекательность для праздного класса, независимо от всех вопросов, связанных с познанием. Справедливость этого утверждения сохраняется везде, где и пока функция управления продолжает быть собственнической функцией; справедливость этого тезиса распространяется и далее в той мере, в какой традиция архаической фазы государственной эволюции сохраняется в последующей жизни тех современных общностей, где праздный класс начинает отходить от собственнического управления государством.

Что касается той области образования, где преобладает познавательный или духовный интерес — в настоящих науках, которые по праву называются науками, — дело обстоит несколько иначе, не только в отношении занимаемой праздным классом позиции, но и в отношении тенденции развития денежной культуры в целом. К знанию ради него самого, к проявлению способности понимания без стоящих за этим целей должны, казалось бы, стремиться люди, которых от предмета их устремлений не отвлекают никакие безотлагательные материальные интересы. Привилегированное положение праздного класса по отношению к производству должно было бы дать полный простор проявлению

познавательного интереса у представителей этого класса, а вследствие этого у нас было бы очень много образованных людей, исследователей, крупных ученых — выходцев из этого класса, — которые, как самоуверенно полагают многие авторы, у нас уже есть, и эти люди могли бы извлекать стимулы для их научных изысканий и теорий из школы праздной жизни. Некоторые результаты такого рода нужно ожидать, однако мы достаточно подробно рассмотрели черты образа жизни праздного, класса, отвлекающие его духовные интересы на предметы, не связанные с познанием причинно-следственных связей, которое и составляет сущность науки. Образ мысли, характеризующий жизнь праздного класса, постоянно вращается вокруг личного господства и завистнического представления о чести, достоинстве, заслугах, статусе и обо всем, что с ним связано.

Причинно-следственные связи, составляющие предмет исследования всякой науки, ускользают из поля зрения при таком подходе. К тому же познание явлений, являющихся грубо полезными, не приносит доброй славы. Отсюда вполне понятно, что интересы праздного класса должны были устремляться на завистническое сравнение по денежным или иным заслугам в ущерб знаниям. Там, где познавательный интерес заявлял о себе, его следовало, по обыкновению, направить на почетные и бесполезные области размышлений или исследований, а не на поиски научного знания. Такой на самом деле была история духовного и праздносветского образования, пока в академические предметы не вмешались систематизированные знания в большом объеме, имевшие внеакадемический источник. Но поскольку отношение господства и подчинения перестает быть доминирующим и формирующим фактором в процессе жизни общности, ученых заставляют обращать на себя внимание другие черты жизненного процесса и другие точки зрения.

Праздный господин, получивший хорошее воспитание, должен видеть мир и видит его с точки зрения личных отношений; и познавательный интерес, насколько он заявляет в нем о себе, должен стремиться систематизировать явления на этом основании. Так действительно и обстоит дело с господином старой школы, в ком праздносветские идеалы не претерпели никакого разрушения; и такова позиция его современного потомка в той мере, в какой он стал наследником полного набора светских достоинств. Но пути наследования извилисты, и сын не всякого господина рожден, чтобы жить в замке. Передача образа мысли, характерного для хозяина-хищника, является при этом несколько ненадежной, особенно в случае родословной, в которой через школу праздного класса прошло лишь одно-два последних поколения. Большие врожденные задатки или приобретенная склонность к развитию познавательных способностей будут, по-видимому, с большей вероятностью обнаруживаться у тех представителей праздного класса, которые имеют предшественников из низших или средних слоев, т. е. тех, кто унаследовал набор способностей, свойственных трудолюбивым слоям, и обязан своим местом в праздном классе обладанию этими качествами, которые больше идут в расчет сегодня, чем во времена, когда складывалась система жизни праздного класса. Но даже помимо такого сравнительно недавнего пополнения, в праздном классе есть значительное число индивидов, у которых завистнический интерес не является достаточно преобладающим и перестает оказывать решительное влияние на их теоретические воззрения, а склонность к теоретической деятельности достаточно сильна и приводит к научным поискам.

Высшее образование обязано вторжением науки в его сферу отчасти этим нетипичным отпрыскам праздного класса, которые попали под господствующее влияние современного обычая безличного отношения и унаследовали набор человеческих способностей, отличающийся по ряду ярких признаков от темперамента, которым характеризуется режим, основанный на статусе. Однако отчасти, и в большей степени, наука обязана расширением объема научных знаний также и представителям трудолюбивых слоев, которым хватило достатка, чтобы обратить свое внимание на интересы, отличные от ежедневных поисков средств к существованию, и унаследованные способности которых отходят от режима статуса в том смысле, что над их интеллектуальными процессами не господствует завистническая и антропоморфическая точка зрения. В основном две названные категории

лиц и составляют действенную силу научного прогресса, но наибольший вклад в него внесла именно последняя. И видимо, справедливо в отношении их обеих, что они представляют собой не столько источник, сколько средство выражения и распространения научной мысли или в лучшем случае некий преобразователь знаний, в котором образ мысли, выработанный в общности — через контакты, обусловленные потребностями современной жизни в сообществе и нуждами технических отраслей промышленного производства, — с пользой обобщается в теоретическом знании.

Наука в смысле четкого распознавания причинно-следственной связи в явлениях, физических и социальных, служит характерной чертой западной культуры только с той поры, когда производственный процесс в этих странах стал, в сущности, связан с техническими приспособлениями, в котором функцией человека является различение и оценка материальных сил. Наука расцвела в той же степени, в какой производственная жизнь следовала этой модели и в какой в обществе преобладали производственные интересы. И наука, и научная теория, в частности, достигали успехов в отдельных областях человеческой жизни и знания по мере того, как каждая из этих отдельных областей постепенно вступала в более тесную связь с процессом производства и экономическими интересами, или, что будет вернее, по мере того, как каждая из них постепенно освобождалась от господства представлений о личном отношении статуса и от производных от него канонов антропоморфической уместности и достопочтенности.

Лишь когда потребности современной производственной жизни принудили к распознаванию причинно-следственной связи при практическом столкновении человека с природным окружением, только тогда люди стали упорядочивать явления окружающей среды и факты их собственного взаимодействия с ней с точки зрения причинно-следственной связи. В то время как высшая ученость в начале своего расцвета, являясь венцом схоластики и классицизма, была побочным продуктом деятельности духовенства и праздного образа жизни, современная наука является, можно сказать, побочным продуктом производственного процесса. Большинство исследователей, крупных ученых, естествоиспытателей, мыслителей прodelывали наиболее значимую часть своей работы за стенами учебных заведений; через них образ мысли, который диктовался современной производственной жизнью, находил свое связанное выражение и развитие в качестве основного содержания теоретической науки — познания причинно-следственной связи явлений. И время от времени изменения в методах и целях познания переносились из этой внеакадемической области научных размышлений в академические дисциплины.

В этой связи нужно заметить, что существует весьма ощутимое различие между содержанием и целями обучения в начальных и средних школах, с одной стороны, и в высших учебных заведениях — с другой. Может быть, и имеют какое-то значение различия в непосредственной утилитарности сообщаемых сведений и в приобретаемом опыте, и, может быть, эти различия заслуживают того внимания, которое им время от времени уделяется, однако более существенно разнятся те умственные и духовные склонности, развитию которых содействует одна школа и другая. Это расхождение тенденций в высшем и низшем образовании особенно заметно в начальной школе в его самом недавнем прошлом в передовых производственных общностях. Здесь обучение направлено главным образом на приобретение опыта или навыков, интеллектуальных и физических, на понимание и использование явлений в их причинно-обусловленной связи. Правда, в прежние времена, когда среднее образование было также преимущественно праздновесетским занятием, в качестве стимула к прилежанию в большинстве школ все еще обращались к соревнованию, но в общностях, где начальное и среднее образование не находится под властью церковных или военных традиций, к такой форме соперничества как к средству достижения цели на начальных уровнях обучения прибегать стали реже. Все это остается в высшей степени справедливым, в частности, в духовном аспекте, в отношении тех звеньев системы образования, которые были непосредственно затронуты методами и идеалами дошкольного обучения.

Специфическое независтническое направление дошкольного обучения и такой же характер влияния этого обучения на начальное образование уже за пределами собственно дошкольного учреждения следует рассматривать в связи с той своеобразной духовной позицией, которую в условиях современной экономической ситуации, как уже говорилось, занимают женщины праздного класса. В наилучшем состоянии, т. е. в наименьшей связи со старинными, патриархальными педагогическими идеалами, дошкольное обучение находится в передовых производственных общностях, где есть значительная масса умных и неработающих женщин и где система статуса под разрушающим влиянием со стороны производственной жизни и при отсутствии последовательной системы военных и церковных традиций несколько умерила свою строгость. Именно от этих женщин, находящихся в благоприятных условиях, дошкольное обучение получает свою моральную поддержку. Цели и методы дошкольного обучения соответствуют интересам той социальной группы женщин, которые испытывают неловкость, живя согласно кодексу денежной репутации. Детские сады и все, на что влияет дух дошкольного воспитания в современном образовании, нужно, следовательно, вместе с движением за эмансипацию женщин относить на счет того отвращения к бесполезности и завистническому сравнению, которое вызывает образ жизни праздного класса у женщин, вынужденных строго придерживаться его правилам в современных условиях. Таким образом, становится ясно, что здесь косвенно институт праздного класса опять же благоприятствует распространению независтнической позиции, что может в далекой перспективе оказаться угрожающим для устойчивости самого института и даже для института частной собственности, на котором он основывается.

В недавнем прошлом в обучении в колледжах и университетах произошли некоторые существенные изменения. Эти изменения в основном заключались в частичном вытеснении гуманитарных наук — тех отраслей знания, которые способствуют поддержанию традиционной «культуры», статуса, традиционных вкусов и идеалов, — теми более близкими к реальной действительности отраслями, которые делают человека полезным для производства и общества. Другими словами, те отрасли знания, которые ведут к эффективности, а в конечном счете — к росту производительности, постепенно отвоевывали почву у тех отраслей, которые ведут к повышенному потреблению и снижению производственной эффективности, а также к типу характера, соответствующему системе, основанной на статусе. В таком преобразовании системы обучения высшие учебные заведения придерживались явно консервативной позиции; каждый шаг вперед, который они делали, носил до некоторой степени характер уступки. В академические дисциплины наука проникала извне, чтобы не сказать снизу. Можно обратить внимание на тот факт, что гуманитарные науки, которые с такой неохотой уступали место естественным наукам, вполне приспособлены для формирования характера студента в соответствии с традиционной эгоцентричной системой потребления, системой созерцания и наслаждения истиной, красотой и добром, согласно общепринятому образцу приличия и совершенства, яркой чертой которой является праздность — *otium cum dignitate* (досуг с достоинством, достойный досуг). Те, кто выступал в защиту классического образования, в выражениях, завуалированных в результате усвоения ими самими этой архаичной, благоприятной точки зрения, настаивали на идеале, выражающемся в принципе *fruges consumere nati* (рождены, чтобы кормиться плодами земными. Гораций. «Послание». — Прим. перев.). Когда дело касается учебных заведений, которые формируются праздносветской культурой и на ней основываются, такая позиция не должна вызывать удивления.

Официальные мотивы, на основании которых праздный класс стремится поддерживать в целостности традиционную систему культуры, являются также характерными особенностями архаического темперамента и праздносветского представления о жизни. «Более высокими», «более благородными», «более достойными» считаются, например, наслаждение и склонности, которые извлекаются из привычного созерцания жизни, идеалов, мыслей, а также способов потребления времени и материальных благ, бывших в моде среди праздного класса классической античности, нежели результаты подобного знакомства с

повседневной жизнью, знаниями и устремлениями простого люда в современном обществе. Образование, содержанием которого является явное знание современных людей и современной действительности, является при данном сравнении «низшим», «неблагородным», «позорным», даже «ниже человеческого уровня» — такое определение можно слышать в применении к фактическому знанию о человеческом роде и повседневной жизни.

Утверждения представителей праздного класса, выступающих в защиту классического образования, представляются по существу разумными. В том, что касается сущности явлений, удовлетворение и культура, духовная позиция или склад ума, к которым приводит привычное созерцание антропоморфизма, приверженности своему клану и праздного самодовольства благородного господина, жившего в какое-нибудь далекое время, или же близкое знакомство с анимистическими предрассудками и буйной свирепостью героев Гомера, например, является в эстетическом отношении более закономерным, чем соответствующие результаты, извлекаемые из фактического знания вещей при рассмотрении жизни современного человека, его эффективности как гражданина или работника. Не вызывает почти никаких сомнений тот факт, что первые из названных свойств имеют то преимущество, что они ценнее в эстетическом отношении или в плане почетности, а следовательно, в отношении «ценности», которая делается основанием для вынесения решения при сравнении. Сущность канонов вкуса, а точнее, канонов почета по природе вещей проистекает из образа жизни и условий жизни человеческой расы в прошлом, передаваясь последующему поколению наследованием или традицией; и тот факт, что определенный склад ума и точка зрения сформировались в человеческой расе в прошлом длительным господством праздносветского образа жизни, является достаточным основанием для эстетически узаконенного господства такого образа жизни во многом, что касается вопросов вкуса в настоящее время. Для цели данного изложения каноны вкуса — это родовые обычаи, приобретенные в процессе более или менее долгого усвоения привычки одобрять или не одобрять те или иные вещи, по поводу которых конкретные суждения выносятся канонами вкуса. При прочих равных условиях, чем продолжительнее и непрерывнее усвоение привычки, тем более узаконенным является канон вкуса. Все это представляется более справедливым в отношении суждений, касающихся достоинства и чести, чем в отношении вообще диктуемых вкусом суждений.

Как бы ни было узаконено в эстетическом отношении пренебрежительное суждение по поводу более современного образования в защиту классического образования и как бы ни было ценно мнение, что классическое знание более подобает человеку и приводит к росту культуры общества и формированию характера, наиболее подобающего человеку, оно не имеет отношения к рассматриваемому вопросу. Вопрос заключается в том, насколько эти взгляды и их выражение в тех или иных отраслях знаний в системе образования помогают или мешают коллективной жизни при современных производственных условиях, насколько они способствуют более легкому приспособлению к нынешней экономической ситуации. Вопрос этот является экономическим, а не эстетическим; и праздносветские нормы образования, находящие выражение в примирительной позиции, занимаемой высшими учебными заведениями по отношению к фактическому знанию, нужно в свете целей настоящего изложения расценивать исключительно с этой точки зрения. Поэтому такие эпитеты, как «благородный», «неблагородный», «высший», «низший» и т. д., имеют значение только для определения отношения и точки зрения дискутирующих лиц, указывают, достоинства каких знаний отстаиваются — новых или старых. Все эти эпитеты являются словами, выражающими почтение или унижение; иначе говоря, они употребляются при завистническом сравнении и в конечном счете подпадают под категорию почетного или позорного, т. е. они относятся к кругу понятий, характерных для системы жизни общества, где царит статус, они являются по существу выражением азартного состязательства — хищническо-анимистического склада ума; они указывают на архаическую точку зрения и представление о жизни, которые, может быть, подходят для хищнической стадии развития

общества и для хищнической стадии экономического устройства, где они брали свое начало, но которые с точки зрения экономической эффективности в более широком смысле предстают бесполезными анахронизмами.

Классическая филология, а также ее привилегированное положение в системе образования, за которое с таким безрассудным пристрастием держатся высшие учебные заведения, содействуют формированию известной духовной позиции и снижению экономической эффективности современного поколения образованных людей. Она делает это, не только выдвигая архаичный идеал человека, но также прививая дискриминацию в отношении почетного или позорного в знаниях. Этот результат достигается двояко: 1) внушением привычного отвращения к тому, что является просто полезным, в противоположность тому, что почетно, и формированием вкусов новичка таким образом, что он начинает искренне находить удовлетворение исключительно в таких упражнениях ума, которые обычно не приносят никакой производственной или социальной выгоды; и 2) использованием времени и сил обучающегося для приобретения знаний, которые не имеют никакой пользы, разве что в той мере, в какой эти знания, начав по традиции включаться в сумму обязательных для учащегося, повлияли таким образом на манеру выражения и терминологию, которыми пользуются в практически полезных отраслях знания. Если бы не это терминологическое затруднение — которое само является следствием моды на классическую филологию в прошлом, — знание древних языков, например, не имело бы никакого практического значения ни для какого исследователя или ученого, не занимающегося делом, носящим главным образом лингвистический характер. Разумеется, во всем этом нет ничего, что бы говорило о культурном значении классической филологии, и нет никакого намерения с пренебрежением отнестись к ней или к тому направлению, которое дает студенту ее изучение. Это направление представляется экономически бесполезным — факт, достаточно хорошо известный, надо признать, и он не должен беспокоить того, у кого есть приличное состояние, чтобы обрести утешение и силу в знаниях в области классической филологии. Тот факт, что классическое образование снижает способности учащегося как работника, не встречает особого понимания со стороны тех, кто невысокого мнения о практическом мастерстве по сравнению с культивированием благопристойных идеалов:

*Уже вера, и мир, и почет
(и старинное понятие чести, и
пренебреженная доблесть вернутся)
дерзают.*

Благодаря тому обстоятельству, что в нашей системе образования эти знания стали частью элементарных требований, способность изъясняться на известных мертвых языках южной Европы и понимать речи древних не только является лестным для лица, находящего случай продемонстрировать свою образованность в этом плане, наличие таких знаний служит в то же время рекомендацией всякого ученого мужа для его аудитории как неподготовленной, так и ученой. По общему мнению предполагается, что на приобретение этих по существу бесполезных сведений нужно будет потратить сколько-то лет, и отсутствие этих сведений создает заведомое предположение как о спешном и поверхностном учении, так и о грубой практичности, которая столь же противна общепринятым нормам серьезной учености и интеллектуального престижа.

Это явление похоже на то, что происходит при покупке любого предмета потребления покупателем, не являющимся искушенным ценителем материалов или мастерства обработки. Он производит оценку стоимости предмета главным образом на основании дороговизны, видной в отделке тех декоративных частей и деталей, которые не имеют прямого отношения к внутренней полезности предмета; при этом предполагается, что существует какая-то не поддающаяся определению прямая зависимость между внутренней ценностью предмета и стоимостью украшений, добавленных для того, чтобы этот предмет продать. Предположение, что обычно не может быть серьезной учености там, где отсутствует знание

классической филологии и гуманитарных наук, приводит к демонстративному расточению студентами времени и сил, затрачиваемых на приобретение таких знаний. Традиционное настаивание на толике демонстративного расточительства как требование, предъявляемое всякому престижному образованию, оказало влияние на наши каноны вкуса и полезности в вопросах эрудиции, подобно тому как тот же самый принцип повлиял на наше суждение о полезности производимых товаров.

Правда, демонстративное потребление в качестве средства достижения почта все больше и больше вытесняло демонстративную праздность, и освоение мертвых языков уже больше не является таким властным требованием, каким оно было когда-то, а вместе с этим ослабла его талисманная сила как ручательства учености. Это так, но справедливо также и другое: классические языки не потеряли своей ценности в качестве ручательства в академической почтенности, поскольку для достижения этой цели необходимо лишь, чтобы ученый был в состоянии представить в доказательство какие-то знания, которые традиционно признаются свидетельством расточения времени, а классические языки очень подходят для этого. В самом деле, почти не возникает сомнения, что именно их полезность в качестве доказательства растроченных сил и времени, а следовательно, денежной силы, необходимой для того, чтобы позволить себе эту расточительность, обеспечила классической филологии ее привилегированное положение в системе высшего образования и привела к тому, что она является самым почитаемым из всех видов учености. Лучше любой другой суммы знаний она служит декоративным целям праздносветского образования и является, следовательно, действенным средством приобретения почта.

В этом отношении до недавнего времени у классической филологии не было соперников. На Европейском континенте опасного соперника у нее нет и сейчас, но в образовании праздного класса в американских и английских учебных заведениях соперником классической филологии в борьбе за первенство стала университетская атлетика — если атлетику можно безоговорочно относить к сфере образования, — завоевав себе признанное положение как полномочная область достижений в учении. В свете тех праздносветских целей, которые стоят перед образованием, атлетика обладает очевидным преимуществом перед классической филологией, так как успех студента как спортсмена предполагает не только расточение времени, но и расточение денег, а также обладание определенными в высшей степени непроизводственными архаическими чертами характера и темперамента. В немецких университетах атлетику и «греческие братства» в качестве академических занятий праздного класса в какой-то мере заменили искусное и различающееся по степеням пьянство и формальное дуэлянтство.

Введение классической филологии в систему высшего образования едва ли могло быть связано с праздным классом и его примерами добродетели — архаизмом и расточительством, но цепкое удерживание высшими учебными заведениями классического образования и та высшая степень почетности, которая все еще ему приписывается, несомненно, объясняются тем, что оно полностью соотнобразуется с требованиями архаизма и расточительности.

Слово «классический» всегда содержит такой элемент смысла, как «расточительный» и «архаичный», употребляется ли оно для обозначения мертвых языков, устаревших или устаревающих форм мышления и способов выражения в живом языке или же для обозначения различных статей ученой деятельности или ее атрибутов, в применении к которым оно менее уместно. Так, например, как о классическом английском языке говорят об архаичном диалекте английского языка. Его употребление обязательно во всякой устной или письменной речи при обсуждении серьезных тем, а свободное пользование им придает достоинства даже самым банальным, тривиальным и нудным разговорам. Наиболее современные формы выражения мысли, конечно, не употребляются в письменной речи; представление о праздносветских приличиях, требующих архаичности языка, присутствует даже у наименее образованных или гонящихся за сенсацией авторов — достаточно сильное, чтобы не допустить в этом прегрешения. С другой стороны, высочайший и наиболее

традиционалистский стиль архаичного способа выражения — что очень характерно — используется должным образом только при общении между антропоморфическим божеством и его подданными. Посередине между этими крайностями лежит повседневный язык праздновесетской разговорной речи и литературы.

Изысканная манера выражения на письме и в устной речи является эффективным способом приобретения почтенности. Важно с известной точностью знать, какая степень архаичности требуется традицией при обсуждений любой заданной темы. Языковое употребление разнится, начиная с церковной кафедры и кончая рынком; последний, как можно ожидать, допускает употребление сравнительно новых и метких слов и оборотов речи даже лицами с утонченным вкусом. Отчетливое избегание неологизмов является почетным, оно говорит в пользу того факта, что на приобретение устаревшей манеры речи было потрачено время, и, более того, показывает, что говорящий с раннего детства привычным образом был связан с лицами, хорошо знакомыми с устаревшим языком. Оно, таким образом, обнаруживает его праздновесетское происхождение. Подчеркнутая «чистота» языка считается доказательством того, что несколько последовательных жизней прошли вдали от грубо полезных занятий, хотя такое доказательство не вполне убедительно.

Удачным примером бесполезного следования классическим образцам, который вполне можно найти не на Дальнем Востоке, является традиционная орфография в английском языке. Нарушение правил написания вызывает крайнее раздражение, и любой автор будет дискредитирован в глазах всех лиц, обладающих развитым чувством истинного и прекрасного. Английская орфография удовлетворяет всем требованиям канонической почтенности, действующих в условиях закона демонстративного расточительства. Она архаична, неудобна и неэффективна; овладение ею требует много времени и сил; несостоятельность в овладении ею легко обнаруживается. Поэтому она является первейшим и простейшим критерием должной образованности, а подчинение ее ритуальным правилам является необходимым для безупречной ученой жизни.

В вопросах, касающихся чистоты языка, как и в других моментах, традиционная практика покоится на канонах архаичности и расточительства, и люди, выступающие в защиту традиций в языковом употреблении, инстинктивно принимают позу защитников. По существу, все согласны с тем, что педантичное употребление старинных и общепризнанных выражений будет служить для передачи мысли правильнее и точнее, чем простое употребление разговорного английского языка в его современном виде, тогда как хорошо известно, что новые понятия эффективно выражаются на современном жаргоне. «Классический» английский язык обладает почетным свойством придавать достоинство. Он пользуется вниманием и внушает уважение, являясь общепризнанным способом общения в условиях праздновесетской системы общественной жизни, потому что он совершенно очевидно наводит на мысль об освобожденности говорящего от производства. Преимущество общепризнанных выражений заключается в их престижности; престижны они потому, что являются громоздкими и несовременными, а поэтому доказывают излишнюю трату времени, освобождение от употребления и от необходимости употребления ясного и убедительного языка.